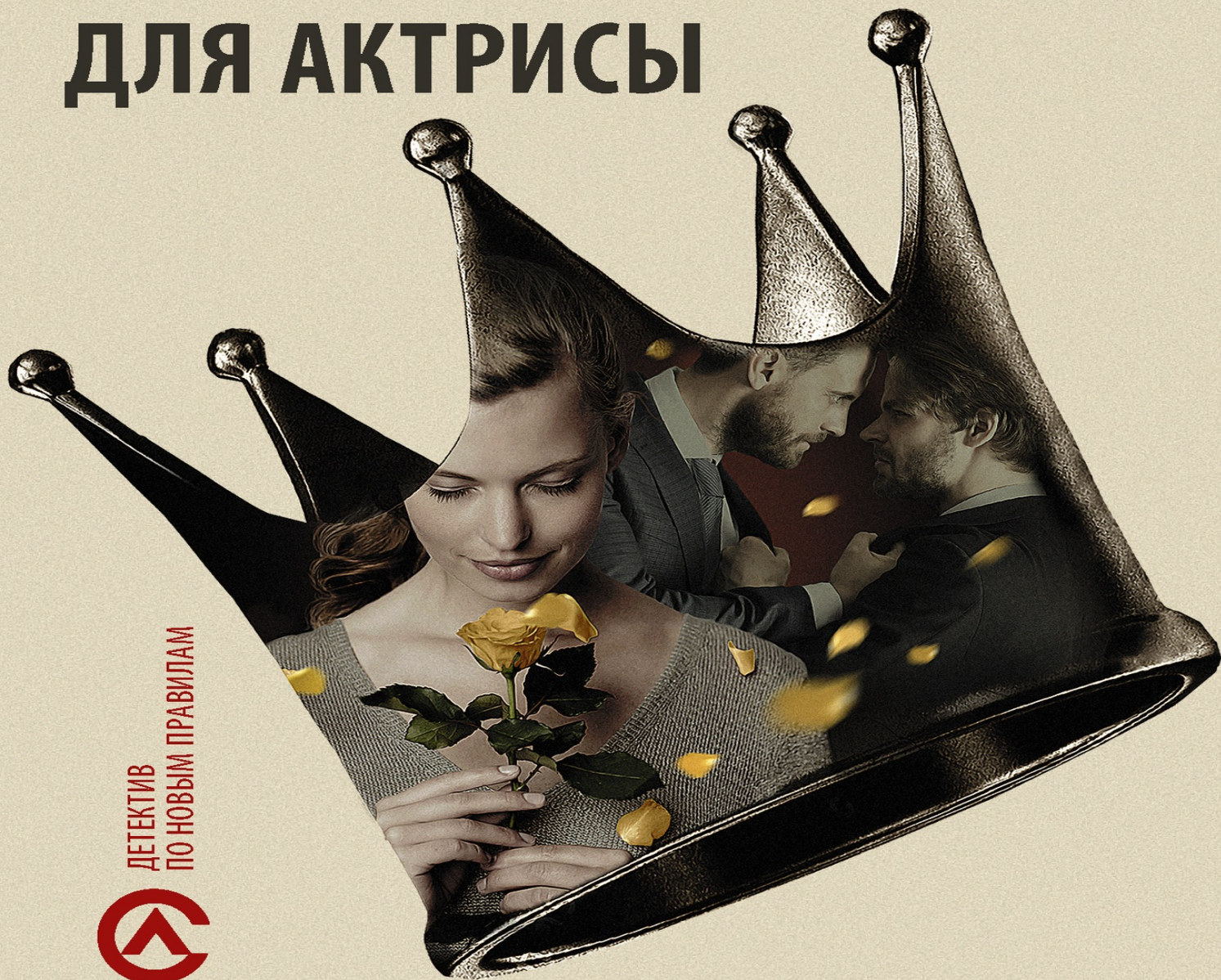

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ЖЕЛТЫЕ РОЗЫ ДЛЯ АКТРИСЫ

ДЕТЕКТИВ
ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

Annotation

Саша – актриса небольшого провинциального театра. Многие коллеги завидуют ее успехам на сцене, но для Саши это мелочи – она любит свою работу и в целом очень довольна жизнью.

Однажды у Саши появляется тайный поклонник, который регулярно присылает ей в подарок желтые розы. Не сразу замечает Саша, что цветы в букетах перевязаны траурной лентой, не сразу понимает, что это нехороший знак... И то, что казалось лишь странностями ее воздыхателя, превращается в страшный сон наяву.

Ей страшно находиться в театре, играть на сцене, ходить по улицам – отовсюду может прийти смерть. Саша пытается выяснить, кто присылает букеты, но тщетно. А что, если тот, кто желает ей зла, – человек из недалекого прошлого? Саша вспоминает о непростой ситуации, в которой когда-то находилась, и понимает, что отголоски тех событий могут привести ее прямо в руки убийце.

-
- [Лариса Соболева](#)

- -
-

Лариса Соболева

Желтые розы для актрисы

© Л. Соболева

© ООО «Издательство «АСТ», 2018

* * *

1

Она угодила прямо на декоративный кустарник, изрядно его помяв. Лежала ничком, свесив руки и голову вниз, а коленями опираясь на заасфальтированную дорожку вдоль дома. Со стороны выглядело так, будто даме стало плохо, может быть, ее мутило, поэтому она стала на колени и вдруг упала грудью на куст. Возможно, пьяна... Только дама не подавала признаков жизни. Никаких. Но это еще ничего не значит...

– Она без сознания? – с робкой надеждой спросила Саша.

Он подошел к несчастной, протянул руку к шее, чтобы узнать по пульсу – есть ли жизнь в этом теле, но тут же отдернул ее, не дотронувшись:

– Ограда самодельная, грубо собранная... Она упала точно на прутья... Посмотри, они проткнули ее насквозь... Нет, лучше не смотри. Да и вообще, с такой высоты... шанса у нее не было ни одного и без прутьев.

Теперь и Саша заметила два черных пятна на спине, это, конечно, кровавые пятна. Она запрокинула голову и посмотрела на стену многоэтажки, уходящую далеко вверх, в темноту, невольно ахнула:

– Как ты увидел ее оттуда? Высоко и темно...

– Желтый халат... и фонарь... Она буквально светилась внизу...

– Боярова, на сцену! Боярова! Прогон начался, а тебя нет!

Задумавшаяся Саша вздрогнула, услышав по трансляции глухой голос помощника режиссера, или помощницы – кому как нравится. Люся не просто командует, когда следует дать занавес и свет, когда выходить артистам, она по совместительству жена одного из ведущих актеров и центральная бульварная газета – все знает обо всех, даже то, чего никогда

не было.

Времени до выхода минут пять, это как минимум, но Люся вечно паникует. Чтобы не злить ее, Саша суетливо подскочила со стула, потом все же задержалась и бросила последний взгляд в зеркало. Грим, конечно, преображает, особенно сценический, но лицо в зеркале и умытое – лучше редко найдешь (так многие уверяют), а в гриме... Саша осталась довольна, да, довольна! А что в этом особенного? Разве есть женщины, которые не нравятся себе? Наверняка нет таких, просто вслух они говорят обратное.

Правда, если по отдельности рассматривать черты – ничего выдающегося, кроме глаз, это яркое пятно на лице, они у нее необычные, очень светлые, при этом цвет васильковый, но прозрачный и чистый. А разрез, величина – обычные. Трудновато описать. Что там еще по отдельности? Рот. Он большой, и, наверное, поэтому выделяются губы, а нос... прямой, немного великоват, немного широковат – нос совсем непривлекательный, жаль. Лоб высокий, но подбородок короткий, из-за рта, надо полагать. Волосы густые, прямые, цвета горького шоколада. Нет, серьезно: по отдельности описать – получается уродина, а смотришь на все вместе – краса ненаглядная!

Однажды вышел курьез: Саша звонила в один из театров по поводу устройства на работу, попала на очередного режиссера (в театрах есть главный режиссер и парочка очередных), он попросил ее описать свою внешность для начала. И Саша, глядя в зеркало, с упоением рассказала, но...

– Острохарактерных актрис у нас полно, – услышала в трубке. – Нам нужна красивая и молодая, ампула – героиня. До свидания.

– Вы неправильно меня поняли, я могу прислать фот...

Фотографии! – не успела произнести, он отключился от связи. Саша извлекла ценный урок: надо сразу говорить, мол, сейчас вышлю портфолио с несравненными фотографиями, вы сами увидите мой прекрасный облик и упадете от восторга. Вот так надо делать себе рекламу.

– Ой! – вспомнила она, что скоро ее выход, подхватив тяжелые юбки королевского наряда, ринулась бегом из гримерки на сцену.

Пять-шесть минут сейчас необходимы, чтобы послушать тональность спектакля, войти в него органично, не повредив атмосферы, и балдеть, играя... Нет! Проживая чужую жизнь, как свою собственную.

Вот она – сцена, присущий только ей запах и тайна, когда все, что здесь происходит, воспринимается магией. Саша присела на краешек бутафорского кресла у самой кулисы и ждала реплики, вслушиваясь в мелодику голосов. Генеральный прогон (первый, между прочим) все равно

что спектакль, однако разница есть: отсутствует зритель и волнение. Но это все впереди, через два дня, а сейчас... пора!

Саша поднялась с кресла, готовясь к выходу... Только сначала нужно взобраться по хлипкой лестнице на такое же хлипкое сооружение, чтобы эффектно спуститься на сцену, словно с небес. Саша выпрямила спину, вытянула и без того длинную шею, приподняла подбородок... Затылок уперся в стоячий кружевной воротник невероятных размеров. Жутко неудобная деталь: жесткая проволока, на которой держится накрахмаленная до бетонной жесткости конструкция, врезается в плечи и шею. Голову свободно не повернешь, а если повернешь – обзор закрывает боковая часть воротника. Вдобавок не проходило ощущение, что вся эта крахмальная жесть свалится с плеч – костюмы выдали сегодня, Саша не привыкла к ним, собственно, привыкать уже времени нет. Интересно, как сама Мария Стюарт таскала этот кошмар? Впрочем, ее одевали и обували, раздевали и разували, она же была королевой, ей всего лишь нужно было красиво ходить. А Сашке нужно еще играть, самой раздеваться, если костюмеры заболтались в курилке, и...

– Стоп! – как ошпаренный кипятком, завопил в зрительном зале режиссер. – Девочки! Вы же не на рынке встретились и сплетничаете! Вы, извиняюсь, светские львицы при дворе Франциска II. Вы злословите!

– А какая разница? – обиженно пожалала плечиками молодая актриса из вспомогательного состава, играющая Даму (да, просто Даму, без имени).

– Большая! – свирепо прорычал режиссер, взбегаая по ступенькам на сцену на смешных коротеньких ножках. – Огромная! Это же Франция, девочки! Шестнадцатый век, родненькие! А Франция уже тогда была законодательницей мод, изысканных манер, искусств и всего, что связано с любовью! Вы должны передать эпоху...

– У нас было мало репетиций, – оправдалась вторая Дама (постарше, по имени Лада), сидевшая на эпизодах лет двадцать, оттого злющая, словно ведьма. Ну, тут дело известное: каждая артистка видит себя только в главных ролях, даже в мужских.

– Репетиций! – взвыл режиссер, взмахнув коротенькими руками. – Но у вас и эпизод пятиминутный! Это же просто: легко, изящно болтать! Не красьте текст!

Казалось, Геннадий Петрович, имеющий большое сходство с мячиком, растерзает двух актрисул, заваливающих начало спектакля. За круглую фигуру ему дали кличку – Пинг-Понг, а перед премьерой он становился свирепым, как... мультяшный персонаж, в эти периоды его звали иронично: крокодил Геной, он больше смешил, чем пугал. В общем-то,

клички беззлобные, как и сам Геннадий Петрович, положивший на эту сцену лет тридцать своей жизни. В театре всегда есть недовольные, но при всем при том он снискал уважение даже у заядлых циников, потому что справедлив, честен (да, и такой феномен еще встречается на подмостках), заразителен в своем фанатизме и главное – одарен. Благодаря ему этот небольшой театр с непрестижным статусом «городской» (значит, заурядный) выжил, когда бедствие терпели, потонув в омуте рыночной экономики спесивые коллеги из «незаурядных». Сейчас он был вне себя, его кудрявые волосики тоже возмутились – торчали в разные стороны, а может, он просто забыл расчесаться.

– Учитесь пользоваться языком! Язык – это ваш инструмент, вы обязаны слышать, чувствовать и понимать слова! Мысль рождает интонацию, понимаете? Мысль! Которую не надо окрашивать, а вы красите, отсюда бессмыслица. Русский язык ассоциативный, он передает нюансы, рисует образ, все это зритель легко считывает! «Сплетничать» и «злословить», девочки, глаголы разные! Сплетничать – это грубо, грязно перемывать кости, не стесняясь в выражениях. А злословить – это с присущим снобам высокомерным юмором излагать свое видение ситуации.

– По-моему, это одно и то... – не договорило молодое дарование.

– О-о!.. – застонал главреж, схватившись за голову и заходив вокруг девиц, считающих себя актрисами, несмотря на отсутствие образования у обеих.

– О-о... – вторил ему Иннокентий, только очень тихо. – Это надолго.

Взявшись за кончики воротника пальчиками, Саша повернулась к нему и не смогла сдержать смешка. Молодой человек, представившийся Иноком (он сократил свое имя), стоял вплотную, скрестив на груди руки. Глядя исключительно на сцену, Иннокентий жмурился, втянув голову в плечи, когда режиссер вопил; через паузу безумно тарашился, когда крокодил Гена неистово тряс руками, а потом морщился, закусив губу и слушая глупенькие оправдания актрис. Талант комика пропадает!

Но он не актер, хотя внешность у Инока подходящая для классического героя в отличие от здешних «первых скрипок». К сожалению, в труппе не на ком глаз остановить из мужского состава, а у Инока – рост, плечи, мышцы, фейс кареглазый с резко очерченными брутальными скулами, и шея брутальная, во всяком случае, шея шире головы. Может, в такой маленькой голове и мозгов кот наплакал? Поэтому и попал Инок в храм Мельпомены монтировщиком декораций – совсем непрестижная профессия, она для тех, у кого с серым веществом напряженка, а с мышцами порядок. Но если без отступлений, то залетел он

сюда недавно и случайно, как сам уверял, значит, не собирается задерживаться.

А Саша? Давно ли она сама в этом городе, в этом театре? Разве не случайно очутилась здесь? Однако повезло ей гораздо больше, чем Инноку, Саша актриса, играет главные роли, о которых можно мечтать, ей снимают и оплачивают жилье. Кстати, о ролях: играть Марию Стюарт в двадцать семь лет... вот бы однокурсницы обзавидовались, если б узнали, но не узнают.

– Где Боярова? – послышалось грозное шипение помрежа Люси, прибежавшей с противоположного конца сцены, там у нее пульт, при помощи которого она управляет спектаклем. – Где, блин, Мария Стюарт? Я же вызывала ее! Смотрю – нет! В этом театре собрались одни глухие!

– Здесь, здесь, – отступил Иннокентий, открывая обзор на Сашу, ибо увидеть актрису в темноте (освещена только сцена) и в темно-зеленом платье сложно.

– Я готова, – тихо подала голос та.

– Слава богу, – потирая лоб, будто дико устала, выдохнула Люся. – Да, Саня! Не спорь с главным, он сегодня немножко психованный...

– Слышу, – улыбнулась Саша. – Нервничает перед премьерой. Между прочим, я с ним никогда не спорю.

А чего спорить, если мировоззрение, взгляды, видение совпадают? Со сцены свет падал на Люсю, высвечивая частями верх головы, нос и подбородок, плечи, грудь – эта часть заслуживает оды, но речь не о ней. Остальные части остались черными провалами, так что в темном закулисье она представляла собой ирреальное создание. М-да, постороннего человека напугала бы точно. Эта маленькая женщина с большими амбициями и большой грудью о чем-то раздумывала, глядя на Сашу, наконец выдала, что ее беспокоило:

– Хочу предупредить... Королева Елизавета приняла... м... допинг... Но ты с ней все равно не сталкиваешься на сцене, главное, за кулисами не столкнись, а то хрен знает, что за настроение у нее после недопития.

Ого, дело принимало опасный поворот. Зеленый змий сопровождает сорокатрехлетнюю примадонну данного театра давно, но ей-то удовольствие он приносит, остальным портит нервную систему. И сильно портит. Были моменты, когда она лыка не вязала во время спектакля, лишь передвигалась на мизансцены. А текст за нее успешно рассказывали партнеры, тогда как за кулисами все поголовно покатывались от хохота. Неужели опять? За два дня до премьеры ушла в запой? Очень не смешно.

– Пьяная, что ли? – расстроилась Саша.

– Не совсем, чуть-чуть! – почти с ужасом прошипела Люся, погрозив пальцем Саше, словно от той зависело – доживет коллега до конца спектакля в более-менее трезвом состоянии или спечется.

– Вы же знаете, ей стоит только начать...

– Не-не, я выкрала бутылку водки, – шепотом призналась Люся. – Там немножко отпито, короче, она вменяемая. Не попрется же мадам Оленева в королевском наряде за пойлом!

– Вам видней... – с сомнением произнесла Саша.

Ближайший продуктовый магазин, где можно отовариться сорокаградусной «амброзией», присоедился как раз рядышком с театром, покупатели давно привыкли к странным личностям в гримах и костюмах. Но артисты не злоупотребляют набегам на точку, нет-нет, только в крайних случаях, хотя для Оленевой всегда случай крайний. Понимая, что тревожит Сашу, Люся развеяла ее небеспочвенные сомнения:

– Не бойся, я приказала закрыть все двери, ей не выйти из театра до конца спектакля. Ой, Сашка, тебе на выход!

Действительно, с третьего раза спектакль пошел без остановок режиссером, зазвучали фанфары, а это сигнал Саше. Она кинулась к закулисной лестнице и через минуту степенно спускалась на сцену под крики:

– Королева идет!..

* * *

У стены ресторана, раскинув руки, лежала Катрин, раскинув руки. Лицо повернуто в сторону, глаза нереально широко распахнуты, они бессмысленно смотрели куда-то, где жизни нет. Пшеничные волосы, шелковые и мягкие, расплзлись длинными прядями по груди, шее, змеились на асфальте... Камень! Большой и бесформенный. Он лежал рядом с головой, тонкая прядь зацепилась за него, а на одном из выступов – темные пятна... пятна крови... Откуда взялся здесь камень? Из декоративного бордюра рядом с асфальтовой дорожкой вдоль стены.

Но с Катрин произошла метаморфоза: ей уже не дала бы Саша тридцати пяти лет, на асфальте она видела женщину, которой минимум пятьдесят, в вечернем коралловом платье, облепившем ее немолодое, но стройное тело...

– Черт!

Саша таращила глаза по сторонам... Потолок... Окно... Комод... И утро! Она рассмеялась, так как поняла: мгновение, увиденное ею в момент просыпания, ничего не имеет общего с реальностью, это просто картинка из полусна.

Просыпаться с ощущением покоя и в предвкушении блаженства от предстоящих репетиций, а также завтрашней премьеры, это... это неопишное состояние. Странно, что у Саши была другая жизнь, которая как бы отодвинулась далеко, но все еще с ней, именно по утрам та жизнь регулярно вспоминалась. Только по утрам, позже дурным воспоминаниям нет места в суетном дне, а нет потому, что работа – праздник. Разве что иногда, во время пауз...

Наспех позавтракав бутербродами с чаем, Саша вышла за порог флигеля. Ей сняли симпатичный флигелек из двух маленьких комнат со всеми удобствами и крошечной кухоньки – потрясающие хоромы, и это без иронии. Пожилые хозяева живут в большом доме, из которого дети вылетели в другие города необъятной России, а флигель сдали за символическую плату, чтобы хоть кто-то был рядом. В данную минуту они орудовали граблями в саду, хотя сельхозинструмент в их руках нечто аномальное, оба стопроцентные интеллигенты, но те, про которых снимали старые добрые фильмы.

– Доброе утро, Сашуля! – помахал Игорь Степанович.

– Доброе утро, – отозвалась она, закрывая на ключ дверь.

– Сашенька, вы так поздно приходите, – поспешила к ней Валерия Олеговна. – И наверняка голодная. Разрешите мне оставлять вам ужин?

– Нет-нет, – запротестовала Саша. – Я вполне справляюсь.

– Да когда же вам готовить еду? Мне нетрудно, я все равно стою у плиты, и вы не упадете в голодный обморок на сцене. Не спорьте, не спорьте. Мы очень ждем премьеры.

– Я тоже. И ужасно волнуюсь.

Саша положила ключ на перекладину под навесом, помахала милым старикам и отправилась на свой праздник! Это когда хмурые попутчики в маршрутке видятся потрясающе обаятельными, а погода всегда кажется самой лучшей – хоть дождь, хоть метель. Это когда не идешь, а переступаешь по воздуху, когда страстно хочется поскорей добраться до театра, войти в гримерку, сесть за столик и на минутку отключиться, чтобы с новыми силами присоединиться к таинству. Миллионы людей не знают, что это такое – с огромным желанием бежать на работу, а потом упиваться каждым часом там. Этот праздник компенсирует все потери, подпитывает надежду, что настоящее защитит от потрясений прошлого, а будущее

залечит.

На вахте она расписалась в журнале, по которому завтруппой определяет, кто явился на работу, а кого пора искать с ищейками, и успела отойти от стола, но вахтерша окликнула ее:

– Саша, стой! Тут тебе... вот...

Цветы! Желтые розы, обернутые хрустящим целлофаном.

– Поклонник завелся, – мечтательно улыбнулась во весь рот, заполненный ровными искусственными зубами пожилая вахтерша.

Завелся... как вши, что ли? А что еще заводится? Сашу насмешило выражение вахтерши, хотя оно известно давным-давно, но применительно к себе не воспринималось. Ну, пусть завелся... да, поклонник. Наверное. Нет, в самом деле, кто-то присылает цветы уже третий раз с тех пор, как труппа вышла из отпуска, то есть с августа. Именно в конце августа она получила первый букет, в сентябре второй, и вот октябрь. Саша не спросила – от кого, потому что знала ответ: приехал доставщик из цветочной фирмы «Флора&Букет», а он не в курсе, кто делал заказ и когда, он просто развозит по адресам.

Однако сегодня букет не безымянный, в цветах виднелась фирменная карточка! Неужели этот самый, который завелся, оставил свой автограф и представился? Саша прочла: «Это тебе для настроения перед премьерой».

Не-а, подписи нет. Да и какая разница, кто присылает цветы? Не женщина же! А с мужчинами, даже с самыми-пресамыми, заводить знакомства Саша не планирует в ближайшем будущем, теперь ее путь – театральная аскеза. Звучит пафосно, только лучше-то не скажешь. Но приятно. Ой как приятно быть кумиром, иметь поклонников, получать от них цветы и играть, проживать еще одну жизнь, непохожую на ту, что есть в реальности.

В гримерке никого не было, две актрисы, занятые в массовых сценах в конце спектакля, придут за пять минут до начала второго акта – такова договоренность, а должны приходить к началу первого акта. У Саши есть возможность сосредоточиться перед генеральной, а не слушать болтовню ни о чем. Общаться она не любила, в то же время понимала: без дурацкого общения, без вникания в чужие проблемы – кто с кем и зачем, болезни детей и категоричные мнения по всякому пустяку, – ее будут воспринимать негативно. Ей нравится подумать, походить по пустой сцене, подышать ароматом кулис. Правда, сегодня доделки-переделки, Саша будет только мешать, значит, остается гримерка. Она переделась в халатик и села гримироваться.

Пришла парикмахер Динара с париками, набором расчесок и шпилек,

опрятная, доброжелательная, красивая, словно восточная шахиня времен Гаруна-аль-Рашида. Ей где-то за тридцать пять, но вряд ли сорок, к тому же она зав парикмахерским цехом, ее должно называть на «вы» и по имени-отчеству, однако Динара потребовала только по имени и на «ты». А какая умница! Столько знает, что диву даешься: почему Динара на этом месте застряла, а не где-нибудь в столице среди ученого люда. Натягивая на голову Саши парик, она заметила на соседнем гримерном столике букет:

– О, какие роскошные розы! Откуда?

– Не знаю. На вахте передали.

– Хм, поклонник? Наши артистки тебе этого не простят.

– А я тут при чем?

Возмущившаяся Саша развернулась к ней, хотя прекрасно видела отражение Динары в зеркале. Эта импульсивность объяснима: молодая актриса чувствовала неприязнь к себе многих членов труппы, проще говоря, не прижилась здесь Александра, ей только и не хватало лишнего повода, чтобы неприязнь укоренилась намертво. Чуткая Динара, излучавшая спокойствие, взяла девушку за плечи и вернула ее в прежнее положение – лицом к зеркалу.

– Не вертись! – мягко сказала своим певучим голосом в среднем регистре Динара. Кстати, она прекрасно справлялась со своими эмоциями, демонстрируя нордический характер вместо восточного пламени. – Ты, конечно, не виновата, что приехала в нашу дыру и сразу стала первой на этих подмостках. Первой и незаменимой. Не виновата, что актрису Александру Боярову обожают зрители и ходят посмотреть на нее, чего давно не помнит наш театр. Ты не виновата, что красивая, талантливая, успешная, удачливая и производишь впечатление независимой...

– Не продолжай, – кисло перебила Саша, – а то заплачу от жалости к себе.

– Неужели? – рассмеялась Динара. – Я же просто перечислила твои плюсы, которые неприятны тем, у кого их нет. Ты имеешь слишком много достоинств и хочешь, чтобы тебя любили? Так не бывает.

Она не грешила против истины, это что касается отношения к Саше актрис и некоторых актеров-мужчин. Приходится вынужденно жить в замкнутом мирке, с другой стороны, замкнутость молодую актрису не напрягает. А что касается достоинств... мало кто находит их в себе, а Саша, если честно, облеплена комплексами, как старинная театральная тумба времен Чехова афишами, только об этом никто не знает. Во-первых, красивая – не факт, что счастливая, к сожалению, это аксиома. Во-вторых, набор из «талантливая, удачливая, независимая» не соответствует

действительности, так как Саша сомневается во всех этих позициях, и сомнения возникли не на пустом месте. Казалось бы, характер у нее противоречивый: то нравится себе, то не нравится, но нет, нет и еще раз – нет. Просто слово «успех» в ее понятии и в понимании Динары – две противоположности, находящиеся в разных точках космоса. А самое главное она высказала вслух:

– Знаешь, Динара, независимых людей не бывает. Нашими поступками руководит зависимость, только она. Абсолютно свободных людей... нет, я таких не встречала. Даже самый богатый человек, который считает себя свободным, все равно зависит... от жены, детей, бизнеса, власти, денег. Он не может распоряжаться собой, хотя может думать иначе.

– Мрачноватый взгляд на жизнь.

– Реалистичный, – подобрала более точное слово Саша.

Динара закрепила шпильками парик, поглядывая все время на розы, будто цветы что-то напоминают ей, но что – она не могла вспомнить. Чуть позже, подвивая пряди горячей плойкой, задумчиво произнесла:

– Желтые цветы... Похоже, эти розы со смыслом.

– Со смыслом? – оживилась Саша.

Первая мысль: ну, какой может быть смысл в букете? Это выражение благодарности, восхищения, любви, в конце концов. Однако! Динара человек другой культуры, а Восток знает много тайн и умеет расшифровывать обычные вещи в руках людей, словно древние манускрипты. Тайны... мистика... все это так манит, так хочется узнать – что там, впереди, притом надеясь на самый лучший вариант из всех возможных направлений. Саша не исключение, на кофе гадала, карты Таро в руки брала, гороскопы иногда почитывала, дабы отодвинуть завесу времени грядущего, чтобы увидеть и обойти бульжники на жизненном пути.

– Это третий букет, – сказала. – Желтый цвет – цвет жизни, солнца, радости, праздника. А золото! Оно тоже желтое, значит, это цвет богатства.

Она полагала, что правильно поняла смысл.

– Думаешь? – задумчиво и серьезно произнесла Динара, в десятый раз покосившись на розы. – Но почему-то, когда говорят «желтая газета», у нас возникают негативные мысли. Тяжелобольной человек тоже желтого цвета, кстати, одно заболевание так и называется: желтуха, следовательно, это и символ нездоровья. А желтый дом? Ты же читала «Записки из желтого дома»? Там печаль, боль, одиночество, сумасшествие, тоска...

– Хочешь сказать, меня ждет какая-то гадость? – еще не верилось Саше.

И хохотнула, давая понять, что здесь некому грозить ей букетами, кроме актрис, конечно, но их бояться, по большому счету, глупо. Семь розочек – дорогая шуточка, не по карману провинциальным артисткам, которые не выбрасывают рваные колготки, а надевают их под брюки. Экономия, черт возьми! Но Динара даже не улыбнулась, а задала совершенно неожиданный вопрос:

– И прошлые два букета были перевязаны похоронной лентой?

– Что? – потерялась и одновременно насторожилась Саша.

– Сама посмотри: твои розы перевязаны черной лентой. Странно как-то... Ты не находишь?

А Саша не обратила внимания на цвета ленточек. Ни сейчас, ни два предыдущих раза. Она перевела взгляд на гримерный стол рядом, на нем и лежали желтые розы безупречной формы, изумительные и дорогие... Действительно: тонкая ленточка черного цвета с завитыми в спирали концами перетянула длинные стебли, завернутые в прозрачный целлофан. Лента похоронная, без сомнения. Случайно?

Как все творческие люди (или почти все), Саша страдала мнительностью, посему сразу выстроила в уме легион врагов, готовых в порошок ее стереть, а пока они присылают зловещие знаки, можно сказать, куражатся над ней. Было бы логичней не подпитывать свою мнительность, ведь, как показывает практика, ничего из того, что выстраивает болезненное воображение, не осуществляется. Но данный тактический ход вошел в привычку, чтобы просчитать удары и подготовиться к обороне.

Заметив, какое удручающее впечатление произвела похоронная лента на Сашу, Динара спохватилась. Держа за плечи приунывшую девушку, совсем непохожую сейчас на королеву, она наклонилась так, что ее лицо очутилось на одном уровне с лицом актрисы, и, глядя в зеркало на нее, заворковала с толикой незлой насмешки:

– Что это с вами, ваше величество? С чего это вы повесили свой носик? Вас напугала какая-то ленточка?

– Но это же намек...

– А может быть, – перебила Динара бодрым тоном, – ленточки других цветов закончились? Мы же глухая провинция, у нас до сих пор не редкость дефицита. И потом, Саша, пугаться стоило, если б роз было шесть. Шесть! Нечетное число несут на кладбище. И плюс к шести розам похоронная лента... в этом случае – да, это был бы плохой знак, в сущности, угроза. Но роз семь. Семерка в нумерологии означает одухотворенную материю. Бог создал землю и все живое на ней за семь дней, цветов радуги тоже семь, как и дней недели. Это число гармонии,

Саша. Я поставлю твои розы в вазу, хорошо?

Саша согласно кивнула, а осадочек все равно остался – пуганая ворона куста боится, это, без сомнения, так. Честно говоря, она уже готова была отдать цветы Динаре, чтобы не видеть их больше, забыть о них и похоронной ленте, но тут раздался призыв по трансляции:

– Все участники спектакля «Виват, королева!» приглашаются в зрительный зал. Господа артисты, в вашем распоряжении одна минута, не опаздывайте. Предупреждаю: бумаги для докладных у меня на всех нарушителей хватит.

Докладные – это ой! Люся строчит их непрерывно по каждому пустяку, будто задалась целью известить актерский состав. На самом деле она банально выслуживалась перед начальством, демонстрируя, как непогрешимо бдит дисциплину и справедливо стучит на проштрафившихся артистов. Разумеется, рассчитывать на обожание при таких редких способностях глупо. Но, как ни странно, подобные люди удивляются и страшно обижаются, когда понимают, что их не любят, мягко говоря.

Пришлось спешно одеваться в костюм при помощи Динары – костюмеры, молодые ленивые девчонки, как обычно зазевались или нарочно опаздывали, выражая тем самым солидарность с теми, кто жаждал играть Сашины роли.

В зрительном зале артисты, не имевшие привычки садиться поближе к режиссеру, вызвавшему участников спектакля ради замечаний, расселись по всему залу поодиночке и по двое. Чем меньше роль – тем дальше от режиссера предпочитали держаться артисты, таким образом выражая свое фе. Ну а те, кому повезло играть большую роль, предпочли первые ряды в партере, включая Сашу, которая тут же получила штрафные очки от помрежа Люси:

– Две минуты! Боярова, ты опоздала на две минуты!

К счастью, Геннадий Петрович (большой любитель дисциплины, только ему не удавалось ее наладить) не рассердился, он держал исписанные его рукой листы, уткнувшись в них близорукими глазами.

В своих бархатных юбках Саша еле втиснулась в стандартное кресло рядом с актером Октавием Михайловичем, он один из немногих принял ее, что называется, с распростертыми объятиями. Крепкий старик, его облагораживали седые усы чистого белого цвета, как и белые волосы, зачесанные назад, он располагал с первой минуты знакомства. Есть редкая порода людей, имеющих способность нравиться сразу и всем, этот старик именно такой. Даже голос Октавия Михайловича завораживал слух бархатистостью, легкими раскатами и проникающей в самое сердце

искренностью. Между ними установились теплые отношения, не зная родного отца Саша полагала, что таким отец и должен быть – добрым, умным, заботливым и терпимым. Октавий Михайлович взял ее руку и приложился к пальцам девушки губами, хитро улыбаясь:

– Сашуленька, рад тебя видеть.

– Я тоже, Октавий Михайлович, – чмокнула его в щеку она.

– Сашуля, держи конфетку.

– Ой, спасибо!

Оба вынуждены были прекратить перешептывания, так как услышали тихий, но гневный голос Геннадия Петровича:

– И где же эта королевская морда шляется?

Он грозно хмурился, опираясь спиной и руками о сцену, а на сцене, стоя на коленках и склонившись к нему, беззвучно шевелила губами Люся, воровато поглядывая в зрительный зал.

– Кляузничает Буратино, – шепнул Саше на ухо Октавий Михайлович, снисходительно хихикнув.

– Почему Буратино? – не поняла она, не находя сходства Люси с известным персонажем.

– Потому что это тот чурбак, из которого папа Карло должен выточить куклу.

Сходство с чурбаком стопроцентное во всех смыслах, потому Саша прыснула, тут же ее осадил грозный оклик Пинг-Понга:

– Александра!

– Больше не буду!

В знак обещания она прикрыла обеими руками рот, но Октавий Михайлович не унимался, еще разок приблизил губы к ее уху:

– Анфиска опаздывает. Дрыхнет где-то... может, даже в театре.

– Лишь бы не напилась, – также шепотом сказала Саша. – Очень хочется, чтобы состоялась завтрашняя премьера.

– Вчера точно напилась, или я не я буду, – убил надежду Октавий Михайлович. – Не кисни, Сашенька, крокодил Гена найдет выход, может, даже сам выйдет в роли Елизаветы. А что? Наденет наряд, нацепит парик – и вуаля!

Он же и хихикнул, его часто смешили собственные шутки, а Саше не до смеха, стоило подумать о грядущем срыве премьеры. Столько работать, ждать главного дня, и вдруг – все усилия коту под хвост из-за какой-то пьяницы? Да и вообще, проблемы будут у всего коллектива серьезнейшие, если сорвется завтрашний грандиозный вечер.

– Так! – грозно и громко произнес Геннадий Петрович.

В зрительном зале напряглись, напряжение возникло мгновенно, его все ощутили, потому замерли в безмолвии, ибо сейчас что-то будет.

Кошачьей походкой вошел через боковую дверь Пуншин – очередной режиссер, кое с кем (кто попал в его поле зрения) беззвучно поздоровался и уселся у входа, потирая остренькую и реденькую бороденку.

– Моему терпению пришел конец... – процедил главреж.

– Я тут! – внезапно разрядил обстановку женский голос, и все, кто сидел близко к сцене, обернулись.

По проходу шла Оленева в королевском наряде, но без парика – родные каштановые волосы кое-как заколола, без грима, ей, кстати, плевать, как она выглядит. Однако! Да, выпивоха, да, сорок три, да, грубовата и немножко цинична, а когда пьет – так еще и жуткая неряха, но! Актриса Оленева действительно поцелована богом, равной не найти даже в столичных театрах, так это не все. Внешность Анфисы богатая в прямом смысле: помимо роскошных волнистых волос до пояса, у нее красивейшие светло-карие глаза, слегка удлинённые и, что немаловажно, умные. Да, она далеко не дура, во всяком случае, начитанная, что для актерской касты скорее исключение из общего правила. Брови, как у чайки крылья, тоненький и прямой носик (завидный носик), а губы... до сих пор упругие, выпуклые, по-детски капризные. При этом все описания совпадут с воображением, а не так, как в Сашинем варианте – внешность желательнее не описывать словами, лучше фотку показать.

– Почему без грима? – строго спросил Геннадий Петрович, когда ее величество плюхнулось на сиденье напротив него.

– А! – коротко бросила она, взмахнув кистью руки, и на одной невыразительной ноте пробубнила: – Зачем мне грим? Я смотрела в тырнете картинку, Лизавета Первая была страшенькая. Если я загримируюсь, забуду нашу Машку Стюарт неземной красотой, как мамонта.

Здорово оправдала неготовность к генеральному прогону, в зале кое-кто хохотнул, да и Саша подавила нервный смешок. Между тем Геннадий Петрович, скрестивший на груди руки, подался корпусом вперед, слегка наклонился к ней, словно намеревался поцеловать даму сердца... Оленева правильно поняла его порыв и, нисколько не смущаясь участников спектакля, вытянула губы трубочкой, громко и длинно выдохнула ему в лицо, потом сообщила, чтобы он (и все-все) не сомневался:

– Как стекло!

Геннадий Петрович глубоко вдохнул и сразу выдохнул, видно, избавлялся от бури внутри, взял исписанные листы и начал делать

замечания, будто ничего не произошло. Оленевой прощалось начальством абсолютно все, именно этот факт не прощали ей коллеги. Вот уж кто независим – так это она, а независимых не любят люди слабые.

Наконец была дана команда начинать. Саша уже не пошла в гримерку, сразу примчалась на сцену и села в кресло у кулисы, чтобы послушать, как всегда, начало спектакля, звуковые вибрации, тональность. Да вдруг обнаружила в руке конфетку, которую дал Окташа – так его тоже называли.

– Черт...

Бежать в гримерку аж на второй этаж, потом назад? Собьется дыхание, рассеется внимание. Саша не ест сладкое перед спектаклем, считая, что у нее изменяется голос, однако сейчас ничего более разумного не пришло на ум, как сунуть конфету в рот. Не оставлять же прямо здесь, за кулисами, – Окташа увидит и обидится, уж кого-кого, а его обижать грешно.

Конфетка оказалась вкусная... вот только фантик куда деть? У второй кулисы (напротив) стояла огромная британская ваза в форме кубка с искусственными растениями. Такие ставили и, наверное, ставят до сих пор в парках Англии, в спектакле она обозначает владения королевы Елизаветы. Саша решила положить туда фантик, не навсегда, ни-ни, после своей картины обязательно заберет и выбросит в урну. Она приподнялась, потянулась к вазе...

Внезапно сзади раздался ужасающе громкий металлический грохот!

Потом треск дерева!

Почти одновременно с грохотом, а может, секундой раньше, Сашу кто-то схватил и дернул на себя, она буквально упала Иннокентию в руки.

Еще ничего не понимая, оглянулась и... похолодела! Закричать Саша не смогла – от ужаса голос застрял где-то на полпути к горлу.

На кресле, где только что она сидела, лежал софит. Эта железяка весит достаточно, чтобы убить наповал, – размером она с хороший квадратный короб примерно пятьдесят на пятьдесят сантиметров, внутри которого здоровенная лампа, а перед ней стекло, которое закрывают цветными фильтрами... И еще раз промелькнуло в голове: упади такая хреновина на голову – никакая реанимация не поможет.

Через несколько секунд после падения софита ножки кресла подломились, отсоединилась спинка – это же бутафория. И окончательный аккорд: софит соскользнул с бархатного сиденья, с грохотом брякнулся на пол, после чего взорвалась лампа. Звук был именно такой: взрыв – и осколки посыпались.

– Стоп!!! – заорал главреж в зале. – Стоп! Свет в зал! В чем дело? Что за грохот за кулисами? Что у вас там грохнулось?

– Софит упал! – крикнул кто-то из актеров.

У Саши реально подкосились ноги, да ведь у самого стойкого человека наступит столбняк, после чего ослабнут все мышцы разом, когда придет осознание, что всего пара секунд отделили от смерти. Пока Саша приходила в себя, Иннокентий, все еще прижимая к себе актрису в полуобморочном состоянии, тихо, будто диалог вел сам с собой, произнес:

– Какого черта грохнулся фонарь? Этого не должно было случиться.

Он запрокинул голову и смотрел вверх, что-то там высматривая...

2

На следующий день утренний прогон Геннадий Петрович отменил, точнее, утром он решил сделать техническую репетицию – отработать смену декораций, выверить и окончательно выставить световую партитуру без артистов. Участникам спектакля дал возможность отдохнуть перед премьерой после напряженной работы. Кроме Оленевой. Ей отдыхать – еще чего! Отдых вреден для ее здоровья. Главреж пригасил актрису к часу дня, надеясь к этому времени управиться.

И – о чудо! – Анфиса явилась минута в минуту, не снимая демисезонного пальто абрикосового цвета, даже не размотав вязаный шарф, плотно обвивавший шею, ленивой походкой прошествовала к Геннадию Петровичу. Остановилась за его спиной, поставив одну руку на бедро, второй опираясь о спинку кресла, кашлянула, мол, я пришла, что дальше?

Геннадий Петрович натура увлекающаяся, он может начать репетицию, закончить ему чрезвычайно трудно, над ним просто витал незримый девиз: нет предела совершенству! А какие еще могут быть интересы в местечке, сохранившем все признаки консерватизма, куда мало кто заезжает по собственной воле? Работа – это любовь, жена, привычка, наркотик.

Анфису он сначала почувствовал затылком, ее-то приближение Геннадий Петрович узнает даже во сне, как-никак она играла почти во всех его спектаклях на протяжении многих лет. Оба прекрасно понимали друг друга с полуслова и полувзгляда, а в труппе периодически мыли им кости, приписывая мыслимые и немыслимые грехи. Но люди они одинокие – так в чем проблема, какая разница, спят эти двое или бодрствуют, всего лишь платонически глядя в глаза друг другу?

Будто невзначай повернув голову, Геннадий Петрович увидел Анфису

краем глаза, махнул кистью руки несколько раз, дескать, падай в кресло и жди, что она и сделала. Когда ей надоело ждать, она зевнула громко и протяжно.

– Я щас! – огрызнулся через плечо он, прекрасно понимая, что хотела сказать Анфиса дурацким зевком.

– А я ничего, – промямлила она. – Я просто... от скуки.

Анфиса вытянула ноги, смежила веки, решив подремать, но через десять минут Геннадий Петрович тронул ее за плечо и велел идти в кабинет. Она шагала за ним на высоких каблуках и ухмылялась, полагая, что главрежа накрыл очередной приступ воспитателя, у него же мания всем вдалбливать, что хорошо, а что плохо. Впрочем, это довольно легко пережить, Анфиса приготовилась зевать, но он и тут повел себя непредсказуемо, едва вошли в его кабинет:

– Подожди, я оденусь.

– Ты куда-то собираешься? – осведомилась она, дивясь причудам: вызвал типа поговорить и засобирался – нормально?

– Ты тоже, – бросил он, наматывая шарф на шею, которой у него нет. Шея, конечно, была где-то в юности, а с возрастом куда-то подевалась.

– Я? – в недоумении подняла плечи Анфиса, потом хмыкнула. – А куда я собираюсь, а?

– Мы идем обедать. В кабак.

– Ух ты, блин, – ухмыльнулась она, подозрительно прищутив лисьи глаза. – Короче, ты меня приглашаешь... чтобы заслуженная артистка Мухосранска не нажралась перед очередным шедевром?

Он успел натянуть куртку на одну руку, однако после ее фразы выбросил вперед эту руку с болтавшейся на ней курткой и гневно рявкнул:

– Именно! Чтоб не нажралась как свинья! И не хрюкала на бутафорском троне, а достойно играла роль, как ты умеешь!

Анфиса поняла, что начинается лекция и это надолго, села на стул у стены, достала сигарету и мяла ее, не решаясь язвить. М-да, в моменты накала Геннадий Петрович страшен аки зверь, его лучше не дразнить.

– Ты знаешь, в каком мы положении, мы выживаем! – тем временем метался по кабинету главреж с болтавшейся на одном плече курткой. – Каждым спектаклем мы обязаны доказывать, что нужны городу! Должны заставить зрителей любить нас, уважать...

Наконец-то он напялил куртку и плюхнулся на стул рядом с Анфисой, а через небольшую паузу, отдышавшись, сказал уже упавшим голосом:

– Иначе нас просто закроют. И мы потеряем все...

– А что – все? – с горечью хмыкнула Анфиса. – Мы тут пашем, как...

волы в поле, а о нас никто не знает, мы никому не интересны.

– Тебе это так важно? Моя дорогая, театр нужен нам. Нам! А не мы ему. Если нас разгонят, больше ста человек зависнут в воздухе, в том числе и ты. А тебе до пенсии – как до Москвы пешком на хромой ноге. И что значит пенсия для актрисы в пятьдесят пять лет? Это без кислорода остаться, это... конец жизни. Но ты бухаешь, как последняя дура.

– Потому что ты меня опустил ниже плинтуса. – Нет, до скандала она не докатилась, сказала вялым тоном, в атаку пошел он:

– Я? Чем, радость моя?!

– Все думали, что обеих королев буду играть я!

Геннадий Петрович ошалело произнес:

– Приятно, что наш серпентарий всем составом участвует в распределении ролей, но спектакль, вообще-то, ставлю я. Неужели никто этого не заметил? К тому же, милая моя, Мария и Елизавета – это разные характеры, разные трагедии, это две разные роли...

– А Доронина играла обе...

– Спектакль ставлю я! – повторил он, повысив тон, что не возымело должного действия на Анфису:

– Ай, перестань разыгрывать Ивана Грозного, тебя все равно никто не боится. Ты же видишь, что девочка не справляется.

– Девочка справляется отлично! – возразил Геннадий Петрович.

– Завалил ее ролями, которые ей играть рано, опыта нет, – монологом говорила она. – Для тебя как будто никого другого не существует, это оскорбляет труппу, настраивает против тебя. Если б я не знала твою персону столько лет, подумала, что у тебя крышу снесло от бэзумной и стрррастной любви, но я – не вся труппа. Это сборище мартышек патологически не выносит тех, кто хоть чуть-чуть лучше.

Геннадий Петрович обалдел. Откуда берется гниль в людях? Он кладет все свои силы, чтобы сохранить целиком всю банду мартышек, как окрестила труппу Анфиса, не дает директору никого уволить, а они, неблагодарные, норовят очернить его! Причем отсутствие совести ничуть не беспокоит господ артистов, смена убеждений тоже: вчера они смотрели на тебя как на бога, а сегодня готовы распять – классика жанра. Иногда Геннадию Петровичу хочется все кинуть к черту и уехать подальше, но... это проходит, потому что он жалеет идиотов.

– Чего расселась? – подхватился. – Я ж сказал: кабак.

– А кто платит? – поднялась она вслед за ним.

– Обижаешь, – буркнул главреж, напяливая на голову кепку.

– И ты, конечно, не нальешь.

– Налью. – Не ожидая положительного ответа, она недоверчиво вытаращила глаза, и да, Геннадий Петрович остался верен себе: – Там такой классный сбитень готовят... по старинным рецептам Петровской эпохи. Идем, идем, есть кое-что, о чем поговорить нужно без ушей.

Ха-ха! А уши тут как тут! Уши дежурили около кабинета, а должны были бы кормить мужа обедом, уложить его отдохнуть перед премьерой и отгонять осенних мух (если таковые остались), чтоб не тревожили упитанные телеса. Конечно, Люсю не застучали в позу слушателя, припавшего всей плотью к двери, как часто показывают в кино, но не составило труда догадаться: подслушивала мерзавка. Она невинно захлопала лживыми глазами и залопотала преданнейшей интонацией (когда он слышал эти сладкие рулады, ему хотелось придушить ее):

– Хорошо, что я вас застала, Геннадий Петрович, у нас опять ЧП...

– Что, второй софит все же свалился кому-то на голову?

Привыкший к подобного рода «сюрпризам» у дверей своего кабинета, он даже бровью не повел, обращать внимание на всех большеухих и большеглазых, которым жизненно необходимо знать все обо всех, – нервных клеток не хватит. Зато Анфиса просто залюбовалась помрежем, улыбаясь с намеком, мол, не придуривайся, дорогуша, мы все видели, ты здесь не из-за ЧП. Люся поняла, что Оленева способна произнести вслух то, о чем думала (с нее станется), и затарахтела, оправдываясь:

– Вам все шуточки, а я теперь не знаю, как вести спектакль. Второй осветитель разругался с Яном и ушел, сказал, что вообще уходит... насовсем. Он не придет! А третий осветитель не знает спектакля, и это в день премьеры!

Тем временем главреж запер дверь на два поворота ключа, подергал за ручку, чтоб уж наверняка быть уверенным: в кабинет ни одна сволочь не проскользнет, и спокойно сказал:

– Люсь, не парь мне мозги, Ян сам решит этот вопрос.

Взяв за локоть Анфису, он потянул ее к выходу, но та все же не удержалась, небрежно кинула совет:

– Люсенька, не делай больше долга своего, от этого лицо старится, характер портится, нервы истончаются. До вечера, родная.

По пути к выходу их еще догнал бутафор и показал ордена времен Елизаветы I, которые главреж регулярно заставлял переделывать. Получив одобрение, удовлетворенный бутафор отправился к себе, а Геннадий Петрович с Анфисой вышли наконец-то на улицу.

Ммм... какой денек! Рыжее солнце шалило, игриво отражаясь в окнах и витринах, сверкая на полировке автомобилей, окрашивая тротуары,

которые стали похожи на спрессованный песчаник. И люди бодро шагали, чувствуя прилив сил, ведь осенью погожие деньки редкость, они несказанно радуют. И это в Сибири, когда давно должен скрипеть под ногами снег!

– Знаешь, как называется наш театр? – неожиданно спросил Геннадий Петрович по дороге к ресторану.

– И как? – равнодушно осведомилась Анфиса.

– Театр МУК.

– Как, как, как?!

– Театр Мук. Это аббревиатура, а полностью – Муниципальное Учреждение Культуры. Сокращенно – МУК.

– Ха-ха-ха-ха... – закатилась Анфиса. – Как вы яхту назовете, так и промучаетесь. И какой идиот назвал театр учреждением?

– Чиновничьи перлы, – устало отмахнулся главреж и вдруг ошарашил: – Помнишь, вчера софит упал?

– Ну?

– Кто-то вытащил болты...

– Погоди, погоди, – замедлила шаг Анфиса, взяв его за плечо. – Вытащили болты? Поэтому упал софит? Надеюсь, не специально... вытащили?

Последний вопрос совершенно глупый, вытащить болты «не специально» невозможно априори. Но что он мог ответить? Ничего. Потому что не знал наверняка, диверсия это или они все же сами открутились. Например: Ян давно не проверял крайний софит, подававший свет из-за кулис, болты разболтались, крепежи ослабли... Впрочем, сказано было «кто-то вытащил». Сказано самим Яном – зав осветительным цехом и одновременно художником по свету. Вчера они с осветителями проторчали в театре допоздна, выясняя, чего это вдруг свалился софит, так и установил Ян: диверсия. А поскольку до главрежа никак не доходило, что вверенном ему театре завелся диверсант, зав осветительным цехом пояснил:

– Кто-то открутил болты с гайками, крепежи, на которых держался софит, ослабли, ну и... он упал. Я искал болты на сцене, но не нашел. Если б они сами выпали, что исключено, но допустим – сами, в этом случае должны были упасть на сцену. А их нигде не было. Мы с ребятами каждый сантиметр ладонями ощупали, болты не иголки, тем не менее ни одного не нашли. Отсюда вывод: их открутили и забрали... да, забрали и унесли! Наверху их тоже нигде нет.

Не доверять Яну причин не имелось. Ни одной. Он обосновался в театре одновременно с Геннадием Петровичем, человек ответственный и

надежный, выставляет свет в спектаклях мастерски, придумывает всяческие фишки, короче, творческая натура. К тому же – зачем ему диверсия? При всем при том сухощавый интеллигент Ян Адамович с виноватым видом протирал очки платком, ссутулившись больше обычного, будто хотел съежиться в клубок, спрятавшись от дурацкой проблемы, которой не мог дать объяснение. Он обиженно поджал тонкие губы и хмурился, ведь удар нанесен прежде всего по его репутации.

– Но это не все, – сказал Ян. – Есть более серьезное доказательство диверсии: кабель в месте соединения с софитом срезан. Грубо, рвано срезан, это любой специалист определит. Удивляюсь, как вообще не замкнуло электричество! Не знаю, кто напакостил, но именно напакостил. Сознательно! В общем, Гена, за своих ребят я ручаюсь, за себя тоже... И не знаю, что за тварь это сделала.

А уж как озадачился главреж – не передать, в эту латынь разве можно поверить? Нет, серьезно, случайный человек такой трюк устроить не мог. Надо хорошо знать устройство данного «учреждения», чтобы забраться аж на колосники, оттуда выйти на специальные мостики, тоже из железа, – оно же крепкое, выдержит любой вес. О чем это говорит? Злодей работает в театре. Да, да, да – это кто-то из своих. Его встречает Геннадий Петрович каждый день, здоровается с ним, возможно, пожимает руку... а надо бы по морде, по морде... И обязательно кулаком!

Есть еще вариант: штанкет со световой аппаратурой можно опустить, и делай с софитами, что хочешь... опять же, надо знать, как опускается штанкет. Но шуму много – обязательно услышали бы сторожа ночью, а днем... Нет, днем народу полно в театре, а гадкие дела делаются тайком, для этого подходит только ночь. Главреж воображал, как злоумышленник карабкается по железной вертикальной лестнице, прикрепленной к порталу... это страшно. Очень страшно, потому что высоко – жуть берет, когда вверх смотришь, а стоять на перекладинах и видеть далеко внизу сцену... не у каждого хватит храбрости. Итак, некий мерзавец, который работает в театре, пробрался тайком наверх и...

– Не понимаю, зачем? – только и вымолвил вчера поздно вечером Геннадий Петрович после того, как осветители обследовали все на колосниках и сцену, чтобы выяснить причины падения софита. Днем не успели понять, не поняли ни черта и вечером.

– Зачем открутили? – переспросил Ян Адамович. – Ну, из хулиганских побуждений... чтобы упал софит.

– Чтобы упал? – обалдел Геннадий Петрович, он никак не мог понять цели диверсанта. – Зачем?!

– Да что ты меня пытаешь! – взорвался всегда спокойный Ян. – Заладил: зачем да зачем! Не знаю! Не понимаю! Никого не подозреваю! Идиотизм какой-то. По большому счету, нужно полицию вызвать.

– Только не это! – взвизгнул главреж, замахав руками, хотя понимал, что Ян прав: от софита дурно пахло.

– Сам не хочу, – признался Ян. – Кто будет виноват? Я. Я же отвечаю за аппаратуру.

А скандал?! Нет-нет, только не это. Решено было усилить контроль за безопасностью и понаблюдать за всеми сообща... Ну, типа пошпионить.

Ресторан был пуст. От слова «совсем». Маленький ресторан с круглыми столиками на две-четыре персоны, отделанный в желто-коричневых тонах, находился недалеко от театра, но артисты на обед сюда не бегали – зарплата не позволяет. А Геннадий Петрович захаживал иногда, здесь он не боялся открыто говорить о проблеме, потому что подслушивать некому да и незачем.

Надо сказать, история странная, если не хуже, даже Анфиса поначалу растерялась и молчала с минуту, выслушав, что именно беспокоило Гену. Но вот она налила в стакан минеральной воды, правда, прежде чем выпить хотя бы глоток, задумчиво сказала:

– И я не понимаю, кому понадобилось и зачем? Какая-то тупая выходка... а если шутка, то слишком злая. Софит мог упасть на голову любому из нас.

– До падения там сидела Боярова... в кресле сидела... Его ставят у второй кулисы, чтобы при смене картины сразу вынести на точку.

– Я помню, где оно стоит.

– Саша поднялась, и тут грохнулась эта бандура. Прямо в кресло.

– Жуть какая! – передернула плечами Анфиса. – Ее могло попросту убить. Но открутить болты специально, перерезать кабель, чтобы софит уж точно упал... нет, Гена, это невозможно, никто не мог... нет! И цель – какая? Кто-то хотел сорвать премьеру? Тогда выбор времени странный – почему за день до премьеры, а не на премьере? Кстати, ты-то что думаешь? Только честно.

Он сначала тоже выпил водички. У творческих людей интуиция развита, как у змей чутье перед землетрясением, Геннадий Петрович чуял: что-то тут не то, какая-то гнусная интрига, и ему показалось, он догадывается, откуда ветер дует:

– Либо по заказу городской администрации провоцируют крупный скандал, так сказать, создают повод, чтобы закрыть нас, ну, или хотя бы

урезать до минимума финансирование.

– Ге-ена... – протянула Анфиса, давая понять уже интонацией, что его предположение глупое. – Нашим чинушам повод не нужен, им бояться некого, а высокому начальству на нас вообще начхать, оно не видит тех, кто внизу. И потом, дорогой, финансирование идет из центра, а не из городской казны. Остается второе «либо».

– Что? – не понял он.

– Ну, ты сказал: либо по заказу администрации софит упал, либо... что?

– А, – вспомнил, наливая себе второй раз воды. – Не знаю. Представляешь? Не-зна-ю!

Анфиса подумала и нашла самое удобоваримое объяснение:

– А разве не могли эти болты сами расшататься и выпасть, а кабель оборваться под тяжестью?

– Одновременно все? Не могли.

– Ты так категоричен, а если...

– Исключено, – перебил Геннадий Петрович. – Ян, поверь, разбирается лучше всякой экспертизы в софитах, креплениях и... так далее. Мы решили не вызывать полицию, только я теперь думаю, зря не вызвали. У меня к тебе просьба или... нет, приказ. Прекрати кусать Боярову...

– Я всех кусаю, не люблю нашего брата...

– Помолчи. А то мало ли, вдруг кому-то в голову взбредет подлая мысль, что ты и сбросила на нее софит? Твой язык – твой первейший враг.

От возмущения Анфиса хватала ртом воздух, словно умирающая золотая рыбка на песке у ног браконьера. Однако шок проходит, какой бы силы он ни был, а первейшая актриса по характеру женщина крепкая, она выдержала испытание даже медными трубами! Потому опомнилась быстро и взяла в руки меню.

– Так... – сказала Анфиса, глядя на строчки и цены. – Нанесем максимальный материальный ущерб нашему главному режиссеру...

Это была пауза, чтобы окончательно укротить гнев, пауза, чтобы мгновенно обдумать ситуацию и сделать выводы, а намек главрежа такой топорный, что заслуживал Гена самой страшной кары. Неожиданно Анфиса подалась через столик к нему корпусом и угрожающе процедила:

– Гена, запомни: чтоб я больше никогда не слышала тех слов, которые ты произнес последними, понял? Ты на что намекаешь? Что у какого-то идиота может возникнуть мысль, будто я покушалась на Боярову? А как, интересно, я могла сбросить на нее софит, не находясь на колосниках, а? Я пришла в театр последней, а когда начался прогон, Дина надевала мне

парик. Ну, согласись: чтобы попасть точно на Боярову, нужно стоять на колосниках, у нас аппаратура не управляется дистанционно. Я знаю, что ты так не думаешь, но слова... они имеют свойство отпечатываться в мозгах недоумков и трансформироваться в неоспоримую теорию. Больше не зли меня, ладно?

– Понял, – кивнул он, вздохнув. – Ты выбрала?

– Да, – откинулась Анфиса на спинку кресла. – Мясо. Самое дорогое. Я голодная.

* * *

Сегодня не только премьера, сегодня еще и открытие сезона – двойной праздник. Как обычно, Саша пришла в театр за полтора часа, переделалась в халатик и села гримироваться, но делала все автоматически, собственно, любая актриса нарисует лицо с закрытыми глазами, дело не в этом.

Вчерашняя утренняя репетиция прошла на автопилоте, то есть плохо, и неудивительно после того, как упал софит с точностью в кресло, в котором сидела несколько секунд назад Саша. Разумеется, режиссер и все, кто был в это время в театре, включая директора, прибежали за кулисы, стоял дикий ор – как, почему, кто недоглядел?! Бедняга Ян Адамович клялся и божился, что не понимает, почему грохнулся софит. Тут же он залез по лестнице, расположенной у портала, на колосники и оттуда бросал фразы: мол, перед каждой премьерой устраивает профилактику, два дня назад проверял лично каждый болт, все было в порядке...

Тем не менее! Софит упал? Упал! И нет никаких оправданий никому. Когда Саша бросала взгляд на покалеченное кресло, невольно ежилась, ведь, не будь у нее конфеты, осталась бы она сидеть в кресле до последнего...

Сегодня страх вошел вместе с ней в гримерку, сел рядом и наблюдал за молодой актрисой. Конечно, это образно говоря, однако она почти физически ощущала наличие зловещей субстанции, обещавшей своим присутствием большие сложности, неприятности, нечто плохое.

– Можно? – вдруг услышала.

– Да?

Нет, Саша вовсе не хотела сейчас разговаривать с кем бы то ни было, «да» вырвалось нечаянно и обозначало скорее «кто там?». Но поздно говорить другие слова, потому что вошел Иннокентий – Инок. Вчера после вечерней генеральной репетиции он вызвался подвезти ее к дому, по дороге

оба молчали. К счастью, с его стороны ни намека не было на ухаживания, иначе она прекратила бы с ним всяческое общение. Именно он заметил падающий софит и не дал ей вернуться в кресло, фактически спас от смерти. Поэтому сегодня из благодарности Саша не стала просить Инока дать ей возможность собраться перед спектаклем, говоря по-простому, выйти вон. Он тем временем взял стул, оседлал его и завесил паузу.

– Что-то еще случилось? – спросила она, подкрашивая глаза.

– Нет, как будто...

– Ты говоришь неуверенно.

– Слушай, Саша, я там нарисовал на половике черточки синим мелом, мысленно проведи линии от кулисы до кулисы. На эти линии становиться нельзя, ты либо впереди стань, либо за... Ничего ведь не случится, если ты на шаг поменяешь местоположение?

– Ты хотел сказать, немножко изменю мизансцену?

Интересно! Саша не поняла, что это за самодеятельность с мелом, поэтому развернулась к Иноку... Нет, на его лице не прочла ничего, что могло бы разъяснить инициативу, пришлось приступить к принуждению к правде:

– Ты что-то знаешь и мне не говоришь.

– Я не знаю, а только предполагаю – это разные вещи.

– Хорошо, валяй предположения.

– Короче, так. Играй свой спектакль, праздной премьеру, потом я тебя отвезу домой и выложу свои предположения. А сейчас... помни о черточках, и все будет о'кей. Ну, удачи тебе.

И вышел. Ничего себе! Саша и так боится выходить на сцену после падения софита, а теперь должна, соблюдая режиссерские мизансцены, не наступать на какие-то там невидимые линии, которые обозначены черточками? Что это значит? На нее еще что-то должно свалиться? Она думала об этом до самого выхода, пока по трансляции не услышала:

– Внимание, тишина за кулисами. Всем приготовиться к началу спектакля. Слава, убирай свет из зала... Потихоньку! Сколько раз говорить!.. Высвети авансцену!.. Дай на авансцену яркий свет, это световая реплика для гостей, они туда выйдут!.. Еще немножко подбавь... Спасибо, дорогой, так и оставь.

Саша неспешно шла к сцене, сейчас будут длинные поздравительные речи от администрации города, от каких-нибудь организаций. И конечно, директор расскажет о грандиозных планах неграндиозного театра, тем не менее, единственной отдушины в этом городе как для артистов, так и для жителей.

У кулисы стояло реставрированное бутафорами кресло, увидев его, душа Саша сжалась, а сама она перестала дышать. Боже, если б не дурацкая конфета, софит убил бы ее! Нет, туда она больше не сядет – факт.

– Сашуля, как настроение? – Рядом с ней очутился Октавий Михайлович, а его выход с другой стороны кулис. – Я пришел тебя ободрить.

– Октавий Михайлович, вчера вы спасли мне жизнь.

Она не могла не обнять его, а он растерялся и растрогался:

– Что-то не припомню такого эпизода...

– Вы дали мне конфету, я ее съела вон в том кресле, а фантик решила бросить в тот вазон. Но не дотянулась, поэтому встала, а тут софит...

– Да что ты! – изумленно поднял седые брови Октавий Михайлович. – Это только доказывает, что в жизни ничего не бывает случайного. Не судьба тебе, Сашка, отправиться в мир иной, значит, девочка моя, ничего не бойся в жизни. Ну, я пошел... Да, Сашуля! Когда буду вставать с колен, ты опусти руку вдоль тела, я незаметно обопрюсь о нее. Радикулит сегодня смущает, не дай бог на сцене вступит... Лады?

– Конечно, мой спаситель.

Ему семьдесят, держится отлично, несмотря ни на что. Окташа вообще не склонен культивировать в себе недуги и жаловаться на них каждому встречному, он везде и во всем ищет позитив и, самое смешное, находит.

Всю торжественную часть она настраивалась на роль. А смотрела на черточки, они почти незаметны на черном покрытии, во всяком случае, из зала их не видно, но это своеобразные маячки, расставленные по всей сцене. Пожалуй, впервые в жизни Саша подняла глаза вверх...

Кровь застыла в жилах, это верное ощущение, расписанное в литературе классиками на все лады, но читать – не на себе испытать. Особенно чувствуешь стоячую и холодеющую кровь, когда видишь над головой тонны железа, тонны! Штанкетные трубы, на которые цепляют декорации с кулисами, задниками и прочим сценическим оснащением. Софиты – отдельная песня, они висят рядами, а в рядах группы по два-пять софитов, ну и отдельные фонари, как тот, что упал. Театр старый, устроено здесь все по старинке, с советских времен – никакой модернизации, ведь новшества стоят денег, причем больших, а их, дай бог, чтоб хватило на новую постановку и зарплаты. Все это хозяйство разноцветно сверкает сверху, обливая световым калейдоскопом сцену, но это тонны... тонны железа.

Ни один артист, выходя на сцену, не думает о том, что висит над ним, а Саша подумала. Впервые. И под кожей пробежал страх, так быстро

пробежал, словно живой: с пальцев рук и ног он поднялся вверх и сдавил виски, горло. С трудом актриса вышла на сцену, а когда вышла, с первой репликой забылась и играла в полную силу, но... как последний раз. Словно вот-вот свалится на нее многотонная конструкция и раздавит, а Саша не успеет ни роль доиграть, ни жизнь свою прожить – ничего не успеет...

Море цветов... Аплодисменты... Крики «браво!»... И улыбки, улыбки... Потом небольшой фуршет с шампанским, многообразием бутербродов и сладостей – замечательная традиция отмечать премьеру. Оленева, конечно, втихаря водку хлестала, а завтра опять этот же спектакль, в воскресенье тоже – три премьеры подряд. Голова кружилась от комплиментов, ведь на мини-банкет приглашены и гости, они не скупались на похвалы. Саша забыла про чертов софит, свой страх и синенькие черточки на сцене, она даже в упор не видела Инока, обещавшего отвезти ее домой. По старой традиции, которая сейчас утрачена в подавляющем большинстве театров, на банкет приглашались все работники, монтировщики в том числе, они же непосредственные участники.

Но всему приходит конец, а хорошим мгновениям – слишком быстро. Саша оделась, собрала букеты и вышла во двор театра, вдохнула холодный воздух...

– Ну, ты и копуша, – встретил ее Инок.

– Ой! – испугалась и одновременно смутилась она. – Извини, я...

– Забыла, – подсказал Инок, усмехаясь. – Ладно, не расшаркивайся, поехали, а то я спать хочу.

– Слушай, мне неловко... и потом... не люблю чувствовать себя обязанной...

– А я не люблю ваши актерские бла-бла-бла. Поехали.

Забрав букеты, этот не очень вежливый, даже немножко грубоватый молодой человек зашагал к выходу с театрального подворья, ей пришлось плестись за ним. Только в машине Саша почувствовала усталость и приготовилась чуточку расслабиться, однако Инок (дурацкая кличка, которая ему, кажется, очень нравилась), выехав с парковки, не позволил и этого:

– Ну, рассказывай.

– Не поняла, – встrepенулась она. – Что рассказывать?

– Как докатилась до жизни такой. Извини, шучу. Но мне интересно: молодая и красивая артистка, которая училась в Москве, работала там же, вдруг уезжает к черту на кулички... Почему?

– А тебе не приходило в голову...

И внезапно замолчала. То, что едва не слетело с языка, – ложь, а лгать сегодня не хотелось, но и вспоминать прошлое тоже не было охоты. Когда сознательно отрезаешь от себя часть жизни, надеешься туда больше не возвращаться никогда. Но разве кому-то удастся расстаться с прошлым? Тем более когда в нем много черных и белых пятен...

* * *

Разумеется, с детства Саша видела себя актрисой, и не только на подмостках сцены, на экране в первую очередь. О, кино! Настоящее, сильное, способное захватить полностью, унести в страну фантазии, вызвать смех или слезы, красивое кино о человеческих терзаниях манило юную мечтательницу со страшной силой. Саша запоем читала Шекспира и Лопе де Вега, учила монологи из пьес Островского, а ночью, засыпая, уносила в шквал страстей Достоевского, короче, девочка образовывалась.

Первой восстала против карьеры актрисы мама, доводы приводила вполне разумные, мол, связей в богемном мире нет, а без них – никуда; Саша не дочь, не жена, не сестра знаменитого артиста или режиссера, а там другие не ходят! Да и вообще, от слова «богема» на ее замечательном лице появлялось брезгливое выражение. Но мама... о, она исключительная в своем роде: английский, японский, китайский языки – на этот подвиг, извините, среднестатистический человек не способен. Дедушка с бабушкой, конечно же, поддерживали дочь и тоже были против выбора Саши, дед с высоты своего величия (он до сих пор капитан дальнего плавания) фыркал в усы:

– Богема всегда лезла в привилегированный класс, но потолок этой прослойки – горничные и бармены. Включи телевизор и посмотри на них, это же убожества: пьянчужки, развратные, глупые приматы, не могут толково выразить мысль, впрочем, мыслей в их головах не водится. И ты, Сашка, туда же лезешь!

– Дед! Ты серьезно так думаешь? – сопротивлялась внучка. – Негодяи и дураки везде встречаются, это же не повод огульно всех мазать одной краской!

– Ай, – отмахивался тот в своем любимом кресле на даче,

отворачивался от единственной внучки и бурчал: – Все одинаковые, все!

Бабуля не была столь категоричной:

– Саша! Среди артистов, разумеется, встречаются и вполне сносные люди, даже умные, но мало. И потом, милая, красота и талант не самое главное в искусстве, дедушка прав: в основной массе это ничтожные люди, из-за ролей способны на все, а ты... ты у нас другая.

Понять их было можно: они всеми способами пытались удержать Сашу дома, где ее любят, всегда позаботятся, защитят. Поэтому и со всех сторон неслось: у тебя столько способностей и столько возможностей проявить себя вне театра-кино, не имеет смысла гнаться за призрачными иллюзиями, тем более тратить годы на то, что в девяноста процентах случаев не осуществится.

Но ведь десять процентов остается, это огромный запас вероятности, что удача поджидает Сашу, стоит только сделать первый шаг. Впрочем, если б осталось даже полпроцента, юная и самонадеянная девушка отважилась бы на поездку в Москву, сосредоточившую в себе абсолютно все пути к мечте. Мама сдалась, дед не разговаривал с внучкой и даже не простился перед отъездом, бабушка вздыхала и утирала слезы, давая понять, как она страдает. Наверное, они втайне были уверены, что дочь/внучка, провалившись на вступительных экзаменах, вернется домой и забудет навсегда о глупой затее, только поэтому отпустили.

Настал миг, когда Саша полетела через всю страну завоевывать благосклонность Мельпомены. Надо сказать, если б никого не нашлось в Москве, кто пустил бы к себе девочку, поездка не состоялась бы, но тут выручила бабушкина подруга, у которой в столице жила двоюродная сестра, тоже бабуля. Изабелла Дмитриевна тосковала по... черт ее знает, чего ей не хватало, но она охотно приютила хорошенькую провинциалку с противоположного конца планеты, радуясь гостю, словно девушка близкая родственница. Зато соседки по площадке запели старушку:

– Белла, ты с ума сошла. Она тебя обманет! Обворует! Заставит написать завещание и убьет из-за квартиры! Ты разве не смотришь телевизор? Сколько мошенников, внушающих доверие, прикончило стариков...

А говорят, в Москве соседи по площадке даже не знают друг друга! Еще как знают. Но, может быть, это в своем роде исключительный дом? Старая пятиэтажка в центре, жильцы здесь жили с давних пор, вырастив детей и внуков, не удивительно, что все общались, они же срослись с этим домом и друг с другом.

Саша слышала высказывания старых и не очень женщин, боялась, что

Изабелла Дмитриевна вежливо попросит ее уйти куда-нибудь, но та оказалась стойкой бабулей. Малюсенькая, худенькая – в чем там душа держится, с живыми глазенками и детской улыбкой, а несгибаемая.

И вдруг то, о чем грезила Саша, случилось: она поступила в театральный вуз! Это было... м-да, больше подобного градуса эйфории она не испытывала. Ей казалось, она уже запрыгнула на вершину и теперь останется там навсегда. И второй раз выручила Изабелла Дмитриевна:

– Зачем тебе, Саша, уходить в общежитие? Там не будет покоя, не будет возможности нормально учиться. Смотри, три комнаты! Для меня это слишком много. И фактически центр города! Метро рядом! Если уйдешь, мне будет очень одиноко. Я быстрее дуба дам без живой души рядом. Ты юна и еще не знаешь, что это такое одинокая старость...

* * *

Зато сейчас Саша узнала, что такое одинокая молодость – тоже не кайф, но компенсируется любимым делом, многие и этого не имеют.

– Так что мне должно было прийти в голову?

Саша настолько погрузилась в то чудесное время, когда надежды порхали вокруг нее, как бабочки – разнообразные и красочные, что забыла про Инока. И вдруг: она в машине едет, на коленях лежит сноп из цветов, на улице ночь, Инок крутит руль своего дорогого автомобиля. А бабочки-надежды... их осталось мало-мало, не всегда они показываются, больше прячутся, от этого как-то грустно...

– Почему уехала из Москвы? – наконец произнесла она, вспомнив, о чем шла речь совсем недавно. – Тебя не посещала мысль, что мне хотелось играть? Играть роли, о которых мечтают все-все актеры. И вот теперь я их играю.

– Но ты же снималась в кино...

– Угу. В малюсеньких эпизодах, в которых невозможно раскрыть свои способности. Знаешь, меня утверждали и на главные роли...

– Да ну! – почему-то хихикнул Инок, наверное, не поверил.

– Честно, честно! В сериале. Уже и костюмы начали шить, но... однажды позвонила ассистент режиссера и сообщила, что больше на примерку мне приезжать не нужно, другая актриса будет сниматься. Чья-то там дочка... Так что я ничего не потеряла. Нельзя потерять то, чего никогда не имел.

Было, что терять, было. Но так уж случилось, теперь глупо лить слезы

по утраченным иллюзиям, тем более жаловаться на судьбу Иноку.

– А здесь, – продолжила она, – за полтора года я столько сыграла, что иногда думаю: не со мной это. И я... я просто счастлива.

– Понятно, – глуша мотор, сказал Инок, так как подъехал к ее дому. – Подожди, не торопись выходить, хочу в твою бочку счастья бросить ложку дегтя.

Уставшая Саша нехотя захлопнула дверцу, «ложка дегтя», честно говоря, не вдохновила, поэтому лишь после паузы она повернула лицо к Иноку, недоверчиво глядя на него.

– Да, да, – закивал тот. А выражение на физиономии... будто знал про Сашу нечто постыдное! – Мне не хотелось тебя расстраивать, особенно сегодня, в такой день, но... ты же сама просила, чтоб я выложил свои предположения, так?

– А-а-а... – вспомнила она. – Я и забыла. А что, все так серьезно?

– Более чем. Короче, софит упал не случайно: кто-то отвинтил болты, а также отрезал его от кабеля. Это факт, а не предположение. А предположение такое: софит сбросили конкретно на тебя.

– На меня... – повторила Саша, еще не вникая в смысл сказанного. – То есть кто-то хотел, чтобы софит упал мне на голову, мне?!

Иннокентий выпятил нижнюю губу, вот что не предполагал, так это наличие тормоза в голове девушки, которую считал схватывающей на лету. И шутить по этому поводу не было охоты, слишком уж опасная ситуация, как ему виделось. Но Саша и во время паузы не догнала, что к чему, смотрела удивленно, пришлось ему проблему разжевать:

– Ну, вообще-то, в кресле не я сижу каждый раз на первой сцене, причем на всех репетициях. Моя задача вынести кресло и вазон на английские картины, потом занести за кулисы, поэтому я всегда встречаюсь с тобой в этом месте сцены. А ты сидишь там постоянно, понимаешь? С первых репетиций. Заметь: тебе крупно повезло, что я оказался рядом.

– Заметила, – задумчиво произнесла Саша, находясь в своих мыслях. – Хм... мне на голову сбросили... Так получается, меня хотели у... – И вдруг у нее вытянулось лицо. – Убить?! Да? Сбросили софит, чтобы меня...

Вот оно слово, наиболее подходящее к тому, что произошло, – убить. Отчего же раньше оно не приходило на ум? Да просто Саша убегала от него, потому что слово чуждое и, как ни странно, преследует ее, но об этом необязательно знать Иноку. Однако в театре, где добро и зло, любовь и ненависть, глупость и остроумие находятся в относительном равновесии, ибо это вечные темы постановок, убить человека в реальности... такого быть не может! Потому что... а вот потому! Как же поверить в чью-то злую

волю?

– Нет, это... – Саша вяло обвела рукой круг в воздухе, что он означал, она и сама не знала, а больше-то и слов не нашлось.

Она опустила глаза, между ее бровей пролегла глубокая складка, рука нервно мяла бутон цветка. Только сейчас Саша поняла природу своего страха: не только тонны над сценой ее пугали, прежде всего бояться следует тех, кто этими тоннами способен распорядиться. И душа угадала, а также подсказала, что есть кто-то рядом, воплощающий собой абсолютное зло, действующее против Саши.

– Понимаю, – с сочувствием вздохнул Инок. – Тебе не верится, что это произошло с тобой и против тебя. Да, убийство в театре кажется выдумкой, глупостью. В сущности, это хороший сюжетец для криминальной драмы, ничего не имеющий с действительностью, ведь артисты на самом деле трусливые и гнилые по натуре, они как бы не способны...

– Не стоит огульно обо всех...

– Ладно, не буду. Но учти, всякий трус не способен на преступление до определенного момента, пока не зацепят его кровные интересы. Вот тут он развернется, и вся дрянь вылезет из его нутра, как дерьмо из общественного сортира, когда туда бросают дрожжи.

– Дрожжи? – рассеянно спросила Саша. – Как это?

– Не знаешь? Рассказываю. Родная тетка моей мамы в начале девяностых решила подзаработать и поехала куда-то на Кавказ за страшным дефицитом – дрожжами. Набрали тетки прессованных дрожжей на какой-то фабрике, приехали на вокзал и ждали поезда. Но ливень прошел, вода попала в сумки, дрожжи слиплись, обертка размокла... Короче, товару хана, не стоило тащить на себе тяжелые сумки. Тетеньки не нашли ничего лучшего, как выбросить все в общественный сортир. А туалеты тогда были... ну, как на дачах спецдомики, только из камня. Но стояла жара вдобавок. И вот оттуда, из самых недр, полезло наружу дерьмо, оно на дрожжах поднялось, как тесто.

Представив картину во всей туалетной «красе», Саша рассмеялась – вот и разрядилась атмосфера. Ненадолго, правда, минутой спустя она снова повесила нос, но все равно в салоне слегка потеплело, и тон Иннокентия стал мягче:

– Саш, у кого ты тут отняла кусок хлеба с маслом, а?

– Ты настаиваешь, что это было покушение?

– Наверху мелькнул человек, я успел его увидеть...

– Мужчина или женщина? – встrepенулась она.

– Не разобрал. Слишком высоко и темно там было, а софиты

расположены ниже и прямо в глаза били светом. Я только заметил вверху движение – тень мелькнула... не бесформенная тень, это был человек, а не кошка. Бежать ловить его бессмысленно, с колосников целых три выхода – в карман сцены, на сцену с двух сторон по порталам можно спуститься и на внешнюю пожарную лестницу. По пожарке удобней всего, там тупик, прохожих нет, никто не увидит... разве что из окон многоэтажек... Но они далеко.

И снова пауза. Следовало обдумать услышанное, обдумать и понять, что происходит, откуда пришла опасность и почему. Паузу Инок считал своим:

– Значит, ты не знаешь, кого довела до покушения на тебя. А дела минувших дней? У тебя там все было... гладко?

– Как у всех, – резко бросила Саша. – Я пойду, ладно? Все, что ты наговорил, меня пугает... пока я знаю только это.

– Ладно, спокойной ночи.

Саша открыла дверцу, ступила одной ногой на землю... с ее колен посыпались букеты, распавшаяся на отдельные стебли с бутонами и противно шурша целлофаном. Среди них не было роз, перевязанных траурной лентой – сегодня она не получила желтого подарка, но и эти упавшие на каменные плиты цветы отдавали похоронным духом, поднимать их не тянуло. Однако мы чаще делаем то, чего делать нам не хочется, вот и Саша кое-как собрала ворох цветов. Прежде чем попрощаться и захлопнуть дверцу, она вдруг озадачилась вслух:

– У тебя шикарная машина, а ты работаешь монтировщиком...

– Ммм... – ухмыльнулся Инок. – Значит, у работяг шикарных тачек быть не может? Странная у вас, деятели культуры, позиция. А если мама с папой купили сыну тачку? А если я заработал честным трудом на эти колеса? А сейчас приехал получать наследство, дело это долгое, от скуки решил поработать хоть кем-то?

– Обиделся? Зря. Я без задней мысли...

Она уже хотела захлопнуть дверцу, но:

– В театре я за тобой присмотрю, а в других местах будь осторожна.

Опять напугал. И странный какой-то этот Инок, интересно, он просто так принимает в ней участие или за его заботой кроется нечто меркантильное?

– Почему тебя волнует моя персона? – задала Саша закономерный вопрос, его давно следовало задать. – Мы едва знакомы, но ты так переживаешь за меня, будто... родной брат.

– Все люди братья, – отделался он тривиальной фразой. – Меня учили

папа с мамой не проходить мимо чужой беды. Вот такой хороший человек я, поняла?

– Угу, – буркнула Саша и захлопнула дверцу.

Она не оглянулась, когда взревел мотор, но приостановилась перед калиткой, слыша удаляющийся звук кроссовера. У железного забора стояла узкая скамья, на нее Саша присела и задумалась: кто рискнул покуситься на ее жизнь? Конечно, у нее была жизнь до этого городка, правда, сложились обстоятельства, когда пришлось обрубить все концы одним махом. Оттуда мог тянуться хвост? Каким образом? Никто-никто не знает, куда она слиняла. Кроме мамы, конечно, еще дедушки и бабушки, а они и под страхом смертной казни никому не скажут. Впрочем, вряд ли к ним кто-либо поедет, чтобы узнать, где находится беглянка, слишком далеко ехать надо – оно того не стоит. А Изабелла Дмитриевна? Именно она устроила Сашу в этот театр через свою подругу-актрису. Хм, Изабеллушка стала родной, а родные не предадут. Стоп! Кто сказал, что Сашу непременно ищут? Исчезла и исчезла – этот вариант, судя по всему, многих устраивал. Ладно, допустим, ищут и нашли... чтобы сбросить софит ей на голову? Абсурд!

В кустах раздался шорох! Саша вздрогнула, огляделась. Кошка, наверное, гоняется за мышами, испугала негодяйка. Но сидеть на улице расхотелось, ночи-то холодные и вокруг ни души. Район мало чем отличается от деревни, а может, вообще не отличается, иногда именно здесь, на улице, приходят мысли: что она делает в этой дыре? Правда, Саша быстренько возвращается в норму, и дыра следом кажется лучшим местом в мире, только не сегодня. Сегодня дыра стала не безопасной. К сожалению. Что с этим делать, Саша пока не знала.

Дома было тепло, на кухонном столе стоял ужин, накрытый салфеткой, и цветы в вазе. Милые старики, Саше повезло с ними. Но она даже не приподняла салфетки и не поинтересовалась, что там в тарелках, а прямиком направилась в душ. Вода сняла усталость, подняла настроение, пробудила аппетит. Завернувшись в полотенце, Саша вернулась на кухню. О, котлетки и какой-то сложный гарнир из овощей, а запах... мертвого поднимет. Наколов на вилку котлетку, Саша ела ее без хлеба и гарнира, мимоходом взглянула в окно и... чуть не подавилась, а сердце панически заколотилось в бешеном ритме.

Свет от матовых фонарей, разбросанных по двору и саду, тусклый, рассеянный, но темнота не казалась пугающе беспросветной, она неплохо просматривалась до ограды в глубине. И там, в саду, почти сливаясь с деревьями, стояла фигура. Ее трудно заметить, еще труднее разглядеть, кто

же это. Пульсирующий хаос в голове, перемешанный с ужасом, заволок пеленой глаза. Понятно, что за стенами флигеля посторонний, проблема другая: какого черта человек стоит в чужом саду, что ему нужно? И не спросишь. Вдруг это маньяк? Стоит открыть дверь, он ворвется, растерзает... Кстати, человек стоял не спиной, не в профиль, а анфас, значит, смотрел конкретно на флигель. А в окне Саша, как в телевизоре!

Вот когда крошечная кухня бывает подарком, потому что на ватных ногах не удалось бы дойти до выключателя, а здесь – всего лишь стоит протянуть руку. Выключив свет, Саша снова повернулась к окну. Стоит! И вдруг кровь ударила в голову: а закрыла ли она дверь? Саша нащупала нож на столе, судорожно сжимая рукоятку (для самообороны взяла), двинулась на цыпочках к выходу, не подумав, что человек в саду слышать шагов не мог. Дверь, к счастью, она заперла. Но Саша накинула еще и крючок, затем вернулась на кухню, подкралась к окну... человека в саду не было.

Не спала она до самого рассвета, все прислушивалась к малейшим звукам, тайком в окна смотрела и сжимала в руках телефон, чтобы в случае опасности позвонить в полицию.

* * *

А утром сказка, обычная сказка по субботам и воскресеньям для маленьких зрителей, в этом спектакле Саша играла не главную роль, но очень значимую и симпатичную – Злую Колдунью. Так бывает только в театре: вечером королева, утром ведьма. Она едва не опоздала на спектакль, ведь забылась тяжелым сном на рассвете, потому что с дневным светом приходит и кажущаяся безопасность. Еле проснулась, да и то при помощи хозяйки, прибежавшей ее будить.

Разрисовав ярко лицо, приклеив ресницы и блески, Саша переодевалась со скоростью метеора, слыша по трансляции гомон в зале – детки уже на местах. В гримерку пришла Алиса, это ее главреж вытащил из самодеятельности, она, прошествовав к столику Сашиной соседки, игравшей Добрую Фею, ядовито бросила:

- Из-за тебя задерживают спектакль.
- Извини, так получилось, – сказал в ответ Саша.
- На вечерний спектакль ты приходишь за полтора-два часа, а на утренний опаздываешь. Выходит, сказка для тебя отстой?
- Вовсе нет, мне нравится роль. Я банально проспала...

Саша не стала рефлексировать на тон гадюки, которой наступили на

хвост, хотя бы потому, что не хотела подарить море удовольствия Алисе, когда та узрит раздражение. Раздражаешься – значит, тебя легко достать, а троллей полно не только в социальных сетях интернета, к тому же в жизни тролли – волонтеры, за свои пакости денег не получают. Алиса из породы волонтеров, у нее всегда найдется «доброе» словцо:

– Пить надо меньше.

Это она Саше! Которая вообще не пьет, на банкете только держала бокал и пригубливала – все. Вот что сказать хорошенькой дуре с нутром стервы, чтобы научить элементарным правилам общения и при этом не скатиться в свару? А играет положительную героиню, потому что беленькая, как Снегурочка, синеокая, круглолицая, ну, прям царевна священных вод. И терпение постепенно иссякало, потому как Саша далеко не железная леди, единственное, что ее выручало в подобных случаях, напутствие мамы, о котором она всегда помнила:

– Если тебе хамят и очень хочется ответить, сначала успокойся, поставь эмоции на ноль, так ты освободишь мозг и он подберет выгодный для тебя ответ или манеру поведения. После можешь открывать рот, но не крась фразы интонацией, дай понять, что тебя не задеть злобой. Срабатывает закон сохранения энергии: чужую, злую, ты не взяла, она осталась с хамом, а свою сохранила. Если же подключаешься к отрицательным биотокам, забираешь чужую злую энергию и отдаешь свою, в результате целый день болеешь. По моим наблюдениям, хамит либо дурак, либо враг, к сожалению, оба этих типа явление распространенное.

Саша не всегда следовала маминим правилам, иной раз невозможно сдержаться, тем не менее, когда получалось укротить себя, убеждалась: тактика работает. Сейчас, взглянув на Алису, копавшуюся в сумке, она про себя усмехнулась: на это «счастье», которое кому-то достанется за грехи, не стоит тратиться, но и без ответа нельзя оставлять:

– Я, Алиса, человек мирный, но ты преступила границы. В следующий раз, если я что-то подобное услышу, тебе придется предоставить доказательства, что я была пьяной.

– Ты мне угрожаешь? – фыркнула «Снегурочка».

– Ты правильно меня поняла... Почему роешься в чужой сумке?

– Мне... – вдруг потерялась Алиса, – разрешила Лада взять сигарету... а пачка в сумке.

– Пачка лежит на столе у зеркала с краю.

– Нашла! – подняла пачку Алиса, вынула сигарету и двинулась к выходу, но... судя по всему, девочка не привыкла к чужому превосходству. – Не надо мне угрожать. Ты не знаешь, кто мой отец...

– И знать не хочу. Ты ведь не знаешь, как и твой отец, кто мой любовник? Вот видишь...

Красивый ротик Алисы открылся сам собой, вероятно, ее ушки такое откровение никогда не слышали, она выпорхнула из гримерки, а Саша, нахмурившись, продолжила переодеваться в костюм. Теперь по театру поползут слухи о распутном поведении Бояровой, а с другой стороны... плевать. Пусть думают, что у Сашки есть покровитель и он сотрет всех в мелкий-мелкий порошок, в пудру, в тальк... нет, на молекулы разложит.

Отыграв первый акт, она побежала к костюмерам зашить порвавшийся костюм, а после – в гримерку. Еще не доходя до дверей, услышала взрыв хохота, а когда вошла – хохот резко оборвался. Ага! Обе соседки по гримерке на местах, с ними Алиса, занявшая стул Саши. Любому, кто попадал на резко оборвавшийся хохот, понятно, что речь шла о нем, ненаглядном и любимом предмете для насмешек (за спиной, конечно).

– Разрешите... – взявшись за спинку стула, на котором уложила свой костлявый зад Алиса, сказала Саша. Та безоговорочно встала, закон места – это святое. И тут Саша забыла про баб, их дегенеративный смех и вообще все.

На ее гримировальном столе лежал... нет, не букет, лежал сноп из множества желтых роз. Все как обычно: концы обернуты в целлофан, черные ленты. Саша не притронулась к цветам, присаживаясь на законное место, довольно ровным голосом спросила:

– Откуда роскошь? И от кого?

Визитка лежала на столе, а не между бутонов, стало быть, три девицы изучили каждую букву.

– С вахты принесли, – сообщила Олеся, тоже актриса лет тридцати пяти, мать-жена, с лицом стареющего лилипута и фигурой одиннадцатилетнего подростка. – Ты должна знать, от кого.

Намек на любовника. А Саша успела о нем, несуществующем, позабыть. Что ж, пусть будет так. Не взяв визитку, она подправляла грим, в зеркало видела, что за ней наблюдают, как в зоопарке, и переглядываются. Почему-то люди за спиной полагают, будто их переглядывания и ухмылки не видны, они забывают про зеркала. В гримерке реальные зеркала, но есть еще внутренние, в них мир отражается уж точно без камуфляжа, эти внутренние зеркала имеются у каждого, но люди почему-то об этом забывают. К ее радости, раздался третий звонок, и артистки убежали на второй акт, у Саши до выхода много времени. Оставшись одна, она сразу как-то обмякла, но взяла в руки визитку.

«С премьерой», – написано печатными буквами. М-да... цветов много,

слишком много. Саша взяла сноп, он оказался тяжеленьким, потрогала ленточки. Нет, есть и второе отличие: букет перевязан двойной траурной лентой. Короче, двойной намек. А сколько роз прислали на этот раз? Пересчитала – двадцать восемь. Что значит сие число?

– Двадцать восемь... – повторяла она. И вспомнила только одно число, связанное лично с ней. – Через неделю мне двадцать восемь... Четное!

Безусловно, все это что-то означает, Саша пока не понимала – что. Где искать концы намеков? Паникует она не зря, нет-нет, не зря! Для начала нужно выяснить точно значение желтого цвета, значение цветов и цифр. Прекрасное время наступило: можно совершенно спокойно, не затрачивая лишней энергии узнать практически все! Где? В интернете, разумеется, а смартфон с собой...

– Желтый... – открыв сайт, читала вслух Саша. – Используют для накопления физической силы, для увеличения прибыли, также желтый цвет является цветом Бога-Отца. Ух, ты! Отлично...

Однако взгляд упал на похоронные ленты – как-то вот не связываются они с приятными ассоциациями, одна чернуха приходит на ум. Нужно искать все, что касается желтого цвета, обязательно противоположные значения, они тоже должны быть, как разные оттиски на сторонах монет.

– Угу, вот тоже: желтый – застывший солнечный свет, золото... Хм, поэтично. Дальше... Иуду Искарота в желтом плаще изображали... Получается, это еще и цвет предательства. Я как будто никого не предавала, а вот меня... Так, еретиков одевали в желтые одежды перед сожжением на костре... Брр! Значит, это цвет мучительной смерти. Что еще?.. Желтая звезда обозначала евреев во время Второй мировой, в средневековой Европе желтыми лентами отмечали людей второго сорта... И вот: «Цвет осени, зрелых колосьев и увядающих листьев, но также и цвет болезни, смерти, потустороннего мира»...

Да, не все так однозначно, вон сколько значений, причем диаметрально противоположных, половина абсолютно не внушает оптимизма. Какое из них относится к Саше – поди догадайся.

– У славянских народов желтый цвет – цвет измены и ревности, а у некоторых народов Средней Азии это... цвет скорби и траура...

Цвет скорби и траура... Именно о смерти подумала Саша, но примерить ее на себя как-то не получалось, молодость видит себя только в формате жизни. Снова взгляд упал на ленточки... Они были шире прежних раза в два, длиннее прежних, к тому же ленты две, четыре конца завиваются в спирали... Но и букет огромный – двадцать восемь роз! А раньше было семь... В науке о числах «семь» символизирует тягу к

неизвестному, желание познать некие тайны, получить знания. А «двадцать восемь» означает... что от нас ничего не зависит в этой жизни!

– Намек, что меня скоро грохнут?

– Боярова! – раздался истеричный вопль Люси, влетевшей в гримуборную. – Ты давно на сцене!

Бросив смартфон на гримировочный столик, Саша взлетела со стула и ринулась вниз, слыша сзади:

– Все, Боярова, ты меня достала. Я обеспечу тебе выговор!

Тем временем на сцене Принц метался, хватаясь за голову:

– Я чувствую, чувствую ее... Злая Колдунья здесь!

Ему подыгрывал Верный Конь:

– Где? Где, ваше высочество? Не вижу! Но боюсь ее! Аж дрожу!

– Она вокруг нас! – опять Принц. – Она растворилась... Она невидима...

Бедняги тянули время, как могли, несли отсебятину, импровизировали с мизансценами. Верный Конь выписывал па, словно фигурист на льду (типа от страха) – лишь бы удержать внимание детей, которые громко смеялись над его гарцеванием.

Бежавшая Саша в полутьме в последний момент заметила преграду из части «дворца», обогнула удачно, но зацепилась за декорацию длиннющей мантией, свешивающейся с плеч до пят. Она вылетела на сцену вместе с куском декорации и сопровождающим ее грохотом:

– Принц!.. Я здесь!.. Что вижу, ваше... черт... высочество... блин...

Теперь Саше надо бы выручать их, потому что оба актера, повернувшись спиной к зрителям, закатились от беззвучного смеха и не могли произнести ни одной реплики. Но они-то находились лицом к ней! Почему-то на сцене палец покажи – и это кажется смешно до колик с икотой. А тут Саша никак не могла отцепиться от прицепа, который, в свою очередь, потянул за собой еще одну часть декораций, раздался грохот падения деревянных конструкций за кулисами. Ей было не до смеха, а нужно провести сцену, выговорить текст, ко всему прочему, Люся грозила кулаком из-за кулис:

– Ну, погодите! Все получите у меня...

Снова ночь. Ночные прогулки когда-то были любимым занятием, но, приехав сюда, в одиночку Саша бродить не рисковала – улицы пустынные и плохо освещены. Возвращаясь из театра поздними вечерами, она уже не прогуливалась, а стремительно шагала, сжимая в кармане на непредвиденный случай газовый баллончик. Идти до дома скорым шагом

примерно сорок минут, это недалеко, но после зловещей тени в саду не воодушевляла идея ни шагать, ни бежать по безлюдным улицам, наслаждаясь холодным воздухом, а на такси не наездишься.

Саша искренне обрадовалась, когда после вечернего спектакля Инок вызвался отвезти ее домой, мол, все равно ему по пути. Одно настораживало: похоже, скоро он начнет предлагать «дружбу» и все такое, на что она совсем не рассчитывала. Инок ехал медленно, что и подтверждало его намерения, впрочем, голова Саши занята другим: ей страшно одной, предстоящая ночь пугала.

– Ух, ты, сколько роз, – выразил восторг Инок. Правда, не высокопарно, скорее вяло. – Щедрый у тебя поклонник.

И вдруг Саша как кинет букет на заднее сиденье, как рыкнет:

– Никому не пожелаю таких поклонников!

– Ого... – опешил он. – Первый раз вижу злую радость. Слышь, Саша, с тобой что-то не так? Нет, я не лезу в душу, ради бога, но, может, могу чем-то помочь? Посмотри на меня: я большой и сильный, я все могу.

Так и попалась на участие, как рыба на удочку. При всей любви к уединению бывают моменты, когда становится душно и тесно в ограниченном мирке, нужен еще кто-то, с кем можно обсудить возникшую проблему, которой имя – опасность. Нет, больше ничего не случилось, так ведь достаточно полученных «подарков», чтобы перепугаться насмерть. Собственно, Саша не собиралась выкладывать совершенно постороннему человеку, что приводит ее в ужас, получилось это нечаянно.

– Двадцать восемь... – повторил Инок до смешного озабоченно, а как раз подъехали к дому Саши, он остановил кроссовер. – Круто. Что ты сама думаешь по этому поводу?

– Намек, наверное, – неуверенно произнесла Саша. – Ну, когда мне исполнится двадцать восемь лет, меня в срочном порядке отнесут на кладбище.

– Так радикально?

Она отвернулась, рассердившись на саму себя – распустила язык, дура! И понесло же ее выкладывать то, чего сама не понимала! У Инока сразу ирония в интонации послышалась, он не поверил! И Саша не поверила бы, расскажи ей кто-то другой про цветочки с ленточками и про человека из ниоткуда в ночном саду – слишком неправдоподобно, как-то по-книжному. Но Инок и не думал продолжать в ироничной тональности, у него даже свои версии появились:

– А такой вариант: тебя вынуждают уехать из города, м?

– Уехать? – подняла брови Саша, слегка обрадовавшись, ведь

«вынуждают уехать» звучит мирно, в отличие от «угрожают расправой». – Мне не приходило в голову... То есть я мешаю кому-то, да?

– Видишь, как просто найти отправную точку, и никакой мистики. Идем дальше в логику: кому ты мешаешь? Это еще проще: твой недруг в театре.

– Думаешь?

– Конечно, я могу ошибаться... – дал задний ход он.

– Ну, знаешь, твоя ошибка может мне дорого стоить! – пыхнула Саша, надеявшаяся в глубине души на более существенную помощь от мужчины.

– Слушай, если это не конкурентка намекает, чтоб ты катилась туда, откуда прикатила, тогда сама должна знать, кому дорогу перешла.

Что ж, рассуждал он вполне здраво, зря Саша думала, что в его небольшой голове маловато мозгов. Но в том-то и дело, что в общепринятом смысле дорогу она никому не переходила, поэтому сказала:

– Ты шутишь, а мне не до смеха.

– Совсем не шучу. Ну, сама посуди: просто так, ради прикола, букетик за... даже если посчитать по сто рэ... это, извините, почти три штуки. Но твои розочки намного дороже, плюс доставка, плюс наверняка особые условия...

– Что значит – особые условия?

– Конфиденциальность, к примеру. Ты же не знаешь, от кого получаешь цветы, наверняка даритель пожелал остаться неизвестным за определенную сумму. Завтра воскресенье, да? А давай после завтрашней сказки съездим в цветочный салон? Выясним про твои розы... если нам расскажут.

Конечно, она согласилась, тайны хороши в книжках, когда лежишь на диване и под шумок дождя бежишь глазами по строчкам, увлекаясь сюжетом. А в реальности пускай тайны достаются тем, кто любит жить в стрессе. Открыв дверцу, она спрыгнула на землю, но, увидев перед собой ворота, ощутила, как внутри все сжимается в маленький твердый комок...

– Инок, – повернулась к парню, – ты не мог бы постоять у входа, пока я не войду во флигель?

– Постоять? Ты кого-то боишься? Во даешь! А в спектакле как красиво идешь на казнь... залюбуешься.

– Не язви, тебе не идет, ты же большой и сильный. Тоже мне, сравнил: спектакль и жизнь! Я не королева, а только играю ее, это разные вещи. Я видела этой ночью человека во дворе... в саду... он стоял напротив моих окон! Представь: ночь, фонари горят тускло и черный силуэт. Мне стало страшно.

– Ладно, ладно, не психуй.

Иннокентий приблизился к железной калитке, открыл ее и заглянул во двор. А заборчик знатный окружал участок: сплошные гофрированные щиты метра два высотой, покрытые вьющимися растениями, которые осень заметно проредила. Дом в глубине, к нему вела дорожка через великолепный небольшой садик, протяженностью примерно метров пятнадцать или чуть больше, она пролежала мимо флигеля. Несколько матовых фонарей круглой формы на высоких чугунных столбиках освещали саму дорожку, так как расположены вдоль нее, но дальше локальных пятен света не давали. А в доме свет горел.

Облокотившись о железный проем, Иннокентий шире распахнул калитку, приглашая трусливую королеву пройти к своему флигелю. Саша подошла, правда, границу не сразу переступила, сначала подалась корпусом вперед и заглянула во двор, осматривая его.

– Ты не доверишь мне? – ехидно спросил он.

– Проверяю, вдруг ты не заметил... Извини.

– А может, ночью в саду был хозяин? Вышел воздухом подышать, м? А ты со страху приняла его за злоумышленника.

– Так и знала, что поднимешь меня на смех! Так вот хозяйина я бы узнала. Ладно, спасибо тебе, я пошла.

– Подумай, поищи, кому ты на хвост наступила. Отнесись к этому серьезно, ведь просто так на жизнь человека не покушаются, если только это не конченный психопат. Ну, бывай, твое величество.

Саша пробежала к флигелю, быстро открыла дверь и помахала Иноку на прощание, радуясь, что он не стал приставать. Иннокентий закрыл калитку, вернулся в машину и некоторое время сидел, раздумывая, одновременно потирая подбородок, все же достал смартфон и позвонил:

– Это Иннокентий, добрый вечер. Извините, что так поздно, но вы сами... А, да, я забыл, что между нами часовая разница. Короче, нельзя сказать, что я подружился с ней, но мне она уже доверяет... Говорил, говорил... Нет, величиной наследства не интересовалась... Совсем. Ее интересуют только роли...

В то же самое время Саша заперлась на все имеющиеся замки, кинула сумку в прихожей, задраила окна шторами и пришла на кухню. Под салфеткой обнаружила еду – неудобно как-то, забота всегда обязывает, а

Саша не любит быть обязанной кому бы то ни было, даже таким замечательным людям. Однако голод не тетка, девушка взяла маленький пирожок, надкусила... С мясом. Безумно вкусный, хоть и холодный. А мысли крутились в одном направлении, вряд ли и сегодня она заснет из-за этого.

И унеслась на тот банкет, или корпоратив – как нынче принято называть праздники в коллективах. Там на столах теснились блюда с красиво оформленной едой, возвышались бутылки с вином и коньяком, бокалы, вазы с фруктами. Почему именно тот вечер вспомнился? Не из-за пирожков же на тарелке! Скорей всего, где-то на периферии сознания засела фраза Инока и не давала покоя: «Слушай, если это не конкурентка намекает, чтоб ты катилась туда, откуда прикатила, тогда сама должна знать, кому дорогу перешла».

– Хм, дорогу перешла, наступила на хвост... – проговорила Саша набитым ртом, присев на стул. – Мало ли, кто и кому дорогу переходит, не на всех же из-за этого софиты падают. Только я сошла со всех дорог и со всех дистанций...

Иногда, как сейчас, ее неудержимо несет назад и без слов Инока, словно она жаждет пережить заново помимо счастья – разочарование и отчаяние. Мазохизм какой-то. Да, был другой мир, в некоторой степени фееричный из-за многообразия, остаться собой в нем было так же сложно, как не заразиться чумой в Средние века. Саша не потеряла себя, то есть жила, четко следуя установленным принципам, благодаря чему не смогла вписаться в желанную стихию, однако не это ее тревожило и тогда, и сейчас. Порой обстоятельства создаются некой темной силой, которая до поры до времени торчит в подполье и однажды выползает, чтобы ударить. Главное, от Саши ничего не зависело...

* * *

Получить диплом (хоть усеянный пятерками, хоть там будут сплошные тройки) – это формальный этап, который не дает никаких гарантий. Такова реальность. Саша не смогла найти работу в Москве, куда хотела – ее не брали, а куда брали – туда она сама не хотела. Но как без Москвы, без кино, без надежд? Жизнь только началась, самостоятельная и абсолютно безденежная. Не будь Изабеллы Дмитриевны, пришлось бы жить на вокзале и питаться воздухом.

Однако мало-помалу Саша освоилась с тяжелыми условиями,

подыскивала халтурки. То Снегурочкой работала – очень выгодная, но сезонная работа, как на грядках клубники. То в эпизодах снималась, то корпоративные вечера вела – слава богу, праздников в стране полно, иначе столица превратилась бы в Дикий Запад и конкуренты перестреляли друг друга. То ее приглашали в спектакль на троих – два известных актера и она делали Ches в какой-нибудь области, потом опять простой, потому что мужики снимались. Худо-бедно деньги водились, хватало на одежду (разумеется, не из дорогих бутиков) и баловать бабулю Изабеллу вкусностями.

И вот однажды... да, этот день изменил ее жизнь, хотя тогда и много позже она этого не поняла. Итак, однажды... Кстати, это было зимой! А зима тогда упала на Москву в ноябре, упала густыми снегопадами, укрыла город толстым слоем снега и успокоилась. «Мороз и солнце – день чудесный» – вот такой была в тот год зима, какая-то спокойная, мягкая, хоть и морозная.

Проснувшись утром, Саша отдернула штору и зажмурилась от яркого солнца, которое еще и погладило ее по лицу теплом, а за окном-то минус! Она улыбнулась солнцу – глупо, конечно, но когда тебе чуть больше двадцати, все вокруг имеет немного другое значение, чем на самом деле. Улыбнулась и кинула взгляд вниз. Детишки катались во дворе на санках и просто на подошвах собственных ботинок, утрамбовывая и отшлифовывая дорожки до такой степени, что по ним ходить невозможно, народ падает.

А на кухне Изабелла Дмитриевна уже заварила чай, сварила яйца и овсянку – беее. Умывшись, Саша плюхнулась на стул, схватила кусок сыра и закивала головой в знак благодарности, когда заботливая старушка поставила перед ней чашку с чаем. И дольку лимона бросила в чашку девочки. Саше сказочно везло на хороших людей, таких, как эта чистенькая, маленькая и хрупкая старушка с лицом доброй феи на пенсии. Вот если б и на режиссера повезло, на продюсера... а еще на агента, агент у Саши (диких размеров бабища) никуда не годится.

И тут раздается звонок. Ким закончил театралку на два года раньше, он успешно работал в каком-то малоизвестном театре и являлся востребованным сериальным актером.

– Сашка, ты вела корпоративы?

– Ну, да, – воодушевилась она, угадав, что предстоит поработать не задаром. – И концерты вела...

– Короче, Саня, выручай. Элка в гипсе. Упала на лестнице и сломала руку. Мне нужна красивая ведущая на серьезное мероприятие. Если б ты была такого же уровня известности, как Элла, получила бы очень круглую

сумму, а так – только половину. Но и это приличные деньги...

– Я согласна! – буквально выкрикнула Саша.

– У тебя вечерний наряд есть? Нужно красивое платье, требование заказчика – богиня!

Саша позаботилась о наряде. Впереди Новый год, наверняка привалят халтурки, чтобы не бегать по знакомым в поисках наряда, она потратилась на платье... нет, на ткань и всяческие мелочи. А платье сшила старушенция с пятого этажа – подружка Изабеллы, расшивали его жемчугом всей престарелой компанией подъезда, получилось выдающееся творение. Портниха еще и смошенничала: пришила бирочку от другого платья, которое ей приносили на переделку, в результате вышел крутой бренд.

– Наряд? Есть, есть, – заверила она. – Изумительный наряд.

– Тогда встречаемся через два с половиной часа, познакомлю тебя с программой и распределим, кто чего говорить будет.

– Yes! – воскликнула Саша, подпрыгнув на стуле.

– Тебе предложили главную роль в кино? – поинтересовалась Изабелла Дмитриевна, заранее готовясь, наверное, прыгать от радости.

– Пока только провести серьезный вечер. Корпоратив.

– М-да, вечер, – разочарованно проговорила старушка, соорудив кислую мину. – А-яй... Столько учиться, стать профессиональной актрисой, которой нужно открыть все двери, потому что талант... и радоваться какому-то корпоративу!

– Но на таких мероприятиях бывают важные люди, из мира кино тоже. Это может быть мой шанс...

Бойтесь своих желаний – они имеют свойство сбываться... Все знают эту истину, в которую тайно верят даже атеисты, знала и Саша. Мудрость древняя, неизвестно, кем произнесена впервые, приписывают даже Конфуцию, но не исключено, что ее кинул на землю сам дьявол – это же верный способ искушать людей. Как правило, мы не вдумываемся в значение набивших ухо фраз, а они – подсказка, что все мы под контролем могущественной инфернальной силы. И сила эта иногда шутит с подтекстом: ах, глупый человечек, ты хотел шанс, у тебя он будет, посмотрим, как распорядишься им. Но в чем шутка – шанс может быть совсем из другой сферы, распознать его очень нелегко, ибо кругом столько соблазнов, которые путают, отвлекают, затуманивают сознание...

На тот корпоратив она пришла в новом платье, оно было невообразимо красивым: на бледно-голубой прозрачной ткани вытканы крупные голубые цветы с листиками. Листики разбросаны по всему полотну – это очень

красиво, нежно, воздушно. Под этим платьем еще одно из тонкой ткани ровного бирюзового цвета с открытым, плотно прилегающим лифом. Прозрачное платье с рукавами до кистей, полностью закрыто – под горлышко. Сейчас время, когда все оголяются, выйти голым (или только с тряпочкой на причинном месте) – креативно, вызывающе, смело, эпатажно, Саша пошла обратным путем: закрылась до ушей. Однако плотно облегающий лиф скрыл только грудь, плавно спускался вниз и соединялся сзади у талии, сквозь ткань просвечивалось тело: верхняя часть от груди, спина, руки. Нет лучшего способа привлечь внимание, закрывшись полностью, в то же время выйти условно оголенной. Эффектно смотрелось.

В этой красоте (с изнанки лучше не смотреть, сразу видно: не Карден) Саша ступила на маленькую сцену вместе с Кимом, ощущая, как за ней плывут воздушные фалды обеих юбок. Она улыбалась, в то же время контролировала себя, чтоб улыбка не напоминала рекламу труда стоматолога, как искусственная улыбка Кима. Он вообще какой-то вздернутый, излишне энергичный и свой в доску, если не сказать – навязчивый. Играл отважных героев, а на вид стандартный: среднего роста, среднего телосложения, средних способностей, внешность тоже – ничего примечательного: заостренные черты встречаются у каждого третьего, а узенькие губы у каждого второго. Клеился к Саше, ну как же без этого? Он ведь без пяти минут звезда, ему нужен легион баб, побывавших в его постели. Она ответила таким выразительным взглядом, что Киму осталось лишь улыбнуться тонкогубой улыбкой и сказать, подняв ладони:

– Понял, понял, не дурак. – Не расстроился. И слава богу!

Праздник проходил в конференц-зале фирмы, следовательно, сцена не сцена в общеизвестном виде, а скорее помост, на полметра возвышающийся над полом, причем достаточно широкий и глубокий, чтобы на нем даже плясали две-три пары. Соорудили и подобие кулис, поставили большие щиты с надписями – когда и чем отличилась родная фирма. За щитами прятались Саша с Кимом, к тому же с их стороны был выход в коридор, где толпились артисты второго и третьего сорта, звезд первой величины приглашали особо.

Пространство зала дизайнерам удалось превратить в ресторан, несколько помпезный, а хорошо это или безвкусно – сложно сказать, наверное, заказчик так захотел. Столики круглые, накрыты белыми скатертями с драпировками, на стульях такие же чехлы с драпировками, официанты в белых смокингах... или похожих на смокинги пиджаках, Саша не очень разбиралась в мужском гардеробе. А вот лично ее неприятно поразило обилие черноты в одежде фирмачей, будто других цветов не

существует, тем паче на празднике. Мужчины либо в черных костюмах, либо хотя бы брюки с бабочкой черные, женщины ва-аще жуть, одни черные платья – короткие и длинные, черные туфли, клатчи и апофеоз – черный лак на ногтях, правда, не у всех. Какой-то бал вампиров намечался, но Саша спросила Кима не об этом:

– Почему банкет в фирме? Народу-то немало... Почему не в ресторане? Это было бы удобней, меньше возни.

– А я знаю! – пожал тот плечами. – У каждого своя пуля в голове, не суши себе мозги всякой хренью. Может, помимо жрачки, запланирован корпоративный секс. Отсеклись в кабинетах, вернулись к столам и продолжили пить-танцевать. Неплохо, а? Потом переговоры ведут, в своих апартаментах безопасней и надежней, информация не уплывет. Какой кабак предоставит столько услуг сразу? А что ты называешь – удобней и возней? Для кого? Официантов и поваров? Кто их будет спрашивать – где им удобно? Плита здесь есть в типа столовой этажом ниже, остальное с собой приволокут, не запарятся. Все, Саня, начинаем...

Вечер покатился по шаблону: поздравления с выходом на сцену, звон бокалов-вилки, номера, периодически вручались грамоты и памятные подарки. И вспышки, вспышки фотоаппаратов... Так прошло часа три.

Объявив очередной номер, Саша зашла за «кулисы» и уткнулась в текст, который лежал на столе, ведь репетиция была всего одна, да и то без номеров, просто распределили с Кимом текст, проговорили его, и все. А работать следовало без сучка без задоринки. Ким тоже склонился к ней, заглянув в лицо:

– Саня, я минут на десять выскочу, сигареты закончились – не думал, что эта бодяга затянется надолго. Справишься сама?

– Я вошла в режим, иди, не переживай. Только! – задержала его. – Попроси прийти несравненную, известную в узких кругах Роситу, ее шедевры следующие.

– Не любишь ты Роситу, – с укоризной сказал он, уходя.

– Ха! Мне как-то без разницы... абсолютно без разницы...

– Что именно? – спросил незнакомый голос.

Саша выпрямилась, но рядом с ней уже стоял не Ким, а молодой человек в темно-сером (почти черном – о боже!) костюме. «Какой серьезный...» – отметила она про себя. Крупные и в то же время отточенные черты могли показаться даже красивыми, но серьез, но собранность, но подтянутость... казалось, даже нос, глаза, губы, уши собраны в определенную маску, отвечающую торжественному случаю, но не празднику. Прическа охранника: светлые волосы коротко стриженны,

эдакая эковская щетина, а под воротником щегольская бабочка – несоответствие полное. К тому же от него за пять метров несло ответственностью, будто это старик лет шестидесяти, а самому наверняка и тридцати нет. Скорей всего, рядом с Сашей стоял белый воротничок, креативный менеджер, офисный планктон, что в переводе – сухарь и холодильник. Только немного нетипичный.

– Я не вам, – сказала она. – Вы что-то хотели?

– Угу, хотел... (А тембр у него ничего, мягкий баритон с завораживающими переливами.) Кто у нас тут по плану? Разрешите?..

Он взял со стола папку с программой, но Саша подсказала:

– У вас и у нас по плану Росита. Или Розита. Не знаю, как правильно.

– Неважно. – И протянул, не глядя, ей ладонь. – Алексей.

Странный способ знакомства. Кто он – понятия не имела, однако простые люди тут не ходят, посему пожала протянутую руку, тоже представившись:

– Александра. Можно Саша.

– Значит, так, Саша... Объявите эту... Ситу-Розиту позже. Сначала выступит наш гость, он только что приехал и хочет сказать несколько слов.

– Но ее уже вызвали на сцену! – растерялась Саша.

– Минут десять-пятнадцать подождет – какие проблемы?

– Но вы не понимаете... она... Давайте выйдем в коридор, мы мешаем артистам на сцене.

Алексей кивнул и жестом указал ей на выход, мол, только после вас, мисс. В коридоре разминали ноги два танцора, при них не хотелось говорить, да делать нечего. Саша развернулась к Алексею с намерением убедить его оставить Роситу как есть, а то воротнички командуют, но шишки-то на голову ведущих сыплются, потому что звезды... это бешеные звездищи. Про себя Саша давала обещание: не будет она вести себя, как бешеная звездища, когда станет известной актрисой – тогда она еще верила в сказки. Прямо не объяснишь, что певунья способна испортить вечер всем, включая нового гостя, пришлось подбирать корректные слова:

– Послушайте, Алексей... Артисты, особенно певцы, натуры тонкие, впечатлительные, они любой сбой воспринимают как вредительство...

– Главное, вы не переживайте, – улыбнулся он, как-то странно улыбнулся, с непонятым намеком. Вероятно, так улыбаются, видя перед собой наивных дурочек. – А ваша Розита переживет.

– Она не моя, ваша! – отбрила Саша. – Ваша фирма ее приглашала, а не я, но именно мне достанется от нее, а не вам.

Ее прервали отчетливые шаги, точнее, назойливый стук каблучков, так

ходят только звездищи – впечатывая острые каблуки в пол: тюк, тюк, тюк! Спорщики повернулись на звуки... К ним приближались серьги, ресницы, красные губы – все это на высоченных шпильках. Ну, еще много кудрей и маленький лоскуток ткани. Саша выглядела монашкой, синим чулком рядом с несравненной Роситой, которая недовольно осведомилась:

– Неужели до сих пор идет номер?

– Да, – закивала Саша, натянув виноватую улыбку.

– Там что, ораторию исполняют? – сострила певица.

– Нет, это ритуалы чукотских охотников, они исполняют композицию из песен и танцев... На Чукотке филиал фирмы... – извиняющимся тоном объяснила Саша. Поймав на себе насмешливый взгляд Алексея, который мог сам договориться с певицей, раз командует здесь, ей не оставалось ничего, кроме как выполнить его требование. – Тут такое дело... Вам нужно еще подождать... мы просим... совсем немножко. У нас срочный гость... то есть он срочно приехал... скажет несколько слов, а потом я вас...

– Девушка, – перебила Росита. – Я ждать не стану, вам ясно?

Саша так и знала: скандал – дело святое для звездищи.

– Не ясно, – неожиданно выручил Алексей.

Держа руки в карманах брюк, он выступил вперед, от него исходили такие спокойствие и уверенность, что Саша чуток попятилась, уступая ему место.

– Объясняю популярно, – взяла высокомерный тон певица, поставив руки с длинным маникюром на талию. Она чувствовала себя здесь главным сюрпризом, которому мешает какая-то мошकारа. – Сегодня у меня еще один корпоратив, я уже (!) опаздываю. Из-за вас. Вы же затянули с началом своего корпоратива, поэтому! Сначала пою я, а потом выпускайте ваших гостей хоть толпой. О'кей?

В глубине души Саша радовалась, что сухарь Алексей не ушел и принял на себя удар выкрутасов, у нее совсем нет способности утрясать дутые конфликты.

– Прошу прощения, – мягко сказал Алексей своим чародейным голосом, – но ваши условия неприемлемы. За те деньги, которые мы вам платим, вы будете ждать, сколько нужно нам, а не вам. Если вас не устраивает выступление после нашего гостя, я не смею настаивать, вы можете быть свободны.

Казалось, вот-вот вспыхнет костер вражды после того, как менеджер Алеша поставил певичку на заслуженное место. С точки зрения звездищи он унизил ее, хотя к его тону не придерешься, тон был как раз идеально

ласковый.

– О'кей, – беспечно прищелкнула пальцами Росита. – Выплатите компенсацию и...

– Момент, – поднял он указательный палец, заостряя ее внимание на себе. – О компенсации речи идти не может – это же вы отказываетесь петь. Должен сказать, что других корпоративов у вас на сегодня не запланировано, я знаю это наверняка. Идите и ждите в кабинете, который выделили для вас, это будет наиболее правильным решением с вашей стороны. Но если примете противоположное решение, мы не возражаем.

Саша рот открыла, потому что ожидала чего угодно, но не... тишины в ответ от популярной в тусовке хамки. С презрением в размалеванных всеми цветами радуги глазах, Росита резко и молча повернулась и, по-солдатски чеканя шаг, удалилась, оставив после себя запах терпких духов. Будто парфюмерная фабрика прошла мимо – задохнуться можно. Глядя ей вслед и отведя руку в сторону Алексея, Саша показала ему большой палец, но предупредила:

– Учтите, она уйдет. А у нее три песни... целых пятнадцать минут!

– Уверяю, никто даже не заметит. Саша, вот тут я написал полное имя и регалии нашего гостя, но... уже закончился номер, вы даже прочесть не успеете, а хотелось бы представить его по-особому, с теплотой. Это наш партнер, инвестор и просто очень хороший человек.

– Не переживайте, – забрав лист бумаги, успокоила она Алексея. – Я сейчас объявлю танцы, а сама за это время выучу все регалии и придумаю подводку.

В начале вечера атмосфера была стоячей – никто не выходил на небольшой пятачок посреди зала, чтобы немного размяться, пустоты заполняли музыкой, пока за столиками ели и пили. Музыкальные паузы дают время на привыкание к празднику – штука важная, они постепенно раскрепощают, кстати, к этому времени танцевали уже охотно. Саша зазубрила длинное имя с регалиями и вот вышла на сцену с микрофоном:

– Господа, минуточку внимания! Сейчас сюда выйдет один человек. Там, за кулисами, мне столько рассказали о нем, что я в себе засомневалась – смогу ли с тем же почтением, восхищением и любовью представить вам его. Он прилетел только для того, чтобы сказать вам несколько теплых слов. В наш век проще простого поздравить – набрал номер телефона, и говори, но он бросил все, а это очень занятой человек, и прилетел, чтобы увидеть ваши глаза, ваши лица. Вы его знаете. И любите. Как любит вас он. Итак, наш гость из Франции... месье Маршани!

Перечисляя титулы и занимаемые должности, она заглянула только

раза два в папку, где рука Алексея вывела кривые буквы, а когда выговорила последние слова, почувствовала, что ее лоб в каплях пота. Высокий и полноватый месье Маршани выпрыгнул на сцену, поднял высоко руки, принимая грохот аплодисментов, а Саша ретировалась в коридор, обмахиваясь папкой.

– Ну, молодец! – выразил не сухой восторг Алексей. – Классно сработала. Как тебе удалось запомнить столько непривычных слов?

И она тоже перешла на «ты», в конце концов, век скоростей, бешеных ритмов стирает условности, к этому пора привыкнуть:

– Могло быть лучше, но у тебя почерк невозможный, глаза спотыкались, когда читали. Пить хочется...

– Сейчас принесу.

Ага, сначала добровольные слуги, а потом – ты мне должна! Нет уж, нет уж... Все эти приемы Саша наизусть знала, несмотря на молодость, но когда она хотела решительно отказаться от одолжения, было поздно – Алексей стремительно удалялся. Не кричать же на весь коридор: вернись, я уже не хочу воды, не надо мне никаких услуг! Можно было и догнать, да пост ведущей бросить нельзя, Саша одна осталась, объявила главу фирмы, который после француза решил всех порадовать ответным словом. Вскоре и Ким вернулся:

– Как ты тут, май дарлинг?

Наглец заслуживал кары, осатаневшая Саша развернулась к нему и набросилась:

– Ты сказал – десять минут! А тебя не было сколько? Мне пришлось Роситу отправлять в гримерку, она тут вся позеленела и посинела! От злости. Тут столько поздравилок пошло, а с Роситой – никого, кто бы ее развлекал это время! Не знаю, будет петь теперь или нет...

– Саня, не пыли, это же не концерт в Кремле, здесь люди пьют-едят, им пофиг, кто тут перед ними скачет и квакает в микрофон под фанеру.

– Я, конечно, не востребована, как ты, в Кремль вести концерты меня не приглашают, но мое правило такое: работать везде, как в Кремле, а не халтурить. Иди к Росите и спроси, будет она петь или нет. Откажется – выходи петь сам, из певцов она последний гвоздь.

– Да ладно, че-нить расскажу смешное... Я пошел.

Ким из породы людей, которых не тревожит ничего, что не касается его замечательной персоны, отсюда вывести из равновесия данный типаж невозможно, как и ввести в смущение. Ему плевать, какие тут были трудности у Саши, хотя именно он нес ответственность за вечер, за что ему и платят раза в три больше. Ким двинулся к певице, даже не соизволив

поторопиться, к сожалению, и у него незаметно выросла корона на голове, да как быстро!

– Держи воду...

Саша увидела перед собой руку с бутылкой минеральной воды, потом Алексея. Осталось кивком поблагодарить, схватить бутылку и с жадностью прильнуть к горлышку...

– Я и стакан принес, – сказал он, но Саша отмахнулась, мол, мы не гордые, без стаканов обойдемся. – Тогда я пошел, ладно? (Она опять закивала, не отрываясь от бутылки.) Увидимся.

На этот раз Саша не успела ответить, так как заметила Роситу в сопровождении Кима. Надо же, не ушла, как грозилась! И по всем признакам собиралась петь. Да-да, она шла петь, это было видно по самодовольному лицу Кима. А шла-то как! С носом до потолка, с явным чувством торжества, словно ее долго уговаривали все скопом остаться и спеть хотя бы один куплет. В сущности, мир исполнителей предсказуем, всегда можно просчитать, как поступит тот или иной кумир, когда перед ним встанет проблема: деньги или достоинство. Саша и не подумала бежать за ними на сцену, решив: пусть теперь Ким отдувается один, как отдувалась она в течение часа, а не десяти минут.

Эх, присесть бы... Саша еле на ногах стояла. И почему в коридорах не предусмотрены стулья, банкетки, интерьерные кубы, на которых можно устроиться и передохнуть? Она оперлась спиной о стену, про себя радуясь, что дело близится к финалу, вдруг... Стоп!

Наверное, с этой секунды и началось то, что до сегодняшнего дня она не в состоянии осмыслить. На нее кто-то смотрел.

Молодой мужчина лет тридцати стоял напротив в коридоре, прислонившись плечом к той же стене, и рассматривал Сашу с едва заметной улыбкой, будто знал про нее все неприличия, которые она сама в себе не подозревала. Не нравилось ей, когда так смотрят – плотно, снисходительно и многообещающе, во всяком случае, благожелательным подобный взгляд не назовешь. В ее представлении люди, впервые встретившись, обязаны проявить уважение друг к другу, а не оскорблять одним порочным взглядом. Вот-вот: нечто порочное отпечаталось на его лице, хотя от подобных мужиков девчонки тащатся, а потом... впрочем, «потом» уже неинтересно, потому что банально. Так от чего тащатся? А вывеска презентабельная: отточенные тонкие черты (отдаленно напоминал Кима, хотя герою сериалов далековато до этого хлыща), брюнет (а брюнетов дамы обожают), отличные фигура и рост, шмотки крутые, наверняка и тачка у него самая-самая. Безусловно, у этого породистого кота

масса одноночек, но он решил пополнить список Сашей, о чем свидетельствовала полуулыбка с чуть-чуть опущенными уголками губ, отчего все выражение было удивительно слащавым, отсюда противным. Когда так плотоядно и пристально смотрят, как тут не спросишь:

– Вам нужна помощь?

Он многозначительно закивал, о, Саша терпеть не могла эти дешевые методы соблазнения и понты, ну, понятно же, какая помощь ему нужна. Именно поэтому она не любила корпоративы – обязательно клеится какая-нибудь гадость, думающая о себе в превосходной степени.

– Меня зовут Роберт, – сообщил он, подойдя к ней.

– Очень приятно. Извините, мне пора на сцену...

Роберт поймал ее за запястье, рука его оказалась теплой и мягкой, как у кошки лапка, а произнесенные слова предсказуемыми до оскомины:

– Там без тебя обойдутся. Предлагаю продолжить вечер в зале за моим столиком. Как мое предложение?

Осчастливил, блин! Толстенный намек на пошлые обстоятельства просто взбесил Сашу. И главное: у этого глупца в мыслях не было, что она откажется от столь «лестного» предложения.

– Не могу бросить работу... – решила все же быть вежливой она, но Роберту не понравились причины отказа, он перебил:

– В деньгах ты не потеряешь. Это здание принадлежит моему отцу, а я его правая рука. Тебе же известно: кто платит деньги, тот и музыку заказывает.

Вон оно что... Мажор. Папин сынок охренел от «мне все подвластно». Другая на ее месте завизжала бы от радости, поймав удачу за хвост, ведь многие девушки едут в Москву, лелея надежду подцепить богатое счастье, которое к тому же не старый хрен. И он об этом знал, на это и рассчитывал, а потому был уверен в себе и успехе. Никогда еще красивые рожи не были настолько отвратительными, поэтому Саша резко выдернула руку и смело заявила:

– Известно. Но не настолько, чтобы тупо исполнять ваши капризы.

И отправилась на сцену под его тихий смешок – это было как плевок в спину. Росита пела в зале между столами, а на сцене выписывали па две пары в ярких цветных костюмах, напоминающих оперенье райских пташек. Ким встретил ее без тени обиды, потирая руки, обрадовал:

– Саня, мы добрались до финала без эксцессов. Росита поет еще две песни, сейчас я объявлю одного мэна, он будет речь толкать, и стоняю за гонораром.

Скорей бы... А то и устала, и есть хочется, и настроение несколько

подпорчено котом Робертом. Она мечтала выбраться из респектабельного обиталища на улицу, где ночная Москва сияет, как новогодняя елка. Все же Саша нашла, куда пристроиться – присела на краешек стола, сбросив туфли и чувствуя, как ножки благодарно откликнулись.

Росита закончила свое выступление, в зале слышался гул, кстати, там тоже вечер подходил к концу, кое-кто засобирался, ведь почти двенадцать. Примчался Ким и заявил:

– Сашка, я без твоих бабок, тебе надо расписаться...
– Расписаться? – изумилась она. – Где? Зачем?
– В получении денег, мне не дают.
– Но обычно мы получаем в конвертах без всяких росписей...
– Трудно расписаться? Иди на этаж ниже, комната четыреста сорок один.

Ох, неохота... Но Саша влезла в туфли – а ножки-то отекли, – и побежала за своими кровными, придерживая длинные юбки. Открыв дверь с цифрами «441», слегка поразилась полумраком, но вошла, ища источник света, ведь именно там должен некто раздавать заработанные денежки. Шла она через просторное помещение с несколькими столами, отделенными перегородками из прозрачного пластика – видимо, это какой-то отдел, может, даже бухгалтерский. А в конце еще одна дверь, она была открыта, оттуда и шел свет. Когда Саша вошла, сразу поняла, что деньги ей просто так не отдадут, потому, приуныв, остановилась на пороге. Вот почему у Кимушки глазки бегали, словно он кого-то обокрал: понял, негодяй, что Сашу заманивают в ловушку, понял и предал, говнюк!

– Заходи, заходи, – пригласил ее Роберт, чтоб ему пусто было!

Он восседал в кресле с высокой спинкой, перед ним на полированном столе лежал листок, рядом стопочка купюр без конверта. Фирма солидная, а на конверты пожадничала разориться? Для пущей убедительности он придвинул к ней лист и положил сверху авторучку. Ей бы развернуться и уйти, потом устроить скандал Киму и потребовать, чтобы принес деньги, но вопреки разуму Саша с опаской подошла, взяла авторучку и склонилась над листком...

– Это что, ведомость? – поинтересовалась, видя явную липу.

– Расходный ордер, – ответил Роберт.

Ни паспортных данных не потребовал, ни адреса, ни других пунктов, удостоверяющих, что это документ, – таких ордеров она может напечатать на принтере штук сто. И что делать? Дать понять, что она не дура? Стоит ли? Он начнет прикалываться, острить, злить, приставать. Подобный экземпляр не впервой встретился, научена, поэтому взрослые корпоративы

не любила, но за них хорошо платили. Выход один: Саша поставила фальшивую закорючку на фальшивке и придвинула лист вместе с авторучкой к Роберту, затем медленно выпрямилась. А он крутился в кресле – направо-налево, направо-налево... и поедал ее беспутными глазами.

– Будьте добры, мои деньги... – напомнила Саша, зачем она здесь.

– А куда ты так торопишься?

– А почему вас это интересует? – подчеркнуто вежливо бросила она встречный вопрос.

– Потому что... хочу познакомиться с тобой поближе.

– Вы опоздали. Я замужем, у меня двое детей...

– Разведка донесла, ты НЕ замужем, – ухмыльнулся Роберт, а Саша догадалась, кто сдал ее: Ким, конечно! – И детей у тебя нет.

Она протянула руку, чтобы забрать купюры, но... Роберт положил на стопку свою холеную лапу и провокационно улыбался. В данных обстоятельствах возникает два непреодолимых желания: заехать по роже хаму и зареветь от обиды. Саша выбрала третью вариацию: уйти, а завтра приехать и попробовать гонорар, хотя уверенности теперь, что получит деньги, не было. Она развернулась и стремительно вышла в помещение со столами и перегородками. Роберт так же стремительно обогнал ее – вот это скорость! – и встал на пути, еще и руки расставил в стороны, словно голкипер в футбольных воротах:

– Да погоди ты! Странная какая... Ты даже выслушать не хочешь!

– Потому что знаю, что вы скажете, – перебила она. – Вас накрыла любовь, вы без ума от меня и предложите поехать в гостиницу...

– У меня есть своя квартира...

– Какая разница – дом, квартира, номер...

– Не угадала! У меня другое предложение: поехали на Гавайи?

– О... – подняла брови Саша. – Круто.

– Я знал, что тебе понравится мое предложение.

– А в качестве кого я еду на...

– Гавайи. В качестве моей подруги, разумеется.

У деда любимая поговорка: «Дураки учатся на своих ошибках, умные – на чужих». У Саши опыт маленький, зато его большая часть приходится на чужие ошибки, чужие слезы и свои наблюдения с выводами. Предложение Роберта – банальный шаблон, которым пользуются так называемые золотые слитки, встретив тупую телку, мечтающую о богатом покровителе. Его цель – срочный секс и ничего более, а Гавайи – даже не лапша на уши, это дешевые макароны.

– А до этого я обязана доказать, что заслуживаю гавайского рая? – усмехнулась Саша. – Гарантирую, что не заслуживаю. Дайте пройти.

– Ты не... хочешь? – Как же он изумился!

– В ближайшую пятилетку Гавайи не входят в мои планы.

Не привыкший к отказам Роберт не на шутку начал злиться:

– Слушай, ты чего такая колючая?

– Нужно очутиться на моем месте, чтобы это понять, – сказала она, видя, что дело принимает совершенно нежелательный оборот. – Дайте пройти.

Да, это уже был другой человек: встретив отпор, он возмутился наглостью девки с завышенной самооценкой, а потому налет сноба с его лица быстро смыло, появилось другое выражение – злобное, да и тон изменился:

– Слышь, а чего ты корчишь из себя неприступность? Цену набиваешь? Смешно, честное слово.

Тут уж и она не смогла удержаться от ядовитой интонации, но ведь достал представитель элиты, он как раз заслуживал жестокой правды:

– Просто ты мне не нравишься.

– Зато мне нравишься ты.

Наверное, Саша неправильно себя повела, потому что не должно было случиться того, что случилось. Следовало разыграть сердечный приступ, аллергическую реакцию – мол, я смертельно больна, и тогда даже этот придурок поостерегся бы нападать. А на здоровую девушку... запросто! И это стало неожиданностью для Саши, все же она наивно полагала, что Роберт не посмеет действовать агрессивно, хотя теоретически знала: и такое случается.

В один миг она очутилась спиной на столе, скорчив гримасу от боли, ведь скотина Роберт не церемонился, а одним броском уложил ее на лопатки и придавил своим телом, задышав в лицо. От него разило спиртным и дорогим парфюмом, Сашу едва не стошнило. Она попыталась вырваться во что бы то ни стало, а у него, к счастью, не четыре руки, всего-то две. И одной нужно держать жертву, второй юбки поднять, а у нее не юбки – сплошные складки плюс скользкие ткани. Пользуясь его замешательством, Саша пыталась оттолкнуть мерзавца, поняла, что он сильнее, тогда когтями (а когти будь здоров, крепкие и острые) безжалостно проехала по щеке Роберта.

Взвыл бедняжка. Тоже не ожидал от нее эдаких зверств. Наудачу у него сработал рефлекс: Роберт схватился за щеку, естественно, ослабил хватку второй руки, да и сам размяк: физическая боль – метод действенный. Саше

удалось его оттолкнуть, она поднялась, рванула к двери...

Тем временем Роберт, увидев собственную почти золотую кровь на собственной холеной ладони, догадался, что когтистая девка едва не сделала его инвалидом, и просто озверел. Он успел поймать ее за ворот, дернув на себя... разорвал верх божественного платья, которого нет даже у европейских принцесс, на две половины...

– Свинья! – зло бросила ему Саша и...

Он ударил ее. Наотмашь. Она заметила ладонь, летевшую в лицо, в последний момент и не смогла увернуться, не сообразила, как это сделать, да и подумать об этом не успела. Он ударил. Казалось, голова отлетела от тела. Но отлетела Саша – к пластиковой стене, непроизвольно закричав, когда ударилась о стену, да такую крепкую, что едва кости не раздробились. Саша буквально стекла по ней на пол, как стекает густая жидкость, в то же время она с удивлением наблюдала, что все вокруг зашаталось вместе со столами, окнами, шкафами. От удара у нее нарушилась координация, и, потеряв ориентиры, она уже не могла оказывать сопротивление, стала тряпичной куклой...

– Нет, – сказала продавщица цветов, вялая женщина лет за сорок со следами хронической усталости на болезненно-сероватом лице. – Даже если б и хотела дать вам номер телефона заказчика, не смогу этого сделать.

– Почему? – поинтересовался Инок, будто не догадывался.

Впрочем, велика вероятность, что ни одна версия из его предположений не окажется верной, потому предпочтительней послушать главный источник. Продавщица опустила руку в карман вязаной кофты и достала дешевенький смартфон. Молча. А Саша тем временем машинально огляделась и, как ни странно, поежилась в этом царстве Флоры. Сегодня ее восприятие цветочного салона оказалось совсем иным, чем раньше.

В небольшом квадратном помещении, расположенном в цокольном этаже старинного особняка, было холодно, как в морге. В сущности, это и есть морг – морг для цветов, ведь все они срезаны и медленно умирают, хотя им стараются продлить жизнь, но только чтобы продать. Вон их сколько... на полу в больших керамических вазах, на полках в вазах поменьше, на подоконниках... Везде-везде. Разные-разные. Слишком идеальной формы, словно ненастоящие, Впрочем, человек их создал, он же их и убивает. И продавщица будто полуживая, медленно говорила,

медленно тыкала пальцем в экран смартфона, вероятно, каждодневное умирание цветов забирает и ее жизненную силу.

– Простите, у меня тут настройки сбились... – будто угадала она мысли красивой девушки, после протянула Иннокентию трубку со словами: – Вот. Это номер, с которого нам сделали несколько заказов для актрисы нашего театра Александры Бояровой. Мне очень нравится, как вы играете.

– Спасибо, – дежурно ответила Саша.

– Хм... – почесывая затылок, выпятил губу Инок, одновременно изучая запись в смартфоне.

Саша пыталась заглянуть через его плечо... но у него же плечищи, а не плечи, да и рост – мама не горюй. Пришлось его толкнуть в бок, а когда он оглянулся, она поняла, что про нее этот «большой и сильный» попросту забыл. Однако вспомнил и сунул под нос телефон:

– Номер скрыт. Скажите, – обратился теперь к продавщице, – кто делал заказ – мужчина или женщина?

– М... – нахмурила та брови, припоминая. – Всего было четыре заказа, три раза звонил мужчина и один раз – женщина.

– А как делали заказы? Что при этом говорили?

– Ну... обязательно оговаривалось количество роз... их цвет... Он настаивал на чистом желтом цвете, нам приходилось специально заказывать эти розы. Еще требовали, чтоб никаких излишеств... надпись на карточке оговаривалась... обязательное условие – ленты...

– И цвет лент оговаривался? – подхватил он.

– Да. Цвет тоже. Черный. Я позволила себе высказать мнение, что черный цвет не принят в букетах для живых людей. Мне ответили, что он хорошо сочетается с желтым и зеленым, это красиво.

– Так и сказано было: «это красиво»?

– Да, именно так.

– Мужчина? Он сказал?

– Да. Это же был первый звонок, тогда очень подробно оговаривались условия, – недоуменно ответила она, не понимая, почему молодой человек заострил внимание на ничего не значащих словах. – А... простите, что вас не устраивает? Есть претензии к нам?

– Все устраивает, претензий нет, – весело, на манер простодушного дурачка, сказал Инок. – Просто мы удивлены: четыре букета, и неизвестно от кого. Вы бы не захотели узнать, кто этот даритель?

– Не знаю. Мне таких цветов никогда не дарили. Но и вам я не помогу, заказчик не пожелал назвать своего имени.

– Дорогое удовольствие, а?

– Недешевое, – призналась продавщица. – За каждый заказ салону выплачивалась дополнительная тысяча рублей в качестве премии.

– М-м-м, – одобрительно промычал Инок, посмотрев и на Сашу. – Щедро, щедро. А как заказчики расплачивались?

– На карту переводили сумму в день доставки.

– Догадываюсь, что от вас не требовали фотоотчет отправить...

– Как бы мы отправили фотоотчет, если не имеем номера? – задала ему встречный вопрос продавщица.

– Ну, да, ну, да, – согласился Инок. – А скажите, когда вам надо доставить следующий букет?

– Пока не было заказа. Обычно звонок поступает за пару дней, ведь нам еще надо цветы привезти со склада, это же другой город. Все-таки вы обеспокоены, что-то не так?

Иннокентий остановил долгий взгляд на ее уставших глазах, подсознательно проверяя, утаила ли она что-либо. Ей здесь так скучно, покупателей мало, а тут золотой клиент привалил, да ради него она солжет на всю тысячу рублей, что кидает ей в виде премии заказчик. Между тем продавщица спокойно смотрела на него, ожидая ответа, обычно люди с задней мыслью виновато уводят взгляд в сторону. Через паузу он ответил тоже вопросом:

– А разве вас не насторожили бы дорогие букеты с похоронными лентами от неизвестных поклонников?

– Извините... Я только выполнила заказ...

– Мы вас и не виним, что вы!

На прощание он купил три белые хризантемы и, попрощавшись с женщиной, Инок с Сашей вышли из цветочного салона. Машина стояла неподалеку, к ней шли медленно, торопиться-то некуда, до вечернего спектакля времени много. Иннокентий должен был монтировать декорации, но отпросился на часок, ему не отказали только потому, что сам он всегда готов выручить. А там где час, там и двадцать минут плюс. Короче, парень не переживал.

Осень аномально теплая и затянулась в нынешнем году. Но вот похолодало, и существенно, на небо напозли серые тучи, по тротуару переваливались багровые и желтые листья. Опять желтый цвет, цвет осени и умирания, он просто преследует Сашу. Поскольку Иннокентий молчал, а она из беседы с продавщицей не вынесла абсолютно ничего полезного, вздохнула:

– Мой поклонник обязательно объявится, я чувствую. Внезапно.

Чтобы я на месте умерла.

– У него будут клыки, длинные когти, весь волосатый, а случится это в полнолуние, – мрачно пошутил Инок. – Но если серьезно, не нравится мне история с твоими цветочками, отдает не только мистикой, а самым настоящим заговором. Покопайся в памяти, ты ничего не натворила, за что тебе захотелось бы, например, мстить?

– По ночам летала на метле, краля младенцев и поедала их на Лысой Горе, – тоже мрачно сострила Саша. – Ты столько задал вопросов продавщице... я не поняла смысла.

– А тебе и не надо.

Резковато ответил, Саша надулась, закусила губу и опустила голову. Собственно, ему было нечем порадовать девушку, раздражение этим и вызвано. Иннокентий предпринял попытку загладить вину, несмело обнял за плечи Сашу, по-дружески обнял, а она шевельнула плечами, высвобождаясь:

– Не обнимай меня.

– Не буду. Не сердись, Саша, я задавал вопросы от балды, первые, что приходили в голову... ну, просто искал, за что можно зацепиться.

– Зацепился?

– Нет. Но озадачился. Мутноватая история... Думаю, не поклонник одаривает тебя цветами.

– Знаешь, об этом я и сама догадалась.

Пришли к машине, которая пискнула и «подмигнула» фарами, когда Иннокентий нажал на брелок. Саша хотела открыть дверцу, однако ее добровольный помощник поспешил это сделать сам, что в данном городе нетипично для мужского населения. Она уселась на свое место, и вдруг ее осенила простая мысль:

– А маньяк? Вдруг это маньяк?

Инок захлопнул дверцу, обошел нос кроссовера, а ответил, когда очутился в кресле водителя:

– Маньяк? Возможно. Это тебе.

Белые хризантемы, с идеально одинаковыми лепестками, словно вылепленные из воска, производившие впечатление неживых цветов, не хватало маленькой детали – похоронной ленты. Саша инстинктивно подалась корпусом к дверце, отстраняясь от букета:

– Я больше не люблю срезанные цветы. Никакие.

– Почему?

– Так...

– И что я теперь, как дурак буду ходить с ними?

– Ходи как умный. Или отдай кому-нибудь.

Равнодушно пожав плечами, Инок кинул хризантемы через свое плечо и – да, они упали точно на заднее сиденье. Ловкий парень. Ловких немало на белом свете, встретились они и ей...

* * *

...Да, стала абсолютно безвольной тряпичной куклой, не способной ни говорить, ни кричать, ни сопротивляться. Только понимала боль и что шатание предметов явление ненормальное, нужно переждать этот момент, а потом... Не успела решить, что должно быть потом, так как Роберт подхватил ее с пола за руки-плети и с силой бросил на стол лицом вниз. Это был тоже болезненный удар, боль пронзила от носа в лоб и захватила голову. А где-то на периферии сознания, она слышала отдаленный, искаженный голос Роберта, словно пропущенный через пустой резервуар, оттого сливающийся с эхом:

– Я тебе покажу, кто из нас свинья... Сейчас вставлю тебе, и узнаешь...

Вот когда понимаешь, как нужна голова! Точнее, ясный ум. Именно голова руководит телом, без нее ты – ноль! Но эта часть не вернулась на место, потому тело находилось в нелепой беспомощности. Саша понимала происходящее, а ничего не могла поделать, даже позвать на помощь не получалось.

Собирая силы для отпора, она вдруг почувствовала, что в состоянии управлять руками, Саша оперлась о стол и приподнялась, но сволочь Роберт ударил ее в спину, она снова упала лицом в стол. После этой слабой попытки высвободиться он заломил ей руки назад и возился с юбками, чертыхаясь. Юбки спасали Сашу – они слишком широкие, ткани скользкие, пока доберешься... У нее снова был шанс, она собирала силы.

Внезапно почувствовала свободу. Полную. Словно Роберт отлип от нее. Может, он пришел в себя и одумался? Но раздался грохот... падение человеческого тела... Мужской голос (не Роберта) прорычал:

– Ты что делаешь, скотина?!

И снова грохот, только громче. Стон... Чьи-то руки осторожно взяли Сашу за плечи, помогая подняться, новый голос спросил, конечно, ее:

– Ты как?

– М-м... – застонала она, ибо голова затрещала, будто там сотня трещоток пришла в движение. – Я? Хорошо... наверное...

– Ты сядь, сядь...

Алексей, а это был он, усадил ее на стул, суетливо достал платок из кармана, с соседнего стола схватил вазу и, выкинув оттуда гвоздики, смочил его. Вернувшись к Саше, приложил к ее носу мокрый платок:

– У тебя кровь... Держи паток.

– Спасибо, – вымолвила она полушепотом, беря платок, а руки еще толком не слушались, к тому же тряслись.

– Что здесь происходит? – раздался еще один голос, властный.

В дверях стоял пожилой мужчина с внешностью крутого чиновника, который обязательно прошел путь от босоногого деревенского детства до кремлевских звезд. Это все, что Саша подметила в тот миг, но так, вскользь.

– Я спрашиваю, что...

И увидел Сашу: в рваном платье, растрепанную, растерянную, прижимающую к носу платок в крови. Перед ней на корточках сидел Алексей – картина вполне понятная.

– Ты что наделал?! – грозно свел брови мужчина.

– Не я! – огрызнулся Алексей, поднимаясь с корточек. – Вон деятель, в углу валяется. Я, кажется, вовремя успел.

Пожилой мужчина сделал несколько шагов в указанном направлении под стон из угла, повернулся к Алексею и Саше, строго спросив:

– Что с ним? Почему Роберт на полу?..

– Я дал ему по роже, – с вызовом отчитался Алексей, нисколько не тушуясь перед этим важным человеком, а важность прямо-таки окутывала того. Он вдруг бросился к Роберту, навис над ним, заорав: – Ты совсем рехнулся? Идиот!

– Алексей, прекрати! – прикрикнул на него пожилой человек. – Девушка дала повод...

– Повод?! – взревел тот, подскочил к мужчине, но только сжал кулаки и стиснул зубы. Посчитав нецелесообразным объясняться с ним, Алексей вернулся к Саше, которая с большим трудом приходила в относительную норму. – Идем, Саша, я отвезу тебя домой.

С трудом она поднялась, но ее зашатало, повело в сторону, Алексей поддержал девушку и не сдержался, бросив через плечо мужчине:

– Повод, ха! Налицо не повод, а улика, – указал пальцем на Сашу. – И за эту улику та скотина, которая валяется в углу с расквашенным пятаком, может жестоко поплатиться.

– Папа, он меня избил! – промямлил Роберт, поднимаясь на ноги, заодно массируя челюсть, а второй рукой опираясь о стену. – Я вообще-то, сдачи могу дать...

– Ну-ну, попробуй, – ухмыльнулся Алексей, выглядевший гораздо мощнее. – Саша, идем.

Опираясь на него, она поплелась к выходу, приводя в порядок платье, а оно не приводилось в надлежащий вид, с него свисали какие-то лохмотья. И вдруг дошло: верхняя часть разорвана!

– Как я пойду?.. – выговорила, прикладывая куски платья к груди. – Мое платье... оно... оно...

Алексей снял пиджак, надел его на Сашу, одновременно выразительно поглядывая на мужчин, мол, все вы тут конченые уроды, и вывел ее в коридор. Ей было все равно, куда ведут, беспокоила только голова. Не пропадало ощущение, будто мозги отскочили от черепа и болтаются там, как в ведре, отсюда и боль не проходила.

Был нескончаемый путь к лифту, потом на первый этаж, потом по холлу... В холле, на беду, попался в поле зрения Саши Ким, этот Иуда стоял с двумя девицами и явно вешал лапшу на уши, жестикулируя руками, все трое смеялись. У нее мгновенно мозги встали на место, куда-то делась боль, тело приобрело упругость. Появилась цель, к ней девушка двинула твердым шагом, наконец и Ким заметил ее, постепенно перестал улыбаться, поднял брови... Конечно, вид у девушки еще тот! Ни слова не говоря, она замахнулась и ударила его, правда, он выставил защиту – согнутую руку, по ней и попала, а целилась по морде. Девицы попятнулись, ведь никому не хочется попасть под раздачу, особенно когда видишь разъяренное существо, похожее на постоянного жителя дурдома. Саша второй рукой нанесла удар и попала по голове, Ким разозлился, тем не менее пятился:

– Охренела?! (Она сделала третью попытку достать до его наглой морды.) Идиотка неблагодарная! Я ей дал заработать, а она... Сдам сейчас в обезьянник, там научат...

Ему на помощь пришел Алексей, он поймал руки Саши, а она остервенело рвалась в бой, вместе с тем бросил Киму:

– Не стоит. А то ведь и тебя могут научить вежливости. Полагаю, ты получаешь сдачу и наверняка знаешь, за что.

– Слышь, а ты кто такой? – расхорохорился герой сериалов.

Алексей на этот раз не к нему обратился, а к двум парням в строгих костюмах неподалеку:

– Ребята, объясните ему, кто я такой. Идем, Саша.

Как именно объясняли Киму два шкафа, она не видела, ибо вышла на улицу, где морозец дохнул в лицо, тронул лоб, скользнул под пиджак. Погружая шпильки в утрамбованный снег, Саша добралась, опираясь о

руку Алексея, до автомобиля. Но когда села на первое место пассажира, вспомнила:

– А мои вещи? Я за ними схожу...

И хотела выбраться из салона, но Алексей усадил ее назад:

– Сиди, я принесу. Где они?

Объяснила кое-как, но он понял и, заперев девушку в машине, взбежал по ступенькам, затем скрылся в здании. В покое и тишине у Саши вновь разболелась голова, заныло тело, будто ее долго били палками. Она буквально прилегла на дверцу и... заплакала. Горько как-то стало в этом сверкающем мире, где каждая мразь считает возможным тебя растоптать. Мама была права, думалось Саше, но и она предположить не могла, насколько все хуже.

– Проверь, я все принес? – сказал Алексей. Он положил ей на колени сумку и одежду, поставил у ног сапожки, после заглянул в лицо. – О, что вижу... слезы! Саша, прости, что так получилось. Все ведь обошлось, правда?

Слегка кивнув, она оправдалась:

– Извини, расклеилась... Сейчас пройдет.

– Да реви сколько хочешь, – разрешил Алексей. – Одевайся, а то напугаешь домашних.

Саша только переобулась, на порванное платье натянула свитер, сверху – пальто, остальную одежду бросила в целлофановый пакет. Свой пиджак Алексей закинул на заднее сиденье и тронул машину с места. На следующем этапе Сашу замучила совесть, о чем она тут же поделилась:

– Из-за меня у тебя будут проблемы, да?

– О чем ты? – якобы не понял он.

– Не притворяйся, ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Тебя уволят.

– С чего ты взяла?

– Но... это же был отец Роберта, он же главный у вас, а ты... обидел сына, хамил, вел себя по отношению к ним ужасно.

– Не переживай, не уволит.

– Ты уверен?

– Абсолютно. Я незаменим.

– А если ошибаешься?

– Без проблем перейду в другую фирму на более выгодных условиях. Лучше скажи, как тебя занесло в тот кабинет?

– Ким... ну, кого я, к сожалению, не убила, сказал, что мне нужно расписаться за получение денег, хотя ведущим отдают гонорары в

конвертах... ну, за редким исключением, если только это официальный концерт... В общем, я пошла на четвертый этаж, а там этот... Роберт. Он предложил мне поехать с ним на Гавайи...

– Ха-ха! – демонстративно хохотнул Алексей.

– Вот и я ему сказала: ха, ха. Повернулась и хотела уйти, а он... Спасибо тебе, ты вовремя подоспел.

– А я искал тебя. Охранник посмотрел по монитору и сказал, в какой кабинет ты вошла. Мне даже интересно стало, что ты там забыла, ведь деньги я лично отдал твоему коллеге, а он, видимо, отдал твою часть Робу.

– Вот сволочь! Ким еще хуже, чем я думала о нем.

– Значит, денег ты не получила?

– Это не самое страшное, худшее могло случиться, если б ты не пришел. Фу, даже мысли не могу допустить, что... Этот урод Роберт ударил, и я полностью потеряла контроль, то есть совсем не соображала, как рукой пошевелить. В дрожь бросает, стоит вспомнить...

– Не вспоминай. Завтра Роб проспится, и ему станет стыдно.

– У таких стыда нет. У них есть только осознание, что мир со всеми атрибутами принадлежит их величию. А остальные – букашки и должны служить им. Захочет – подбросит букашкам монет, захочет – растопчет, на все его воля.

– На всякую волю самодура рано или поздно найдется уравнивающий кулак.

Несмотря на недомогание, которое давно должно было бы пройти, Саша не заметила, как промелькнул час. Алексей оказался вовсе не сухим планктоном, а довольно интересным собеседником, ко всему прочему, с чувством юмора. Главное, он не специально юморил, проверяя реакцию собеседника, мол, каков я, а? У него это получалось походя, отсюда естественно. К тому же преисполненная благодарности Саша видела в нем... Ну, что может видеть девушка в молодом человеке, спасшем ее от насилия и готовом поплатиться за свой поступок работой? Конечно, истинного героя. С нимбом над коротко стриженной макушкой.

Подъехали к подъезду, Саша собрала свои сумки-пакеты и посмотрела на героя с ярко выраженным ожиданием, дескать, давай – назначай свидание, я готова. Он в ответ улыбнулся и подмигнул...

– До свидания, – сказала она.

– Пока. Удачи тебе.

Саша вышла из машины, благополучно дошла до подъезда, оглянулась. Алексей еще стоял на месте, пришлось ему помахать рукой, хотя видеть его в салоне не могла – стекла тонированные, а свет в салоне он

выключил. В ответ дорогой внедорожник тронулся и оставил после себя белые клубы. Даже номера телефона не попросил, тупица! Нет, раз искал ее на фирме после корпоратива, значит, она понравилась ему. Что же произошло? Что Саша сделала не так?

– Офисный планктон, – вслух произнесла обиженная Саша, поднимаясь по лестнице. – Компьютер – бумаги, бумаги – компьютер... И никаких других интересов. Фу, как мне нехорошо...

Да, и тошнило немного, и голова как не своя. Она позвонила в дверь на третьем этаже, Изабелла Дмитриевна открыла и ахнула:

– Саша! Что у тебя с лицом?

– Один придурок...

Сил хватило войти в квартиру, но не дальше, внезапно ее всю охватила легкость, тело покрылось испариной и... каким-то образом Саша прижалась щекой к полу. Как это произошло, она не поняла, но пол был приятно прохладный, она блаженно прикрыла веки и, наверное, заснула. Прямо в прихожей.

* * *

– Можно? – предварительно постучавшись, спросил Иннокентий.

– Кто там еще? – послышался за дверью голос Оленевой.

Фактически получено разрешение, он смело открыл дверь, не опасаясь, что в него полетит некий предмет, однако на всякий случай только голову просунул в примерку. Анфиса, сидевшая за гримировальным столиком спиной к входной двери, увидела его в зеркало:

– Ты? Ну и чего застрял? Залетай уж. Чем обязана?

То, что она неласково встретила, еще ни о чем не говорит, Оленева только подшофе излишне добра и общительна, а трезвая – вредная. Молодой человек вынул из-за спины руку с букетом хризантем:

– Это вам.

Надо было видеть ее лицо! Во-первых, она не выразила даже дежурного восторга из благодарности, можно подумать, цветы ей дарят каждый день. Во-вторых, на букет Анфиса лишь покосилась через зеркало, в третьих, проговорила насмешливо:

– Охренеть. Что надо? Только без брехни.

– Обижаете. Когда это я вам врал?

– Не врал, так соврешь, – проговорила Анфиса, растирая грим по лицу. – Мальчик, знаешь, сколько жизней я прожила? Не думай, что растаю,

увидев букет в руках симпатичного молодого человека. Меня не прельстишь лестью, потому что про жизнь я знаю все. Но за цветы спасибо, садись и по-честному колись, что тебе нужно.

Крутая женщина, подумалось Иннокентию, с подобным характером он не сталкивался, потому озадачился: как с ней контактировать? Откровенными в наше время бывают только дураки от рождения, а умные в состоянии обвести слабую женщину вокруг пальца. Но как быть с такой же умной? Для начала он воспользовался приглашением. Примерка тесная, рассчитана на двух актрис, соседка не занята в спектакле, ее стулом и воспользовался Иннокентий, усевшись немного позади Оленевой, общаться с ней пришлось через зеркало.

– Ну? – произнесла она, не отвлекаясь от грима. – Что там у тебя?

Собственно, ничего нет предосудительного, если он спросит напрямую, каная под простачка:

– Что вы думаете по поводу упавшего софита?

– А почему ко мне... Пстой, пстой! – Анфиса полностью повернулась к нему с коварной улыбочкой. – Саша, да? Она твоя... м... девушка, да?

– Нет, не моя. Пока. Но она мне нравится. Очень. Саша считает, что фонарь грохнулся случайно...

– А ты так не думаешь? – в удивлении подняла брови Анфиса.

– Я... м... сомневаюсь. Мои сомнения ни на чем не основаны, это так... от беспокойства за Сашу. Ну, правда, сидит себе девушка каждую репетицию в кресле, ждет своего выхода, и вдруг – ба-бах! Фонарь падает прямо на сиденье, где она сидела всего секунду назад. Это как?

Пусть считает его влюбленным без памяти – от него не убудет, а сердце женское должно размякнуть, ведь любовь и все такое для противоположного пола – ведущая линия жизни. Но в Оленеву боги вложили чуточку другую программу, наверное, нечаянно перепутав ее с мужиком, именно поэтому Анфиса была далека от умиления:

– Ты понимаешь, что твои слова звучат... обвинительно?

– В каком смысле? – прикинулся шлангом Иннокентий.

– Ну, получается, ты подозреваешь, что кто-то в труппе подстроил падение софита. – Поскольку он молчал, что само по себе ответ, она продолжила: – Если еще проще, то некто из нашего театра решил уничтожить Боярову... Надеюсь, ты не думаешь, что софитом управляла я?

– Нет, конечно, – сказал Иннокентий, и его нельзя было уличить в неискренности. – Иначе я бы не пришел к вам.

Она снова развернулась к зеркалу лицом, продолжила накладывать

грим, между делом рассуждая:

– Понимаешь, на моей памяти подобных падений не было, да и в истории театра вряд ли найдется идентичный случай, если только не землетрясение. Артисты народец паршивенький, но покушаться на чужую жизнь... это розлив голливудских легенд.

– Исключаете актеров? – уточнил он.

– При всей моей нелюбви к братьям по ремеслу, исключаю. Они способны на мелкие подлости в каком угодно количестве, но совершить нечто глобальное, что изменит сразу не только их, но все вокруг них, это равносильно подвигу, правда, со знаком минус. Видишь ли, те, кому есть что терять, дорожат и куском прокисшего пирога, рисковать они не любят, особенно, если риск ничего существенного не даст.

– Старые актеры – согласен, а молодые? Которые даже не учились? Они ведь другие, приоритеты старшего поколения для них – ничто, а гаджеты, точнее, соцсети с игрушками, где мочат в виртуальном мире врагов, натаскивают психологию не уступать ни на йоту, ни в чем! А все, кто хоть немного ломает их планы, подлежат уничтожению, как в локациях. Если что-то пойдет не так, можно пройти квест заново – так им кажется, по-другому мыслить многим уже сложно. Так и стала жестокость нормой. Гнилая отмазка – будто это нарушения в психике, в подобных утверждениях заинтересованы врачи, им же нужно лечить, но отсутствие морали не вылечишь, она воспитывается. К сожалению, это данность.

Оленева перестала рисовать лицо, с интересом рассматривая отражение молодого человека в зеркале. Собственно, люди, с жаром и убеждением доказывающие свою точку зрения, либо пугают, либо раздражают, либо восхищают (таких меньшинство). Темперамент и напор – экзотическое состояние, нормальному человеку вписаться в данный режим некомфортно, но Анфиса сама жонглирует эмоциями на сцене, страстями не шокируешь актрису, ее другое изумило:

– Смотрю на тебя, Иннокентий, и думаю: у нас все монтировщики из социологов и психологов выбились? Нет, правда, какого черта ты здесь делаешь?

– Меня в ваш город привели личные обстоятельства.

– Понятно. Видишь ли, неучей у нас наберется четверть труппы, но должна предупредить: наличие «корочки» не гарантирует, что актер стал профи, зачастую в нашу профессию вступают озлобленные посредственности, трясущие дипломами у каждого носа. И даже эти актеры способны довести – я подчеркиваю – довести (!) человека до гробовой доски, но не уложить его в гроб софитом. Из твоего монолога я

поняла, что логику в поступках нынешних молодых людей искать не следует, а все же... давай поищем. Ну, что могла дать смерть Бояровой? У нее здесь одно преимущество: она много играет. Но где? В дырище, выражаясь «светским» языком? А дырища вряд ли вызовет зависть у кого бы то ни было. Хорошо, допустим, кто-то хочет играть ее роли, значит, это женщина. Но у нас не киностудия, где раздают роли, претендующие на мировые шедевры, мы провинциальный театр, потенциальных зрителей около трехсот тысяч, а не миллиарды.

– Вы хотите сказать...

– Цель не оправдывает средства, – заключила Анфиса. – Да и софит весит слишком много для женских ручек, чтобы его сбросить. А теперь иди, иначе я не успею дорисовать второй глаз.

– Угу, – ставя на место стул, кивнул Иннокентий. – Спасибо.

Когда он вышел, Анфиса кинула в коробку с гримом растушевку, которой именно рисуют характерные черты на лице, и задумалась, подперев переплетенными пальцами рук подбородок. Раздался второй звонок, однако времени у Оленевой хватит, нарисовать четыре глаза, ведь первая картина – французский двор, поэтому она взяла смартфон и позвонила. Он не брал трубку.

– Возьми трубку, черт тебя... Алло? Гена, это я... Стоп, не ори, мне нужно тебе сказать кое-что... Да, срочно! Так вот, не одни вы с Яном догадались, что софит упал не случайно и что кто-то в нашем серпентарии не любит Боярову. Очень не любит, до смерти.

Отделившись от стены, подслушивающий Иннокентий на цыпочках отошел от гримерки Оленевой и поспешил на сцену. Саша уже стояла за кулисами в облачении королевы, подойдя к ней, он пошутил:

– В кресло больше не рискуешь садиться?

– Пф! – фыркнула она. – А ты бы сел туда? Только не рисуйся, не люблю понты. У меня ощущение, будто я в стане врагов.

– В сущности, так и есть. Слушай... – Иннокентий подался к ней и зашептал на ухо: – Я тут прозондировал почву у некоторых, индивиды из разных вражеских станом считают, что артисты на диверсию против тебя не способны.

– А кто? – тоном возражения спросила Саша. – Костюмеры? Может, монтировщики? Или уборщицы? Им смысла нет.

– Но если следовать твоей логике, – подчеркнул он слово «твоей», – тогда это артистка, которая хочет играть твои роли. Не мелкогато? Для данного учреждения?

– У каждого свой масштаб, – парировала Саша. – И потом, почему

обязательно женщина? Почему не мужчина? Может, он помогает своей симпатии убирать соперниц.

– Не буду спорить, потому что одна вещь бесспорна: в театре есть человек, который хочет тебя извести. Первую попытку он осуществил.

– Думаешь, еще осуществит... попытку?

– Уверен. Зачем тогда присылает цветочки с похоронным смыслом?

– И кто-то наблюдал за мной в саду ночью, – согласилась она.

– И сбросил софит прямо на голову, но тебе повезло.

Что тут скажешь? Только – караул! Но лучше про себя, чтобы не дать повода злоумышленнику стать вдвойне осторожней, в этом случае обнаружить его будет сложнее. Разумный человек посоветовал бы бросить все и бежать куда подальше, спасаясь, да разве это выход? Удар будет нанесен по всем направлениям: театр останется без репертуара, главреж не заслужил кучу неразрешимых проблем, и Саша об этом подумала в первую очередь; она лишится работы – единственной отрады, в другом месте вряд ли повезет играть такие же роскошные роли. И последнее: а убежит ли она? Мотивировка неизвестна, Саша с Иноком только строят предположения, вдруг все не так, как представляется им обоим? Вдруг этот человек найдет ее даже на Северном полюсе среди льдов? Так какой смысл бежать? Но остаться – это каждую минуту, каждую секунду ждать удара.

Прозвенел третий звонок, в зале смолк гомон, слышались первые звуки музыкального вступления. Пора было заканчивать с разговорами, и Саша повернулась к сцене лицом. Инок уже достаточно работает в театре, чтобы понять ее, но он взял девушку за локоть и развернул к себе:

– Саша, послушай...

– Извини, мне сейчас выходить.

– До выхода есть время. Тебе нельзя оставаться одной даже на час. Опасно.

– И что? Чему быть, того не миновать.

– Глупая присказка. Знаешь что... Переезжай-ка ты ко мне.

Вон оно как! Собственно, Саша предвидела подобный ход, намекала, что отношений не будет – не понял товарищ намеков. Потому что мозгов все-таки у него маловато будет. Она спокойно, насколько могла, вместе с тем твердо и коротко сказала:

– Нет.

– Саша, не испытывай судьбу...

– Нет.

– У меня три комнаты, выберешь любую...

– Нет.

– Да что ты заладила! Я предлагаю реальную помощь, тебя же... – И еще тише произнес страшные слова: – ...могут убить. Здесь завелся конченый психопат, которому не нравится Боярова, она его просто бесит, спать-кушать он не может, пока она жива. Ты понимаешь это?

Молча Саша обошла его и направилась к хлипкой лестнице, ругая себя за то, что дала повод данному бизону думать об интрижке с ней, но это не главное. «Могут убить... Могут убить», – доминировала в голове мысль вместо текста роли. Значит, всюду, в каждом уголке, на улице не исключен, выражаясь фигурально, кирпич-сюрприз, падающий на голову прямо с неба. Даже эта лестница способна стать средством наподобие кирпича и убить, вон как высоко нужно взойти по ней, а упасть с нее – костей не соберешь. Саша потрогала лестницу – шатается, черт возьми. Рядом снова очутился Инок и как ни в чем ни бывало:

– Не бойся, я подстрахую. Иди.

Поблагодарив царственным кивком головы, тем самым приняв помощь (в конце концов, его прямая обязанность – безопасность актеров на конструкциях, которые соорудили монтировщики), она поднялась по ступенькам на крошечную площадку. И дух захватило от высоты! А какой вид открывается на тонны железа! До падения софита не обращала внимания, что там наверху висит, теперь дыхание перехватывает, стоит поднять глаза. А надо делать первый шаг по лестнице, теперь ведущей вниз, затем второй, третий... Да, страх не отпустил ее, он всегда с ней, точнее – в ней, с ним Саша снова шагнула на сцену, ведь у нее выбора не было.

Услышав ее голос со сцены, Иннокентий огляделся, но те, кто находился в это время за кулисами, а таких было человека три, занимались своими делами. Не привлекая к себе внимания, он отступил к выходу, потом выскользнул за дверь, дальше скорым шагом добрался до лестницы и, переступая через три ступеньки, взбежал на этаж с гримерками. Теперь никого бы не встретить в коридоре... Не встретил. В гримерку на всякий случай постучал – не ответили, значит, там пусто. Он вошел и плотно прикрыл за собой дверь.

Здесь ничего лишнего: три стола с зеркалами и лампами, столько же стульев, раковина с краном в углу, гардеробная стойка с костюмами. Сашин стол искать не составило труда, на нем одна куча косметики, а на спинке стула висели ее вещи. По трансляции шел спектакль, так что Иннокентию не нужно контролировать время, а если зайдут, к примеру, костюмеры, на этот случай приготовил вполне удобоваримый ответ – почему он здесь.

Вот и смартфон... Иннокентий взял его, просмотрел контакты, потом

открыл WhatsApp, нашел заинтересовавшие его сообщения и фотографии. Четыре снимка маленькой девочки лет трех и один с неопределенной массой, под которым надпись: «Это наш первый вареник». Понятно, что за месиво.

Теперь Иннокентий открыл «Галерею», здесь оказалось много фотографий девочки, в основном только они и были. Еще несколько снимков симпатичной женщины лет сорока пяти, и тоже с ребенком, двух пожилых людей и... Жесть! Пять фото молодого мужчины в постели со жгучей брюнеткой, весьма и весьма откровенные, две фотографии этого же парня, но уже на природе и крупным планом. Несколько снимков (ребенка и постельные) Иннокентий перекинул в свой смартфон, тщательно стер следы вторжения в трубке Саши и положил на место. Приоткрыв дверь, он выглянул в коридор, там – никого. Иннокентий спокойно вышел из гримерки и поторопился на сцену, ведь кресло и вазу на английскую картину выносить ему.

6

Наступил понедельник. Выходной. Не любила Саша этот день, хотя можно валяться в кровати, торчать у телика – хозяева выдали переносной, чтоб развлекалась и отвлекалась. Надоедает. Еще постирать-погладить в выходной нужно, в магазине на неделю едой запастись... Ага, теперь просто так не выйдешь из дома, страшновато, только если до сумерек успеть. И ринулась Саша в поход по магазинам с утра, несмотря на дождливую погоду. Осень, однако, хотя должна быть зима в это время. Села в маршрутку, в центре города больше магазинов, больше выбор, к тому же не только продукты следовало купить.

В окне автобуса, забрызганном крошечными каплями, мелькали улицы. Без солнца город окрасился в оттенки серости, в унылые грязно-черные тона. Люди, поддавшись плаксивой погоде, в большинстве своем нахмурились, торопились с озабоченными лицами укрыться от ненастья. Если честно, Саша тоже была озабочена пресловутым кирпичом-сюрпризом, который неизвестно откуда мог прилететь.

Вчера после спектакля Инок ждал ее – в назойливости ему нет равных! Она отказывалась сесть в машину, уже сказав в лоб:

– Извини, не хочу морочить тебе голову, но... между нами ничего не будет, ничего. Никогда.

– Я тебе не нравлюсь?!

Он смутил ее дурацкой реакцией: вытаращил глаза, поднял плечи и вообще похож стал на перепуганного воробья гигантских размеров. Глупейшая реакция. Ей осталось признаться:

– Не нравишься. Особенно, когда ваньку валяешь. Я вообще не думаю и не акцентирую внимание ни на тебе, ни на ком-то другом. В моей жизни все лучшее уже было, как и самое плохое случилось. Делать еще один заход на амурные отношения у меня нет никакого желания. Не злись, пожалуйста.

– Ладно, не настаиваю и не злюсь.

– Потрать лучше время на девушку, которая ответит тебе взаимностью. В нашем театре есть такие. И знаешь, мне, конечно, плевать на сплетни, тем не менее не хочу, чтобы трепали мое имя.

– Саша... – вернулся он к себе настоящему. – Не могу тебя бросить, зная, что ты в опасности. Если найдут твой труп, я себе этого никогда не прощу. Садись, доставлю тебя домой и прослежу, чтобы ты невредимой попала в свое бунгало. Жизнь – она дороже сплетен, согласна?

Уговорить себя она позволила, однако ею руководил примитивный страх за собственную жизнь, тем не менее точки над *i* расставлены, остальное – его дело. Едва выехали на проезжую часть, Инок вернулся к проблеме, о которой она хотела бы забыть хоть на минуту:

– Ты подумай, подумай: такого не может быть, чтоб тебе по всем признакам угрожали расправой, а у тебя никого не было на подозрении.

– Но так и есть.

– Не верю. Ты никогда не попадала в скверные истории?

– В скверные истории, так или иначе, попадают все люди, что с того?

– Ага, все-таки есть зацепочка...

– Нет, – перебила Саша, взглянув на парня. Когда и он покосился на нее, повторила: – Нет зацепочек. Потому что все мои истории покрылись пылью времени, не думаю, что кто-то имеет на меня зуб из моего прошлого. Видишь ли, я вела себя хорошо... даже слишком, чтобы занять заклятых врагов.

Но именно о заклятых врагах Саша думала в маршрутке по дороге в центр города: может, она что-то в своей жизни пропустила, кого-то недооценила, кому-то причинила муки? А жертвой посчитала себя...

* * *

Надо ли описывать, в какой ужас пришла Изабеллушка? Старушка

ждала девушку, посему не спала, и вдруг... Саша, едва войдя в прихожую, рухнула на пол! Кого звать на помощь, ведь времени – далеко за полночь! Все же Изабелла Дмитриевна отважилась разбудить Милку с четвертого этажа, которая когда-то работала фельдшерницей в подмосковном поселке. Дама она грубая, размером с хороший броневик и со стрижкой а-ля комсомолка тридцатых годов. От нее всегда несло табаком за версту, но и видели Милку без дымившей сигареты крайне редко. Взвалив на себя всю ответственность за здоровье пятиэтажки (да и соседних), она по первому зову спешила на помощь, ощущая свою нужность. Милка схватила торбу с медицинскими принадлежностями и, накинув на короткую ночную рубашку застиранный махровый халат, побежала за Изабеллой вниз.

Привела она Сашу в чувство быстро, помогла подняться на ноги и на своих плечах (а ей ни много ни мало – семьдесят три) дотащила девушку до ее комнаты, уложила на диван. Конечно, обе дамы увидели разорванное платье, ссадину на всей левой стороне лица, Изабелла Дмитриевна дар речи потеряла и чуть сама не грохнулась в обморок после страшных слов Милки:

– Изнасиловали. Вызывай полицию!

– Не надо, – выдавила Саша с трудом, ей было очень плохо. – На меня напал подонок – да, но спас один... Алексеем зовут. Он и привез меня домой. Не надо полиции, умоляю, хочу все забыть.

Следующий вердикт выдала Милка, осмотрев девушку:

– Сотрясение. Несколько дней лежать безвылазно! Я бы на твоём месте, Александра, поехала в травмпункт и сняла побои. В суде зафиксированные синяки сыграют...

– Не хочу в суд, – покривилась она. – Все обошлось, и ладно.

– Не хочу! – передразнила ее Милка. – Глупая!

Саша повернулась на бок, подложила под здоровую щеку сложенные ладони и прикрыла веки, давая понять, что одно желание у нее все-таки есть – спать. Старушки на цыпочках удалились, для Милки данное поведение нетипично, она будет до упора навязывать свою точку зрения, пока не сломает противоположную позицию. На кухне обе выпили по рюмке чая (всего три звездочки, они дешевле), пошептались и разошлись.

Утром Милка забежала проведать больную, притащила лекарства, а после обеда – доктора, такого же энергичного старикана. Он подтвердил диагноз, накатав кучу направлений на анализы, выписал рецепты, закончилось все рюмками чая. А Саша лежала в одиночестве и едва не редела: все планы урод Роберт поломал, ко всем неприятностям она осталась без денег и без платья. Так и провалялась в постели пару дней,

тоскую без дела и печалюсь, что она хроническая неудачница. А к вечеру третьего дня...

– Саша! К тебе гость! – заглянула к ней в комнату Изабеллушка с глазами, полными то ли ужаса, то ли радости. В сущности, потрясенный человек всегда выглядит странновато, и по нему сложно определить, каков градус события – минус или плюс.

– Я никого не жду.

У Изабеллы Дмитриевны не зря была такая реакция, к Саше редко приходили подружки и однокурсники, а молодого человека вообще не было, как будто она страхолюдина: горбатая, кривая, косая и хромая! Старушка специально выясняла, даже шпионила и доложила родным девочкам: следов жениха не обнаружено.

– Ну, не знаю, не знаю, – поигрывая бровями, сказала Изабеллушка и крикнула кому-то: – Ну, что же вы?.. Заходите!

Алексей! Вот так новость! От неловкости Саша приподнялась на локтях, потом села, опираясь спиной на подушки, и наконец выговорила:

– Интересно, как ты нашел меня?

– Это было очень сложно, – улыбаясь, пошутил Алексей.

– Молодой человек... – Изабелла Дмитриевна принесла стул, а щебетала, как соловей. – Прошу вас, садитесь... вот сюда... Стул старый, но крепкий.

– Спасибо. Меня зовут Алексей.

– Очень приятно, а я – Изабелла Дмитриевна. Рада, что вы пришли, а то наша Саша живет как монашка... – Увидела, что девушка недовольно скривилась, поспешила ретироваться и сделала это с удовольствием: – Не буду вам мешать...

Неловкую паузу Алексей заполнил осмотром комнаты, не поражавшей воображения, разве что до боли знакомой каждому старомодностью в интерьере бабушек. Старые, давно немодные занавески, но поражающие белизной, шторы, подхваченные лентами с боков, полочки по стенам с симпатичными сувенирами, книгами и прочими мелочами, необходимыми девушкам, то есть Саше, громоздкий стол с выдвижными ящиками, за которым, наверное, легко пишутся диссертации... Серьезно, данный стиль умиляет каким-то доисторическим уютом, который хранит наша генетическая память.

– Почему лежишь? – наконец поинтересовался Алексей.

– Сотрясение, – ответила Саша, пожав плечами, словно дело-то житейское – получить по лицу с последствиями. – Должна сказать, у вашего Роберта рука тяжелая, чуть без мозгов не осталась.

– Вижу, вижу... – подался к ней Алексей. – Ничего себе! Как наждачной бумагой провели.

Он взял Сашу за подбородок и, осторожно повернув ее голову, рассматривал левую сторону лица с ярко выраженными кровоподтеками и ссадинами. Она вдруг, тихо рыкнув на манер собаки, клацнула зубами, будто хотела укусить, инстинктивно Алексей отдернул руку, а Саша усмехнулась:

– Думаешь, приятно, когда тебя рассматривают, как лошадь на базаре? Между прочим, завтра у меня пробы... не состоятся. А роль классная.

– Хочешь, поеду и договорюсь, чтобы отложили пробы на неделю?

– Пф! – презрительно фыркнула она. – Не стоит и пытаться, не получится. Когда запускается проект, у него есть сроки, обычно сжатые. И потом, пробы – не съемки, болезни претендентов там не учитываются.

– Извини, что так получилось... Да, кстати! – Он полез во внутренний карман пиджака и вынул конверт. – Держи, вот твои деньги.

– Правда? – оживилась она, забрала конверт и заглянула в него. – Я уже не рассчитывала на... Но здесь гораздо больше!

– Это компенсация за порванное платье и причиненный ущерб.

Саша отсчитала свой гонорар и протянула остаток:

– Забери, лишнего мне не надо.

– Ты не права, – сказал он, не взяв деньги. – Ты выпала из рабочего графика, деньги тебе не будут лишними.

И тут якобы случайно вошла Изабеллушка с подносом, на котором стояли чашки и ваза с конфетами.

– Чай, чай, чай! О, что это?.. – указала подбородком на деньги, ставя поднос на прикроватную тумбочку.

– Компенсация за ущерб здоровью, – пояснил Алексей. – Глава нашей фирмы передает эту сумму вместе с извинениями, но Саша отказывается взять.

Старушка неловко рассмеялась, разведя руками, мол, вот такая у нас Саша – бессребреница. Изящным жестом, точнее, мимолетным, как у фокусника, она выхватила купюры из рук девушки, таким же образом и конверт очутился у нее, а уши молодых людей забивала чириканьем:

– Конечно, отказывается! У вас, молодых людей, гордыня выше вас ростом, вы не умеете ценить благодущие... Простите, Алексей, я не о вас говорю, нет-нет, вы как раз проявляете великодущие и понимание... Спасибо, вам, дорогой! Нам очень нужны деньги, особенно сейчас, когда Саша... – Но, взглянув на девушку, хмурившую брови и поджавшую губы, вспомнила: – Ой, чай! Он уже заварился. Разбирайте чашки, я скоро,

буквально через минуту буду поить вас чаем.

Деньги, разумеется, унесла. Алексей посмеивался, потирая подбородок и подмигнув Саше, дескать, все в порядке, не злись. Потом втроем пили чай тут же, разговаривали. А когда он ушел, записав номер телефона Александры на этот раз, старушка рассуждала, глядя в окно:

– Очень симпатичный молодой человек, очень! Прекрасно воспитан, нынче такие нечасто встречаются, особенно среди обеспеченных людей. А он хорошо одет, дорого. И машина у него просто мечта! Все, уехал... По всей вероятности, он много зарабатывает. Тебе повезло, девочка, ты ему понравилась, я это видела своими глазами, иначе он не приехал бы.

– Изабелла Дмитриевна, – закатила глаза к потолку Саша, – с его стороны это элементарная вежливость и, если хотите, обязанность, как-никак его фирма не расплатилась со мной. Ничего личного.

– Хм! Если будешь смотреть на мужчин под таким глупым углом, останешься со своей красотой старой девой. Двадцать четыре года – и не бегать на свидания! Это нонсенс. И что за выдумки – отказываться от денег, когда тебе их предлагают? Люди из горла кусок выдирают, судятся из-за перин, которые никому не нужны, а ты позволяешь себе отказаться, когда тебе столько нужно! Вон сапоги старые. И шубку пора купить, ты же актриса, обязана выглядеть роскошно.

В сущности, сердитые слова озабоченной старушки были лишними, да и пролетали мимо ушей. Саше нравился Алексей, но о своих симпатиях рассказывать она не привыкла даже таким замечательным людям, как Изабеллушка. И потом: а если это был его первый и последний визит? Если он больше даже не позвонит, ей зря надеяться, а потом разочаровываться?

А он позвонил! На следующий же день днем. О чем говорили... как-то плохо помнилось, кажется, о чем-то таком... незначительном, но не о погоде. Не отпечаталось в памяти потому, что появились новые ощущения радости, а комнату наполнило нечто типа северного сияния, хотя Саша видела это чудо только на картинках. И на следующий день Алексей позвонил днем, а потом еще и вечером. После этого нагрязнул с букетом и тортом, Саше – букет, торт – Изабеллушке, а у той к тому же гости в лице громкоговорителя Милки и ее дружба доктора, обожавшего выпить «пять капель» и закусить пластинкой сала и кусочком соленого огурца домашнего засола. Алексей проболтал с ними весь вечер, Саше слова не удалось вставить, зато утром следующего дня он вызвался отвезти ее в поликлинику, ради этого отпросился с работы.

– Неужели тебя не уволили за тот инцидент? – любопытствовала она, когда он вез ее на обследование.

- Я же говорил: меня заменить некем.
- Шутишь, – не поверила она.
- Нет. Я первоклассный специалист по заключению договоров с инвесторами, мне не отказывают.
- Мало ли классных специалистов, которые болтаются без дела по городу, – недоумевала Саша. – Ты ударил сына шефа... Нос ему расквасил!
- Он тебе тоже расквасил.
- Такое не прощается.
- Однако же! – усмехался Алексей, глядя только на дорогу.

Так и не найдя для себя убедительных объяснений нетипичного отношения шефа к наемным работникам, Саша свернула тему и смотрела в окно. Скоро праздник, он уже ощущался, постепенно им пропитывался воздух, подтаявший снег вдоль дорог и сами люди, хотя до Нового года почти месяц. Украдкой поглядывая на Алексея, она догадывалась, что этот месяц и последующие (а может, всю жизнь) они проведут вместе, отсюда и улыбка буквально приросла к ее губам, и глаза сияли круче северных вспышек на небе.

И не ошиблась. После того как врачи сказали, что она здорова, Алексей пригласил ее отметить выздоровление. Разве могла Саша отказаться? И так, они стали постоянно встречаться, выкраивая друг для друга время, которого не хватало в довольно насыщенный период перед концом года. Целовались – а как же! Правда, до постели дело не доходило, Алексей пока туда не приглашал, что, конечно, странно. Тем не менее Саша понимала, что он увлечен ею, это радовало до бесконечности.

Но идиллия сравнима с завистливой женщиной, которой становится плохо, когда другим хорошо, и она обязательно подкинет какую-нибудь гадость, чтобы чужое счастье слегка подпортить. Последняя неделя перед Новым годом просто аховая: елки (детские праздники), частные вызовы Деда Мороза и Снегурочки, чем ближе к 1 января, тем дороже. Корпоративами теперь Саша пренебрегала, правда, один раз согласилась выручить Деда Мороза, получив гарантии полной безопасности.

Под вечер 30 декабря, а темнело рано, она и Дед Мороз, который вел машину, подъехали к особняку, окруженному высокой стеной из бежевого кирпича. На специальной парковке стояло несколько автомобилей премиум-класса, неподалеку похожая усадьба строилась, дальше – еще особняк, а вокруг смешанный лес. Пока Дед Мороз приклеивал бороду и мазал нос красным гримом, поглядывая в зеркало над лобовым стеклом, Саша присматривалась к воротам, а над ними – к видневшейся крыше.

- Последнее время, Василий Юрьевич, меня почему-то не пускает во

дворцы наших нуворишей внутренний голос, – сказала она. – Мы с вами вдвоем, а там неизвестно кто и сколько...

– Боишься? – спросил, ухмыляясь, Дед Мороз. – Понимаю. Но беда может случиться и в квартире, куда нас приглашают.

– Все-таки квартира в многоэтажном доме, там люди, а здесь ближайшая стройка заморожена, следующий жилой особняк далеко – на помощь прийти некому.

– Не бойся, Сашка, – бодренько сказал Дед Мороз, надевая шапку, – у меня в кармане газовый баллончик и травматика на тот случай, если газ откажет. Отобьемся. И потом, я вожу тебя по проверенным адресам. Ну? Пошли?

Малоутешительное заявление, однако из машины вышли оба и подошли к воротам, позвонили. К дому вела расчищенная от снега извилистая дорожка, по бокам которой росли хвойные деревья и кустарники. Саша успокоилась (ненадолго), когда заметила на веранде молодую женщину, вышедшую встретить их. Она рассказала, что детей шестеро, на взрослых можно не обращать внимания, дала подарки с записками – какому ребенку принадлежат коробки. Дед Мороз сложил в мешок подарки, дал инструкции женщине, каким образом они должны появиться и через пять минут, услышав детский зов, оба вошли в дом.

Елка просто волшебная стояла в гостиной, огромная и убрана с большим вкусом, стены завесили сверкающими гирляндами, в углах стояли маленькие елочки. Дети с визгом и смехом бросились на Деда Мороза и Снегурочку, едва не сбив с ног. Взрослые с бокалами сидели на диванах и в креслах, двое стояли и беседовали, один из них повернулся... Саша непроизвольно сделала пару шагов назад, узнав Роберта...

– Саша... Ау-у... Саша! Ты что, спишь?

Очнулась она только тогда, когда кто-то положил на ее кисть, лежавшую на столике у чашки с блюдцем, ладонь. На улице разыгралась стихия, шел дождь вместе со снегом, и Саша забежала в маленькую кафешку, взяла кофе с пирожным, села за свободный столик. В кафе было немало посетителей, пожелавших переждать водопад со снегопадом. Все чужие, а Пуншина, державшего ее за руку, увидеть здесь она не ожидала.

– Добрый день, – сказала Саша, высвободив свою руку. – Извините, я задумалась.

– Я это понял, – улыбнулся он.

Пуншин не понравился ей с первой минуты, ну, бывает: человек не сделал тебе ничего дурного, напротив, он тебя как бы принял (немножко

свысока, но он же гений), вежлив и доброжелателен, а не нравится – хоть убей. Не нравилось вытянутое лицо со впалыми щеками, не нравилась блуждающая улыбка на губах и большие бледно-голубые глаза навывкате, а также редкие волосы до плеч и долговязая сутулая фигура. Ну, вот... по описаниям получился мерзкий тип, на самом деле тридцатитрехлетний Пуншин вполне симпатичный брюнет, коммуникабельный, настоящий душка и... скользкий какой-то. Возможно, таким он виделся только Саше, наше чутье не всегда справедливо.

– Хорошо, что я тебя встретил, – ласково начал Пуншин. – Давно хочу с тобой поговорить, да как-то не удавалось.

– Поговорить? О чем?

Ух, ты! Гений здесь не один, с ним верный слуга двух господ Радик (да, у него весьма радиоактивное имечко) по фамилии Малов. Он примерно того же возраста, что и Пуншин, ну, может, на пару лет старше – Саша не вдавалась в подробности. Некрасивый: с круглой пористой физиономией, узким лбом, который прикрывали похожие на паклю светлые волосы, с широкими дугообразными бровями над довольно большими карими глазами, толстыми губами. Коренастый и весьма силен физически, несмотря на небольшой рост, а по характеру – хитрый бес, чующий приплюснутым носом, где сорвать банк. Он принес два пива, плюхнулся на стул и сделал круглые глаза, будто только сейчас заметил слона:

– О, Сашка! Откуда ты?

– Из тумана, – пошутила она и переключилась на Пуншина. – Я вся внимание.

А действительно интересно, что гений задумал? При ней он поставил три спектакля, она попала только в сказку, роль Злой Колдуньи нравилась, но постановка выползла из провала благодаря артистам, да и дети – люди, умеющие прощать плохое качество. А два взрослых спектакля – убожество, зритель ходит на них плохо, но Пуншин в этом винит злую волю, правда, не произносит вслух имена виновников, не желающих рекламировать шедевры, всем и так ясно. У него образовалась собственная партия, небольшая, но крикливо-истеричная.

– Тебе не надоело играть в нафталиновых спектаклях? – взял он быка за рога. – Не хочешь попробовать в современном кластере поработать?

– А что ты называешь нафталиновым? – осведомилась Саша, подозревая, что он вербует ее. – Режиссуру Пинг-Понга?

– В нашем деле надо быть предельно честным, – сказал Пуншин с небрежным пафосом человека, получившего карт-бланш. – Безусловно, Пинг-Понг владеет ремеслом неплохо, но его время ушло, способ

сценического диалога со зрителем устарел, он архаичен в выборе репертуара, а решение спектаклей... собственно, решения нет, у него просто рассказанная история. Мир шагнул дальше, ему нужен путеводитель и воспитатель современной эстетики, зрителя нужно дотягивать до своего уровня...

Саша подперла ладонью щеку, сидела и думала: и это он всерьез. Скажи ему, что бездарен, ни черта не понимает в режиссуре, что зрители вовсе не дураки – сразу заполучит кровного врага. Кстати, кстати! А чего это Пуншин так осмелел? Будто решает все в театре теперь он, а главного режиссера вчерась сместили. После премьеры «Виват, королева!» не стоило бы ему мечтать о смене власти, три спектакля прошли на аншлагах, что для города большой успех. И этот... слуга двух господ (если не трех) кивает, поддакивает – гнилая морда.

– Ты меня слушаешь? – вдруг услышала Саша, кивнула, мол, слушаю, и очень внимательно. – Хочу предложить тебе Ларису в «Бесприданнице»...

– Подожди... – остановила она Пуншина. – Ты же против архаики. Разве пьесы Островского к таким не относятся?

– Хм! – Он откинулся на спинку стула и снисходительно продолжил: – Важно, что мы внесем в нее. У меня будет современное прочтение: никаких турнюров со шлейфами и камзолов, костюмы сегодняшнего дня, Лариса никакая не жертва, а хищница...

– Очень любопытно, только я не пою, – соврала она и не испытывала угрызений совести. – А Лариса должна потрясающе исполнять романсы, так автор написал.

– У меня она будет танцевать.

Охренеть! Бедный Островский.

– Еще любопытней. Но не я, Вадик, принимаю решение, что мне играть или не играть, распределение ролей делает главный. Знаешь, может, Пинг-Понг и устарел, но его спектакли заставляют зрителя плакать и смеяться, что не каждому режиссеру дано. Мне кажется, ты его рано списываешь... Ой, ребята, извините, мне же к зубному! Пока.

М-да, ловко он перетягивает артистов в свою партию обещаниями главных ролей из коллекции мировой классики, но это заведомо провальные спектакли. И главное: эти двое могли сбросить на нее софит? Саша представляла каждого по отдельности за подлым делом и... по своей природе подобные люди способны на пакости, но должна быть причина, например: обида, зависть, неприязнь, ссора. Ни с одним она не сшибалась лбами, значит, подозревать их... Тогда кто? И почему?

На улице не распогодилось, только в водопаде стало больше снега, и Саше пришлось бежать с полными пакетами до остановки без зонта – руки-то заняты. К счастью, остановка крытая, а желающих уехать из центра не было, видимо, народ разбежался, спасаясь от стихии. Вскоре подошла маршрутка...

* * *

Да, это был сволочь Роберт. Он уставился на нее немножко с удивлением, немножко с насмешкой, но и высокомерие присутствовало во всей его персоне. Это в первый момент Саша отступила, как и ее первой мыслью было: заманили! Но в гостиной помимо детей присутствовало человек десять мужчин и женщин, вряд ли они вступили в стовор с ним. Она успокоилась и подключилась к Деду Морозу развлекать детей: зажгли все хором елку, дальше песенка – «В лесу родилась елочка», ставшая навязчивым мотивом ночью и днем. А песенка поется в хороводе, Снегурочка пригласила и взрослых, некоторые подняли свои откормленные зады с диванов и кресел, а первым ринулся в хоровод Роб и цапнул за руку Сашу. Ее чуть не стошнило, но она мужественно начала хоровод вокруг елки, в процессе соединила руку Роба с ручкой маленькой девочки и вошла в круг. Дети пели песни, стихи рассказывали, за что получали подарки. Один малыш с кудрявыми волосиками, взяв подарок, спросил:

- Тетя Снегурочка, у вас глазки из льдинок?
- Конечно, милый, – присев перед ним на корточки, сказала она.
- Можно я их потрогаю?

Малыш протянул пальчик к лицу Саши, она, смеясь, подхватила его на руки, покружила и... опять Роберт возник как из ада:

- Это мой сын Марик, ты ему понравилась.
- Марик, иди к папе, – сказала она ребенку, – а то другие дети обидятся, что я только с тобой играю.

С ребенком всегда можно договориться, но с их папашами... Саша с трудом довела праздник, попрощавшись с детьми, выскочила первой из особняка и побежала к воротам. Он догнал!

- Постой! – И дорогу перегородил.
- В чем дело? Что нужно? – взяла она агрессивный тон.
- Не кричи. Саша, я просто хотел...
- Знаю, что ты хотел и хочешь. Уйди с дороги!
- Какая ты... Пойми, тогда я был...

– Мне неинтересно, что ты скажешь!

– Да замолчи ты! – рявкнул Роберт, явно не привыкший к возражениям. – Я хочу попросить прощения...

– Прощаю. Доволен? Теперь уходи наконец и больше никогда не появляйся на моем пути.

Однако этого типа словами не заставить быть человеком, он, кажется, понимал только кулак, а у Саши, к сожалению, слабоваты кулачки для холеной рожи Роба. Когда он взял ее за плечи, она уперлась ладонями в его грудь, придя к выводу, что слово «маньяк» соответствует этому богатому выродку. Его следовало бы бояться, а ее несло под колеса паровоза:

– Убери руки! Хочешь повторить попытку? Неужели прямо здесь во дворе? Или оттащишь в лесок?..

– Ты не права, Саша, я хочу по-хорошему...

Вовремя (ах, как вовремя) раздался неподалеку голос:

– Молодой человек! Постойте...

К ним торопился Дед Мороз и, понимая, с кем имеет дело, что ситуация может обернуться большими проблемами для него, Василий Юрьевич держал доброжелательный тон:

– Вы напугали девушку, разве не видите?

– Мы знакомы, – оправдался Роберт.

– Настолько хорошо знакомы, что лучше бы нам не встречаться, – внесла в диалог нервную ноту Саша.

– Мы поедем, ладно? – взял за плечи Сашу Дед Мороз. – У нас еще одна елка сегодня, дети ждут.

Роб отпустил Сашу, извинившись:

– Я не хотел ничего плохого.

– Я так и понял, – сказал Василий Юрьевич. – Идем, Саша, нам ехать еще... До свидания, молодой человек.

До автомобиля шли молча и быстро – слишком велико было желание убраться отсюда поскорей и подальше. Но в машине Дед Мороз сначала снял шапку и бороду с усами, отсчитал Сашину часть денег и, отдавая ей, поинтересовался:

– Что у тебя с ним?

– Ничего.

– А он запал на тебя, Сашка. Учти, в такие хатки народ простой не ходит, только для обслуживания господ. Лови свой шанс, заживешь как человек.

– То есть предлагаете мне стать игрушкой на неделю? Спасибо. Я и так живу неплохо.

– Ну, как знаешь...

Он повернул ключ в зажигании, автомобиль приятно заурчал, унося пассажиров на безопасное расстояние.

Алексею о нечаянной встрече с Робом она не рассказала, не посчитала нужным, да и не хотела портить ему настроение, тем более что в тот день они не встречались, а общались по телефону. Он находился в командировке, приехать обещал только первого января, короче, Новый год Алексей проведет «романтически» – в дороге. Но и Саша работала в последний день года, уже в десять утра она бежала через двор с большой сумкой на плече, в которой лежал костюм и бутерброды. Всю неделю день начинался в семь, а то и раньше, бесконечные елки и детишки сливались в одну спутанную сверкающую гирлянду, зато тридцать первого всего три поздравления. Василий Юрьевич ждал ее, едва она очутилась в салоне, «обрадовал»:

– Саня, нам подфартило: еще один заказ получен на восемь часов.

– Не-ет... – протянула она. – Я не могу! Устала! И не хочу!

– Сашка, деньги платят оч хорошие.

– Нет! Возьмите другую Снегурку, сегодня свободных полно...

– Но требовали тебя и меня! Никаких замен. Других не хотят.

– Черт, откуда взялся этот звонок!

– Вчера нас где-то видели в работе и решили пригласить для своего ребятенка. Саша, повторяю: платят сумасшедшие бабки.

– Вы такой жадный...

– У меня двое детей, один студент, второй выпускник школы.

Она насупилась, скрестив на груди руки, а он тем временем крутил руль, с искренним сочувствием поглядывая на девушку. И что было делать? Не отказывать же человеку, который постоянно подкидывает ей работу, но у нее было условие:

– Во дворец за городом не поеду! Ни за что!

– В адресе указан номер квартиры и этаж, это почти в центре, но район крутой. По-другому и быть не могло, такие бабки кидают...

Вызовы были разбросаны по трем районам, с этими клиентами Василий Юрьевич работал давно, второй год приглашал Сашу – она нравилась детям, да и взрослым тоже. Отработали три адреса, как раз управились за день, ведь расстояния – дай боже! На четвертый (и последний) еле успели.

Многоэтажные здания элитного комплекса охранялись, так что запросто туда не заехать. Сначала позвонили в квартиру и получили подтверждение, что действительно там ждут Деда Мороза со Снегурочкой,

после этого разрешили проехать. Медленно подъезжая к нужному дому, Василий Юрьевич одобрительно выпятил нижнюю губу:

– Живут же белые люди...

– Завидуете? – уколола его Саша.

– А то! Я б хотел так жить, а не получилось. Все мы хотим, Сашка, жить красиво, богато, купаться в лучах славы, но не всем уготована сладкая жизнь. В театре че-то там поигрываю, потихоньку снимаюсь в дешевках, а чтоб по-крупному... не повезло. Меня не видели ни режиссеры, ни продюсеры, стало быть, славы не добыл, а слава, как известно, ходит в обнимку с деньжатами. Не стал я звездой, не стал... А никто тебе, неизвестному, много платить не будет, за тот же корпоратив мы с тобой получаем гроши, а, прости господи, звезды... чемодан бабла. Обидно. Досадно. Но ладно, такова наша доля.

Если Василий Юрьевич сетовал, что «бабла» ему мало, то Саша хотела играть, не Снегурочку, разумеется. Но тогда она впервые задумалась, что торчит в Москве тоже бесперспективно, зависла между желаниями и невозможностью их осуществить, никуда не двигается, какой-то тупой застой оградил ее.

Дверь квартиры открыла пожилая женщина, представившаяся няней, как заведено – отдала подарок для ребенка и повела к елке. Квартира, конечно, – заблудишься, чистота идеальная, мебель стильная и дорогая, картины по стенам идиотские (наляпана краска на холсты) и наверняка тоже дорогие. Елка стояла у окна ближе к углу, высокая и пушистая, украшенная белыми шарами и бантами. Но не она привлекла внимание Саши, а мужчина в костюме, стоявший к ним спиной и смотревший в окно. И вот этот мужчина повернулся... М-да, он умел себя преподнести, как сюрприз из табакерки! Сашу чуть удар не хватил, во всяком случае, дара речи она лишилась точно.

– Вы? – изумленно произнес Дедушка Мороз.

– Добрый вечер, – улыбался Роберт. – С наступающим.

– Идем отсюда... – прорезался голос у Саши.

Неожиданно в комнату въехал на машине Марик, он уверенно крутил руль и улыбался, на багажном отделении его детского кадиллака лежал огромный букет белых роз, перевязанных красной лентой...

* * *

– Розы! – воскликнула Саша и остановилась. – Розы...

Она почти дошла до дома, но идея, стрельнувшая в голову с внезапностью пули, просто парализовала, в то же время ситуация прояснилась – ей казалось. И сердце забилося так сильно, так часто, что дыхание перехватило, стало жарко-жарко. Саша сбросила капюшон, хлопья снега тотчас засыпали волосы, упали на ресницы, а то, что формировалось в голове, произносилось ею вслух:

– А если это Роберт напоминает о себе? Он же психопат. Маньяк. Только маньяки живут с идеей фикс до победы. Больше никому... я так думаю.

7

– Ой! – громко взвизгнула помреж Люся, готовясь заорать на весь супермаркет, мол, караул, грабят. Но, увидев Иннокентия, который взялся за ручки ее сумок, с облегчением выдохнула: – Ну, напугал! Аж внутри все перевернулось!

– Давайте, Люся, ваш продуктовый набор, доставлю вас домой.

– Правда? – обрадовалась она. – Вот спасибо...

До парковки ротик Люси не закрывался, говорила она о страшно важных своих проблемах, абсолютно ему неинтересных. В салоне кроссовера Люся осмотрелась, попала-то в автомобиль Иннокентия впервые и, как натура до жути завистливая, потрогав пальцами светящиеся приборы, с подозрением осведомилась:

– И что, зарплаты монтировщика хватает на этот автобус?

– Нет, разумеется, – засмеялся он, выезжая с парковки.

– Странно. На что же ты живешь?

– Я неплохо зарабатывал, по машине разве не видно?

– Ну, да, да... Ты нездешний, я сразу поняла. Из Москвы, да? По разговору видно. А че сюда занесло?

Вот детективша хренова – все ей надо! Причем выстроит собственную теорию, ничего не имеющую с действительностью, и будет делиться домыслами в театре, выдавая их за правду. Только какой бы хитрой Люся ни была, он умнее, значит, и хитрее, Иннокентий караулил ее не зря.

– Дядя умер, оставил наследство, но оформление... о, сколько времени забирает это дело. Дома сидеть скучно, я нанялся в театр, другой работы не имелось. Но у вас беспокойно.

– Ты про что?

– Про софит. На моих глазах грохнулся прямо в кресло.

– Ой, не говори, – махнула рукой Люся с самым озабоченным видом, на какой была способна. Она вроде добровольной хозяйки в театре, а хозяйку заботит порядок в ее доме. – Черт-те что творится, прям мистика какая-то.

– Мистика в упавшем фонаре? По-моему, мистикой тут не пахнет, всему виной человеческий фактор.

Вот как хочет, так пусть и понимает, что он имел в виду под человеческим фактором – то ли безалаберность, то ли злой умысел. Она поймалась на удочку:

– Точно, фактор. Ходят слухи (а слухи идут исключительно от нее), что софит упал не случайно.

– Да ну! Вообще-то вам виднее, вы же давно работаете в этом театре, лучше знаете, кто чего стоит. И что слухи еще докладывают?

– Никому не скажешь? А то меня закопают...

– Я могила! – Для верности Иннокентий ударил себя кулаком в грудь. – Клянусь мамой, папой, братьями и сестрами – никому, никогда.

– Короче так: какая-то сволочь пооткручивала болты!

– То есть специально... сбросили на Боярову?

– В кого целились, я не могу сказать, – увильнула от прямого ответа Люся, – но упал софит на Сашку. И вот что интересно: не занятые в спектакле артисты бродили в тот день за кулисами. Почти всех я видела, еще подумала: какого черта приперлись на прогон? Репетицию своей хрени Пуншин отменил, чего им не сиделось дома?

– Так интересно же, что получилось у главного...

– Ой! – очередной раз махнула рукой Люся. – Ты не знаешь, какие это заразы. Что бы там ни случилось, хоть шедевр, им все не так будет. Раз их в спектакле нет, он заведомо плохой.

– Ох, Люся, теперь вы меня напугали. Это что ж выходит, в театре завелся преступник? Никогда бы не подумал, что артисты способны...

– Вот слушай меня: втихую на все способны! Наш главный – такого еще поискать надо, так нет же, втихаря заговор плетут, чтоб сместить его.

– Серьезно?! – ужаснулся Иннокентий. – А кого на его место?..

– Кого, кого... Пуншина!

– Это же абсурд! Геннадий Петрович классный режиссер, а Пуншин никакой. Да нет, очень плохой. Бездарный. Артисты дураки, раз идут за ним?

– Есть немножко. Все хотят блистать, все хотят быть первыми и ждут перемен для себя (!) после переворота.

– Блистать? – усмехнулся он, подразумевая: где блеском слепить

народ, в дыре, что ли?! – А Саша причем? Ну и сбросили бы софит на Крокодила Гену.

Он как раз подогнал машину к подъезду, заглушил мотор и ждал, развернувшись всем корпусом к ней, а она не торопилась хватать тяжеловесные сумки и бежать домой к плите, утюгу, детям. Люся что-то там соображала про себя, выпятив губы и уставившись в одну точку. Лобовое стекло быстро залепил снег, в салоне было тихо – Иннокентий не включал музыку. Но вот она взглянула на молодого человека и, слегка наклонив голову, приперла его к стенке даже не вопросом, а утверждением:

– Нравится тебе Боярова!

– Ну, да, нравится. Только я не нравлюсь ей.

– Тю! А че ей надо? – вытаращилась Люся, потрясенная до глубины души. – Не пьешь, не куришь, не хамло какое, молодой и красивый. Мой Коля (муж любимый) говорит, что тебя нужно из монтировщиков в артисты перевести, а то у нас глаз не на ком остановить, не герои, а фуфло тощее.

– Ну, раз Коля говорит... – рассмеялся Иннокентий. – Только у меня таланта нет. И все же вы долго думали, значит, что-то вас настораживает? Я о Саше...

– А вот никак не пойму, при чем здесь Боярова, – задумчиво заговорила Люся, легко вернувшись к предыдущей теме. – Вот нестыковка полная. Наши артистки, конечно, от зависти зеленеют, так они же Бояровой в подметки не годятся, всем это видно.

– Значит, женщина? Поймите, Люся, я опасаюсь за жизнь Саши, вчера софит упал, а завтра что упадет? И, не дай бог, попадет.

– Вот не знаю, клянусь! – В подтверждение клятвы, она ударила себя кулаком в пышную грудь. – Но что я тебе скажу... Когда к нам приехала Боярова, ее сразу Геннадий Петрович ввел в репертуар – ну, так красоту такую грех не показывать людям. И вдруг однажды, месяца эдак через четыре, к нам приезжает мужик один...

– Откуда? – подхватил Инок.

– Да слушай сюда! Я ж по порядку! Мужик тот показал на вахте паспорт, у нас сейчас так положено, чтоб террористов не пропустить. Данные записала вахтерша. Из Москвы он. А вот фамилию я... на фига мне его фамилия? Не запомнила. Он сразу приказным тоном: мол, главного хочу. Закрылись они в кабинете главнюка, а секретарши там нет, она под дверью директора сидит. А я как раз шла к главнюку... Я случайно, честное слово, там оказалась...

– Верю, – закивал Иннокентий. – И что?

– Когда хотела войти и даже наполовину вошла, Пинг-Понг как

рявкнул на меня, типа – отвали, некогда. Но у меня же расписание, я должна уточнить, кого и когда он вызовет на репетицию, артисты ждали в гримерках.

– Я понял, у вас много текущих дел, – подгонял ее он.

– Ой, не говори, всем только кажется, что помреж сидит у пульта и командует. Ну, вот. И слышу, одно говорят: Боярова да Боярова. Вот скажи, зачем ему Боярова, если никаких последствий после их разговора для нее не последовало, а?

– Ну... – застопорился Иннокентий. – Может, это Сашин знакомый...

– Да она с ним нос к носу столкнулась на вахте, я сама видела! И не узнала знакомого? Да и он мимо Сашки прошел, как мимо стула.

Действительно, более чем странно: разговаривать с главным режиссером о Саше, но перед этим не перекинуться с ней и парой слов?

– А этот... который из Москвы... он тоже Сашину фамилию упоминал?

– Да. И не один раз.

– Тогда не знаю. А вам больше ничего не удалось услышать?

– Абсолютно. Но!

– Что – но? – оживился Иннокентий.

– После того мужика наш театр вроде как духом воспрял.

М-да, речь Люси не отвечает имиджу такого сугубо культурного учреждения. Образование у нее – школьная парта, и все, впрочем, помощник режиссера профессия техническая, специально на эту должность не обучают.

– Воспрянул? – уточнил он, вдруг «воспрял» имеет какое-то другое значение.

– Ну, да. У нас всегда денег не хватает на новые постановки, все из старья подбираем да красим, а тут вроде спонсоры объявились, главнюк так и говорил.

– Что тут удивительного? – не понял он.

– А то, что спонсоры ни разу в театре не появились. Ни на премьере, ни просто, чтоб себя показать. Так не бывает.

– А какая связь между Сашей и спонсорами?

Люся подумала-подумала и пожала плечами:

– Да вроде никакой. Я рассуждаю, но ничего не понимаю.

– И больше тот мужик не появлялся?

– Не-а. Ладно, пойду я? Тебе спасибо, что подвез.

– Не за что.

Он донес сумки до подъезда, а дальше Люся стала звонить мужу,

чтобы спустился и помог. Она замороженно смотрела, как Иннокентий мягко, бесшумно, красиво разворачивает свою машину, и мечтала: вот бы им с Колей такую.

* * *

Когда Саша вспоминала тот миг, ее начинало потряхивать, хоть и прошло столько времени. Пора было забыть все, что тогда происходило, да ничуть не бывало. Осталась некая недосказанность. Что-то в том промежутке вылетало из рамок ясности и логики, зарождая сомнения – ни на чем не основанные сомнения, но они тревожили. Саша возвращалась и возвращалась назад, как будто интуитивно пытаясь понять природу этих неустойчивых сомнений, а упавший софит и дурацкие букеты заставили проживать тот период в подробностях заново. Может быть, сейчас от этого зависит ее жизнь, нужно только найти подтверждение своей правоты...

А тогда, завидев Роберта, она готовилась царапаться, драться, кусаться, полагая, что он кинется на нее. Но тот стоял, заложив в карманы брюк руки, и приветливо улыбался – иезуит! Растерялся и Дед Мороз, понимая, что неспроста их сюда позвали, а ради Саши, он демонстративно обнял девушку за плечи, давая понять хозяину, что она под защитой – вот что значит настоящий мужик. Но ребенок внес сумятицу в их тандем, при малыше скандалить как-то нехорошо, да и повода вроде не было.

– Мой сын захотел встретиться с вами еще раз, – сказал Роберт. – Я не мог ему отказать, Марику всего четыре года, он верит в сказку. Поиграйте с ним, наш уговор насчет оплаты остается в силе.

Ребенок подошел к Саше, взял ее за руку:

– Тетя Снегурочка, пойдём, я покажу тебе мою елку.

Не отказывать же ему только из-за того, что папа мальчика подонок, негодяй и мерзавец! Малыш рассказал, как помогал наряжать елку, потом читал стихи, показал игрушки – целый магазин. Ребенком занималась только Саша, Дед Мороз пил чай с хозяином, по-дружески болтая, что просто бесило ее.

– Марик, пора спать, – сказал отец. – Помнишь, что нужно сделать?

Малыш побежал к автомобилю, на котором приехал, осторожно взял букет и принес Саше:

– Это тебе. Папа просит, чтобы ты его простила. Ты простила?

– Да, простила, – ответила Саша, взяв розы. – Теперь иди спать.

– Я без сказки не усну. Расскажи...

Пришлось уложить мальчика, рассказать сказку, правда, не до конца, переполнившись впечатлениями, Марик уснул раньше. Саша вышла в гостиную и жестко бросила хозяйину:

– Очень остроумно. Повеселился? Расплатись, и мы пойдем.

Думала, начнется представление с оплатой, а ничего подобного не случилось, Роберт отдал конверт Деду Морозу, поблагодарил обоих и... отпустил. Она хотела уйти без цветов, он напомнил:

– Ты забыла розы.

Взяла (только ради Марика) и решительно зашагала к выходу. В салоне автомобиля она кинула букет на заднее сиденье со словами:

– Передай жене.

– Чего ты на него взъелась? – включив зажигание, спросил Василий Юрьевич недовольным тоном. – Нормальный мужик, компанейский, простой, тащится от тебя и с большими бабками. Чего тебе еще надо?

– Я его знаю с другой стороны, – резко бросила она.

Теперь ее терзали предчувствия, что Роб будет преследовать ее на каждом шагу, в сущности, так и случилось. Но обстоятельства оказались хуже, чем Саша могла себе нафантазировать, а может, смешнее до глупого смеха...

* * *

Окна в комнатах (в каждой по одному) отлично закрывались плотными шторами, на кухне другая картина: тюль там тоненький и почти прозрачная шторка болталась от каждого дуновения сквозняка. Саша купила плотную ткань на окно в кухне, теперь пусть заглядывает кто хочет – ни черта не увидит! Лишь бы проникнуть во флигель не пытались. Переделав домашнюю работу, вечером под фильм, в котором снимались знакомые, Саша подшила ткань руками и, став на кухонный стол... Нет! Сначала проверила – не стоит ли в саду шпион.

Снег давно перестал падать, он успел покрыть землю толстым слоем, а к вечеру подморозило, поднялся ветер. Белый покров высветлил двор и сад, стало хорошо видно все пространство дворика и сада, черные стволы деревьев и даже тонкие ветки, которые шатало под порывами ветра. Неизвестных личностей Саша не обнаружила и со спокойной душой залезла на кухонный стол. Она закрепила новенькую штору на туго натянутой струне специальными прищепками, спрыгнув на пол, сгребла старую шторку и, поправляя старенький тюль, бросила взгляд во дворик...

Почти на том же месте стоял человек! Разумеется, мужчина. В его фигуре Саша никого из знакомых не узнала, да и присматриваться у нее не было намерений. Она быстро выключила свет, задернула шторы... Отдышалась. И почему это от страха у человека повышается сердцебиение, вместе с ним дыхание становится частым, как после марафона? Саша чуть-чуть отодвинула штору, тюлевую занавеску и одним глазком изучила пространство за окном. Никого. Белое пространство, стволы деревьев... все. Черт знает что!

Не привиделось же ей! Надо что-то делать, как-то защитить себя, но от кого? Вот что ей говорить в полиции, как объяснить свои видения, страхи? А страшно стало до реальной дрожи, до отчаяния, что она бессильна перед человеком за стенами флигеля, не знает, что у того на уме. И разве теперь уснешь? Двери заперты надежно. Но в узком коридоре Саша поставила два стула на тот случай, если заснет, а злодей откроет двери, ну, хотя бы отмычками. В темноте он споткнется, она услышит и поднимет крик... Так можно свихнуться.

К счастью, неизвестный шпион не ломился в ее флигель, но от этого легче не становилось всю ночь, а к утру Саша забылась тяжелым сном...

* * *

Все лучшее у нее уже было... да, это чистая правда.

Она уже не надеялась увидеться с ним, потому что его рейс задерживался на неопределенное время. И вдруг звонок! Прилетел! Договорились встретиться на одной из станций метро, Саша метеором собралась и унеслась. На место встречи она приехала первой и с полчаса ходила туда-сюда, высматривая в толпах Алексея. Конечно, дождалась! Он сошел с эскалатора с широкой улыбкой, свежий, новый – возможно, так казалось из-за разлуки, хоть и недолгой, но тягостной. Саша, как в плохом кинофильме из жизни голубков, бросилась к нему и повисла на шее, встреча завершилась длительным поцелуем.

– Сашка... – проговорил Алексей, оторвавшись от ее губ. А как сияли его глаза... Наверное, как у нее самой. – Какая ты красивая! Поехали ко мне? Я же с чемоданом... с ним никуда не пойдешь, неправильно нас поймут. Машину я вызвал, продукты водитель уже купил. Едем?

Она только закивала, словно болванчик, смеясь и радуясь, что видит его. Это был первый раз, когда Саша переступила порог квартиры Алексея и, честно сказать, обалдела. Да, не ожидала попасть в современные

апартаменты с интерьерами из глянцевого журнала, где спокойно могли бы разместиться человек десять. Ну, может, это преувеличение, однако квартира действительно ни в какое сравнение не шла со стареньким жилищем Изабеллушки.

– Не нравится? – спросил Алексей, открывая шампанское и наблюдая за Сашей, медленно обходившей самую большую комнату.

– Почему? Очень красиво у тебя, очень... Просто я думала, ты живешь скромней.

– Мне хорошо платят, я же ценный сотрудник.

Интонация задела ее: насмешливая, будто Алексей врал и не скрывал этого ужасного порока. Саша пошла к нему вальяжной походкой, соединив руки за спиной и улыбаясь:

– По-моему, кто-то тут большой хвостун...

– Я? – поднял он брови. И рассмеялся.

– Ну, не я же! Ты хвостун, драчун, льстец... Засыпал мою Изабеллушку комплиментами, а она верит. Обманщик! Говоришь, что занимаешься ерундой, а через минуту хвастаешь, будто ты ценный сотрудник. Что еще я не знаю про тебя? Что ты скрываешь?

Шутки шутками, но Саша тогда и предположить не могла, что попала в десятку, правда, Алексей совсем не смутился:

– Если все расскажу про себя, тебе будет неинтересно со мной. Держи бокал... Надеюсь, это не смертельная доза для тебя?

– Вот возьму и все выпью!

– Все двадцать грамм?! – изумился Алексей, но тут же обнял ее. – И что я с пьяной женщиной буду делать?

Она рассмеялась, чокнулась с ним и отпила глоток. Покривилась. Непьющей Саше никакой алкоголь не приходился по вкусу, даже самый изысканный, а чувство опьянения вообще не нравилось, но то был особый день.

– Скажи, только честно... – Она подошла к стене с тремя полотнами и указала бокалом на них. – Почему люди твоего уровня обеспеченности предпочитают картины, заляпанные краской? Понимаю, что на Рубенса никаких денег не хватит, но есть же художники попроще и очень неплохие.

– Понимаешь, интерьер слишком скупой в цветовом решении. Чтобы как-то раскрасить, добавить пятна радости, но не нарушить общее впечатление, дизайнер предложил эти работы. А где еще ты встречала похожие полотна?

– У Роберта.

– Что?! У Роба?! Ты была у НЕГО?!!

– Вчера...

Видя, насколько новость выбила его из колеи, Саша поспешила рассказать о двух встречах с Робом без утайки. Что было приятным – так это искреннее, без игры на публику, беспокойство за нее:

– Мне все это не нравится. Роберт человек неуравновешенный, без тормозов, да ты ведь на себе испытала его ярость. У него нет границ, нет табу, норм тем более нет. Боюсь, будет тебя преследовать, подкарауливать.

– От меня ничего не зависело, – начала оправдываться Саша. – Если бы я заранее знала...

– Вот именно. В наше время твоя новогодняя работа опасна, вы понятия не имеете, в какой дом идете, что там за люди.

– Но это мой заработок, и очень приличный. Кстати, куда ни попадая мы не ходим, по адресам ездят из агентств студенты. А у Василия Юрьевича своя клиентура, новые адреса он берет только по рекомендациям старых клиентов.

– А на Роба напоролись...

Алексей осекся, так как романтический вечер резко перешел в негативную плоскость, что ощущалось по Саше, чувствующей себя неловко и, что нелепо – виноватой. Он подошел к девушке, взял ее за плечи, надолго остановил взгляд на ее чистых и честных глазах, затем прижал к себе.

– Хорошо, что ваш визит не имел последствий. Я поговорю с Робом, чтобы близко не смел приближаться к тебе...

– Не надо! – сказала Саша, теснее прижавшись к нему.

– Почему?

– Не хочу о себе напоминать и... чтобы тебя уволили из-за него.

– Не уволят. Обещаю. Ладно, мы что-нибудь придумаем, но больше ты не будешь работать льдинкой. Сашка... я в командировке понял, как ты... нужна мне.

– И ты мне. Нужен.

Иногда достаточно и этих слов, сказанных тихим голосом, чтобы понять, какая большая сила заключена в них. И сразу многое преобразуется, меняется, становится понятным, простым, доступным. После этих слов поцелуи другие, в них уже близко нет контроля. Это поцелуи доверия, любви, проникновения в тайну между двумя людьми – такими разными и одновременно составляющими единую систему с одним сердцем на двоих.

Когда все случается именно так, утро не кажется чем-то постыдным, того хуже – омерзительным, не мучает раскаяние, а ощущается новый этап

в отношениях. Приходит осознание, что это навсегда, во всяком случае, Саша так думала о себе, вдруг услышала сонный голос Алеши:

– Сашка, кто завтрак будет готовить?

– Это же твоя квартира, я гость.

– Ты уже не гость. Сегодня... после завтрака... поедем и заберем твои вещи. Марш на кухню осваиваться.

Саша приподнялась, подперев голову рукой, ей хотелось рассмотреть человека, который с ходу берет на себя главенствующую партию:

– Ого... Ты деспот?

– Еще какой. – И даже глаз не соизволил открыть.

– Не могу сразу так сказать Изабеллушке, что ухожу к тебе. Она очень расстроится, ее надо подготовить психологически...

– Я подготовлю. А ты иди готовить. Только не яичницу, я ее каждый день жарю, поэтому ненавижу.

– Ну, хотя бы душ сначала я могу принять?

– Сначала завтрак, а потом... хоть пляши.

И что делать, возмутиться? Не-ет, Саше нравился командир на кровати. Чмокнув его в щеку, она набросила его халат и спустилась на первый уровень, где и располагалась кухня. Ну, что можно приготовить из одних закусок, которые нашла в пакетах? Только бутерброды. И кофе сварила.

Душ принимали вместе, кофе, конечно, остыл, пришлось варить заново, но это ерунда. За завтраком Алексей вспомнил:

– М!.. У меня же подарок для тебя!

Он смотался в прихожую и принес коробку, Саша ахнула:

– Но этот смартфон очень дорогой... Я не могу делать тебе такие подарки в ответ. Купила билеты на концерт – для меня их стоимость целое состояние, но ты не приехал вовремя...

– Не переживай, подарки – это прерогатива мужчин. Дай трубу, вставлю симки в новый смартфон.

Так началась их совместная жизнь, на этом можно было бы поставить точку, добавив: они жили долго и счастливо, но... события разворачивались совсем не радужно, правда, чуть позже. А до этого была еще одна встреча с Робертом. Где-то через пару недель в супермаркете он окликнул ее по имени, Саша замерла, опираясь на тележку. Разумеется, здесь она его не боялась, народу-то полно, просто один голос Роба действовал, как укол бешенства.

– Привет, – сказал он, как ни в чем не бывало. – Я звонил тебе, почему не отвечала?

Во наглый! Со стороны можно подумать, будто они раньше

встречались, произошла небольшая размолвка, и один из сладкой парочки решил восстановить «дружбу». Саша двинула тележку вдоль стеллажей с банками-склянками, горошек и кукурузу кинула в тележку, оливки... Поскольку чудовище двигалось за ней, мимоходом поинтересовалась:

– Кто дал тебе мой номер?

– Дед Мороз. Я ему понравился...

В этом ряду с полками по обеим сторонам почти никого не было, только парочка вдалеке выбирала консервы. Саша остановилась, чтобы раз и навсегда дать ему от ворот поворот, хотя делала это и раньше, но, может, он не понял:

– Я заменю симку. Что тебе нужно?

– Я бы хотел, чтоб ты узнала меня поближе...

– А я нет! Могу я этого не хотеть или ты отказываешь мне в выборе?

– Но ты не права. На корпоративе я выпил лишнего, ты грубила...

– Мне достаточно того случая, чтобы никогда не желать встречи с тобой, даже случайной. Иди к жене и ребенку...

– У меня нет жены...

– Меня твои проблемы не касаются, – психанула Саша, так как его тупая настырность осточертела, а сам он был жутко противен. – Вокруг полно девушек красивей меня, лучше, умней и которые примут тебя как подарок. А от меня, прошу тебя, отстань!

Хотела двинуть дальше, но Роберт одной рукой ухватился за тележку, он разозлился, а каков в ярости этот тип, Саша прекрасно помнила.

– Признаю, – процедил сквозь стиснутые зубы он, – я ошибся в тебе, принял за другую, но это еще не повод делать окончательные выводы...

– Пусти!.. – дернула она тележку.

– Минуту! Сейчас ты хуже, чем я тогда, потому что все мои попытки загладить вину натываются на стену! На ледяную, жестокую стену!

Нет, каково! Она же еще и виновата, а Робик просто жертва! Может, ей прощения попросить? Но вместо этого Саша отчеканила:

– Рада, что ты наконец-то разочарован во мне.

Резким движением вырвав тележку, она поторопилась к выходу.

– Ты стерва! – раздалось сзади.

– Я знаю, – бросила через плечо Саша.

Алексею решила не говорить о встрече в супермаркете, он почему-то реагировал на придурка Роба болезненно. Другое беспокоило: вот ходи теперь и оглядывайся – не подкарауливает ли ее маньяк Роберт, у которого к тому же полностью отсутствует элементарное чувство собственного достоинства. Впрочем, достоинство присуще породе людей, а не мерзавцев,

у которых потеряно и чувство меры, и другие слагаемые, характерные для высокого звания «человек». Она ошиблась, Роберт перестал ее преследовать, через пару месяцев Саша вообще забыла о нем и растворилась в собственном счастье.

На 8 Марта Алексей предупредил, что намерен познакомить ее с родителями. Любая девушка понимает данный эпохальный знак однозначно: он намерен узаконить отношения. Она наряжалась полдня, ужасно волновалась, нервничала. Саша слишком дорожила Алексеем, которого к тому времени любила без памяти, чтобы нечаянно не понравиться его родным.

Подъезжая к загородному дому, Алексей снизил скорость, а Саша, едва взглянув на особнячок этажа эдак в три (сложно определить этажность, потому что окна и балконы расположены не на одних линиях, а вразнобой), вдруг передумала:

– Знаешь... поехали назад.

– А в чем дело? – потерялся он, что нехарактерно для него.

– Не думаю, что мне следует знакомиться с твоими родными.

– Почему? – недоумевал Алексей, притормозив у ворот.

– Вряд ли я им понравлюсь.

– А-а-а... – дошло до него наконец. – Трусишь, да?

– Нет. Просто реально смотрю на вещи, классово-экономические различия, а вместе с ними и соответствующие морально-этические слишком плотно вошли в нашу жизнь и...

– Без «и», – мягко перебил он. Отстегнув свой и Сашин ремни, Алексей обнял девушку за плечи, притянул к себе, рассмеявшись: – Ой, Сашка, ты заговорила кондовым чиновничьим языком, который меня страшит. Запомни: если ты кому-то не понравишься, что исключено, это не будет иметь никакого значения. Для меня не будет. И для тебя.

Ворота открылись, и Алексей въехал в просторный двор, поставил машину на площадке, где стояло несколько автомобилей, открыл дверцу с Сашинной стороны и протянул ей руку. Она не спешила, словно всячески оттягивала смотрины, ведь Алексей привез ее именно на смотрины, как встарь.

Выйдя из машины, она осмотрелась. Все, как у всех богатых людей в загородном поместье: дорожки, расчищенные от снега, деревья, елки, кустарники, беседки... Летом здесь красота. У дома стояла каменная печь и дымила, возле нее сутились двое мужчин. Оба обняли Алексея, поздоровались с ней, сообщили, что мясо почти готово, только их двоих и

ждут.

И вот гостиная, на интерьер Саша вообще не обратила внимания, только на людей, несколько человек почти одновременно повернули к ним головы...

– А этот почему здесь? – шепотом спросила Саша.

– Роб? Он мой брат. Старший. Рядом наш отец, ты знаешь его.

Саша перевела взгляд на отца Алексея... да, знает: это глава фирмы, где она с Кимом вела корпоратив...

8

Наступил вторник. Измученная ночным бдением Саша еле поднялась, решив поспать днем, а сейчас – в театр. Обещали вывесить распределение на новые спектакли, а вечером итальянская комедия, она тоже занята. И опять все бегом! Когда закрывала дверь флигеля, ее позвал Игорь Степанович. Он сыпал зерно в кормушку потрясающей красоты: птичий домик, расписанный под гжель, стоял на круглой площадке, а площадка на железном столбике – настоящая Рублевка, только птичья:

– Сашуля, можно тебя на пару слов?

– Конечно, Игорь Степанович. Слушаю вас...

– К тебе вчера приходил мужчина? Ты не стесняйся, мы с Олей не против, дело-то молодое, а тебе замуж пора.

Естественно, она знала, что это за мужчина, но хотела послушать хозяина, какие у того мысли на сей счет:

– Огорчу вас, мужчины ко мне не ходят, а что?

– А вот иди-ка сюда... – Он прошел к зоне своего небольшого садика, надел очки и сделал знак рукой, мол, иди ближе, хотя Саша и без этого шла к нему. – Не топчись. Смотри, сколько следов... мужской размер... 45–47-й примерно...

– Да... – присела Саша на корточки. – Дяденька большой, видимо.

Следы отчетливые, по снежному полотну никто не успел потоптаться, к тому же снег шел мокрый. Сверху взялась тонкая корочка, но под ней пушистый слой, потому отпечатки и получились идеальными.

– Вор? – спросила она.

– Вор, Сашенька, попытался бы в гараж проникнуть, в хозпостройки – у меня они капитальные, значит, там есть чем поживиться. Нет, не вор. Вор, я думаю, не носит дорогие ботинки... или сапоги.

– А это как вы узнали?! – изумилась она.

– По отпечаткам, – с видом знатока сказал Игорь Степанович. – Рисунок... как бы это сказать... на автомобильных шинах подобные канавки и выступы называются протекторами...

– Поняла, мы тоже так назовем. И что?

– А то, что сложный рисунок протектора с четкими границами характерен для импортной обуви, далеко не дешевой.

– Ну, вы даете! – восхитилась Саша. – Прямо детектив.

– Брось, тут элементарные знания. Мы с Олей в девяностые вынуждены были профессии сменить, чтобы выжить. Ездили за товаром по разным странам, имели два магазина. Научились отличать особенности в предметах одежды. Не пойму, зачем этот товарищ приходил... Вон, смотри, куда следы ведут...

Как истинные следопыты, согнувшись буквой «г», оба шли по следу и дошли до забора с калиткой.

– Он перелез через забор! – догадалась Саша.

– Да, калитка заперта...

– Я же ее запираю и проверяю... подергала. Слушайте, Игорь Степанович, у вас богатый дом, камер слежения случайно вы не развесили? Мы бы просмотрели кадры...

Надежды увидеть вчерашнюю личность рухнули, так как пожилой человек одарил ее насмешливым взглядом и к этому добавил:

– Видимо, не видела ты, Сашенция, богатых домов. Камер у меня нет. Что же ему нужно было в моей усадьбе? Перелез, прошел в сад и вернулся...

М-да... Жаль, камер нет, очень полезная штука. Но Саша не растерялась, а достала смартфон (подаренный Алексеем, гаджет до сих пор с ней) и, выбрав пару хорошо отпечатанных подошв, сфотографировала их. Покушались на нее в театре, стало быть, там и ботинки следует искать.

Первое, что она сделала, попав во двор театра, – медленно шла, опустив голову. Куча следов, но и отчетливые были, только со знакомым протектором не разглядела, а этот товарищ, как назвал его Игорь Степанович, точно где-то здесь...

Труппа подтягивалась в полном составе, артисты отправлялись к расписанию, где обычно вешали и распределения ролей, но вождельных листиков не висело. Появилась озабоченная Люся, к ней развернулись человек пять, торчавших у расписания, алчно уставились на помрежа, словно жаждали сожрать.

– Ну, не знаю я, не знаю! – раздраженно заныла она, отвечая на молчаливый вопрос. – Решают у главного, спорят. И завтра группой там. Я

пришла повесить завтрашнюю репетицию «Забыть Герострата»... Оленева не пришла?

– Здесь я, здесь, – заворчала вошедшая Анфиса.

– Опоздание. Я фиксирую, – предупредила ее Люся. – Сами проведете сегодня и завтра репетиции, главный уезжает в областное управление культуры за втыком.

– А что случилось? – заинтересовался Октавий Михайлович.

– Кляuzu кто-то настроил, – огрызнулась Люся, но агрессия адресовалась не ему. – Нейметса кому-то, ищут приключений на свою тупую задницу.

– Не только на свою, на нашу в том числе, – заметил Октавий Михайлович. – Надоеет начальству – разгонят нас...

– Типун вам на язык! – со свойственной ей простотой отмахнулась Люся. – Ну, я пойду...

– Иди, иди, дорогая, послушай, о чем они там... заседают.

– Подслушивать?! Октавий Михайлович, на что вы меня толкаете?

– Да, Люсенька! А что такое – тупая задница?

– Да ну вас!

Люся удалилась, а через полчаса прибежала и велела всем расходиться, кроме тех, кто занят в репетиции, мол, режиссеры не договорились насчет актеров. Саша вышла во двор и замерла на крыльце под навесом – красотища редкая. Снова пошел снег, поскольку ветер еще к утру угомонился, хлопья фланировали медленно, плавно, словно вообще ничего не весили, падая на перила, они рассыпались.

– Погода для метеозависимых убийственная, – сказал сзади Октавий Михайлович. – У меня сегодня и вчера голову сносило от перепадов давления и перемен погоды.

– А красиво как...

Несмотря на возраст, он попрощался и довольно легко сбежал по короткой лестнице, удаляясь, оставлял дорожку из следов... Отпечатки его ботинок не имели ничего общего со следами, оставленными незнакомцем в саду... Саша совсем растеряла разум: даже Окташу проверяет! Мимо пробежала папина доча Алиса, не поздоровавшись и не попрощавшись, но ее отпечатки на белом безмолвии слишком маленькие...

– Вообще-то она женщина, – шепотом сказала себе Саша. – Боже мой, у меня сдвиг начинается. Надо поспать...

– Боярова, стой! Подожди!

Успевшая спуститься по лестнице Саша оглянулась, держась за перила, и хорошо, что держалась – ее пошатнуло. Это был уже перебор.

Вахтерша держала в руках желтые розы в целлофановой обертке с черной лентой, цветов на этот раз немного, видимо, у дарителя денежки заканчиваются.

– Курьер привез, – догадалась Саша.

– Он, он, – протянула ей букет вахтерша. – Ты заверни в газетку, а то померзнет красота такая.

Медленно идя к противоположной стене, ограждающей двор театра, чтобы облокотиться спиной и почувствовать опору, в которой нуждалась, Саша сосчитала бутоны. Шесть желтых роз – четное число. Это намек? Ну, хорошо, пусть намек, что из этого следует? Надо идти к тем, кто реально способен защитить, – в полицию. А что сказать? Меня преследует не знаю кто? Что по ночам в саду стоит злодей перед моим флигелем, он присылает зловещие знаки... Бред. Розы – зловещие знаки? Бред полнейший. Единственная улика – упавший софит, но! Почему полицию не вызвали по горячим следам? Итак, полиция пока отменяется, надо быть внимательной и всегда наготове. Саша нащупала газовый баллончик в кармане...

– Саша, привет!

– А? – испугалась она, оглянувшись. По ступенькам сбегал Инок, как обычно улыбаясь. – Привет.

– Ты сейчас куда? Могу подвезти, я свободен.

Единственному человеку она была действительно рада – ему, но как приятелю, не больше. Тем временем Инок заметил розы:

– Опять? Что-то маловато...

– Шесть штук.

– Число «шесть» что-то означает?

– До моего дня рождения осталось шесть дней. Число роз в букете четное, а четное количество цветов несут куда? Правильно, на кладбище. Короче, у меня есть время – целых шесть дней! Ненавижу розы. Желтый цвет тоже...

И осеклась, так как опустила глаза, просто опустила, чтобы он не заметил ужаса, смятения, паники, а не потому, что хотела проверить, какие ботиночки носит Инок. Но взгляд охватывает сразу большую площадь, отпечатки ботинок друга-приятеля, заботившегося о ее спасении, слишком индивидуальны и четко отпечатались на девственном снегу. Похожих отпечатков Саша сегодня не встречала, а она внимательно рассматривала следы, да и размерчик Кинг-Конга. Но дорожку, ведущую к служебному входу, попросту затоптали, а тут... Она посмотрела прямо в лживые глаза Инока – ну, вот он, человек, который превратил ее жизнь в кошмар.

– Идем, поговорить надо, – сказала хриплым голосом.

И решительно пошла в глубь театрального двора, где располагались гаражи с ржавыми автобусами «Кубань», их надо было еще лет двадцать назад сдать на металлолом, но они зачем-то ржавеют. Там же располагались постройки, где хранились доски и прочая дребедень для декораций, свалка отходов и старые декорации, которые никак не увезут. Туда она и привела Инока, резко развернулась и кинула ему в грудь розы:

– Держи свой букет!

– Не понял! – поймав розы, выговорил он, явно потрясенный поведением подшефной.

– Что тут не понять! Я раскусила тебя. Это ты устраиваешь мне кошмарную жизнь с идиотскими намеками – цветочки, софит...

– Откуда ты взяла?..

– Не перебивай! Тебя я видела ночью в моем дворе, тебя!

– Подожди...

– Вчера шел снег, а когда ты залез в мой двор, уже перестал идти. После тебя никто не ходил во дворе, так что твои отпечатки хорошо сохранились. Вон, смотри... – Она указала на его свеженькие следы. – А теперь смотри сюда!

Саша подняла смартфон прямо к глазам Инока, который оставался спокойным, даже слишком, просто спартанец перед боем. При всем при том он с интересом, будто никогда не видел своих собственных ботинок, разглядывал фото и отпечатки на снегу, сравнивая их, тогда как Саша умудрялась еще и ехидничать, выпалив скороговоркой:

– Не узнаешь! Неужели? А я вот сравнила и узнала: твои! Ты лживый и подлый! Поехал он со мной в цветочный салон! Зачем? Чтобы убедить, будто ни при чем? Но мне интересно, какого черта ты привязался ко мне? Что тебе вообще нужно? Убить меня? Ну, так убивай! Ладно, в другом месте будешь объяснять, а сейчас я иду в полицию, теперь у меня есть, что им рассказать!

Конечно, глупо преступнику открывать, что о его планах тебе известно, но Саша рассчитывала на эффект неожиданности, когда человек не успевает опомниться. Удовлетворенная произведенным фурором, Саша развернулась на сто восемьдесят градусов и сделала всего несколько шагов – Иннокентий схватил ее за руку и потянул назад:

– Стой! Теперь сюда смотри!..

Алексей подвел приунывшую девушку к отцу:

– Папа, это Саша.

– Матвей Павлович, – сухо представился отец.

Несмотря на упавшее настроение и протестную бурю внутри, ведь Алексей обязан был предупредить, с кем ей предстояло встретиться, Саша смогла взять себя в руки и рассмотреть этого человека. Нет, он не показался хищным капиталистом, имеющим штуки три пасти с драконьими зубами, внешне Матвей Павлович вполне приличный человек. Абсолютно седой, но старым его назвать можно было с натяжкой, а вот слово «пожилой» ему подходило. Лицо располагающее, человека мягкого, однако глаза какие-то замороженные, хотя и темного цвета, а в ее представлении карие глаза априори не могут быть студеными. Ну, вот и все, что разглядела, Алексей представил маму:

– А это наша мама, Ирина Федоровна, мы ее очень любим.

К этому времени пожилая женщина небольшого роста, полноватая, с простым и очень симпатичным лицом истинной матроны поднялась из кресла и пошла к Саше с Алексеем, раскрыв объятия:

– Ой, какая красивая... Дай, я тебя обниму, Сашенька. Наконец наш пострел привез свою девушку, а я ведь просила... Хотела сама приехать, ну, посмотреть на тебя, но Алеша не пускал.

– Как – не пускал? – прорезался голос у Саши после действительно теплого приема, которого в этом дворце не рассчитывала получить. – Вы могли не спрашивать разрешения, приехали бы и... и все.

– Сашенька... – Небольшие глазки Ирины Федоровны излучали свет, словно лампочка, она погладила девушку по щеке. – Я так рада, так рада... Сразу видно: ты замечательная...

– Спасибо, – растаяла Саша и протянула пакет. – Ой, это вам. Я хотела другие... но Алеша сказал, вы любите...

– Цветы в горшках! Да, люблю. Я обязательно покажу тебе мой зимний сад. Бонсай! Замечательно! Угодил, Алешка. Ой, пойду узнаю, как там мужчины с мясом... Думаю, пора выходить. Мы, Сашенька, на воздухе решили начать, а продолжим здесь. Всем одеваться!

Однако присутствующие (правда, их было немного) не торопились кидаться в прихожую за верхней одеждой, они разглядывали Сашу. Алчно! Да, она актриса, публичность должна быть для нее нормой, но! Гостиная Алешиных родителей не сцена, не съемочная площадка, а глаза этих людей не кинокамера, короче, ощущала она себя не в своей тарелке, скорее в чужой.

– Ну, с Робом ты знакома, – тем временем сказал Алексей и, взяв за

плечи, повернул ее к креслу сбоку. – А это Тамила. Наша почти родственница, классный парень и зубастая акула пера.

– Привет, – улыбнулась Тамила белозубой улыбкой, словно подтверждая, что зубов у нее на всех хватит, если понадобится.

Она встала и подошла к ним – хорошенькая, как куколка. Тоже роста небольшого, как и хозяйка дома, но ладненькая, с круглыми оливковыми глазами, маленьким ртом и пухленькими губками. Саша думала, ей лет семнадцать, ну, восемнадцать, но та сразила наповал, потому что оказалась одногодкой Алексея.

– С Алешкой мы дрались из-за горшка в одном детском саду, – воркующим голосом доложила Тамила. – Потом сидели за одной партой, пока он не достал меня своей правильностью. Роба я тоже колотила, потому что он жутко вредный. Меня считали невестой то одного, то другого, но я девушка без недостатков, а у мальчиков их куча.

Развеселила, Саша произвольно приснула и почувствовала себя чуть-чуть свободней. Алексей познакомил еще с двумя гостями:

– Это Лаврентий Ильич Пескарь, друг семьи и владелец заводов. А это его дочь Евгения, просто хорошая девушка, учится в университете, а это ее мама...

Владелец заводов, безобразно толстый, обрюзгший, лысый и с недовольной миной, не соизволил даже кивнуть, только уставился на Сашу глазами пьяного быка, хотя, без сомнения, был трезв. Жена мало чем отличалась от Пескаря, позже хихикала невпопад и без повода, несла чушь. А дочь Евгения скупно кивнула, после чего перевела взгляд на папу, который остался в неподвижном состоянии, словно его заморозили. Какое впечатление от дочери было у Саши? Да никакое. Худая, бледная, невыразительная, такую встретишь впервые, проговоришь с ней час, но при следующей встрече не узнаешь, так как не запомнишь. Алексей усадил Сашу в кресло, хотел уйти, но она схватила его за руку, когда он наклонился, прошептала ему на ухо:

– Не бросай меня. Пожалуйста.

Пришлось ему присесть на подлокотник, так и держа за руку, что явно не нравилось отцу Алексея, он как-то нервически посматривал в их сторону время от времени. Собственно, Саша не сомневалась, что не понравится ему, об этом и думала, а не вникала в разговоры. Но тут всех второй раз пригласили на воздух, где накрыли стол, нажарили мяса, рыбы, овощей...

Казалось бы, застолье раскрепощает и сближает, а Саша все равно не вылезла из «чужой тарелки», ощущала себя лишним элементом. Возможно,

из-за того, что за столом напротив торчал Роберт, она постоянно замечала его косые взгляды, направленные в нее. И этот человек теперь всю жизнь будет напоминать тот злосчастный вечер? Неважная перспектива. Одна Ирина Федоровна постоянно подходила к ней и спрашивала, не нужно ли чего, окружила заботой, потом увела Алексея помочь что-то там принести. Положение спасала Тамилка, сидевшая рядом, она развлекала ее болтовней, остроумно передавая некоторые особенности гостей и хозяев. Не миновал ее язык и Пескарей, сначала прошлась по папе, но только когда Саша спросила, всегда ли этот человек мрачен:

– У него хроническое недовольство, а еще он болен пупизмом, так что всегда. Кстати, дружат они с Рябовым-отцом с детства. Семья дяди Матвея из провинции переехала в Москву, его отец пошел на повышение еще в советские времена, получил здесь квартиру, прекрасную должность, устроил сына. Мы все тут понаехали, кроме тети Иры, она одна из московских аборигенов, но не у всех жизнь удалась. Некоторое время Рябовы ездили отдыхать на юг, так продолжалась дружба дяди Матвея с этим носорогом. Думаю, Рябов-старший и помог ему обзавестись заводами. Но, знаешь, не завидую тем, кто работает на Пескаря. Мой коллег-журналист ездил с ним на один из заводов, металлургия, если не ошибаюсь. А там же расстояния – жуть. Ехал наш Пескарь на люксовом броневике по территории завода, а его обогнал рабочий на тракторе. Знаешь, что он сделал? Уволил его за обгон.

– Не может быть... – ужаснулась Саша.

– О, этого носорога бойся, он мечтает выдать Женьку замуж за Алешку, а тут ты объявилась. Пробовал Роба уломать, в приданое сулил мелочь – пару заводиков, но наш Робик сроду с клячей в постель не ляжет, как и Алешка.

К этому времени вернулся на свое место Алексей, услышав последнюю фразу, наклонился к ней за спиной Саши и шутливо упрекнул:

– Тамилка, ты сплетница из разряда «супер».

– Могу я ко всем своим достоинствам иметь один маленький недостаток? – парировала она, а Саша улыбалась, слушая их перепалку за своей спиной. – Это моя профессия: знать все обо всех.

В общем, день прошел... как-то он прошел. У Саши осталось двойное чувство, с одной стороны, к ней проявляли внимание и заботу, с другой (превалировало) – ощущение дискомфорта. И это был первый раз, когда по дороге домой оба молчали добрую половину. Саша дремала, то есть делала вид, будто дремлет, у Алексея выдержка оказалась слабее:

– Сердишься?

– Мог бы подготовить меня, – сказала она без обиды в голосе, без упрёка, сама фраза говорит о многом, зачем же усиливать смысл?

– Чтоб ты сбежала? Какое у тебя осталось впечатление после корпоратива? Братец мерзавец, папа мешок с деньгами, которому плевать, что сын чуть не стал насильником. И вдруг я объявляю: это и мой папа, а Роб – родной братец. Ты же максималистка! Бескомпромиссная, что не есть хорошо. Короче, сначала я решил познакомить тебя с собой, чтоб ты прочувствовала разницу.

Вот так и обезоруживают. Саша не нашла слов возражений, дуться на него тем более не могла, потому и поддержала диалог:

– Вы с Робом действительно разные, даже непохожи внешне.

– Мы братья по отцу, мамы у нас тоже разные.

– А что с его матерью? Где она?

– Отец выгнал ее, когда Робу исполнился год. Застукал с другим и вышвырнул из дома, а Роберта оставил, потом отсудил. Мама в его жизни появилась почти сразу. Она искала работу, пришла наниматься к папиному отцу, то есть к деду, вакансия должна была освободиться через месяц. Отец попросил ее временно посидеть с Робом, она пришла на временную работу, а осталась навсегда. Потом появился я.

– Я заметила, у тебя с братом отношения натянутые.

– Да. С детства. Понимаешь, мама его всегда жалела больше, у него же не было матери, а она к тому же панически боялась прослыть мачехой. И отец по той же причине баловал сиротку. А я ревновал их обоих, считал, меня не любят. И стремился стать лучше, чтобы видели, какой я молодец. Робик плохо учился – я наоборот, он не занимался спортом – я бегал по секциям, он хамил – мне нравилось слыть воспитанным аристократом, он выпивать начал – я ни грамма. Когда подрос, конечно, понял, что я дурак был, пытался исправить отношения с братом, но у того на меня уже выработалась стойкая аллергия. Нет, внешне все благополучно, но мы с ним остались... скорее в нейтральной зоне. А знаешь, сейчас, несмотря ни на что, я ему благодарен. Мне так хотелось стать идеальным, что когда понял, какая это была детскость и глупость с моей стороны, уже не смог поменять режим. Я так и продолжал грызть науки, работать над собой... это помимо меня происходило. Ему я обязан тем, что сейчас есть.

– Но ты правда лучше всех.

Саша отстегнула ремень и прижалась щекой к его плечу. Алексей поцеловал ее в макушку и довольной интонацией произнес:

– Видишь? А могло быть по-другому, если б рассказал раньше.

Красиво он обошел ситуацию, Саша оценила. И уверилась, что больше

грозовых туч над ними никогда не появится.

С Тамилей она подружилась. Подружки остались в далеком детстве, новых некогда было заводить, когда Саша училась. Привыкла без них. И тут вдруг такой подарок – неутомимая Тамиле, главное, она без дурацких понтов и не из денежного класса, занималась журналистикой, сама зарабатывала на кусок хлеба с маслом. Тамиле разбавила свободные часы, которых было у Саши много, так как актерская карьера стояла на одном уровне. Именно Тамиле тащила ее на выставки, концерты, иногда брали с собой Алексея. Все было прекрасно... Не все. За месяц пару раз Саша встретила Роба! Первый раз, завидев его, сделала разворот на сто восемьдесят градусов и галопом убежала. Второй раз эта скотина подкараулила, когда Саша выходила из дома его родного брата, и скотина перегородила дорогу:

– Скажи, ты назло мне с моим братом замутила?

– Нет! – огрызнулась Саша. – У тебя завышенное самомнение. Мы встречаемся с того корпоратива, когда ты повел себя, как... сам знаешь, кто! А теперь отойди.

– Значит, бабки! Ты запала на его бабки. У меня такие же.

– Я запала на Алешу, еще не зная про его бабки. И отстань от меня, в конце концов!

Еле вырвалась, запрыгнула в машину к Тамиле и дала себе волю:

– Боже, как он меня достал! Вообразил, будто я назло ему с Алексеем... Параноик. Или из-за денег! Идиот! Оскорбляет и тут же пристает! Издевается?

– Терпи, – посоветовала Тамиле. – Робику надоест, и он отстанет. Главное, твой полный игнор.

– А ему надоест? – подхватила Саша, готовая на любые жертвы, лишь бы избавиться от Роба.

– Как эгоцентричная натура, он, безусловно, не приемлет отказы. С другой стороны, у них с Алешкой дикая конкуренция с песочницы, делили песок и ведерки. Иногда не знаешь, кто там главный виновник, а кто жертва. Полагаю, оба хороши.

– Сравнила! – пыхнула Саша и отвернулась от нее.

И еще был эпизод. Казалось бы, незначительный, но неприятно кольнувший Сашу. В конце апреля она и Алексей приехали на воскресный семейный обед. Ирина Федоровна инициатор этих обедов, она любила собрать родных и кормить их на убой. Только вот собрать всех не всегда ей удавалось, она очень обижалась, ей пошли навстречу, согласившись на пытку застольем раз в месяц. Поели-попили, погуляли, собрались на чай.

Саша не успела сесть за стол, Ирина Федоровна попросила ее позвать Матвея Павловича, он наверняка в кабинете. Там его не оказалось. Она отправилась искать будущего свекра (как полагала) и, проходя мимо библиотеки, услышала голоса, первый – Роберта:

– Почему, девушки, которые нравятся мне, достаются Алешке?

– В себе ищи причину, сын, в себе, – разумно сказал папа.

– Да ерунда. Он специально так делает, а меня это унижает. Саша мне нравится. Очень. Но твой Алешка перешел дорогу! Как всегда!

– Роберт, это несерьезно. Какая разница – Саша, Даша, Аня? Уж сейчас выбор – глаза разбегаются. А вы из-за какой-то девицы готовы третью мировую войну развязать. Чем она лучше других таких же?

– Она другая, – встал на ее защиту Роберт. – В ней осталось что-то настоящее, надежное, что есть в нашей маме, поэтому она не похожа на...

– Ты про всех своих девиц приблизительно говоришь одно и то же, – оборвал сына отец. – А потом они обувают тебя, и ты остаешься в дураках. Их всех нужно проверять на порядочность... Оставь Алексея и его девицу в покое, не думаю, что их связь надолго, тогда и заберешь ее себе, если захочешь...

Саша не стала больше слушать, нехорошо это, к тому же противно – словно окатили тебя помоями. Она тихонько удалилась, а за столом сказала, что в кабинете никого не нашла, ведь так и было. Короткий эпизод в библиотеке дал понять, что в этой семье ей будет очень непросто, если не сказать – тяжело. Позже Тамила подтвердила ее опасения, когда они ехали на очередное мероприятие:

– Ну, да, они же люди состоятельные, а девиц – охотниц за богатыми сейчас море и еще чуть-чуть. Я понимаю опасения Матвея Павловича, ты тоже должна его понять, пару раз на грабли они наступили.

– На грабли? – заострила внимание Саша. – Какие?

– Ну, про мать Роба я рассказывала. Однажды и Роберт с дуру женился на очень эффектной особе, ты же видела его сына – прелестный ребенок от той гадюки. Медичка. Как увидел наш Робик привидение в белом халатике, так и заклинило его. Но она же не какая-то там... Она терапевт в крутом медицинском центре! Чистенькая и праведная. Робик при всей его безбашенности на самом деле наивный и доверчивый. А Гела – сокращенно от Ангелины – сукой оказалась. Поначалу присматривалась, притиралась, забеременела, родила и разбушевалась. Красота – товар, да не всегда его удается выгодно продать, ей удалось! Так сиди мышкой в элитной норке и не пикни. Но ей показалось, она достойна лучшей доли. Ей уже не в кайф ни Роб, ни жилье, ни машина. А он старался угодить жене... Не веришь?!

Правда-правда. Он, когда любит, готов следы целовать. Марику не было и двух лет, когда эта стерва залезла в постель к иностранному партнеру, а папа Роба, имея опыт семейной драмы, тайком следил за ней. Короче, сын с отцом нагрянули в арендуемую иностранцем квартиру в самый пиковый момент. Роб избил Гелу, я бы тоже врезала, его еле оттащили охранники дяди Матвея, она ринулась в полицию, но деньги замяли инцидент. Потом был развод, скандал, Марика ей не отдали, компенсации она тоже не получила ни за синяки, ни за развод. В этом смысле сын повторил судьбу отца, как под копирку. Гела билась за Марика, но проиграла. Иногда напоминает о себе, приезжает в загородный дом и требует свидания с сыном. Вот такая мелодрама.

Как тут не понять Матвея Павловича, который видит в потенциальных женах своих сыновей алчных и подлых хищниц?

– Почему в загородный дом, а не к Роберту домой она приезжает? – поинтересовалась Саша. – Ведь ребенок с ним живет, а не с дедушкой.

– Во-первых, к Робу попасть для Гелы проблематично, ее вряд ли пустят даже на территорию жилого комплекса, а во-вторых, она считает виновником своих несчастий Матвея Павловича. Гадит ему, как только может. Например, распускает гнусные слухи, приглашает телевизионщиков на свои показательные выступления...

– Ты так говоришь, потому что у тебя детей нет. Разлучать мать с ребенком жестоко и подло, какой бы она ни была.

– Да не нужен ей сын, поверь. Ей деньги нужны, Саша! За скандалы платят на тех же телевизионных каналах, Гела надеется, что и Матвей Павлович заплатит, кстати, иногда ей удается вырвать крохи. Везение покинуло Гелу, никто из маститых мэнов не клюет на нее, остается только выколачивать баблосы из бывшего мужа и его папы. М-да, красота продукт скоропортящийся, а умом боженька обделил, вот и пышет злобой Гела на весь мир. погоди, ты тоже станешь зрителем аттракциона с бывшей женой Роба.

С первого взгляда Тамила производит впечатление недалекой куколочки, послушав ее рассуждения, впечатление кардинально меняется, она умная, довольно-таки рациональная, практичная. А наблюдая за ней во время работы, Саша поражалась энергичности, собранности, находчивости, умению быстро ориентироваться в среде разных по интеллектуальному уровню людей и заставлять их говорить с ней. Все это вместе признаки профессионала и увлеченного творчеством человека.

Однажды девушки приехали на выставку народных промыслов – хохлома, палех, финифть, гжель... глаза разбегались от красотищи. Тамила

разговаривала с промысловиками, много фотографировала, Саша тут же рассматривала изделия, купила подвеску из уральского малахита. Она была благодарна подруге, вытащившей ее на выставку. И вдруг Тамила толкнула в бок:

– Боже, этой-то что понадобилось в народных промыслах?

– Знакомых увидела? – спросила Саша.

– Да вон она, бывшая Роба... в сине-черной одежде, жгучая брюнетка.

Вот уж где не ожидала ее увидеть. Идем к ней?

– Может, не надо?

– Идем, идем.

Гела действительно эффектная особа, один взгляд Малейсенты чего стоит! Брюнетка с фиалковыми глазами, с утонченными чертами, белокожая, изящная и женственная – таково первое впечатление было у Саши от этой роскошной женщины. При всем при том выглядела она ровно на свои тридцать пять – ни больше, ни меньше. Тамила с ней обнялась, расцеловалась, потом представила спутницу.

– Алешкина подружка? – удивленно произнесла Гела, бесцеремонно разглядывая Сашу. – Хорошо, что не Робика. Я думала, Тамила Алешку окрутит.

– Ой! – отмахнулась та. – Достали меня обоими братьями! Обоих мне приписывают! Дорогая Гела, некогда мне окручивать, я же карьеристка.

– Чем хвалишься! – фыркнула Гела. – Работа всегда найдет дурака, ты попробуй в шоколаде жить, не работая. Прошляпила шанс. Алешка парень стоящий, Саша, это не Роберт – слизняк и никчемный, за Алешку я бы поборолась, если бы! Но история не терпит сослагательного наклонения, верно?

– Каким ветром тебя занесло сюда? – осведомилась Тамила.

– А где еще можно купить недорогой и оригинальный подарок? На подобных выставках от производителя, они хоть цены не задирают до космоса. О... Смотрите, Евгения! Женя!.. К нам иди!..

Действительно, Евгения гуляла среди толп у стеллажей, услышала Гелу и двинула к ним, изобразив радость. Велико же было изумление Тамилы:

– А эта что здесь забыла? Народных героев, добравших до вершин капитализма, интересуют только ювелирные салоны. А народное творчество, откуда вышли, они презирают.

– Ты всегда плохо думала о людях, – заметила Гела. – Между прочим, народное творчество нынче в тренде. Женя! Я так рада тебя видеть...

И пошло-поехало: ах и ах, как дела... Саше стало скучно. Но вскоре

решили за знакомство и встречу выпить по чашке кофе, потом обменялись номерами телефонов (Гела захотела) и разбежались по своим автомобилям.

– Видала? – ухмыльнулась Тамила, выезжая с парковки. – Гелка всех учит жизни, а сама своим правилам не следует. Роба удержать могла спокойно, уж я-то знаю его слабости, она наверняка тоже, но...

– Намекаешь, у тебя с ним... что-то было?

– Почему намекаю! Естественно, было, когда с Гелой вся эта history приключилась. У нас был дружеский секс, и ничего более, Роб в стрессе, я тоже рассталась с бойфрендом, который оказался мудаком – извините за французский. Скажу по секрету, Робик мужик огонь! Умеет, умеет. Что еще этой дохлой корове надо было? Примерно с месяц мы с ним общались в кровати, потом оба решили, что хватит, а то так до серьеза дойдет. У меня как раз выпала редкая возможность по заграницам пошляться за казенный счет, Робик тоже оклемался. Ну, не планировала я семейной жизни, тем более с ним. Вижу, хочешь спросить, был ли у нас с Алексеем секс? Не было. Он пуританин, ему нужно, чтобы любовь... хотя бы временная, а мне ни к чему не обязывающие отношения.

О времена, о нравы! Саше сложно было представить подобный формат отношений, иногда, среди продвинутых молодых особ она чувствовала себя недоразвитой. И почему-то переделывать себя в доразвитую не появлялось охоты, видимо, не осознала пока преимуществ свободной от морали личности. Но Саша росла совсем в другой среде, где живут почти все непродвинутые, набраться уму-разуму было негде. Впрочем, именно за это ее любил Алеша, как и она его. Однако в хорошенькой головке весьма деятельной Тамилы идеи рождались, словно кролики:

– Я вот думаю, как бы тебя пропиарить... Кино, к сожалению, не радует нас красивыми актрисами, а тут такой шедевр природы пропадает. У меня есть связи... Если засунуть тебя в ток-шоу, ну, чтоб ты поделилась своим мнением по поводу какой-нибудь фигни, потом кинуть рожицу на обложку глянца, то это уже что-то. Статью я сама тисну, интервью там, рассказик о Золушке – излюбленная тема тупых девиц, они обрыдаются, читая. Хотя бы начать!

– На обложку? – изумилась Саша. – Шутишь? У меня нет столько денег.

– Попроси у Алешки, он даст, для него это суший пустяк.

– Никогда! – с категоричностью заявила Саша.

– Зря. В этом нет ничего предосудительного, тем более финансовые аппетиты у тебя неприлично скромные. Ты ему готовишь еду, гладишь рубашки, в порядке содержишь квартиру и удовлетворяешь в постели.

Бесплатно, что ли?

– Ну, вообще-то, я это делаю из любви к нему.

– Ммм... – протянула Тамила. – Люби, но позиция твоя непрактична.

В конце концов, он обязан поддерживать жену материально...

– Я не жена. Предложения выйти замуж за него не поступало, так что прав на его кошелек не имею.

Хотя Саша и шутливым тоном сказала, данное положение ее не очень устраивало. Нет, претензий к Алексею не было, но подвешенное состояние нельзя отнести к удачному союзу двух любящих людей. Разумеется, некоторые живут годами в гражданском браке, и все у них прекрасно... со стороны прекрасно, как там на самом деле, никто не знает. Что касается Саши, она не знала, как преподнести подобный вариант брака родным, уж сколько раз твердили все трое, чтобы дочь-внучка не совершала маминых ошибок – все впустую оказалось. Не хотелось ей разочаровывать их, особенно деда, он слишком принципиальный и ответственный, того же требовал от других.

– М-да... – вздохнула Тамила жалостливо. – Вы с Алешкой нашли друг друга, оба прибабахнутые. Ладно, попробую уговорить, чтоб из любви к искусству тебе оказали честь, но не обещаю положительного результата.

Саша поблагодарила ее за заботу, но, честно сказать, не рассчитывала на удачу, которая любит деньги, причем большие.

На следующее утро вдруг звонок! Удивительное в нем то, что позвонила... Гела! Как-то в голове не укладывалось: вчера познакомились, а утром она звонит. Саша взяла трубку со второго раза, так как сильно сомневалась: стоит ли разговаривать с совершенно незнакомой женщиной? Ей ведь что-то очень нужно, причем срочно, судя по раннему звонку. Но Саша тоже женщина, посему победило элементарное любопытство.

– Саша, это Гела, мы вчера познакомились на выставке...

– Я помню. (Только не спрашивать, почему Гела позвонила именно ей, не проявлять заинтересованности, пусть сама выкладывает.)

– Мне очень нужно встретиться с тобой. (Кто б сомневался!)
Пожалуйста, не отказывай.

– А... по телефону нельзя?

– Нет. Лучше приезжай ко мне, не хочу, чтобы нас случайно увидели вместе и у тебя возникли проблемы с родней Алексея из-за меня. – Поскольку Саша молчала, находясь в поисках причин для отказа, Гела добавила: – Это очень важно, очень.

– Но почему я?..

– При встрече объясню.

Она назвала адрес и сказала, что будет ждать. Окраина... Не хотелось ехать туда, как чувствовала: это плохая идея. Мелькнули грешные мысли о ловушке, правда, Саша не сделала ни одной пакости Геле, чтобы опасаться этой женщины, которая ни с какого бока не выглядит монстром.

Вытирая голову полотенцем, из душа вышел Алексей:

– О чем задумалась?

– Да так... Кастинг сегодня... Садись завтракать.

Вот и солгала ему первый раз! Стоила ли Гела такой жертвы? В конечном итоге можно было солгать Геле, мол, кастинг, не могу с тобой встретиться в ближайшем месяце. Саша пожалела, что согласилась, при всем при том обещание следует выполнять...

9

– Эй, ребята!

Инок и Саша повернулись на окрик, это был машинист сцены – здоровенный мужик а-ля мясник, с круглым, далеко выступающим пузом, с красной сытой мордой и вполне прилежный работник. Он же командовал монтировщиками, а спорщиков застукал на своей территории, куда мало кто захаживал, потому не мог не поинтересоваться:

– Вы че там шумите?

– Не-не, – замахал обеими руками Инок, – мы обсуждаем один момент... Спорим, короче.

– А, ну, ладно. Только потише спорьте, а то всех ворон распугаете.

Про ворон – шутка, не смешная. Как только он исчез из поля зрения, Инок снова выставил маленькую книжечку, ехидно спросив:

– Прочла?

– Что это значит? – озадачилась Саша.

– Не здесь, ладно? Идем в кафе, что ли, это более подходящее место. Времени до того, как тебе комедию ломать на сцене, полно, мы успеем обсудить все-все-все. Боишься? Я тебя возил ночами, мог замочить без проблем.

Пока разум затмило негодование, и Саша смотрела на него, прищурившись, словно так легче разглядеть лживую сущность Инока. Пока слово «разоблачила» мешало воспринимать ситуацию неагрессивно, но, сделав несколько глубоких вдохов, она смогла взять эмоции под контроль. Разумеется, он прав, давно бы мог... уф, об этом страшно даже помыслить!

Саша согласилась на кафе.

Плюхнулась она за первый попавшийся стол, не раздевшись, Инок предложил все же пересесть подальше от входа. Зал был пуст, если не считать молодую парочку, склонившуюся друг к другу и тихонько ворковавшую. Пожав плечами, мол, какая разница, где выяснять отношения, Саша исполнила просьбу, пересела в угол и сразу быка за рога:

– Слушаю объяснения. Ты кто?

– Я закажу хотя бы кофе, ладно? И верхнюю одежду надо бы снять... мы же не на вокзале.

Благосклонно кивнув, она сняла пуховик, Инок забрал его и повесил на вешалку тут же, в зале, затем заказал кофе и вернулся на место. Саша подала его глазами, не мигая, он ухмыльнулся:

– Да, ловко ты меня раскусила.

– Ты кто? – холодно повторила она.

– Ты же читала удостоверение: охранно-детективное агентство, а я сотрудник. Меня прислали последить за тобой.

Да у нее от шока голос пропал, откашлявшись, Саша, возмущенная до глубины души, вымолвила:

– Последить?! За мной?! Я что, преступница? Кого-то убила, ограбила, обманула? И кто же прислал тебя?

– Матвей Павлович.

Еще лучше! Наступила пауза. Требовалось в себя прийти, переварить новость и одновременно сообразить, что за интригу закрутил отец Алексея вокруг ее скромной персоны. Инок тоже выдержал паузу с минуту, потом спросил:

– Удивлена?

– Еще бы! Прошло три года... больше! В чем дело? Что ему нужно от меня?

– Не знаю. (Саша недоверчиво фыркнула.) Я правду говорю. Мне следовало проверить, что ты за человек, каковы твои принципы...

– Зачем?!!

– Я не спрашивал. Лучше ты ответь, почему он захотел тайком выслеживать тебя? (Саша только отрицательно покачала головой, опустив уголки губ вниз.) Ладно, это я выясню. Итак, лично для меня полной неожиданностью стало, что тобой еще кто-то интересуется и, что уж совсем из ряда вон, покушается на твою жизнь. Поэтому я залезал в твой двор и оставался там некоторое время, думал, когда-то туда придет и тот, кто угрожает тебе. Твой дом единственное место, где можно осуществить замысел без последствия для убийцы.

– Это твоя собственная инициатива или Матвея Павловича?

– Сначала исключительно моя. Потом, когда я рассказал ему о букетах с похоронной лентой, о софите, он попросил охранять тебя, причем беспокоился за твою жизнь и непохоже, что лукавил.

В сущности, у Саши было объяснение этому безумному заказу, но сейчас ее интересовало:

– А как нашли меня? Я никому не сообщала...

– Саша, не смейся. Выяснить, где обосновался человек, – дело времени, и только. Но не я тебя искал, мне Матвей Павлович дал координаты, и я приехал сюда, значит, это его люди нашли твоё местопребывание.

Теперь Саша серьезно занервничала, до того ее охватила паника, что руки затряслись, как у конченого алкоголика, когда она достала смартфон и тыкала в него пальцем. Едва там взяли трубку, зачастила глупыми интонациями, которые должны были дать понять на другом конце провода, будто у нее здесь вечный праздник, эффект получился обратный:

– Ба, привет, это я. Как там Ника, здорова? У вас все в порядке? Никто не беспокоил, нет?.. Точно? А то мне приснилось... Я?.. Да нет, нет, у меня все хорошо, даже очень... Я не нервничаю, просто бежала, не отдышалась толком... Значит, все хорошо?.. А, ну да, вчера звонила вечером... Так сон приснился дурной... Ба, я не суеверная, я беспокоюсь. Пожалуйста, не прогуливай ее далеко, ладно? И гуляй так, чтоб люди были рядом... Хорошо, не буду паниковать, просто сны имеют свойство сбываться. Ладно, пока, целую вас всех.

Саша опустила руку с трубкой и задумалась, потирая пальцами второй руки под нижней губой, в сущности, она искала единственно правильный выход в создавшихся обстоятельствах. Официантка принесла кофе, воду и пирожные.

– Кофе бери, остынет, – сказал Иннокентий, она отмахнулась, мол, не до этого. – А что тебя связывает с Матвеем Павловичем?

– Это длинная история... – медленно проговорила Саша, не отвлекаясь от своих мыслей.

– Так торопиться некуда.

И на этот раз не отреагировала она на его слова, Саша слишком углубилась в себя, явно нервничала. Иннокентий неплохо разбирался в состояниях людей, служба обязывала, а девушка напротив даже не пыталась скрыть свой испуг, на этот раз не за свою жизнь. Он знал, как заставить ее говорить с ним:

– Ника твоя дочь?

Ух, какие молнии метнула в него Саша! Зато очнулась:

– Ты откуда знаешь про Нику?

– Догадался...

– То есть Матвей Павлович заставил тебя следить за мной, чтобы узнать, где я держу дочь?

– Не-е-ет... – рассмеялся Иннокентий, попытавшись хотя бы таким способом успокоить ее. – У меня задание следить только за тобой, а о Нике, по-моему, он понятия не имеет. Это его дочь?

– Его сына. Знает, не знает... это теперь все равно, ты доложишь ему. Мне надо писать заявление об уходе... срочно...

Она подскочила, Иннокентий еле успел перехватить ее, буквально поймав и заставив сесть на место:

– Сто, стоп, стоп! Не сходи с ума! Все! Успокойся. Не знаю, почему ты так боишься его, но я обещаю: ничего ему не скажу, если ты не захочешь.

– Он платит тебе... – заплакала вдруг Саша.

– Тихо, тихо... – Иннокентий тоже сел на свой стул, взял ее за руку. – Почему ты боишься Матвея Павловича?

– Потому что он заберет Нику... Он уже делал так... Выгнал жену, а сына оставил себе, потом... через много лет... выгнали жену старшего сына, а ребенка у нее отняли... Навсегда. Не давали даже видеться...

Ее так жалко стало, Саша горевала с такой силой, как будто все, о чем она говорила, уже случилось с ней. Иннокентий взял ее за плечо, слегка встряхнул, чтобы девушка перевела взгляд на него, и заверил:

– Запомни: я не причиню тебе вреда, это не в моих правилах. Второе: выходит, мне не все рассказал Матвей Павлович, а я не люблю, когда скрывают информацию, это означает, что меня используют и держат за лоха. Третье, и главное. Давай так, ты мне все рассказываешь, а я разбираюсь, кто и чего хочет в этой истории. Да, Матвей Павлович платит мне. Но если он что-то подлое задумал против тебя, если ты была нужна ему, чтобы убить, а твою девочку хочет забрать, то он же и пожалеет об этом. Ты услышала меня?

С несчастным видом, растерянная и подавленная, она утвердительно закивала, потом взяла бумажную салфетку и вытерла нос. Иннокентий понял, что Саша готова к контакту, подгонять ее, мол, жду исповеди, не стал, начал с того, что поделился некоторыми мыслями:

– Сказать по правде, меня не очень убеждает эта версия... (Теперь Саша подняла на него глаза, значит, действительно способна слышать.) Зачем Матвею Павловичу тебя убивать из-за внучки? Если он такой монстр, как ты говоришь, то спокойно мог выкрасть ребенка, и дело с

концом. Логично?

– Не знаю.

– Ладно, отставим эту тему. Давай твою версию, и со всеми подробностями, без утайки. Помни, на кону твоя жизнь, которая тебе самой пригодится, тебе и твоей дочери.

Картины прошедшего времени отлично складываются в воспоминаниях, подключая эмоции, но, когда их восстанавливаешь в рассказе, получается скученно, путано. Кое-как Саша втянулась в повествование, возможно, помогло то, что сама хотела разобраться, да и Инок перестал пугать ее. Дело не в том, что она стала доверять ему, нет, лимит доверия у нее давно исчерпан. Саша всегда успеет убежать, если этот человек вздумает подличать. Да-да, схитрив и обманув, но успеет. Однако не исключено, что он и поможет, в мире не одни подонки живут, люди тоже. Так она добралась до...

* * *

Выйдя из лифта, Саша нашла квартиру и позвонила. Никто не открыл, странно. Еще раз позвонила, подождала и, радуясь про себя, что встреча не состоялась, направилась к лифту, но тут дверь распахнулась. Мокрая Гела в махровом халате и с полотенцем на голове пригласила ее в квартиру.

– Извини, я была в душе, еле услышала твой звонок. Не обращай внимания на беспорядок, готовлюсь к вечеру. В комнату проходи.

– Только я спешу... – начала Саша, Гела перебила ее:

– Я не задержу тебя.

Беспорядок? Вполне прилично, если не считать одежды на кресле и рассыпанной косметики на журнальном столике. Мебели немного – скромненький диван, пара кресел, плоский телевизор, полки и короткий стол с прозрачной столешницей – все. Маловато. Осталось ощущение, что хозяйка в этой квартире временный житель. Саша присела на край дивана, а вскоре и хозяйка пришла с подносом, на котором дымилась турка, стояли две чашки и ваза с конфетами.

– Нет-нет, я не буду... – отказалась от кофе Саша.

– Ладно, – не стала возражать Гела, выглядевшая в халате, без макияжа и с мокрыми волосами обыденно. – Я хочу, чтобы ты передала письмо Роберту.

Ого! Задание невыполнимо. Главное, слово «хочу», с которым Гела обратилась к незнакомой девушке, не зная, кто она и что она. То есть ее

желание – закон. Не надо было приходиться! Теперь остался один вариант:

– Я не могу этого сделать.

Гела не удивилась, что само по себе удивительно, в сущности, она добилась приезда Саши, а заставить ее выполнить поручение – дело техники.

– Понимаешь, я бы с ним поговорила, но на мои звонки Роберт не отвечает, не берет трубку. Других возможностей связаться с ним у меня просто нет.

– Гела, я с Робом не соприкасаюсь. Совсем, – сказала Саша, надеясь, что она поймет причины отказа. – И желания вступить с ним в контакт у меня нет. Всякий мой шаг в его сторону будет воспринят моим мужем очень негативно.

– Не хочу тебя обидеть, но... гражданские браки в этой семье не считаются, проще говоря, статуса у тебя нет, ты абсолютно свободна.

Ее слова задели, эта женщина, фактически унизив (и не понимая этого), рассчитывала на помощь! Саша никак не могла привыкнуть, что у подобных людей отсутствует чувство меры, такта, деликатности, при всем при том их целям обязаны подчиниться все окружающие – в этом смысле она похожа на Роба.

– Твое письмо к Робу может разрушить мой... гражданский брак, которым я дорожу и не считаю себя абсолютно свободной.

– Это очень важно, – уговаривала Гела, волнуясь, видимо, ее сильно придавило. – Для меня, для него... Нет, последствия для всей семьи будут катастрофическими, для Алешки тоже. Мне больше не на кого положиться... Слушай, а ты подбрось конверт! И никто не узнает, кто принес его. Но подбросить нужно Роберту, только ему. Пожалуйста...

Как же Саше хотелось убраться отсюда! В конце концов, что особенного, если она подкинет письмо, не общаясь с Робом? Саша не стала больше спорить, а взяла конверт...

Взяла и позже пожалела. Глупость – это большая роскошь, потому что за нее приходится дорого платить, люди про это как-то забывают. И первая ступень к вершине глупости – неумение сказать «нет», когда это сделать необходимо. Итак, где и когда подбросить чертов конверт? Не отдавать же лично в руки Роберту! Что, не предвидела этой проблемы? Но конверт взяла!

Промучившись день целый глобальным вопросом – как быть? – ничего не придумав, ругая себя последними словами, Саша приехала в редакцию к Тамиле, у которой мозги более практичны. К счастью, в небольшой

комнате, где обычно работают три человека, подруга была одна. Она как раз приводила в порядок рабочее место, собираясь уходить, выслушав Сашу, цапнула конверт, плюхнулась в кресло и вертела конверт, рассматривая даже на свет.

– А что в послании? – поинтересовалась Тамила.

– Я не спросила... – растерялась Саша, смутилась и вполне здраво объяснила свой просчет: – А смысл узнавать? Разве она сказала бы правду?

– Действительно. Не надо было брать, послала бы ее...

– За что посылать? – пыхнула Саша.

– Просто так! – улыбнулась куколка Тамила, включив электрочайник. – Нельзя быть такой рохлей! Вчера познакомились, а сегодня она приглашает тебя домой, ты вместо отказа едешь к ней. Неужели не догадалась, что от тебя нужна некая услуга? Это просто вычислить. Встретилась же гадина на нашем пути!

Откинув крышку чайника, она поднесла конверт к отверстию, откуда пошел пар, и осторожно водила им, чтобы пар попадал равномерно на бумагу.

– Что ты делаешь? – ужаснулась Саша.

– Вскрываю конверт старым дедовским способом.

– Но... но... так нельзя...

– А как мы узнаем, что она замыслила? Сделает гадость, а ты потом будешь виновата. Таких гадюк нужно держать на жестком контроле, раз уж попала в ее ловушку, чтобы вовремя вырвать жало. Тебя, убогую, нельзя в обиду давать особям из отряда гадов.

Прошло немного времени, прежде чем Тамила положила конверт на стол и осторожно попробовала вскрыть его. Заклеенная часть отходила довольно легко, радуя Тамилу, но ведь и сама бумага стала очень ранима, могла расползтись.

– Пожалуйста... не порви... – взмолилась Саша.

– Успокойся. Если порву, скажешь, что... конверт сгорел, или ты его съела, спасая репутацию Гелы... Есть! Так...

Она развернула лист бумаги, но почти сразу на ее лице появилась гримаса разочарования, Тамила прочла:

– «Роберт, срочно позвони. Клянусь, это нужно не мне, а тебе. Не дури, позвони, иначе процессы пойдут необратимые без тебя». И за этой фигней она пригласила тебя к черту на кулички?.. Гела хочет встретиться с ним – это понятно... Значит, информацию она не может доверить даже бумаге, а только при личном контакте... Не знаю, согласится Роб на встречу или пошлет ее... Черт, как же мы узнаем, что прячется за этой запиской? Гелка

просто так не добивалась бы встречи с Робом, с которым у нее затяжная война.

– Какая разница, чего она добивается? – рассердилась Саша. – Мне вообще неинтересно, что за тайны между ними.

– А у меня чисто профессиональный драйв. Это помимо меня.

– Заклеивай! Мне еще ужин готовить.

– Ой, поехали, – засуетилась и Тамила, сгребая в сумку всяческие мелочи со стола. – Родная мать Роберта приехала из Дании, я опаздываю на встречу с ней... так что извини, не отвезу тебя домой.

– Встреча? С матерью Роберта?!

– А что тебя так удивляет? Мы росли в одном дворе, она делала отчаянные попытки увидеться с сыном, через меня тоже пыталась – я выманивала его. Разве нормально – отказываться от знакомства с замечательной женщиной ради Матвея Павловича? Он мне никто, чтобы руководствоваться его принципами, которые весьма спорны. Катерина... Сейчас она Катрин, неплохо вышла замуж, живет в Дании, недавно овдовела. Детей больше не заимела, но и забот избежала. Роберт с ней встречается, но тоже тайком, чтобы папу не обидеть. Знаешь, какая она красивая? Мужчины этого семейства западают только на красивых баб. Ой, исключение, конечно, мама Алешки, красавицей она никогда не была, но тут сработал принцип разумного подхода к семейному очагу: надежная мать-жена лучше беспутной красотки. Давай бегом, подкину до метро.

Дорогу домой Саша погрузалась в собственную вину, хотя ничего предосудительного будто бы не сделала. Но как знать, вдруг история с конвертом не останется без последствий? За ужином решила про поход к Геле рассказать Алексею, так будет спокойней и правильной:

– Должна признаться тебе... Я, кажется, совершила глупость...

– Да? И что же ты совершила?

Нет, Алексей абсолютно не заинтересовался ее глупостью, вероятно, полагая, что проступок в Сашинем исполнении – сущий пустяк.

– Вчера познакомилась... случайно на нас набрела... с Гелой.

Вот теперь у него другая реакция – Алексей уставился на нее, не мигая и перестав жевать. Саша рассказывала, не глядя на него, почему-то было стыдно. Собственно, как – почему! Она влезла в запретную зону, не посоветовавшись с Алексеем, не послушавшись интуиции, которая твердила: не будь дурой, не ходи! Однако некая сила (возможно, фатальная) толкала в спину: иди! Отсюда вопрос: почему мы легче подчиняемся деструктивной силе, а не разуму? А ответа нет.

– Сашка, тебя погубит твоя доброта, – сделал вывод Алексей

прискорбным тоном, правда, без раздражения, которое она заслужила. – Я же говорил, Гелка хитрая и подлая баба, она способна использовать людей и тут же подставить их. Понимаешь, Саша, ты попала в семью, жить в которой непросто. Еще не раз столкнешься с журналистским терроризмом, с шантажистами и прочей мразью, которая захочет на нас заработать. Научись беречь эмоции для съемочной площадки, а окружающих воспринимать без них.

– Пожалуйста, прости меня. Вчера мы с Гелой так хорошо попили кофе... поболтали, я выпустила из виду... Она застала меня врасплох.

– Покажи письмо.

Нехотя Саша принесла сумочку, достала конверт и отдала, думая, что Алексей тоже хочет прочесть – это просто попытка. Он повертел письмо в руке, наверное, борясь с искушением, и небрежно кинул на стол:

– Такое ощущение, что его вскрывали.

– Конверт помялся у меня в сумке...

– Будем у родителей, я сам отдам его Робу, тебе не следует этого делать, а сейчас положи назад.

Саша была приятно удивлена поступком Алексея, который подтвердил, что она сделала правильный выбор. В связи с сегодняшним промахом, а также из простого желания больше подобных ляпов не допускать она полюбопытствовала:

– Скажи, Алеша, а Тамиле я могу доверять?

Не сразу он ответил, выдержал паузу, во время одной взял Сашу за руку, поцеловал пальцы и потянул к себе. Она пересела к нему на колени, Алексей водил носом по ее щеке, потом, целуя, прошептал на ухо:

– Доверяй лучше мне.

* * *

– Это все? – спросил Иннокентий, когда Саша сделала паузу.

Но она смотрела на поверхность стола и, казалось, не услышала. Он же пока не понимал, что заставило эту девушку, жизнь которой складывалась суперблагополучно, сбежать из Москвы. Толпы девиц стягиваются в столицу с единственной целью: найти мужика с вагоном денег, невзирая на возраст – хоть это будет младенец, хоть глубокий старик с диагнозом «деменция». Они согласны удовлетворить самые низменные причуды, стать бессловесной подстилкой (обычно до поры, до времени), лишь бы пригубить опьяняющего вина под названием «богатство». А Саша

без усилий плюхнулась в чан с шоколадом, казалось бы, ну и плавай себе. Что же случилось, почему сбежала? И к тому же тщательно замела следы, словно злостная рецидивистка, удравшая из колонии. К сожалению, с сыновьями Матвея Павловича Иннокентий не познакомился, потому не мог сказать, что за мужчина в ее телефоне с обнаженной женщиной на постели и почему Саша хранит эти снимки. Он и задал эти вопросы, правда, в укороченной вариации:

– Так почему ты уехала? Почему пряталась?

Саша отпила глоток остывшего кофе, недовольно скривилась и запила горький привкус водой. На самом деле она готовилась. Как правило, то, что ушло в прошлое, со временем приобретает позитивный флер, недаром же говорят: мол, хорошо, что так случилось, а не иначе. И тяжкий период видится трамплином, с которого был сделан прыжок в новую жизнь, но так не всегда бывает. Сашины воспоминания и с течением времени не стали приятными, оттого на глаза навернулись слезы, но она продолжила:

– Мне трудно говорить, потому что следующий месяц выдался... как бы это сказать... Я до сих пор не понимаю трех событий, случившихся одно за другим с небольшими промежутками, так что опомниться не успевала. Не понимаю, почему это все случилось, а я вроде как... то ли свидетель, то ли участница, то ли наблюдатель и... немножко жертва. Со злополучного письма Роберту прошел примерно месяц, о существовании Гелы я забыла, она не напоминала о себе, чем доставляла мне бесконечную радость. Но неожиданности подстерегают тогда, когда ничего плохого не ждешь, и потому не готовишься к ним...

* * *

Впервые Саша тратила деньги, не задумываясь о сумме, что для нее было делом непривычным, поэтому нервных клеток одновременно затратила уйму. Алексей кинул денег на карту и попросил купить наряд – платье, туфли, сумку... в общем, все, что нужно, включая украшения. Если не хватит, сказал, перечислит еще, условие одно: одежду подобрать в самых крутых бутиках. Когда в смс-сообщении Саша увидела сумму, ее в пот кинуло – многовато для одного наряда, чтобы сходить на банкет. Сомневаясь в своем вкусе, она обратилась к Тамиле, чтобы та помогла сориентироваться в магазинах и шмотках. Но подруга готовилась к собеседованию, она мечтала сменить место работы, появился шанс, посему ограничилась советами. В результате Саша справилась сама, то есть с

помощью консультантов. Приятные хлопоты, черт возьми, приятно тратить, но, если честно, немножко жаба давила – отдавать за тряпки такие суммы.

Зато когда дома примерила наряд полностью в спокойной обстановке – ахнула: до чего же она хороша! Саша остановилась на платье для коктейля, это более практично, а то ведь вечерний наряд в пол по любому случаю не наденешь. Видны ноги, платье прекрасно облегает фигуру, кстати, фигура у нее – залюбуешься. Но тут раздался звонок от Гелы. Ну, нет, Саша решила не отвечать, боясь очередной просьбы, переделалась и вдруг пришла эсэмэска. Тоже от нее.

«Саша, ты не хочешь брать трубку, я понимаю. Но твой Алексей у меня дома, ему плохо. Пожалуйста, приезжай! Я не знаю, что делать. «Скорую» вызвала».

Сашу как током ударило, она заметалась в поисках одежды для улицы, оделась за считанные минуты. При всей охватившей ее панике все же сообразила позвонить Геле, чтобы узнать, какая помощь нужна, – та не ответила! Саша ринулась на улицу, к тому времени порядочно стемнело, а таксист уже ждал. Адрес она запомнила наизусть, ведь память у нее отличная. Едва отъехали, она догадалась позвонить Тамиле, сбивчиво рассказала, в чем суть, подруга не разделила ее паники:

– Ой, да опять ты понадобилась, чтобы достать Роба.

– Думаешь?

– Конечно, с уверенностью утверждать не могу, просто исхожу из правила: если человек постоянно жульничает и врет, верить ему нельзя.

– Тогда... я пошлю ее, – решительно заявила Саша. – И внесу номер в черный список.

– Неужели? – рассмеялась Тамиле. – Это прогресс, ты становишься настоящей светской львицей. Хотелось бы услышать твои перлы... или прислать список, куда именно посылают?

– Я большая девочка, все слова знаю.

– Ну, удачи тебе.

Остаток пути Саша только и думала: что случилось с Алексеем? Другие мысли отсутствовали, но и одной хватило, чтобы трясло ее как в лихорадке. Чуть ли не на ходу она выскочила из машины, когда таксист подъехал к дому.

Лифт... Он полз вверх со скоростью сонной черепахи.

Площадка... Саша побежала по короткому коридору, вспомнила, что квартира Гелы в другой стороне, рванула туда, повернула... Дверь приоткрыта... Саша вошла.

– Гела!.. – позвала. – Ты где?..

Услышала шаги, и сама пошла навстречу...

– Алеша?! Ты?!

Да, он стоял посреди большой комнаты, был несколько растерян, впрочем, как и она, ожидавшая, что найдет его без сознания на полу в кольце врачей-реаниматоров. Однако выглядел Алексей – здоровее не бывает! Но Саша уточнила:

– С тобой все хорошо?.. Ты не болен?..

– А ты?.. – присматривался к ней Алексей. – Кажется, ты трезвая...

– Я? А почему я должна быть НЕ трезвая?..

– Я получил эсэмэску... Вот, смотри...

Он сообразил раньше, что обоих заманили сюда, отдал айфон Саше, та прочла вслух:

– «Алексей, я знаю, что трубку ты не возьмешь, поэтому пишу. Твоя Саша у меня, она немного выпила. Короче, она пьяна, ее тошнит, она не может двигаться самостоятельно. Приезжай, пожалуйста, и забери Сашу, я боюсь ее сажать в такси». Но это неправда!

– Вижу. Интересно, где сама Гела?

– Ее здесь нет? Посмотри, что она прислала мне...

Он читал сообщение Гелы без эмоций, механически обходя по периметру комнату. Дошел до лоджии, дверь которой была открыта, вышел туда. Саша последовала за ним:

– Что ты по этому поводу думаешь?

– Не знаю... Думаю, у нее крыша поехала от злости на весь свет и банальной зависти. – Мимоходом Алексей взялся за перила лоджии, глянул вниз и неожиданно рявкнул: – Бежим вниз! Кажется, Гелка там...

Дома в этом районе выстроены по принципу: фасад выходит на улицу и проезжую часть, задний фасад – во двор. Но и во дворе, из экономии места, возводились многоэтажки, их поставили торцами к тем зданиям, которые фасадами расположены вдоль улицы. Именно в таком доме, стоявшем торцом, Гела арендовала квартиру. Та часть двора, куда выходили окна и лоджия квартиры Гелы, с темнотой становилась безлюдной. Подъездов с этой стороны не было, не было ни детских площадок, ни зон отдыха, но жители соорудили цветники, чтобы пейзаж за окном не бросался в глаза однообразием и скукой. Еще одно такое же типовое здание возвышалось недалеко, но его еще не заселили. Подъезд Гелы последний, так что бежать далеко не пришлось, всего лишь Алексей с Сашей обогнули торец.

Она угодила прямо на декоративный кустарник, изрядно его помяв. Лежала ничком, свесив руки и голову вниз, а коленями опираясь на

заасфальтированную дорожку вдоль дома. Со стороны выглядело так, будто даме стало плохо, может быть, ее мутило, поэтому она стала на колени и вдруг упала грудью на куст. Возможно, пьяна... Только дама не подавала признаков жизни. Никаких. Но это еще ничего не значит...

– Она без сознания? – с робкой надеждой спросила Саша.

Алексей подошел к несчастной, протянул руку к шее, чтобы узнать по пульсу – есть ли жизнь в этом теле, но тут же отдернул ее, не дотронувшись:

– Ограда самодельная, грубо собранная... Она упала точно на прутья... Посмотри, они проткнули ее насквозь... Нет, лучше не смотри. Да и вообще, с такой высоты... шансов у нее не было ни одного и без прутьев.

Теперь и Саша заметила два черных пятна на спине, это, конечно, кровавые пятна. Она запрокинула голову и посмотрела на стену многоэтажки, уходящую далеко вверх, в темноту, невольно ахнула:

– Как ты увидел ее оттуда? Высоко и темно...

– Желтый халат... и фонарь... Она буквально светилась внизу...

– Вы как здесь?! – раздался знакомый мужской голос.

Оба мгновенно оглянулись... Роберт! Да, он самый, ошибки не могло быть. Стоял, держась за открытую дверцу автомобиля, захлопнул ее и двинул к брату с Сашей. Наконец и фигуру Гелы заметил, естественно, опешил:

– Гела?.. А что тут произошло?

Без объяснений Алексей достал айфон, сказав:

– Я вызываю полицию...

– Может, нам лучше убраться? – поступило предложение от Роба, до него дошло, почему Гела неподвижна и в нелепой позе. – Пока нас никто не увидел?

– Ты так уверен, что нас не увидели? – проговорил Алексей и поднес трубку к уху. – Алло, полиция? Мы нашли труп женщины, похоже на самоубийство...

– Роберт объяснил, как он там оказался? – спросил Инок.

– Естественно, – ответила Саша. – Он, как и мы с Алешей, получил эсэмэску от Гелы, текст в ней был примерно такой: «Роб, у меня дома Саша, она пьяная, ее тошнит, ей очень плохо. Если сообщу Алексею, боюсь, он убьет меня. Приезжай, пожалуйста, и заberi Сашу, я боюсь

сажать ее в такси». Как тебе? Это при том, что я вообще не пью, а если и выпивала при случае, то не более двух глотков, все об этом знали.

– М-да... Странноватая история, – озадачился он и принялся считать: – Итак, Гела собрала вас перед самоубийством. То есть бывшего мужа, с которым у нее не было дружеских отношений, как я понял по твоему рассказу, его брата... Алексей отзывался о ней плохо, но это не повод. И тебя, которая не сделала ей зла. Два брата сильно увлеклись тобой, видимо, Гела была в курсе их соперничества. Она заманила вас троих, но перед вашим приездом сиганула с балкона – нормально? Зачем? Что хотела? Может, записку оставила?

– Ничего не оставила, – сказала Саша. – Эта смерть для меня осталась загадкой, как и для всех, кто знал ее. Нас вызывали к следователю...

– А что, подозревали убийство? – перебил Иннокентий.

– Нам объяснили, что все самоубийства проверяют... как это у них называется... доведение до суицида!

Иннокентий усмехнулся, заметив, что его усмешка напрягла Сашу, объяснил свою реакцию, разведя руками:

– Доказать вину по этой статье практически невозможно, исключений немного. Скажи, а слово «убийство» звучало? Необязательно у следователя?

– Кажется, да... но как версия... без подтверждения и без... без...

– Улик? – подсказал он.

Она кивнула и снова задумалась. Нелегко ей давались воспоминания трехлетней давности, но не это изумило Иннокентия. Для Саши те дни, хорошие или плохие, являлись сегодняшними и живыми, а не какими-то там далекими с мертвецким душком. Почему-то она все еще находилась там.

– Знаешь, а ведь мы солгали следователю... – неожиданно призналась Саша, притом не поднимая на него глаз, как это делают люди провинившиеся. – Мы договорились с Алешей, что скажем...

Она, конечно, мастер паузы на сцене, но здесь другая площадка, пришлось подгонять девушку:

– И что вы сказали? Я должен все знать, чтобы понять, кто тебя сейчас прессует. Говори!

– Что подъехали одновременно, вместе вошли в лифт и в квартиру...

– А чья идея была солгать?

– Моя, – наконец подняла она глаза на него. – А что? Ты считаешь, было бы правильно, если б Алексея подозревали черт-те в чем? Он же первый туда приехал.

– А он, по-твоему, не способен на...

И тут Саша, словно проснувшись, очень уверенно, без тени сомнения, и даже категорично заявила:

– Нет!

– Ты полностью уверена?

– У него не было причин убить Гелу.

– А Роберт?

– Он мог. Я даже думаю, желтые розочки с траурными лентами – его подарки вместе с намеками, что на днях и меня отправит к Геле. За непослушание и то, что отказала ему. Но есть одна пробоина в моих подозрениях, которые, к сожалению, опираются лишь на мое неприятие Роба.

– Ну-ну? Какая пробоина?

– Он подъехал позже нас с Алексеем.

– Позже... – повторил Иннокентий и взглянул на наручные часы. – Жалко, нам пора, а остались еще два события, верно?

– Верно, – поднимаясь, сказала Саша. – Просто я плохой рассказчик, не придерживаюсь правила – краткость сестра таланта.

– Мне как раз нужны неталантливые подробности. Идем?

Он подзвал официантку, расплатился и, попросив принести бутылку минеральной воды, остался ждать заказ. Тем временем на улице Саша накинула на голову капюшон, ведь шел снег. Вечер, безветренно, снег, фонари и мало прохожих... все это вносило в душу покой, но не в Сашину. Внутри ее такая неумемная тоска образовалась и разрасталась, что впору выть. Вот как играть искрометную комедию в таком состоянии? А придется. Углубляться в скверное настроение не дал Инок, вышедший из кафе, он взял ее за локоть, и, не торопясь, оба пошли к театру по скользкой протоптанной дорожке.

– Теперь слушай, – сказал Инок. – В театре ничего не пей, не ешь. Ты, я заметил, любишь пить во время спектакля – вот твоя вода (и показал бутылку минералки), она будет у меня в кармане. Не оставляй еду на гримировальном столе – ни печенье, ни конфеты, ни чай. Где твоя косметика, грим, губная помада?

– Здесь, – хлопнула Саша по сумке, висевшей на плече.

– Загримируешься, все сложишь в сумку и отдашь мне.

– Но грим, помада мне нужны и во время спектакля...

– Нет проблем. Заберешь сумку, накрасишь губы и опять принесешь мне. Я всегда буду поблизости. Ты поняла? Это приказ.

– Ты не... преувеличиваешь?

– Мне платят, чтобы ты осталась живой и невредимой. Если я прошляплю твою жизнь, какой же я профессионал тогда? Дело чести, престижа. И денег. Так вот, запомни: достаточно смазать ядом губную помаду, подсыпать в пудру и... мы тебя похороним. Устраивает такой вариант?

– Пф! – фыркнула она, давая понять, что жить хочет.

– Отлично. Еще... Куда бы ты ни следовала, я должен быть рядом. Буду возить тебя на работу, в магазины... куда ты еще ходишь?

– Больше никуда.

– Отлично. И вот держи... – Иннокентий протянул кнопочный маленький телефон. – Если вдруг какая опасность, нажимаешь на единицу – я буду знать, где ты и что нужно бежать или ехать к тебе. Но труба должна быть при тебе даже в ванной комнате. Мы договорились?

Саша кивнула и ушла в гримерку готовиться к спектаклю, а он... Настала пора переговорить с главным режиссером, который приходит на каждый спектакль и смотрит одно и то же действие бесчисленное количество раз. Легче повеситься, думалось Иннокентию, не понять ему их – работников культурного фронта.

– Войдите, – отозвался на его стук Геннадий Петрович.

Иннокентий сел напротив главрежа, достал удостоверение, положил на стол и подвинул к главрежу. Тот прочел, глядя в удостоверение, поднял вверх брови, после чего спросил:

– А что это значит?

– Там написано, но объясню без подробностей, – ответил Иннокентий. – Я приехал сюда охранять Боярову, она об этом понятия не имела. Как выяснилось, на нее уже совершено покушение – когда софит упал...

– Это случайность... – поспешно бросил главреж.

– Вы прекрасно знаете: это не случайность. Я лично видел человека на колосниках, но не разглядел, кто это. И потом, в вашем театре разве можно что-то скрыть? Между собой артисты шепчутся, что Боярову пытались убить. Увы, Геннадий Петрович, кто-то из вашей труппы ступил на дорожку преступления. К тому же Бояровой присылают намеки, что софит не последняя попытка убить ее. Так что давайте-ка поговорим, от вас я жду откровенности.

Бедняга Пинг-Понг краснел и бледнел. Что уж там за подозрения роились в его в мыслях – сложно сказать, но кудрявые волосики исполняли некий танец на голове, наверное, от ужаса, а может, потому, что он ерзал на стуле. Поняв, что творится с человеком, Иннокентий поспешил его

заверить:

– Слушайте, я не убийца вашего драгоценного театра и не провокатор, а охранник. И когда нужно – детектив, сейчас совмещаю обе должности. А ко всяким комиссиям-мародерам, желающим прикрыть ваш театр, отношения не имею, меня не бойтесь. Кстати, знаете, как в подобных случаях поступают государственные правоохранительные органы? Прячут потенциальную жертву, я же пока только охраняю Боярову, разрешая ей играть, в противном случае ваше заведение станет, верно? Цените.

Вопреки ожиданиям Геннадий Петрович еще больше скис, обиженно опустил вниз уголки губ, будто попавшийся за руку мелкий воришка. На самом деле он попался на собственной наивности. Главреж слишком хорошо знал людскую природу, потому его спектакли дышали человеческими терзаниями, страстями, жизнью, а не являлись непонятым символизмом непонятно чего, когда даже сюжет теряется, а зритель готов закидать подмостки тухлыми яйцами. Просто сейчас до него дошло: то, что он пытался отчаянно сохранить так долго, что любил по-отечески нежно и защищал самоотверженно, раз-ру-ша-ет-ся. А Геннадий Петрович бессилён. Почему ему так казалось? Он идеализировал театр, в его понятии это коллективный разум, способный воспитывать в человеке прекрасное, доброе, вечное. Но что могут дать артисты, которые подслушивают, сплетничают, стравливают, предают и, наконец, докатились до убийства своей коллеги? Зритель не дурак, он нутром чует фальшь и отворачивается, а это признак конца, только глупец не замечает и не чувствует конец. Впрочем, Геннадий Петрович все замечал, но закрывал глаза на факты, сейчас открыл их и сказал:

– Хорошо. Спрашивайте, отвечу честно.

– Говорите мне «ты», как раньше, – дружелюбно заговорил Иннокентий, а не жестко, как еще минуту назад. – Геннадий Петрович, меня интересует человек, который приезжал к вам год назад, может, чуть больше, вы должны его помнить. Он из Москвы. Речь шла между вами о Бояровой. Что конкретно он говорил?

Реакция главрежа была непредсказуемой, он вдруг рассмеялся:

– И какая сволочь подслушала?

– Ой, мало тут у вас ушей? – в ответ рассмеялся Иннокентий. – Так чего хотел от вас тот человек?

– Это было чуть больше года назад, – признался главреж. – В общем-то, ничего криминального, как выяснилось.

Да, мужчина приехал с выгодным предложением, хотя и весьма странным, но Геннадий Петрович в тот миг возблагодарил судьбу,

пославшую ему Боярову. А предложение гостя было таково: главреж должен создать все условия для Александры, чтобы она... не захотела данный театр и город покидать! Предоставить ей самые лучшие роли, носиться, как с расписанной торбой, но чтоб она сидела здесь! За эту услугу компания обязуется выплачивать театру каждый год некую сумму на пару постановок и гонорар в качестве премии самому главрежу. После ухода странного столичного гостя Геннадий Петрович так и не понял, кто есть Саша на самом деле, однако четко уяснил: некто могущественный не хочет, чтобы она вернулась в Москву, причины неизвестны, а гадать бесполезно. Желание незнакомца совпало с желанием Геннадия Петровича: он тоже не хотел, чтобы Саша уехала.

– Клянусь, я свой гонорар пускал на постановки, – вздохнул говорил главреж. – Денег всегда не хватает, поэтому от них не отказываются, а на мои гонорары от спонсоров мы восстановили два спектакля, которые идут с успехом. Мелочь, правда? Но приятно. У нас репертуар сейчас... столица позавидует!

Самое смешное, он не врал, Пинг-Понг чокнутый, он последний лоскут из дома притащит, чтоб залатать дырявый занавес.

– Обалдеть, – только и выговорил Иннокентий.

– А Саша... – продолжал главреж, – я без столичного парламентаря занимал ее в спектаклях, она же красавица, умница, талантливая, и образование лучшее!

– Обалдеть... – повторил Иннокентий, взявшись за щеку ладонью и раскачиваясь корпусом из стороны в сторону на манер древней старухи. – Вам платили нехилые бабки, чтобы Боярова не захотела уехать?!

– У нас же не московские аппетиты, наши спектакли стоят копейки, мы изоощряемся, как только умеем. Это подарок был...

– Вот это кино! – не мог в себя прийти Иннокентий. – Да нет, в кино до такого поворота не додумаются. Я пока ничего не понимаю, но пойму – обещаю, тут уже дело принципа.

– Других условий не ставили, да и встреча была первой и последней, – убеждал Геннадий Петрович.

– Верю, верю. О нашей беседе никому, ладно?

– Понял, – приложил ладонь к груди главреж.

– И еще. Монтировщиком я больше не буду, игры-то закончены. Но мое присутствие в театре необходимо, я должен находиться рядом с Бояровой. Переведите меня на должность охранника...

– У нас нет такой должности.

– Придумайте. В связи с распространением терроризма мы можем

спокойно обманывать народ. Кстати, зарплата мне не нужна, а нужен убедительный статус, это же временная мера.

Геннадий Петрович кивнул несколько раз, что и являлось согласием на все условия. Иннокентий пошел к выходу, но вернулся и предупредил:

– Геннадий Петрович, в вашем возвышенном и культурном учреждении готовится заговор против вас.

– Я знаю, – вздохнул главреж. – Спасибо.

– Примите меры хоть какие-то. Иначе ваши благодарные и благородные артисты, безусловно, не способные на подлость, сметут вас. Это я вам говорю как монтировщик, который постоянно находился среди них.

– На все воля вон там... – печально отговорился главреж, указав глазами вверх.

Пожав плечами, мол, мне-то все равно, Иннокентий вышел из кабинета. А Геннадий Петрович посидел с минуту, подумал, потом подошел к окну и... улыбнулся. Снег все еще падал... По трансляции слышался гомон – зрительный зал заполнялся горожанами, эти звуки всегда приносили ему радость и предчувствие творческого восторга, когда он видел живую игру. Но сегодня он хотел тишины. Геннадий Петрович достал из шкафа дубленку и шапку, быстро оделся и вышел во двор, наматывая на шею шарф.

Снежные хлопья, бесшумные и пышные, фланировали в воздухе – это такое очарование... Вряд ли у Геннадия Петровича был в жизни похожий момент, когда он находился в совершенном покое, его видели только озабоченным, но сейчас он позволил себе отвлечься от работы, любоваться снегопадом, наслаждаться покоем. Прошло достаточно времени, в театре шел спектакль без него. Снег улегся ему на плечи и на шапку, а он стоял под черным небом, с которого сыпались белые хлопья. Замерз, конечно, дубленку-то не застегнул. Но прежде чем уйти в свой храм искусства, Геннадий Петрович достал трубку и позвонил. Долго не разговаривал:

– Здравствуйте... Угу, я подумал. Мой ответ – да.

* * *

Как ни велико было потрясение, но Гела все-таки человек чужой, она погибла по своей воле, выбор принадлежал ей. Саша постепенно отвлекалась и забывала об этой женщине, только иногда, вспомнив ее, недоумевала: ну, не походила Гела на депрессивную истеричку, готовую

расстаться с жизнью! Ее окутывала тьма желаний, в самоуверенности ей не отказал бы ни один человек, как и в самовлюбленности, а тут вдруг прыжок... Как-то противоестественно – покончила с собой. И уж совсем необъяснимый поступок – вызвала Сашу, Алексея и Роба! Идиотизм, которому не было объяснений.

Настал вечер тусовки, а для Саши – первый официальный (если можно так выразиться) выход в качестве... качество определил следователь – сожительница. А вызывал он их с Алексеем по поводу Гелы, к Саше приставили адвоката, что спасло от глупых высказываний, да не в том суть. Может, кому-то все равно, но ее покорило скользкое и унижительное словцо.

Итак, в качестве сожительницы Алексея она должна предстать на суд людей, ворочающих большими делами. Легче провести корпоратив с кучей Робертов. Ну, да делать было нечего. Саша нарядилась в новое (дорогущее) платье, туфли (почти золотые), взяла сумочку (по мародерской цене) и спустилась вниз, где ждал ее Алексей в строгом костюме и при бабочке.

– Сашка... – открыл он рот в прямом смысле, разумеется, от восторга. – Ты просто ошеломляюще красива!

– Льстишь? Чтобы я не трусила?

– А где украшения?

– Тебе не нравится моя шея без побрякушек? А волосы?

– Мне все нравится в тебе... но...

– Я сэкономила твои деньги, и так потратила неприличную сумму.

– Привыкай к неприличным суммам, – не без гордости заявил он.

У любой дуры голова пойдет кругом от услышанных слов, и тут же, бросив своего щедрого возлюбленного, она бегом помчалась бы опустошать магазины. Но: «Дурак учится на своих ошибках, умный – на чужих!» Эта фраза намертво вросла в мозг и контролировала все вокруг, отсюда невольно обращаешь внимание на судьбы сверстников. На ее памяти, по крайней мере, две знакомых девушки успели услышать эти же слова, потерять голову от неприличных сумм, а потом и сам источник. Поэтому, обняв Алексея за шею, Саша в некоторой степени огорошила его:

– Не хочу привыкать. Вдруг отвыкать придется.

– Мне не нравится твоя щепетильность, но спорить нет времени. Держи... Мама передала тебе, это подарок. Требую надеть.

В коробочке лежал красивейший браслет из цветного золота в форме переплетенных лиан с листьями. Саша надела красоту, а потом весь вечер контролировала – не потеряла ли, это просто кошмар.

Они прибыли в ресторан немного с опозданием, впрочем, банкет еще

не начинался. Там присутствовали родители Алексея, Роберт (действующий на нервы), семейство Пескарей и кое-кто, с кем познакомили Сашу в доме Рябовых. Но и абсолютно чужих было огромное число, среди них – известные люди. Казалось, и столов бесчисленное множество, и официантов, и гостей, и всего-всего, что мог охватить глаз. Появились ведущие, начались тосты и поздравления – виновник торжества отмечал пятидесятилетие, так длилось долго до необъявленного перерыва, когда разбрелись кто в туалет, кто курить, кто просто подышать. Тут-то и началось самое интересное, в этом муравейнике помимо воли Саша почему-то постоянно натыкалась на людей, которых знала, и узнавала их чуть больше, чем им этого хотелось, да и ей. После танца Алексей отправился поговорить с женщиной, а Саша – в туалет. Куда ж еще пойти для разнообразия! В кабинке она завопилась, в это время кто-то вошел и грубо рявкнул:

– Вот тебе губная, вот тебе зеркало! Мажь.

Голос Саше был знаком, она не помнила, где его слышала.

– Мне не идет этот цвет, – робко сказала Евгения, да, она.

– Мажь, я сказала. На себя посмотри – бледная, как спирохета, на такую никто не позарится! Разве что из-за твоего отца. Сколько раз говорила: сходи к визажисту, он научит лицо рисовать...

Вспомнила, кто это – мать Евгении, а имя забыла. Тетка, надо сказать, не уступала мужу по комплекции (странно, что Женя худющая), а внешность у нее махровой торговки с рынка, привыкшей обманывать покупателей. Кстати, она красила губы яркой помадой, выступающей за границы губ на манер актрис сороковых годов. Только тогда мама Жени была сама елей, сладость и улыбчивость, сейчас... хабалка.

– Я ходила, – сказала Женя. – Мне не понравилось, вульгарно...

– Да что ты понимаешь! Слушала бы мать, не упустила б Алешку! А папа просил тебя, покрутись возле...

– Но мне не нравится Алеша...

– Боже, кого я родила, моя дочь даун! Ты благодаря кому в Москву приехала, тупица? В университет кто ты поступил? Папа? Может, назад хочешь, а? Мы не закрепились, за четыре года твоему отцу мало к кому удалось пробиться. Не принимают нас эти жлобы чертовы, будто у нас деньги из говна, а не как у них. Папе нужен дядя Матвей, ты поняла? У него до хрена связей. Так вот, не будь debilкой, стать родней Рябовым твоя задача номер раз. Ты поняла?

– Но я не нравлюсь Алеше...

– Не нравлюсь, не нравится, – грубо передразнила дочь мамаша. –

Другие слова учи! А ты понравься. Чай, не хуже этой... шалавы, что спит с ним. Вот она умная! Сразу пónяла, какой куш хапает, а ты... Умной была б, давно забеременела бы от него, но у тебя ж мозгов на три копейки. Дождешься, когда она родит ублюдка, а об Алешке говорят, парень он порядочный, значит, женится. Иди, подружись с его шлю... подружкой, в гости напросись. А дальше научу, что делать. Шагай, давай. И морду поправь на счастливую.

М-да... В таких случаях говорят: без комментариев. Саша вернулась к столу, за которым сидела семья Рябовых, но в тот момент он пустовал. За шторой окно было открыто, она уселась на низенький подоконник подышать воздухом, охладиться, так как пылала вся после услышанного в туалете, словно пожар. И снова попала в неловкое положение подслушивающей! Вернулись за стол родители Алексея, Ирина Федоровна была перевозбуждена:

– Ты видел? Каким образом она очутилась здесь?

– Понятия не имею, – проговорил сдержанно Матвей Павлович.

Со временем Саше стал видеться отец Алексея человеком-машиной: ни эмоций, ни полутонов в речи, ни резких движений, ни поспешных слов, ни истинного отношения к тем, с кем он говорил. Тамила восхищалась его выдержкой, Саша – побаивалась и считала куском льда, который растопить не представлялось возможным.

– Знаешь, мне надоело, – нервно говорила Ирина Федоровна, единственная, кого Саша полюбила. – Как только она приезжает, обязательно достает нас скандалами. Когда это прекратится? Смотри... Она что, к нам идет?

– Хоть сейчас перестань ревновать, – заворчал муж. – Повода у тебя нет, но ты его находишь с легкостью в течение тридцати лет с гаком.

– При чем здесь ревность? – пыхнула она. – Я не в том возрасте, чтоб ревновать, но ее хамство, наглость, попытки нагадить нам... кого угодно взбесят. А тебе понравилось бы, если б ко мне лезли под юбку? И мне никогда не нравилось, когда она лезла к тебе...

– Угомонись, а? Ты права, она к нам идет.

Следовало выйти из-за шторы сразу, как только родители Алексея сели за стол, Саша этого не сделала, теперь было поздно.

– Здравствуйте, дорогие родственники, – услышала женский насмешливый голос. – А я вас считаю родственниками. Ирина, не пугайся, я на минуточку.

– Здравствуй. Думаю, вам есть о чем поговорить без меня, – сказала Ирина Федоровна с достоинством, затем ушла, данный ход восхитил Сашу.

– Твоя жена доверяет нам? – спросила незнакомка тем же насмешливым тоном. – Напрасно, напрасно...

– Мне доверяет, – сказал Рябов. – Ты что здесь делаешь?

– Как что! – рассмеялась она. – Сестра юбиляра моя подруга.

– От меня что надо? – немногословен был он.

– Хм! Много чего, много. Ты мне должен целую жизнь, которую я провела без сына, ты лишил меня божьего дара – материнства. Но мне приятно, что я испортила вечер твоей мымре и тебе, приятно, что до сих пор на меня ты смотришь с вожделением, хотя и стал старым хреном.

– У тебя богатая фантазия. Ты всегда была самовлюбленной дурой, а к старости кретинизмом заболела.

– Я выгляжу прекрасно в отличие от тебя, но я и моложе на десять лет, так что до кретинизма мне далеко, тебе ближе. У меня молодые любовники, а у тебя? Что, даже на твои мани-мани никто не ведется? Мне жаль тебя. Буду здесь пару месяцев и постараюсь максимально усложнить вашу жизнь...

– Напугала...

Воспользовавшись зазвучавшей музыкой, заглушающей шумы даже рядом, Саша решила больше не испытывать судьбу, тихонечко перебросила ноги через подоконник и соскользнула вниз. Благо, высота с метр. Дойдя до угла, снова вынужденно замерла, так как за углом услышала голос человека, встретиться с которым в укромном уголке не было у нее ни малейшего желания, особенно наедине, то есть Роба:

– Тебе-то как удалось сюда проникнуть? Ограда высока, охрана повсюду надежная и хребет переломает, если заметит чужих, а ты, как террористка со своей камерой тут как тут. Где твое приглашение?

– Отстань, – фыркнула Тамила. Но резкое слово вовсе не соответствовало мурлыканию. – Мне интересно, что жрет, лакает и во что рядится наша так называемая элита, поэтому я здесь. И без приглашения. Но ты же меня, Робик, не сдашь, правда?

– Ищешь приключений на свою задницу, – хмыкнул тот.

– Ищу приключения на чужие задницы, – почти согласилась она. – Я не могу без драйва, тем более у меня теперь другой профиль, со скучным искусством покончено. Мне нужны разоблачения, тайны, махинации, политика, а не вазочки-цветочки с мазней на холстах.

– В желтую прессу перекочевала?

– Вот не надо высокомерия, не надо. У меня сейчас пик востребованности, поэтому ради материала я пролезу в любую щелочку. Ты же меня заведешь в трапезную? Тамила очень кушать хочет. Не думаю, что

охрана потребует приглашение, но у тебя-то оно есть.

– Ладно, за нашим столом место имеется. Фотоаппарат спрячь, дурында, с ним и меня не пропустят.

– Ой, правда... Спасибо, милый, я тебя обожаю...

Ее воркующий голосок отдалялся, Саша выглянула из-за угла и увидела их спины уже у входа в ресторан. Пронесло и здесь. Выждав небольшое время, она тоже побрела к входу, а потом решила посидеть на скамье, ведь за столом придется торчать еще долго. Через несколько минут услышала:

– Саша?

Голос она узнала, очень уж он своеобразный, певучий с оттенками насмешки и превосходства. Когда повернулась к женщине, стало ясно, почему нервничала мама Алексея, несмотря на возраст всех троих, не предполагающий жгучих романов. На вид матери Роба можно было дать лет тридцать пять, это для тех, кто не в курсе, что у нее взрослый сын, а те, кто в курсе, могли вычислить года и удивиться. Холеная, с гладкой кожей, с шикарными волнистыми волосами до талии цвета зрелой пшеницы, выгоревшей на солнце. А грудь... под тонкой тканью угадывалась девичья грудь, но никак не пожилой тетки. А длинная шея... А лицо... Эта женщина безупречна. Мать Роба присела на скамью, в упор разглядывая Сашу, которой осталось делать вид, будто она не догадывалась, кто перед ней:

– Да, я Саша... Александра. А вы...

– В России я была Катериной, но сейчас Катрин. Можно без отчества, не люблю. Так вот, оказывается, какова девушка, которую полюбил мой сын... Я мама Роберта, его родная мама.

– Очень приятно, – вежливо сказала Саша.

На самом деле не очень приятно. Незнакомая женщина беспардонно заявляет о «любви» сына, имя которого возвращало Сашу на корпоратив. Что-то подсказывало Саше, мама Роба взяла на себя роль сводни, и она не ошиблась:

– У Роберта много достоинств, ты просто не оценила...

Росло раздражение, но Саша держала себя в руках:

– Как он может любить, не зная меня?

– М-да... Вообще-то, тебя необязательно знать. Видишь ли, девочка, на тебя хочется смотреть. Дело не в красоте, нет. Сейчас столько красивых девушек вокруг... на каждом углу, есть красивее тебя. Но не на всех хочется смотреть до бесконечности, не всякая внешность приносит радость – я об этом. Не знаю, как это называется, только чувствую и...

понимаю Роберта. Он умеет любить, Саша, он щедр, открыт, но ты моего сына отвергла. Чем он, по-твоему, хуже Алексея?

Ну, все, маразмов достаточно на сегодня, Саша подскочила со скамьи и уже не следила ни за тоном, ни за словами:

– Знаете, не хочу говорить о вашем сыне. Никого он не любит, кроме себя. Я для него такая же игрушка, как все, кто его окружает, но которая не далась. Это каприз, уязвленное самолюбие, потому что его прокатили, а хочется быть победителем. Пусть он расскажет вам, как пытался изнасиловать меня, так что любите своего сына сами, а мне он противен с тех самых пор.

Не оглядываясь, переполненная негодованием, Саша отправилась к ресторану, шагала, как солдат, чтобы дама сзади видела: в истории с Робом многоточия нет, только жирная точка. У входа столкнулась с Алексеем, ахнула:

– Ой, Алеша!.. Хорошо, что тебя встретила. Может, домой поедем?

– О чем разговаривала с ней? – ответил он встречным вопросом.

– Не я с ней, она со мной, рекламировала Роберта, чем вывела меня из равновесия.

Алексей обнял ее за плечи и повел внутрь, наставляя:

– Будь осторожна с ней, эта мегера зацепится за ничего не значащую фразу, разовьет ее до абсурда, начнет действовать – и у тебя куча проблем.

– Я высказала все, что думаю о Робе, и ушла.

– Молодец.

– А домой? Пожалуйста...

– Сашка... Я бы и сам поехал, но мы не можем. Пойми. Еще час-полтора, и слиняем по-английски, обещаю.

За их столом Тамила уплетала яства, будто ее, оголодавшую, привезли с необитаемого острова, где она позабыла хорошие манеры: причмокивала, брала еду пальцами и еще облизывала их, постанывая от удовольствия. Какая-то дурацкая демонстрация непонятно для чего. Правда, если б не Роберт за этим же столом, Саша тоже, может быть, чего-нибудь съела, но от одного его вида аппетит улетучивался.

Снова были поздравления, танцы, пели певцы... Снова стол опустел, Саша попросила официанта принести кофе, иначе уснула бы даже при таком шуме. Не ее это праздник, ощущала она себя диковатой провинциалкой, попавшей на чужой стул, и ничего не могла с данным фактом поделаться. Наверное, так происходило потому, что на банкетах она всегда находилась по другую сторону праздника – где музыканты, официанты, артисты.

Внезапно где-то снаружи раздался визг, причем несколько раз. Кто-то в зале продолжил танцевать в медленном танце, а кое-кто вышел из-за столов и стремительно направился к выходу, видимо, посмотреть, что случилось. Сидевшая одна за круглым столом и откровенно скучавшая Саша тоже, поставив чашку с остатками кофе, поднялась и вышла на воздух.

Небольшой сквер перед рестораном пустовал, но пара человек торопилась за угол, где не так давно она слушала диалог Роба с Тамиллой. Туда поплелась и Саша. За углом стояла плотная толпа и на что-то смотрела. Обойдя за спинами людей в поисках возможности пройти сквозь них, Саше удалось это сделать и увидеть, что привлекло всех сюда.

У стены ресторана лежала, раскинув руки, Катрин. Лицо повернуто в сторону, глаза нереально широко распахнуты, они бессмысленно смотрели куда-то, где жизни вообще нет. Пшеничные волосы, шелковые и мягкие, расплзлись длинными прядями по груди, шее, по животу, змеились на асфальте... Камень! «Дикий» камень, необработанный, большой и бесформенный. Он лежал рядом с головой, тонкая прядь зацепилась за него, а на одном из острых выступов – темные пятна... Вне сомнений, это пятна крови... Откуда взялся здесь камень? Из декоративного бордюра рядом с асфальтовой дорожкой вдоль стены.

Но с Катрин произошла метаморфоза: ей уже не дала бы Саша тридцати пяти лет, на асфальте она видела женщину, которой минимум пятьдесят, в вечернем коралловом платье, облепившем ее немолодое, но стройное и безупречное тело.

Саша скосила глаза на безмолвных людей, окруживших труп, они были потеряны, напуганы, изумлены, кто-то не смог скрыть брезгливости – такова правда: человек приятен, когда он жив.

Одна Тамила хладнокровно щелкала фотоаппаратом безжизненное тело с разных ракурсов, не выказывая ни эмоций, ни отношения к погибшей, хотя была хорошо знакома с ней. Она ответственно работала, собирая материал...

Распределение вывесили в среду только на один спектакль – на «Бесприданницу» Островского, режиссер Вадим Пуншин. Женщины-актрисы снова обделены, ведь в этой пьесе всего две женские роли, потому стояли у расписания с кислыми минами пару минут, потом уныло расходились.

– Боярова! – вытаращилась пожилая актриса (заслуженная и с очень громким голосом), когда пришла Саша. – Я была уверена, что Ларису будешь играть ты! У Алисы не хватит мастерства...

– Вы о чем? – хмыкнула появившаяся Анфиса, трезвая и румяная после мороза. – Мастерство и Алиса? Ха! Странно слышать. Она вообще не актриса.

– Я плохо пою, – сказала Саша заслуженной артистке.

– Не свисти, – отмахнулась Анфиса, – ты неплохо поешь, я слышала.

– У нас Лариса будет танцевать, – проговорил Радик за спинами.

Саша кинула взгляд назад на преданно-хитрую рожицу, которая, подняв подбородок выше положенного, уткнула свои тупые глазенки в расписание, но промолчала. Зато Анфиса не поскупилась ни на издевательский тон, ни на правду, которую обычно в театрах не принято говорить:

– Да ты что! Новое прочтение, да, Радик? А ничего, что у Островского Лариса поет? Блистательно поет! А не пляшет у шеста...

– Ну, почему сразу у шеста? – возмутилась заслуженная, получившая роль матери бесприданницы.

– А что, по-вашему, может плясать Лариса Огудалова в современном прочтении? Не «Камаринскую» же! Что, хип-хоп? Фанк? Соул? Неужто контемпорари? Нет! Брейк на шесте с голыми сиськами – вот жуть! Я угадала, Радик, наш дорогой Паратов? М-да, ампула нынче устарелый тренд, а жаль.

Задела его, и очень сильно. Некрасивому человеку указать, что его внешность далека от ампулы героя, – это наступить на комплексы неполноценности, нанести удар по самолюбию. Радий умудрился получить роль, которую ни при каких обстоятельствах не должен играть даже в страшном сне. И он это знал! Однако посчитал, что настал его час, потому максимально индифферентно, чтобы не выдать, насколько он оскорблен, указал на распределение и сказал:

– Там написано: проект по мотивам.

– О, уже проект, а не спектакль. Запомни, Радий... – Анфиса перешла на злую тональность, постучала пальцем по листу с распределением. – Это начало конца. Нашего. Потом не нойте, новаторы хреновы.

Октавий Михайлович давно слушал в сторонке перепалку, надевая очки и идя к расписанию, заметил:

– К сожалению, автор не даст в морду за спектакль по мотивам, потому что он почил! Что тут у нас?.. Так-так... Ой, е-мое! Сашуля, тебе повезло... а мне нет. Радик, ты лицо приближенное к гениям, не знаешь, Кнуров тоже

будет... э... выписывать па? Последний раз я блестяще танцевал и имел феноменальный успех в балете «Корсар», но в прошлой жизни.

Презрительно фыркнув, Радий развернулся и удалился с редким достоинством, отличающим людей высоких моральных принципов, а Окташа рассмеялся ему вслед. На защиту Радика встала заслуженная артистка:

– Окташа, прекрати! Молодой режиссер нашел нестандартное решение, увлек актеров... Он имеет право на свое прочтение...

– Ой, ой, ой! – поднял тот руки, сморщившись. – Бабушка, прочтение есть только одно – авторское. Он писал и читал, потом снова писал...

– А гении, примазавшиеся к автору, – продолжила Анфиса, – должны раскрыть глубину, показать актуальность проблемы в наши дни, а не перекраивать пьесу по своему усмотрению. Пора уже защищать классиков от режиссерского терроризма.

– Ой, Анфиса, ты такая злая... – упрекнула ее заслуженная.

– Ага. А такие добрые, как вы, погубили массу театров в стране.

– Сашуля, хочешь конфетку? – увел в сторону от темы Окташа.

– Нет, Октавий Михайлович, врач запретил есть сладости.

Сашиного врача зовут Иннокентий, он строг и наложил вето на любые виды подарков, даже открытки. Окташа протянул конфету Анфисе, та забрала и сунула в карман шубы:

– На закус не пойдет, но спасибо. Александра, не рыдай, этот спектакль... простите, по-новому, проект (!) заведомо провальный.

– Я знаю, – улыбалась Саша, ничуть не расстроившись.

Не сговариваясь и не торопясь, обе пошли к гримеркам, хотя утро свободное, репетиций не будет. Но, придя в театр, мало кто уходил сразу, актеры любили походить по пустому зданию без цели и без дела. Хорошо или плохо играя (как умея), они в любом случае оставляли частицы себя в этом здании, своей души, своих чаяний. Может быть, эти витающие частицы и не отпускали?

– Не знаете, почему не вывесили распределение на спектакль Геннадия Петровича? – осведомилась Саша.

– Не-а. Не волнуйся, мы с тобой попадем к нему. Наверное, он еще не определился с пьесой. Но и третий спектакль берут в работу, режиссер приглашенный, ведь «Бесприданница» с дистанции сойдет сразу после премьеры.

Оглядевшись, Саша чуть наклонилась к Анфисе, которая меньше ростом на голову, и шепотом спросила:

– Скажите, зачем Геннадий Петрович держит этого... Пуншина? Он же

не умеет ставить спектакли.

– Не знаю, – в тон ответила та. – Кто из приличных режиссеров поедет в дыру? У нас шесть-восемь спектаклей в год! Должно быть постоянное обновление репертуара, чтобы зрители ходили. Гена не может справиться один, а на приглашенных нужны деньги, их никто не дает. Деньги оседают в крупных театрах, маленьким достаются обьедки, а то и этого не дождешься. Потом, артисты не должны шататься без дела, их надо занимать.

Не ощутив враждебности к себе, Саша охотно болтала с Анфисой, которая сделала ей несколько замечаний по роли Марии Стюарт – очень нужные, они обогатят исполнение. Никакая Анфиса не стерва, а наподобие Саши выбрала уединение в коллективе, что чувствовалось по манере держаться: она закрыта, застегнута на все пуговицы, в то же время на контакт пошла. Общение с ней было определенным знаком: Боярову Александру признали, приняли.

А вскоре позвонил Иннокентий, предложил продолжить рассказ в кафе, пока есть время, ведь надолго оставаться в пустующем театре нежелательно...

* * *

Жизнь не текла своим чередом, как хотелось бы, где-то неделю спустя после трагической гибели родной матери Роберта, Саше позвонили: Изабеллушка попала в больницу с инфарктом. Как было не отплатить за добро теплом, вниманием, заботой? Саша помчалась в больницу и ночами оставалась рядом со старушкой, тем более что врачи обещали: при хорошем уходе бабуля быстро поднимется на ноги, будет скакать и выносить мозг окружающим. Эх, не знали они, какой замечательный человек эта самая бабуля. И да, Изабелла на поправку шла ускоренными темпами, настойчиво просилась домой, а то, мол, помрет и не узнает последних новостей от подружек. Короче, веселила медперсонал.

Перед выпиской в той же больнице Саша получила подтверждение: беременна – два с половиной месяца! Но пока помалкивала о таком важном событии, продумывая подходящую ситуацию.

Алексей перевез Изабеллу Дмитриевну, нанял парней, которые перенесли ее в квартиру, и не возражал, если Саша поживет у нее несколько дней, пока старушка не приспособится к быту в домашних условиях. Всего три-четыре дня, потом будет легче, Саша вернется к Алексею, а к

Изабеллушке станет приезжать.

Вот уж правда: сделаешь доброе дело и чувствуешь себя чуть ли не героем! Начинаешь уважать собственную персону, и мир неожиданно-негаданно преображается, он видится волшебным. Примерно так Саша проживала каждый день, наводя порядок у Изабеллы Дмитриевны. А та присматривалась к девушке, заметив перемены, однажды попросила бросить все и посидеть с ней немножко.

– Ты какая-то не такая... Взбудораженная, улыбаешься... Тебя утвердили на главную роль в кино?

– Нет. Наверное, потому, что внутри меня живет горошина, которая станет мальчиком или девочкой.

Изъясняться по-другому в то время она не могла, слишком переполнена была счастьем, которое немножко отупляет. Разволновалась старушка, перепугав свою сиделку, но сказала, что эти эмоции полезны, ведь она радовалась.

– А твой Алексей знает? – осведомилась.

– Нет! Но я скажу, скажу... А как же! Скоро.

– Послушай, дорогая... Понимаешь, любовь... чувство прекрасное, но ребенок – это переход в другое качество... нынче не все мужчины готовы к отцовству. Я просто настраиваю тебя на две его реакции: счастье, что станет отцом и... вдруг он...

– Не захочет, да? – задумалась Саша.

Не приходил в голову данный вариант, а он ведь явление частое. Вот и улетучилась эйфория, тревожная нотка завибрировала в висках, забила в груди. До Изабеллы Дмитриевны дошло: неосторожно брошенные слова напугали Сашу, а ведь хотелось только уберечь ее, предупредить, мол, мир бывает очень жестоким, но это же не конец света. Наверное, зря, потому что легче с неприятностями столкнуться и сразу мобилизоваться, чем жить в ожидании предательства, подлости, низости. Старушка сжала Сашину руку, подкрепив ободрение словами и улыбкой:

– Ничего не бойся, дорогая, я уверена: все будет прекрасно! Алеша так любит тебя! Но надо его подготовить, дать время ощутить себя отцом, заодно проверить реакцию... Мы на всякий случай, чтобы не было больно...

Позже Саша удивлялась ее чутью, вероятно, между ними установилась крепкая ментальная связь, какая бывает только у близких родственников. А убедилась в ее чутье буквально на следующий день, точнее, ранним утром. В пять утра ее разбудил звонок, взяв трубку, Саша заворчала:

– Тамила, что случилось? Знаешь, который час?

– Сашка, спасай! – завопила Тамила далеко не воркующим голосом, а ближе к истеричному. – У меня самолет утром... такая командировка классная... это первое серьезное задание, от него зависит моя карьера, а фотоаппарат вчера вечером накрылся! Я не могу лететь без него! Не смартфоном же снимать! У Алешки есть подходящий... Звонила ему, звонила, а он не берет трубу, змей!

– Еще бы! Пять утра...

– Может, его вообще нет дома! – отчаянно кричала подруга. – Может, он в другой стране, у матери, на луне! Саша, я уже еду к тебе, буду через десять минут. Умоляю, поедem к вам, ты же знаешь, где он держит аппаратуру.

Что было делать? Ответ один: помочь, так поступают друзья. Или кто-то иначе понимает дружбу? Саша оделась, вышла из подъезда и поежилась, запахнув тонкую шерстяную кофточку, летняя утренняя прохлада после сна пробирала до дрожи. Да, раннее безлюдное утро встретило неуютной атмосферой: тревожно ветерок шептал в кронах деревьев, звезды мерцали холодом, и пусто... пусто... Саша вспомнила монолог Нины Заречной, наверное, такая и должна быть атмосфера сцены – пустующая, тревожная...

Заслышав звук мотора, она отбросила мысли о творчестве и пошла навстречу, жмурясь от фар автомобиля Тамилы. Проехав некоторое расстояние, угостилась кофе из термоса, который предложила подруга, и решила поделиться новостью, точнее, услышать, что скажет она, если... Проклятое слово терзало мозг, оно допускало исход, которого Саша панически боялась. Тамила молча крутила руль, глядя в лобовое стекло.

– Ты не поздравишь меня? – насторожилась Саша.

– С беременностью? Для многих это высший смысл, а для меня – нет, во всяком случае, пока. Я хочу реализоваться, выстроить карьеру, зарабатывать много, а не надеяться на подачки мужа, но дети... они от меня далеко. Видишь, какие разные у нас взгляды на одно и то же событие, поэтому мне трудно поздравлять, это не мой идеальный вариант.

Циничная позиция, но люди вправе строить свою жизнь, как им нравится, лишь бы другим не мешали. Однако Саша ждала не сказанных слов, а поддержки. Саша подняла плечи, мол какого черта я запаниковала? Ход ее мыслей прервала Тамила:

– А если (вот оно – гнусное словечко) Алексей скажет... ну, нам пока ребенок не нужен, рановато?

– Исключено.

– Ты уверена, что он примет твою беременность?

– Исключено – имеет другое значение.

И не сказала – какое. Сомнения – худшее, что вносят посторонние люди в душу и отношения, они как отравка мгновенного действия, принимаются сразу, как и разлагают моментально. Саша на себе почувствовала разложение внутри, решила больше не тянуть до подходящего случая, а сегодня же рассказать Алексею, вот прямо разбудит и... Ясность действительно нужна, причем срочно.

– Будем рожать? Нормально, – соизволила похвалить Тамила, улыбнувшись. – Ты отважная. На всякий случай будь готова к обоим вариантам и продумай, взвесь все риски.

– Риски? Какие?

– Ты же в курсе историй отца и сына? Если что не по ним... например, вы расстанетесь с Алешкой, тебя оставят без ребенка, и ты ничего не сделаешь. Решать будет Матвей Павлович, а он наследников не отдает мамам. Тебя просто выставят и не дадут даже видеться с ребенком. Так было с Катрин, с Гелкой, так будет с любой другой, кто не впишется в семью. Рябовы люди богатые, у них свое представление о кодексе, справедливости, чести. Кстати, им не так легко, как кажется со стороны, в их среде свои заморочки, вечные битвы за место под солнцем кого хочешь ожесточат. Только вот в схватке с нищими побеждают богатые. Всегда. Знаешь, Сашка, когда девчонки из трусов выпрыгивают, чтобы обзавестись богатым мужем, такие моменты не учитывают, а они есть. В жизни и самый прочный брак может расколоться в считанные минуты... что тогда? Как жить? А просто надо заранее быть готовой, держать в запасе подушку безопасности, чтобы элементарно не пропасть. Да ладно, не кисни! Это мы так, порассуждали. А будет у тебя сплошной шоколад, вот посмотришь.

Саша открыла дверь своим ключом, в прихожей свет включался в нескольких режимах, она поставила на пониженный. Предупредила Тамилу, чтобы та не топала, как слон, и начала поиски фотоаппарата. В гостиной раздернула шторы – уже достаточно рассвело, чтобы здесь обойтись без электрического света. Фотоаппарат нашла в тумбе под телевизором, осталось сообщить Алексею важную новость, носить в себе после всех предупреждений Саша не могла, физически ощущая груз неопределенности. И тут заметила на столике две чашки, конфеты в вазе, чужие ключи... взбежала на второй уровень, вошла в спальню...

Первое, что бросилось в глаза, – объемная задница голой девицы, лежавшей на животе, разумеется, на кровати. Второе – Алексей. Он возлежал на спине рядом с девицей во всей нагой красе. Третье – вещи: брошенный в кресло женский халат, часть его находилась на полу, чулок на

настольной лампе, второй там же – на прикроватной тумбочке, джинсы Алексея на спинке кровати... женские трусики возле ступней... Две пустых бутылки из-под шампанского, два бокала...

Этого достаточно, чтобы умереть, потому что воображение выдало полную киноленту того, что происходило здесь ночью и на каком градусе дьявольских страстей. Острая игла вонзилась в сердце и ковырялась там... Но Саша в обморок не упала, не умерла, тем не менее как будто перестала жить: чувствовать, понимать, ощущать. Внутри образовалась пустота – огромная, как космическое пространство, лишь непонятно, как эта пустота помещалась внутри. Саша стояла столбом, пока не услышала шепот Тамилы за спиной:

– Боже мой, что это за хрень...

После ее слов очнулась. Ощутила, как стыд разливается по лицу, шее, льется по плечам в кисти рук, заполняет легкие (поэтому стало трудно дышать), опускается в живот, течет по ногам... И горит, все тело горит огнем... Тем не менее она жива, все еще жива. Но почему за то, что видела на постели, на которой ее обольщала уверенность, что любовь между нею и Алексеем прочна и навсегда, стыдно сейчас ей? Вряд ли найдется человек, способный ответить.

Решение пришло тут же, оно и заменило ответ, другого варианта не могло быть в ее понимании здесь и сейчас. Саша рванула в гардеробную, достала два баула, снимая со стойки свои вещи, абы как забрасывала их в сумки, утрамбовывая, если не хватало места. Оставила только наряд, купленный для банкета. С полными баулами спустилась вниз, в прихожей забросила в пакет обувь. Вдруг Тамилла схватила ее за плечи и зачастила:

– Саша, подожди! Сделай вид, что ничего не видела, так многие делают. И правильно! Легко пыхнуть, встать в позу, а потом жалеть и рыдать будешь. Самой не надо разрушать отношения, пусть он... Выжди время, думаю, это случайная связь, ничего не значащая для Алешки...

– Выждать? – дернулась Саша. – Чтобы он меня сам вышвырнул? Нет, предпочитаю уйти сейчас. Держи пакет...

– Тогда понесу баулы, – сдалась Тамилла. – У тебя стресс, дополнительная тяжесть может сорвать беременность.

– Бери один, второй возьму я. Идем.

Брезгливо, словно жабу, Саша кинула свои ключи на столик в прихожей и захлопнула дверь. Сумки уложили в багажник, в салоне она вспомнила:

– Тебе же на самолет. Лучше я вызову такси, а ты...

– Успею отвезти тебя, – заводя мотор, спокойно сказала Тамилла, затем

протянула смартфон. – Держи...

– Мой смартфон?

– Я взяла его в твоей сумке и сфотографировала любовничков. Не вздумай удалить! Всегда полезно иметь стопудовый компромат, от которого отвертеться нереально. Если у вас все наладится, а я уверена, что так и будет... и тогда не удаляй. Перенеси в комп, запароль и живи спокойно. Помни, иногда скелеты вылезают не только из шкафов, нынче они продвинутые, из компов лезут тоже. Так. Я оставлю машину у тебя во дворе, присмотришь. А ты немедленно вызывай такси на свой адрес. Зброшу тебя, прыгну в тачку и успею на аэроэкспресс, я попаду на рейс, правда, впритык.

– У меня просьба: не говори ему про мою беременность.

– Как скажешь.

Три дня она пластом лежала на кровати, разрушая глупые надежды, оказавшиеся на деле воздушными замками, и свыкаясь со своим новым положением. Не научилась на чужих ошибках! Не рыдала, нет. Слезы высохли там, в спальне, когда горело все тело адским огнем, и они сгорели. Он звонил с каждым днем чаще и чаще, Саша не отвечала. Изабеллу Дмитриевну попросила, чтобы та не пускала Алексея в квартиру ни под каким соусом. И он приехал вечером четвертого дня, Изабеллушка не открыла, а когда Алексей позвонил ей, врала на достойном профессионала уровне:

– Прости, дорогой, не могу открыть. Мне сегодня очень плохо... очень. Лежу, не встаю... Прости, что не смогла открыть...

– Я хочу видеть Сашу... Почему она не берет трубку?

– Она уехала на съемки, думаю, там нет связи.

Несолоно хлебавши Алексей уехал, Саша, прячась за шторой, видела, как он садился в машину, отъезжал. В ее комнату пришла Изабеллушка, протяжно вздохнув, тем самым обращая на себя внимание, старушка сказала:

– Тебе придется с ним встретиться и объясниться.

– Я объяснюсь, но встречаться с ним не буду.

– В любом случае знай, что жизнь не кончается, у тебя есть дом – этот, есть я, мы сможем пережить даже ледниковый период. Когда-то я сделала глупость... а ты не делай, ладно?

Не ответила она милой, доброй, чуткой Изабеллушке, которую полюбила, как свою бабушку, мать и деда, но та зря боялась, что Саша сделает глупость. О чем следовало подумать, так это о своем будущем и о

ребенке – слова Тамилы врезались в мозг. Впрочем, Саша и сама была способна анализировать к тому времени. Когда он позвонил на следующий день, трубку взяла и услышала... смешно... возмущенный тон:

– Почему не отвечаешь на мои звонки? В гардеробе нет твоих вещей, ключи твои я нашел в прихожей... Ничего не понимаю... Что все это значит?

Каково, а? То есть для него в порядке вещей привести домой и трахнуть бабу, при этом спать на той же кровати и на тех же простынях с Сашей. М-да, вовремя понадобился Тамиле фотоаппарат, сама судьба руководила данным процессом. Ну, раз надумала объясниться, настала пора это сделать:

– Я сейчас пришлю тебе... Ты все сам поймешь.

Она отключилась от связи, затем отправляла один за другим снимки с холодным сердцем. Конечно, еще прошло мало времени, Саша не вылечилась, боль с ней будет долго, возможно, будут и слезы, но большой гвоздь в их отношения она забила. Алексей позвонил, не мешкая, был взбешен:

– Где ты взяла эти фальшивки?!

– Сама фотографировала.

Какая разница – кто фотографировал? Это уже не имело значения, ничего не имело значения касательно Алексея, который орал в трубку:

– Сама?! Ты о чем?! Где, когда?..

– Во вторник. В начале седьмого утра. Я приехала с Тамилей, она тоже вас видела... Тогда и сфотографировала, чтобы ты не убеждал, будто у меня галлюцинации на почве ревности. Кстати, ей нужен был твой фотоаппарат, она его забрала в командировку вместе видеокамерой, вернет, когда придет. И браслет отдам через нее, не хочу, чтобы хоть что-то мне напоминало тебя.

– Саша, это неправда! Давай встретимся, я объясню...

– Объяснишь?! Не знаю, что еще можно объяснить, мне и так все ясно. Претензий не имею, ты мне не муж, волен поступать, как заблагорассудится. Ну а я на роль временной подстилки, пока ты выбираешь бабу на следующий этап твоей жизни, не согласна. Извини, если что не так, и больше мне не звони.

Вот и все. Больше ни на один его звонок не отвечала. Браслет передала через Тамилу, как обещала. Но существовала одна опасность: случайная встреча с одним из членов семейства Рябовых. А тут Ника забила, мол, хочу на волю, животик рос. «Тебя оставят без ребенка, и ты ничего не сделаешь», – эти слова Тамилы стали лейтмотивом каждого нового дня, а

сомнений в том, что она права, не было ни капли. Саша позвонила маме, чуть позже попрощалась с Изабеллой, надеясь, что не навсегда, села в самолет и полетела через всю страну домой...

* * *

– Родилась Ника, – заканчивала повествование Саша. – Я с ней находилась примерно до года, потом нужно было как-то начинать строить собственную жизнь, что-то делать, зарабатывать, а не полностью сидеть на шее родных, хотя они не возражали, не попрекали. И когда я объявила о своем решении начать работать, они поняли: мне нужна твердая почва под ногами, самостоятельность. Изабеллушка помогла найти этот театр через своих знакомых в Москве, куда, сам понимаешь, вернуться я не могла. Мы договорились с бабушкой и мамой, что Ника побудет у них до трех лет, потом я заберу ее, в три года она уже сможет ходить в садик. Я езжу к дочери, как только появляется возможность, Геннадий Петрович сверстывает репертуар так, чтобы у меня имелось несколько свободных дней хотя бы раз в два месяца. Но вон как все обернулось... теперь ехать боюсь.

Они снова сидели в облюбованном кафе и дальнем углу, где не могли их подслушать. Иннокентий тер нос о сцепленные в замок пальцы, думал, что-то вычислял и вдруг развел руками:

– Странно...

– Что именно? – спросила Саша.

– Матвей Павлович узнал, в каком городе ты работаешь, так? Неужели он не знал, где ты жила до этого, не знал, что у тебя родилась девочка?

– Плохо искал, – загадочно усмехнулась Саша.

– Вряд ли. Он нанимает крутых сыщиков.

– Вроде тебя? Ну, тогда... скажу правду. Я прописана у Изабеллы Дмитриевны, до сих пор – так она захотела. А до родов и после жила у бабушки с мамой в загородном доме, мама по границам моталась в качестве переводчика и не хотела оставлять нас с малышкой одних. Меня не было, но я была именно дома. У мамы и у меня одна фамилия – моего отца, он бросил нас, когда мне было два месяца, а у бабушки с мамой другая. Понял? Между прочим, специально я не пряталась, абсолютно не догадывалась, что меня кто-то ищет, просто в загородном доме воздух, красота, простор и ноль нервотрепки.

Это был единственный момент в их диалоге, когда Саша искренне

повеселилась, ведь неплохо себя ощущать хитрой и умной, когда обвела такого крутого магната, как не состоявшийся свекор. Но веселье не очень-то и веселое, потому Саша быстро погрузилась, поделившись новыми подозрениями:

– Знаешь, сейчас, когда рассказала тебе все, я думаю... не Роберт меня здесь преследует, он бы примчался сам и задушил где-нибудь в подворотне тоже сам. Мне кажется, Матвей Павлович задумал меня уничтожить. Может, он знает про Нику, просто не сказал тебе, а хочет, когда Ника останется сиротой, забрать ее. Любому суду предъявит генетический анализ, и мою дочь отдадут им.

– Подожди, если знает про Нику, не отнял же, когда ты оставила ее, – возразил Инок. – А это отличный повод для суда: мать не может жить вместе с ребенком, бросила его, не имеет жилья, зарплата у нее мизерная. Зачем же идти на убийство, если можно отобрать у тебя дочь без лишних хлопот?

– Не знаю. Мне трудно понять этих людей. Не исключаю, что он до сих пор не знает про Нику. Хотя... Скандал! Матвей Павлович ненавидит скандалы, в которые его втягивают, а в битве со мной за Нику станут трепать его имя – вот тебе и логика. Я же для них никто, контейнер, выносивший их потомство.

– Извини, – перебил Инок, – логика слабовата. В связи с убийством, знаешь, какой скандалище можно заполучить? Если кто-то захочет раскрутить историю ребенка, а любопытные найдутся, достаточно узнать, от кого малышка. А где мама? Маму убили софитом. Видишь, как просто начать расследование? Главное, закончить его. Но в любом случае помни: если Матвей Павлович покушается на твою жизнь, если сделал меня наводчиком, он пожалеет об этом. Ну, что? Ждем твоего дня рождения?

И в четверг артисты разочарованно расходились от расписания – распределение на второй спектакль так и не вывесили. Иннокентий побежал за бутербродами в кафетерий, а Саша готовилась к репетиции. Возвращаясь, он заметил на столе вахтера...

– Кому букет? – спросил вахтершу, будто не догадывался.

– Бояровой. Ей все время присылают цветы, – благоговейно произнесла бабка. – Вот кто-то любит так любит, никаких деньжищ не жалеет.

– Давайте, я передам?

– Бери, бери! Их же в воду надо поставить.

Иннокентий постучал в примерку, одновременно крикнул:

– Саша, это я. Ты одна?

– Нет, – откликнулась она. – Подожди, сейчас выйду...

Едва увидев в его руках цветы, она упала спиной на стену и прикрыла веки, не желая видеть розы. Желтые розы с черной лентой!

– Сколько их там? – все же спросила.

– Четыре.

– Это... изощренное издевательство. Банальное, глупое, пошлое... но работает, я уже на пределе... Может, мне уехать? Геннадий Петрович поймет...

– Проблему этим не решишь, – резонно заметил Инок. – Ну, уедешь, тебя снова найдут, начнется все сначала, возможно, без букетов, а сразу...

– Но что-то же надо делать!

– Ждать. Терпеливо ждать. Возьми... – протянул он букет.

– Нет, – отшатнулась Саша. – Отдай кому-нибудь или выбрось.

Умение ждать – большое искусство, как правило, ожидание сопровождают нервные состояния, ведь хочется быстрее прийти к цели или что-то получить. Что должна получить в результате ожидания Саша? Покушение на ее жизнь. Хотелось верить, что до катастрофы дело не дойдет. А если дойдет? Встретиться лицом к лицу с человеком, который получил задание тебя убить – кому такое ожидание нужно! Саша издергалась, даже в магазине, идя между стеллажами с товаром, стоя у кассы – украдкой глазела по сторонам, не высунулось ли дуло пистолета с глушителем (как в кино), не целится ли кто в нее из арбалета... На улице ждала кирпич с неба, КамАЗ, едущий на нее, прохожего с ножом, пугали и дети – вдруг они не совсем дети, а вполне взрослые лилипуты-киллеры? Так прошел четверг, прошла пятница, наступила суббота...

Сказку отыграла благополучно, ничего не разрушив, под чутким наблюдением Инока. И на сцену страшно выходить – не исключено, что убийца сидит в зрительном зале и целится... Еще несколько подобных дней – и дурдом обеспечен, а там жизнь, наверное, сродни смерти.

Инок отвез ее домой, Саша поспала, а то ночью сон беспокойный, чуткий, выспаться в данных обстоятельствах не удавалось. Вернувшись в театр на спектакль, она застряла на пороге. Наткнувшись на нее, Инок понял, что именно фактически не пускает в театр актрису, всего-то стоило взглянуть на стол вахтерши. Там красовалась ваза с желтыми розами. Наконец Саша пришла в себя, подошла к вахтерше, мрачно спросила:

– Это мне, да?

– Ой, тебе, тебе, – взглянула на нее поверх очков вахтерша. – Нам реквизиторша вазочку принесла для твоих цветов, а то что ж они без воды-

то!

– Спасибо, – буркнула Саша, отправившись к себе.

– Не психуй, – шагал за ней Инок.

– Думаешь, это легко? Итак, две розы... Завтра день X, мне двадцать восемь лет, знак, что меня грохнут, я получила... У тебя хоть пистолет есть?

– И установка «Град» в кармане.

– Не смешно.

Саша ошиблась на один день. В costume Марии Стюарт она готовилась к выходу на сцену, стояла за кулисами, слушая первую сцену... Нет, не слушая, сегодня Саша находилась в состоянии войны сама с собой: играть хотелось и сбежать хотелось. Иннокентий предложил, протянув бутылку:

– Воду будешь?

Она отрицательно качнула головой, двинула к лестнице, стала подниматься вверх. Иннокентий по привычке следил за каждым ее шагом, как вдруг!

Раздается треск и Саша с очень приличной высоты летит вниз! Это было очень неожиданно для нее, но главная мысль прострелила: идет спектакль, нельзя кричать, только потом вторая мысль ударила – что она сейчас убьется! И все равно не закричала.

Не зря Иннокентий не отходил от нее, стоял-то рядом, всего сделал шаг и протянул руки, после чего оба упали на пол сцены, Саша оказалась на охраннике. В этот момент прибежал мордастый машинист сцены, увидел ползающую парочку, наклонился к ним и перепугано прошипел:

– Чего тут?.. Что трещало?.. Вы чего тут...

– Не знаю, – подскочил Иннокентий.

Помогая Саше подняться, он указал ему на лестницу, которая вверху была оторвана и висела на честном слове. Зазвучали фанфары и голоса:

– Королева идет!.. Королева идет!..

А королева еще ползала на четвереньках, путаясь в юбках, не понимая, что произошло, и растерянно лепечет:

– Мне... Мне на выход...

Инок поставил ее на ноги и дал совет короткими фразами:

– Лестница сломана. Просто выйди. Без лестницы.

Она кивнула и величественно вышла на середину сцены у самого задника, потом пошла вперед, чувствуя, как коленки дрожат мелкой дрожью. Ее подхватил луч пистолета, искавший королеву наверху, короче, выкрутились все.

Пока шла первая картина, Иннокентий вместе с машинистом и монтировщиком изучали причины срыва лестницы, но было темновато за кулисами. Только во время антракта, когда включили дежурный свет и принесли стремянку, причина стала ясна: лестница подпилена. И подпилена с обеих сторон, но оборвалась только с той, где подпил был больше.

Начался второй акт. Главреж экстренно собрал совещание в кабинете, на котором присутствовали монтировщики с машинистом, директор, пришел туда Иннокентий, примчался Пуншин, проводивший репетицию в репетиционном зале. – Ребята, в чем дело, что происходит? – начал директор, стоя у стола главрежа. – То на Боярову софит падает, теперь лестница подпилена. Кому она мешает? Монтировщики, вы же обязаны обеспечить безопасность.

Директора в отличие от главрежа побаивались, он суров, жалости к артистам не питал, для него они просто работники, которых в таком количестве невыгодно держать, а он – работодатель, благодетель. Административный ресурс (так его нарекли ехидные артисты), внешне тоже ресурс, то есть глянешь – и сразу поймешь: это чиновник, у которого индивидуальных черт не фиксирует глаз. За всех монтировщиков отдувался всегда машинист сцены, он сидел с обиженным выражением, будто это ему сделали подлянку, в сущности, так и было, но и тоном обиженным принялся оправдываться:

– Мы поставили, проверили, я сам ходил по лестнице, меня выдержала...

– Но она подпилена, – уличил директор. – Кто это сделал?

– А я знаю? Среди монтировщиков сволочей нет.

– А где они есть? – не унимался директор.

Что могли ответить монтировщики? Их работа проста: убрал декорации сказки, поставил вечерний спектакль, и так каждый день. Им что Боярова, что Оленева, да хоть мировая звезда – все равно: убрал и поставил. Не добившись ясности, директор отпустил монтировщиков, Иннокентий остался, на что Пуншин отреагировал одним звуком, при этом указав кистью руки на молодого человека:

– А?..

– Это наш охранник, – подал голос главреж, до того молчавший. – Он, кстати, спас Боярову, иначе она могла разбиться насмерть.

Главреж выглядел уставшим и каким-то потухшим, он не высказывал своего мнения, не строил предположений, лишь дополнил:

– Мы докатились: в театре завелся подонок, которому не по нраву

Боярова. Проще говоря, он пытается ее убить. Потрясающе! В театре!!!

– Может, цель не столь радикальна? – высказался Пуншин.

Геннадий Петрович бросил в его сторону выразительный взгляд, означавший: надоели вы мне все, и отвернулся, подперев голову рукой. Поговорили о мерах предосторожности, точнее, обсуждали директор и Пуншин, Иннокентий с главрежем устранились от этого процесса. Бывшему монтировщику не дали вставить и пару слов, он понял, что его мнение здесь никого не интересует, молчал и про себя угорал от смеха, слушая ахинею. М-да, сапоги должен тачать сапожник, а пироги печь кондитер. После дурацкого совещания Инок отправился на сцену, дождался конца спектакля и отвел Сашу в сторону:

– Пойдешь домой пешком...

– Что? – замерла она в ужасе. – Ты бросаешь меня?

– Я пойду следом, но держаться буду на расстоянии. Если на тебя нападут, успею добежать. На всякий случай держи в руке телефон, что я дал тебе. Помнишь? Кнопка – единица. И не спеши, иди спокойно.

– Боюсь я...

– Не бойся. Если мы не спровоцируем этого товарища, он будет повторять попытки, пока не добьет тебя. Я оповещу народ, что уйду раньше, а то ведь все привыкли, что после спектакля везу тебя домой.

И вот Саша шла одна по пустым темным улицам, повесив сумку на плечо и держа руки в карманах пуховика. В одной руке она сжимала газовый баллончик, в другой – кнопочный телефон, и... благополучно добралась до своего флигеля. Упав на кровать прямо в пуховике, лежала, глядя в потолок, пока не позвонил ее личный телохранитель:

– Как ты?

– Жива, значит, хорошо.

– Ты не любишь срезанные цветы... Что же тебе завтра подарить?

– Жизнь. Если сможешь.

На воскресной сказке Сашу скромно поздравили открыткой, приколотой к расписанию, ну и артисты по отдельности. Начался спектакль, а Иннокентий обошел все закулисные службы, выясняя, кто и что слышал вчера, а может, видел, или показалось, или просто подумал в промежутке от пятнадцати до восемнадцати часов. Разумеется, он выяснял это осторожно, подводя людей к якобы самостоятельному рассказу. И? В

маленьком театре, который никогда не бывает пустым, где тебя узнают по звуку шагов, где стоит чихнуть, тебе сразу ставят диагноз, а стоит подумать – твои мысли уже прочли, интерпретировали и доложили кому надо... никто ничего не видел и не слышал! А ведь кто-то пилил доски на сцене, когда поставили декорации, пилил ручной пилой – электропилу услышали б, но замечен не был. Невидимка работал.

Иннокентий еще на вчерашнем спектакле стал у лестницы, вычисляя, как совершен подпил. Подпилено высоко, у площадки. Либо нужно стремянку притащить, а это громоздкое сооружение, либо на лестнице сидеть, то есть пилить сук, на котором сидишь. Скорее стремянка – подпил ведь высоко. Кулиса висит впритык к лестнице, закрыться ею во время опасности – раз плюнуть. И никто не обратит внимания, проходя мимо, если в этот миг просто затихнуть, а потом продолжить пилить.

Как ценные вычисления могут помочь выйти на диверсанта? Никак. Только лишний раз Иннокентий убедился в осторожности, изобретательности, упорности этого человека, у него четкая цель, он будет ее долбить.

Весь день обходил он это загадочное учреждение, вроде тихое и одновременно непредсказуемое, выискивая места, где еще будет удобно нанести удар по Саше. В театре, по его мнению, невозможно убить бесшумно и без свидетелей, однако две попытки осуществлены, места найдены удачные. И где гарантия, что он не найдет еще одно местечко, которое не предусмотрел Иннокентий, не понимающий тонкой психологии служителей культуры?

– А вы где третье покушение организовали бы? – спросил он главрежа в кабинете. Кто, как не он, способен просчитать логику своих людей.

Тот нагнулся, достал бутылку коньяка и два стакана...

– Я не пью во время работы, – предупредил Иннокентий.

Один стакан главреж убрал и попросил молодого человека закрыть дверь на ключ. Когда Иннокентий вернулся к столу, Геннадий Петрович уже держал стакан на треть наполненный коньяком, опорожнил его и занюхал рукавом. Затем из ящика достал две мандаринины, одну положил перед Иннокентием, вторую принялся чистить, делясь мыслями:

– Я положил на этот театр всю свою сознательную и молодую жизнь, думал, знаю артистов, понимаю их, как и они меня. Ни хрена я, Иннокентий, не знаю и не понимаю. У меня на руках пьеса с готовыми конфликтами, поворотами сюжета, характерами, из нее я вытаскиваю то, что вижу в нашей жизни. А психологию преступника... раскрыть я не умею, если только про него не будет написана хорошая, умная пьеса. В

жизни я... ни черта не понимаю.

– Бросьте приbedняться. И потом, чего вы так переживаете? Это всего лишь один человек, а не весь коллектив.

– Думаешь, дело в одном человеке? Это тенденция, Иннокентий. Понимаешь? Когда человек преступает черту! Это не безобидный шаг, отнюдь. Потому что преступивший вокруг себя распространяет эту тенденцию, заражает других, как вирусом, своей сатанинской идеологией, страстью к разрушению, распаду. И люди перестают быть людьми, забывают о справедливости, своем предназначении, да и верно оценивать себя перестают. Ведь это проще – стать подонком, это выгодней, это удобно... стоит убить в себе человеческую природу, которая требует совершенства, а значит, работы над собой. Проходит обратная работа – на деструкцию. Мне не удалось сохранить дух театра, каким он был раньше. Я слишком деликатничал, а преступившие деликатность трактуют как слабость. Когда человек не понимает, что он враг себе, сразу надо пресекать его попытки сделать всех такими же, а я этого не делал... и проиграл.

Иннокентий слушал его лишь потому, что уважал, но переживания главрежа были далеки от задач, которые стояли перед ним. Он решил, что пауза позволяет ему уйти, встал и двинул к двери, повернул ключ... Геннадий Петрович в это время бросил ему в спину:

– Только током. Если говорить об убийстве в театре... Или ядом. Остальные способы он уже перепробовал.

Яд предусмотрели, а ток... Иннокентий соображал, где и когда можно убить Сашу током, перебирая все места, которые видел в театре. По трансляции шел спектакль, он подходил к концу:

Саша. Я могла бы поклясться, что это почерк Бабингтона.

Октавий. Не уговаривайте себя, ваше величество, ведь это ваш смертный приговор!

Саша. А может быть, это мое спасение и смертный приговор ей?.. Господи! Такой документ жалко сжигать...

– Фонтан!!! – заорал Иннокентий и вылетел из кабинета пульей.

Бежал, жутко топая, наверняка топот слышен в зале, но ему нужно успеть на сцену до того, как Саша начнет умываться. В картинах заточения Марии Стюарт стоит фигурная стена, а внизу этой стены сделан небольшой фонтан. Он сделан из черного пластикового корыта, с внешней стороны отделанного якобы камнем. Эта конструкция закреплена железной арматурой в форме трубок с внешней стороны, трубки загнуты над бассейном, а их концы опускаются в воду. Вода налита почти до краев,

Иннокентий, бывало, сам носил ведрами воду, из этой воды торчит «бокал» с плоской чашей, из которой постоянно льется вода назад в бассейн. Осветители выставляют специальный свет, который попадает на воду и она красиво светится. Еще придумали систему зеркал: когда Саша садится на выступ рядом с фонтаном и смотрит в воду, на нее попадают отражающиеся лучи – эффект просто волшебный. И вот сейчас, перед тем, как подписать письмо, ставшее причиной ее казни, Саша должна в пылу волнения плескать себе в лицо водой и свой текст говорить! Именно в этот момент ее можно убить током.

Влетев на сцену, Иннокентий кинулся к актерам-мужчинам:

– Мне нужно на сцену! Плащ!.. Мантию! Дайте!..

Он хватал каждого и трогал плащи, но не подходили они. Не выходить же ему в коротком плаще и джинсах! Иннокентий понимал: сорвать спектакль не имеет права – это он усвоил железно, хоть и недолго проработал в театре. Нашелся длинный плащ, его снял с себя актер, игравший одну из второстепенных ролей. Иннокентий быстро накинул его, завязал под горлом тесемки... Кто-то, ничего не понимая в этой суете (но раз надо – так надо), напялил на его голову пышный берет. Иннокентий успел сказать:

– Позовите осветителя, под сценой пусть посмотрит...

И смело ринулся на сцену... У Саши вытянулось лицо, округлились глаза, она с трудом вымолвила:

– Это еще кто?..

– Я ваш охранник, ваше величество! – отрапортовал Иннокентий, щелкнув каблуками.

Сразу видно: армия у него в крови, а на ногах... современные сапоги. Мало того, джинсы тоже торчали, роста он немаленького, длинны плаща не хватило их прикрыть. Но главное – не теряться! И он, по-армейски чеканя шаг, зашагал к фонтану, по-армейски повернулся, приставил ногу, и замер по стойке «смирно». А лицо глупое-преглупое. За кулисами все поголовно катались в беззвучном хохоте, кажется, прибежали и те, кто не занят в спектакле, но были в это время в театре. Октавий Михайлович, находившийся на сцене, повернулся спиной к зрителю (в подобных случаях это любимая мизансцена) и, зажмурившись, закусив губы, прилагал титанические усилия, чтобы в голос не заржать, грубо говоря. Вот что тут смешного?!

А Саша... она спасала спектакль, играя за себя и за беднягу Окташу, неспособного произносить текст своей роли. Наконец дошла до момента, ради которого Иннокентий стал артистом – она очутилась возле фонтана...

– Не трогай воду! – зашипел он. И плевать, если услышат в первых рядах зрительного зала. – Там ток!

К счастью, Саша поняла опасность, стала нарезать круги по сцене, заламывая руки под страстные монологи. Впрочем, он не подпустил бы ее к воде, даже если б она рвалась. Однако пронесло. Но расслабляться было рано.

На картину казни Марии Стюарт стена с фонтаном перекрывается другой декорацией, затянутой черным бархатом. Едва перед Иннокентием опустился щит, он отбросил концы плаща за спину и наклонился к фонтану. Темно! Он достал смартфон, включил функцию «фонарик»...

Есть! Так просто и так гнусно! Оголенным проводом преступник обвил у верхнего края бассейна железную трубку, которая, как остальные семь, опускалась в воду. Дальше уже изолированный провод спускался вниз по задней стенке черного корыта и уходил в щель сцены.

– Выключи! – раздался из-за кулис остервенелый шепот. – Инок! Фонарь выключи! Ну, ты подумай, что творит!

Иннокентий оглянулся, это была Люся с лицом совершенно зверским, машущая кулаками. Да он и сам готовился уйти со сцены, вот только помреж на дороге стояла. Иннокентий взял ее за плечи, переставил в сторону – не пикнула, так ведь спектакль! Затем потопал в глубь сцены к двери, оттуда по лестнице вниз... под сцену... Там стоял Ян, держа в руках провод, прикрепленный изолентой ко второму проводу с вилкой.

– Стоп, стоп! Не тяни! – крикнул Иннокентий Яну, подбегая. – Не отрывай... Сейчас вызовем полицию, они должны эту хреновину зафиксировать, составить протокол... Ты вилку трогал?

– Вынул ее из розетки, – виновато пролепетал Ян.

– Жалко... Очень жалко. Там могли быть отпечатки...

– А ты говорил насчет полиции с главным?

– И не собираюсь. Полиция здесь будет! Кто-то с помощью этого провода подвел электричество к бассейну. Это покушение на жизнь человека, поэтому полиция будет! Посторожи тут провод, а я сбегаю наверх, прослежу, чтобы фонтан не разобрали...

Как всегда, полиция работала долго, не отпуская ни театральные службы, ни актеров. Все устали, ворчали и находились в замешательстве, разумеется, выдвигали собственные версии по поводу странностей в их храме. Одна из них – случайность, вторая – вредительство (но кто кому навредил и почему – за кадром), третья, абсурдная, – Саша сама все подстроила для пиара. Ну, последняя версия возникла из вредности, а две первые имели право на существование, если бы не... Однако нечего народ

баламутить правдой.

Когда измученная Саша забралась в салон машины, она протянула Иноку конфету с грустным поздравлением:

– С дебютом тебя. Не бойся, конфеты я купила лично, яда там нет.

– Спасибо. И тебя с рождением, обещанный подарок я сделал.

– Да... Худшего дня рождения у меня не было. А знаешь, мы с мамой Алексея родились рядышком, с разницей в три дня. Она еще шутила, что именно поэтому у нас с ней взаимопонимание. И любила собирать семейство, готовила сама. Она такая домашняя, славная, тихая. Нет, мы с ней совсем не похожи...

– Извини! – Он кому-то позвонил, громкую связь не включил, но Саша постепенно холодела от того, что слышала. – Добрый вечер, это я... Тяжело идет, сегодня было третье покушение, прямо на сцене, это уже похоже на цирк... Мне надо в Москву, кажется, все концы там... Да, кажется!.. Конечно, есть. И подозреваемые, и версии... У меня просьба. В мое отсутствие нужно, чтобы Боярову здесь охраняли местные ребята, хорошо охраняли, надежно. Можете это устроить через свои сети?.. Только срочно... Отлично. Жду вашего звонка.

Инок завел мотор и выехал с театрального двора.

– Ты... ты бросишь меня? – запаниковала Саша.

– Пока тебе не назначат охрану, пока не проинструктирую ребят, не уеду. Не переживай, сегодня вызвали полицию, а это уже не шуточки, придурок не рискнет устраивать новую атаку на тебя, гарантирую, он ляжет на дно. Может быть, позже снова начнет подличать, но пока страх его притушит, он же не хочет в тюрьму, очень не хочет. К тому же это не профессионал, который выпустил бы пулю по тебе и был таков. Не бойся, у нас есть время покоя.

А через два дня Саша прощалась с ним рано утром на автовокзале, находясь под охраной сорокалетнего буряты по имени Ванжил. Несмотря на уверенность, что придурок временно притихнет, Иннокентий позаботился о мерах предосторожности для Саши, администрация неохотно, но пошла на все условия. Никаких репетиций по утрам, только вечерние спектакли, примерка отдельная для нее одной и запирающаяся на ключ. Настаивал, чтобы она переселилась в его квартиру, но Саша отказалась, должно же быть у нее и в этой ситуации личное пространство со свободой. Иннокентий сел в автобус и отправился в аэропорт, а это другой город.

* * *

Горели свечи в канделябрах. За овальным столом собралась только немногочисленная семья по случаю дня рождения Ирины Федоровны, которая не любила пышные торжества. К чему здесь гости, посторонние люди, если такое маленькое семейство в течение года невозможно собрать вместе? Ей не отказывали, но раз в год. Когда-то раз в месяц собирались на обед, теперь только раз в год на ее день рождения. Но и этот единственный раз мужчины не могли договориться между собой и примириться. Три года назад между ними пробежала кошка с глазами ледяной чародейки, кошка бесследно исчезла, распылив вокруг них... ну, до ненависти дело пока не дошло, а вражда существует. Тихая вражда, неприятие, холод парили над изобильным столом. Мужчины почти не разговаривали друг с другом! Своевременно Тамила приехала, ее не надо приглашать, она и сама помнила, с собой захватила Евгению, дочь очень неприятных людей. Первая все же разбавила болтовней поминки, а не день рождения, вторая (ни рыба ни мясо) помалкивала. Пробыли девушки недолго.

– Марик, еще кусочек перепелки? – предложила Ирина Федоровна мальчику, сидевшему рядом с ней в строгом костюмчике и с бабочкой на шее.

Ему семь лет, первоклассник. Непроизвольно она подумала о родных внуках, которых произвел бы на свет Алешка, что они значили бы для нее. Марика любила, такой чудный и красивый парень, но своя кровь, когда узнаешь в глазках, носике или овале личика родного сына... Наверное, она была бы плохой бабушкой, потому что баловала бы ребенка самозабвенно, с полной отдачей.

– Ба, а тортик? – ерзя, намекнул Марик, что перепелками сыт.

– Конечно, дорогой. Вера! Несите торт!

Не хотелось Ирине Федоровне переходить к чаепитию – завершающему этапу торжества, после которого все разбегутся на целый год. Если Роба и мужа она все же видит, то Алешка (родной, любимый, самый лучший в мире) вообще не приезжает, только в день рождения. Как тут не пожалеть, что этот день всего раз в году! Разумеется, она нашла выход: сама стала навещать сына, но он постоянно так занят, что и с матерью поговорить ему некогда... или намеренно избегает всяческих разговоров.

– Так... – нарушил тягостное молчание Алексей, положив ладони на стол. – Поеду я. Отдохнуть хочется, завтра у меня трудные переговоры.

– А чай? – расстроилась мама. – А торт? Мы с Верой старались...

– Останься, надо поговорить, – хмуро бросил Матвей Павлович.

Но форма! Отдал приказ. Сыну. Он же глава, в привычку вошло отдавать приказы и не слышать возражения, притом забыл, что существуют еще и другие глаголы, к примеру, «просить». Ирина Федоровна, не реагирующая давно на мужа, постепенно заводилась.

– Не хочу, – в ответ бросил Алексей отцу с вызовом.

Матвей Павлович не смотрел ему в глаза при встречах, не смотрел и сейчас. А кто прячет взгляд? То-то и оно. Алексей же, наоборот, в упор разглядывал отца с братом – оба сидели напротив. Правда, в поле зрения попадал один из двух, второго загоразживал канделябр, но стоило чуть-чуть отклониться в сторону – и другого видишь. После ответа Алексея и братец занял:

– Ну, хватит уже! Сколько можно на каждое слово реагировать...

– Сколько надо, столько и можно! – отрубил младший брат.

– У тебя паранойя! – буркнул Роб.

Диагноз не возымел действия на Алексея. Он поставил локоть на стол и, указывая пальцем то на одного, то на другого, а для этого нужно раскачиваться из стороны в сторону, чтобы видеть по очереди каждого, отчеканил:

– Пока... я... не узнаю... кто... из вас... подсунул мне подлянку! Вот до этих пор будет можно. Уяснил, Робик?

– Слушай, прошло три года... даже больше! А ты бесишься, словно глупый мальчишка! – справедливо упрекнул брата Роберт.

– Да хоть десять лет! – огрызнулся Алексей и встал, чтобы лучше видеть обоих. – Кто-то из вас. Возможно, желая мне добра! Но подставил меня, окунув в дерьмо, и испортил мне жизнь. Но тайное всегда становится явным.

– Ладно, ладно, – взметнул вверх руки Роберт. – Допустим, узнаешь, и что? Что тогда? Ну что ты сделаешь?

– Вычеркну из моей жизни навсегда и успокоюсь.

Не попрощавшись, Алексей двинул к выходу, Ирина Федоровна побежала за сыном, не могла же она отпустить дитя в таком состоянии:

– Алеша, сынок, ну, подожди!..

– Жду, – одеваясь в прихожей, сказал тот.

– А кусочек торта? Возьмешь?

– Ма, я уже взрослый мальчик. Домой приеду, выпью рюмку водки... а тортик Марику отдай. Не сердись.

Он чмокнул ее в щеку и ушел. Мама стояла, опустив вдоль тела руки, глядя на закрытую дверь и глотая слезы жалости к родному ребенку, которому хоть и тридцать один год, но он же все равно ребенок. Она

вернулась за стол, пили чай, а ее мысли сопровождали Алешу: вместе с ним Ирина Федоровна ехала по улицам, заходила домой, выпивала рюмку водки и ложилась перед телевизором. Роберту она старалась быть хорошей матерью, а по-настоящему сильно любила Алексея, только боялась проявлять свои чувства, чтобы не ущемлять старшего сына и не обижать мужа. Сейчас могла бы дать с избытком то, чего мальчику не хватало, но... он вырос и уже не нуждается в ее любви, ему нужна другая любовь, которую у него отняли. Кто-то из своих, близких... Если это так, она тоже вычеркнет из своей жизни вредителя, и на это у нее хватит мужества.

Проводили Роберта с Мариком, снова посидели за столом вместе с древней ведьмой – скукой, Ирина Федоровна горько пошутила:

– Мы с тобой как две сироты... (Муж оставил без внимания ее слова.)
У Алешки твоя выдержка, твое упрямство с упорством. Сколько раз я просила тебя найти Сашу, неужели это так трудно? Для тебя!

– И что сказать ей? – разродился короткой фразой он.

– Что она должна верить нашему сыну.

– А ты поверила бы после того, что увидела в спальне?

– Однажды я тебя застала...

Наконец! Наконец его величие изволило обратить свой царственный взор на жену, у которой сегодня – на минуточку – день рождения. Мало того, через паузу он и всем корпусом повернуться к ней – удостоил редкой чести, а в округлившись глазах было столько ужаса, что хотелось рассмеяться, горько рассмеяться. Потешаясь про себя, Ирина Федоровна бесстрастно продолжила, заедая слова тортиком и запивая чаем:

– Чего испугался, будто я сейчас застучала тебя с дрянью, которая прикидывалась моей лучшей подругой. Можно сказать, классический вариант подлости: любимый муж и подруга. Ничто в мире не меняется, ничто. Разумеется, мне хотелось поступить, как эта девочка – Саша. Но у нее не было Алешки, которому исполнилось восемь лет, второй класс... Куда уходить? И я боялась, что ты отнимешь сына, как отнял Роберта у Катьки. А меня вышвырнешь и больше непустишь к нему. Я стиснула зубы и делала вид, что ничегошеньки не знаю, не понимаю, когда ты едешь на случку, что не вижу, в каком состоянии приезжаешь после... А ты смотрел на меня, как на последнюю дуру, упиваясь своей конспирацией.

– Прямо монстра нарисовала.

– А ты и есть монстр. Я спокойно вычисляла, когда ты порывал со своими бабами и когда у тебя новая пассия заводилась. Сначала страдала, о, как я страдала. Потом стала заболеть, и серьезно, но ты об этом не догадывался. Доктор сказал: «Если вы не измените свою жизнь,

погибнете». Дошло до меня вовремя, что так и сдохнуть недолго. Но изменить жизнь – это бросить тебя, что было чревато, я пошла другим путем. Понадобилось еще много времени, чтобы вырвать боль и научиться сожительствовать с тобой, выработать манеру поведения, чтоб ни одна собака не догадалась, как мне хреново. Но я старалась, мне удалось смотреть сквозь призму безразличия на тебя. Алешка рос, нужно было образование ему дать лучшее, а кто платить будет? Разве сын не стоил жертв? В конце концов, я тоже поимела выгоду от тебя: поправила здоровье, не знаю нужды, езжу по заграницам тратить твои деньги, отдыхаю на лучших курортах... Да я благодарна тебе.

Налив полбокала коньяка, Ирина Федоровна выпила залпом (а она крепкие напитки не употребляет), не закусила, и в завершение добила его:

– Сыну своему я верю, понял? Он любил девочку, как видишь, до сих пор любит, и не мог привести в свой дом грязную шлюху. Наш сын в отличие от тебя другой: порядочный, принципиальный, чистоплотный и честный человек. И девочка замечательная была, недаром твой Роберт пытался вырвать ее у Алешки. Но ты же... царь Кощей над золотом чахнешь, тебе все видятся охотниками за твоим богатством. Вон как обложился охранниками! Боишься? Чего? Вот я, например, ничего не боюсь... Нет, все же боюсь – твоих друзей и партнеров, на их рожи глянешь, и содрогнешься, по ним зона плачет, а они у нас в почете. Самое плохое только от тебя может прийти.

– Ты думаешь, что говоришь? Иди спать.

– Ладно, сейчас уйду, а то травмирую твою ранимую душу... Слушай, Матвей, а душа-то у тебя есть? Лично я не видела...

– Ты пьяна.

– Отнюдь. И завтра могу повторить то, что сейчас скажу. Если это ты испортил жизнь нашему мальчику, я... я уничтожу тебя вместе с твоим бизнесом. Надеюсь, ты понимаешь, что я не шучу? Что ж, муж, спасибо за цветы и за подарок, который ты не подарил. Мог бы хоть книжку купить для отмазки, но... тебе же некогда, я понимаю. Сама куплю, ты перечисли мне на карту... сколько не жалко. Спокойной ночи, дорогой.

После ее ухода, Матвей Павлович свесил голову, что он там себе думал – кто бы знал. Вера убирала со стола, а он сидел, уничтоженный собственной женой, с которой прожил больше тридцати лет и не подозревал, какая она есть. Ему позвонили, не хотел брать трубку, но звонки не прекращались, взглянул – Иннокентий, тогда и взял.

– Я у вашего дома, Матвей Павлович, прямо с самолета. Понимаю, что поздно, если скажете уехать – уеду, завтра встретимся. Но я бы хотел

переговорить сейчас, это важно.

– Хорошо, я скажу охране, чтобы впустили тебя.

Через пару минут оба прошли в кабинет, обставленный эклектично, старина здесь соседствовала с элементами модерна. Пожилые люди неуютно себя чувствуют в интерьерах функционального минимализма, они любят окунуться в уютный винтаж, но и без современных вещей уже не обойтись. Кабинет с подлинниками картин по стенам и античными статуэтками по углам больше походил на музей. Массивные кресла и столик между ними из немыслимо изогнутого дерева с прозрачной столешницей, письменный стол под эпоху Александра I, отшлифованный и лакированный, на котором много мастерски сделанных безделушек, большинство ненужных, но приятных сердцу и украшающих это место. Живые цветы – заслуга жены, без них пустовато, к тому же они обрамляют диван с боков и по стене – это эффектно смотрится. А разрушают общий вид ноутбук, принтер, сканер, современные настольные и напольные лампы – так без них тоже никуда.

Хозяин предложил гостю кресло, уселся сам и ждал. Он привык, что ему докладывают, за какой надобностью прибыли, тем более в позднее время суток.

– Матвей Павлович, – не стал тянуть Иннокентий, – вы знаете, что на жизнь Бояровой Александры покушаются, я приехал разобраться, уши-то отсюда растут. Разрешите задать вам несколько вопросов?

– Разрешаю.

– Зачем вы стали искать Александру?

Матвей Павлович шумно втянул носом воздух, что означало – вопрос ему не понравился, во всяком случае, так понял Иннокентий.

– Она исчезла, а я перестал узнавать сына Алексея, он просто осатанел. Шло время, сын не менялся, перестал бывать у нас, рассорился с братом, со мной...

– Простите, а не вы виноваты в том, что Саша уехала?

– Нет. Вы задали вопрос, будьте любезны, дослушайте до конца, а не перебивайте.

– Еще раз прошу прощения. Я слушаю.

– Я думал, это блажь, а она, как известно, проходит, стоит появиться новой красивой девице, уж красота – товар не дефицитный. Но Алексей не хотел ни знакомиться, ни тем более встречаться с ними. Хамил, когда кто-то пытался представить ему достойную девушку, и так это бросал небрежно: мол, оставьте себе, вам пригодится. Он эпатировал, ставил в неловкое положение меня. А по сути, мы с женой теряли сына, даже она,

мать, не могла подобрать к нему ключик. Ну, раз все дело в этой... Александре, я решил разыскать ее.

Пауза. Стало быть, ответ исчерпан, теперь можно Иннокентию рот открыть, а то ведь неувязочку обнаружил, но оставил на потом. У него был более важный вопрос, можно сказать, ключевой:

– А как ее искали? По какому принципу?

– По театрам страны, конечно. Она же актриса...

Разумно, очень разумно, но не исчерпывающий ответ для Иннокентия, которому нужны подробности, детали:

– А на Дальнем Востоке, откуда она родом?..

– Разумеется! Этот район стал приоритетным в наших поисках. Сначала по театрам того региона, потом проверили, не у матери ли она. Александра действительно приезжала к ней, потом уехала – показали соседи. Мы продолжили поиски. Правда, по областным, краевым, республиканским театрам, поначалу игнорировали маленькие, все же Александра из Москвы уехала, несолидно как-то в бесперспективную дыру залезать...

– А она успешно устроилась в дыре к очень хорошему режиссеру.

– Это еще ничего не значит, – отмахнулся Матвей Павлович. – Для дыры, может, и гениальный, а для нас...

– Поверьте, – позволил себе снова перебить его Иннокентий. – Он классный, я видел его спектакли, видел, как здорово играет Саша. Но это лирика. Я в недоумении, мне непонятно, Матвей Павлович... Вот вы нашли Боярову, почему не сообщили сыну, а... прислали человека, который обратился к главному режиссеру со странной просьбой: чтобы тот создал все условия, лишь бы она не уехала из города? И вы щедро оплачивали ее пребывание там. Зачем?

Ловко он приложил заботливого отца! Так неувязочка: нашел Сашу для сына, однако ему ни гугу, а сделал все, лишь бы она не вернулась к нему. У Матвея Павловича был ответ, и, как заботливому отцу казалось, поступок его оправдан вполне благородным порывом, умным, а главное, практичным:

– Я хотел посмотреть, как она ведет себя, достойна ли моего сына, для этого нужно время, а также не хотел больше терять ее из виду.

– И меня приставили, чтобы я не просто следил, а «сдружился» с Сашей, с намеком соблазнить – не очень это красиво по отношению к вашему сыну.

Удивительно, но оскорбление Матвей Павлович съел. У него сегодня был тяжелый день, не праздник, а настоящее аутодафе – все его обвиняют,

все осуждают, кроме Роберта. Иначе никогда он не отреагировал бы вяло на несправедливые слова какого-то мальчишки, нанятого им:

– Не смейте меня учить. Я отец, своему сыну хочу добра. Сейчас тьма бесовестных, льстивых, хитрых, алчных девиц, я на такую нарвался, Роберт нарвался... Хватит! Имею право знать, кто войдет в дом моего сына. Когда у вас будут дети...

– Дети у меня, конечно, будут. Но знаете, ваш сын имеет полное право делать выбор сам. Не стану расписывать, какую прекрасную девушку потерял Алексей, лично ему скажу. Но одно то, что Саша прячет дочь от вашего семейства и считает, что покушения на нее организовали вы...

– Что? – очнулась мумия, заточенная на собственных переживаниях. – Дочь? Что, Алешкина?..

– Его, его. А я вам даже покажу ее...

Иннокентий достал смартфон из нагрудного кармана джинсового жилета, нашел фотографии девочки и протянул дедушке-императору, наверняка мечтавшему о многочисленном потомстве, чтобы империя (ну, или личное королевство) имела последователей. Не одного наследника, а несколько – так надежней, что кто-то пойдет по стопам деда, но мечты и у таких людей не всегда сбываются. Матвей Павлович уставился на фотографию и не произносил ни звука, Иннокентий забеспокоился:

– Надеюсь, вы не сомневаетесь, что это ваша внучка? Можете вычислить по срокам. Полистайте, у меня несколько ее снимков.

Но тот вдруг подскочил, вышел из кабинета и позвал:

– Ира!.. Ира, срочно иди сюда!.. Жду тебя в кабинете!

Внезапно Ирина Федоровна очутилась перед ним, как черт из табакерки, ласково и тихо сказав:

– Какого черта орешь?

Матвею Павловичу понадобилась пауза, чтобы до него дошло: его жена вывернула из-за двери, значит, она...

– Подслушивала!.. – выговорил оскорбленным тоном он тоже очень тихо, тем не менее с угрозой. – Ну, ты... Проходи!

Не очень-то она испугалась, если не сказать, вообще проигнорировала все сказанное мужем. Ирина Федоровна проплыла в кабинет в бордовом халате до пят, словно маленький кораблик, села на диван, выпрямив спину и сложив на коленях руки, потом якобы только сейчас заметила Иннокентия:

– Добрый вечер, молодой человек.

Проводив ее негодующим взглядом, Матвей Павлович вернулся к своему месту, схватил с подлокотника смартфон, принес его жене и без

слов сунул ей в руки. А что объяснять, если она подслушивала? Потом так же резко он отошел, плюхнулся в кресло, закинул ногу на ногу и болтал ступней, хмуро глядя перед собой. Тем временем Иннокентий успел подумать, что этот человек и с женой разговаривает, будто она его наймит в офисе, – в приказном формате.

– А что это за ребенок? – обратилась Ирина Федоровна к гостю.

– Алешкина дочь, – буркнул муж. Как он не выносил притворства! Слышала же все! – Если Иннокентий не врет.

В этом он весь: сомнения жрут императора, он никому не верит, видимо, сам много обманывал, подумалось Иннокентию.

– Бог с тобой! – бросила мужу Ирина Федоровна. – А сколько ей?

– Сколько на фото, не знаю, – ответил Иннокентий, – а вообще – два с половиной года.

– Она же на Алешу похожа... – умилилась Ирина Федоровна. – Глазки точно Алешкины! В этом возрасте у него две пуговки были... И лобик... Ушки! Ушки точь-в-точь... А как зовут девочку?

– Никой зовут, – сказал Иннокентий. – Это дочь Саши, вы помните?

– Еще бы не помнить! – метнула молнии Ирина Федоровна в сторону мужа. – А как увидеть их? Где Ника и Саша сейчас?.. Я поеду к ним.

– Этого я не скажу даже под пытками, Саша прячет дочку в надежном месте, сама работает в маленьком театре.

Внезапно Матвей Павлович вспомнил, что он царь:

– Вы забыли? Я плачу вам за информацию...

– Замолчи! – рявкнула всегда послушная (в прошлом) жена.

– Вообще-то я свою миссию выполнил, – поднялся со своего места Иннокентий, намереваясь уйти. – Вы, Матвей Павлович, просили проследить за Сашей, я это сделал, ее жизни угрожала опасность – охранял. А выяснить, где она держит свою дочь... такого задания я не получал. Но если вы мне поручите выяснить, то... лучше не поручайте, не соглашусь. Прощайте.

Он хотел забрать свой смартфон, но Ирина Федоровна спрятала его за спину и перекрыла собой выход:

– Пойдите! Иннокентий, почему Саша прячет девочку? От кого? А... – И повернулась к мужу, решившись озвучить многое из того, что не говорят при чужих. – Поняла: от Алешки и дедушки. Ясно, Саша боится, что они отнимут ребенка. Ну, да, повод у бедной девочки есть, как это мне понятно. Да пусть только попробуют! Я сама закопаю... вот его! – указала она пальцем на мужа, после чего напустилась: – Это же все ты!.. Из-за тебя Алешка к нам не приезжает... А твоя внучка растет без отца! И даже без

матери! Потому что ты... все ты! Иннокентий, прошу вас, передайте Саше... Алеша не виноват...

– Как же не виноват? – усмехнулся тот. – Может, вам показать, что Саша увидела в его квартире? У меня и эти снимки имеются, они впечатляют.

– Я их видела сто раз. Но если мой сын говорит, что не виноват, он не виноват! Я ему верю! Он столько времени пытается узнать, кто его подставил... Это же не просто так, не для виду тратятся такие деньги, Алеша хочет разобраться... Стоп! Я знаю, что делать. Вы задание мужа выполнили? Помашите дедушке ручкой, теперь я вас нанимаю. Подождите... я сейчас...

Она подхватила и выбежала из кабинета, словно ей лет двадцать, Иннокентий только и крикнул:

– А мой смартфон?! Куда вы?..

Про себя он радовался, что дело получило неожиданный поворот. Судя по оброненным фразам, у отца с сыном отношения натянутые, следовательно, к Алексею легче подкатить через маму. Черт его знает, какотреагирует Алексей на Иннокентия, а тут добровольный союзник объявился. Матвей Павлович сидел, как оголодавший грифон на скале – насупленный, ссутуленный, недвижимый, угрюмый. В кабинет снова влетела Ирина Федоровна, держа в руках помимо смартфона Иннокентия ноутбук и кучу переходников:

– Иннокентий, помогите перекинуть фотографии малышки в ноутбук... Вот проводки, наверняка найдется подходящий для вашего смартфона. А я пока включу компьютер... Вы не волнуйтесь, Иннокентий, деньги у меня есть, я натырила у него... – указала подбородком на Матвея Павловича. – Прости, дорогой, я хотела сказать, сэкономила. Сколько мой муж платил вам? Обещаю в два раза больше! Только докажите, что моего сына грязно подставили, тогда Саша вернется к нему. Вот и определена ваша задача. Алеша нанял какого-то парня... вы можете с ним связаться... Да! Запишите номера телефонов Алексея...

Когда Иннокентий уехал, а она, проводив его с напутственными словами, вернулась в кабинет за ноутбуком, Матвей Павлович мрачно отчитал ее:

– Ты сбрендила? Или перепила? Ты отдаешь отчет своим словам, поступкам? Ты что несла при постороннем?.. И подслушивала!

– Да, подслушивала! – злорадно кинула ему она, любуясь изображением Ники. – Чтоб ты больше не навредил моему сыну.

– О! Алешка уже не мой?

– Старый дурак, – вздохнула она. – Обязательно гадость надо сказать. Тебе не удастся испортить мне настроение – я получила лучший подарок за последние двадцать лет. Себе скажи спасибо, ты же сам разделил нас: твой Роберт, твой внук, ну, и мы с Алешкой – два приложения к вам. Ты как раз и не считаешь его своим, ведешь себя так, будто он твой пасынок. Целый год знал, где находится Саша, и не сказал сыну! Видите ли, проверял, что она собой представляет! Провоцировал – вдруг станет спать с Иннокентием. А почему – нет? Она не замужем, это ее право, но ты... Додумался! Какое право имел лезть? Что ж тебе не пришла в голову простая мысль: Саша бросила Алешу, потому что не захотела жить с его изменами. Я смогла, многие могут, а она – нет. Значит, девушка не меркантильная, а тебе этого мало. Я ничего не скажу Алексею, но не ради тебя, не хочу причинять боль сыну и делать вас врагами. Но и ты... выводы делай.

Он был ошеломлен, перед собой Матвей Павлович видел не свою жену, его мягкую, добрую, скромную Ирину, не претендовавшую на пальму первенства в семье, да и вообще ни на что не претендовавшую, подменили! Он с подозрением в глазах провожал ее до двери, а ее вдруг осенило:

– Матвей, срочно купи мне новую машину.

– Зачем тебе новая машина? – вытаращился муж.

– Когда Саша с Никой приедут, буду возить внучку... м... на балет! Или на фигурное катание. А то вдруг в меня пойдет фигурой – тьфу, тьфу, тьфу, не дай бог! Мне еще нравятся бальные танцы... Ну, приедут, мы вместе с Сашей выберем. Нужна крепкая, надежная машина.

– Ты же натырила у меня, – съязвил он. – Вот и купи.

– Не могла же я при постороннем сказать, что платила себе зарплату за то, что работала у тебя законной женой, содержала твой дом, воспитывала твоих детей и твоего внука. Я жила как на вулкане, из-за какой-нибудь шлюшки ты мог выставить меня без выходного пособия, и что делать тогда? А так хоть на армию адвокатов наскребла. И сейчас на правах жены требую новый автомобиль. Теперь и у меня есть внучка, моя собственная внучка, есть смысл. Все теперь будет по-другому. Ника... мне нравится имя. А тебе? (Муж сурово молчал.) Значит, и тебе нравится. Ты же помнишь, что это и твоя кровь? Купи! Я должна к ней привыкнуть. Спокойной ночи.

Она так и ушла с открытым ноутбуком, любуясь фотографией малышки. А Матвей Павлович, тяжело поднявшись с кресла и трудно переступая – засиделся он, прошел к шкафу, оттуда выудил бутылку с виски и стакан, налил.

– Размечталась, дура, – сказал вслух и выпил... много.

Внешне Алексей ему показался похожим на отца, а в общении более приятным, в нем отсутствовала дремучая спесь, характерная для людей под грифом «из грязи в князи». Предпочитая долго не ходить вокруг да около, Иннокентий кратко изложил, в чем суть, но Алексей, вместо того чтобы обсудить дальнейшие планы, приготовился писать:

– Диктуй адрес... В каком она городе?

– Зачем тебе? – насторожился Иннокентий.

– Я поеду туда. Саша там одна, ее жизнь в опасности...

– За ней присматривают по очереди два оперативника из местного отделения полиции. Когда звонят сверху, то снизу исполняется приказ неукоснительно, короче, будь спок, мой шеф позаботился о ней. И потом, Алексей, ты с чем поедешь? Да, она любит тебя, но Саша не из тех женщин, кто прощает измены, ее до сих пор трясет...

– Не было никакой измены, не было! – разгорячился Алексей.

– А что было? Мне подробно нужно знать, как ты попался. Потому что с компроматом на тебя, я имею в виду фотографии с бабой в постели, невозможно поспорить, тем более оспорить. Саша-то видела тебя с ней живьем, ее слова я даже не собираюсь подвергать сомнению. Но если мы найдем хоть мизерную зацепку, то оспорим снимки, тогда и поедешь. Давай, как у батюшки на исповеди...

* * *

А было... Поздний вечер был. Позвонили в дверь примерно в одиннадцатом часу, Алексей нехотя поднялся с дивана, на котором делал три дела одновременно: лежал, одним глазом телевизор смотрел, вторым книжку читал. Он пошел к двери, глянул в глазок и открыл. На пороге стояла красивая яркая брюнетка в длинном шелковом халате, держа в руке смартфон, она волновалась. Алексей встречал ее несколько раз в подъезде и перед домом, то ли она живет здесь, то ли приходила в гости, но, видя на ней халат, решил, что все-таки живет. Начала она с извинений, смущаясь и чуть не плача:

– Прошу прощения, что так поздно... У меня дурацкая проблема... а я никого здесь не знаю... вас тоже не знаю, конечно... Но мы встречались, я видела, в какую квартиру вы заходите... и...

– Говорите, что случилось?

– У меня электричество...

– Угу, у меня тоже электричество.

– Вот-вот! – обрадовалась она. – У вас оно есть, а у меня его нет... В моей квартире свет погас. Что-то цвирк! И свет погас. Я звонила в службу, там сказали, это не смертельно, завтра наладят. А я завтра уезжаю! Утром. Но у меня вдруг села батарея... Такси приедет утром, а как я узнаю? Ко мне не дозвонятся...

– Понял, – сказал Алексей. – Вам нужно зарядить телефон.

– Да, да, да, – обрадовалась она. – Хотя бы на пятьдесят процентов, этого хватит с головой.

– Заходите.

Тут же в прихожей она подсоединила смартфон к розетке, Алексей предложил ей подождать в гостиной. Сначала она отказывалась, однако позволила себя уговорить. Естественно, разговаривали, он даже не помнил, о чем! Женщина его не интересовала, знакомство с ней поддерживать не собирался, потому разговоры сводились к банальностям – лишь бы заполнить время. В данной ситуации неприлично оставить гостью без чая или кофе, она предпочла чай. И вот минут через десять-пятнадцать на столике перед диваном появились чашки, чайник, печенье с конфетами... А потом Алексей почувствовал себя нехорошо – пересохло во рту, голова отяжелела, слабость охватила все тело. Мина – так она представилась – запаниковала, засуетилась, помогла дойти ему до спальни, а момента, когда он упал на кровать и провалился в забытие, уже не помнил.

Очнулся Алексей в двенадцатом часу дня – телефон звонил непрерывно. Чувствовал себя отвратно, будто перепил чуть ли не до смерти. Признаков, что кто-то посторонний лежал с ним в кровати, не обнаружил, трусы были на нем.

* * *

– Вот и все. Только вечером я увидел, что в гардеробе нет Сашиных вещей, ее ключи от квартиры нашел. Я понял: что-то произошло, но на мои звонки она не отвечала. Я ездил туда, где она жила раньше... И звонил, звонил ей, наконец ответила, но слушать меня не стала, а прислала фотки, где я с этой тварью... Потом исчезла, – закончил Алексей. – Сейчас я узнал, что Саша в то время еще и беременной была.

– Тебе сообщили про Нику? – осведомился Иннокентий.

– А как же! Ночью мама позвонила, прислала фотографии, щебетала... Я не знаю, как мне выпутаться из этой мерзости.

– У меня еще вопрос: ты искал ее?

– Не сразу.

– Почему?

– Обижен был. Да, обижен... даже выслушать не захотела!

– Но ты бы тоже не захотел на ее месте, – заметил Иннокентий.

– Согласен. Но тогда... У меня идея фикс была найти тварь, что притащилась ко мне. Хотелось, добиться от нее объяснения всей этой подлости, потом только доказать Саше, как она была не права. Успехи наши продвигались медленно, начал искать и Сашу, а она как в воду канула. Я не знал точно, из какого она города, Дальний Восток ведь большой... Как-то пропустил мимо ушей, мне казалось на том этапе, это неважно, мы и знакомы-то были чуть больше полугода. В театральное училище обратился, а там никто не захотел лезть в архивы, информацию выдают только по запросу правоохранительных органов.

– Ух, как строго у нас, – хмыкнул Иннокентий. – Плохо просил. Ну и?

– Нет, я выяснил, что она была прописана у Изабеллы Дмитриевны, старуха сказала, выписалась и уехала, не оставив адреса.

Иннокентий подумал, что папа, поиски которого увенчались успехом, умнее сына. Впрочем, найти человека в такой большой стране очень непросто, не всем дано выстроить логическую цепочку, только со стороны кажется – плевое дело, но и то тогда, когда уже есть результат.

– Ты нанял детектива, верно? – спросил Иннокентий.

– Да. Я не детективом его называю, а помощником, он кое-что накопал, но до автора интриги не достал.

– Что бы там ни накопал, пригодится все. Главная задача – найти того, кто пытается убить твою Сашу. И это очень серьезно, времени на долгую песню просто нет. В ее рассказе я уловил несколько моментов, которые позволяют определить круг подозреваемых. Теперь скажи... эта самая Мина в твоём доме и подъезде не живет, правильно?

– Не живет, но! Снимала квартиру. Недолго. Тебе об этом лучше расскажет мой помощник, знаешь, история туманная. – Алексей энергично вышел из-за стола, пригласив его: – Пойдем, парень из нашего отдела охраны, он толковый, неглупый. Если тебе нужно, я освобожу его от всех обязанностей.

– Посмотрим, – уклончиво ответил Иннокентий.

Никита оказался безнадежно молодым, честно говоря, Иннокентий был поставлен в тупик: как такому юнцу можно доверить сложное дело, с

которым профессионалу сложно справиться? Худой, длинный, с лицом подростка и наивными глазами лоха. Причем личико славненькое, сладенькое – юные девочки от парня наверняка тащатся, но это же не повод воспринимать его всерьез. Оказалось, парню двадцать шесть, а не семнадцать, Иннокентий пошутил:

– Поделись с женским полом секретами молодости, станешь сказочно богатым.

На шутку Никита не отреагировал, будто не услышал, а поспешил уступить место у компа Иннокентию, сказав:

– В этой директории вы найдете все о деле Алексея. Изучайте, если возникнут вопросы, я к вашим услугам.

Ух, ты какой... «Я к вашим услугам»! Как ненастоящий. Иннокентий плюхнулся на стул, а Никита с Алексеем оставили его одного, минут через пять появилась красотка и поставила поднос с кофе, круассанами и молочником. Уже через десять минут, читая отчеты Никиты, Иннокентий убедился, что у парня есть серое вещество, к тому же вполне взрослое и качественное. А через полчаса вызвал парня, потому что живое общение дает больше информации, первый вопрос был задан, едва Никита уселся рядом перед монитором:

– Здесь написано, что ты, именно ты, отвез Алексея в больницу. Почему? Как видишь, изложено сухо, а мне нужны детали...

* * *

Алексей на самом деле не в состоянии был вести машину, а отец требовал, чтобы он срочно приехал на работу, ругался. Пришлось вызывать такси. Думал, проветрится, если лицо подставить ветру, влетающему в открытое окно, но состояние не улучшилось. Отец увидел, что он действительно не в форме, но решил, что сын вчера перепил, хотя за ним таковых эпизодов не числилось, отчитал его и вызвал охранника, чтобы тот отвез сына домой. Никита недавно устроился, потому такое плевое дело – отвезти сыночка господина – поручили ему. Уже по тому, как Алексей упал на сиденье пассажира, как пристегивался, по его бледности и поту на лбу стало ясно – ему очень плохо, Никита предложил:

– Давайте я остановлюсь и куплю минеральной?

Тот лишь утвердительно кивнул, ему явно было лень рукой пошевелить. Никита подъехал к магазину, купил пару бутылок минеральной воды и, вернувшись, сам открутил крышку одной бутылки,

протянул Алексею. Тот опустошил сразу половину бутылки, а легче ему не стало.

– Вы вчера перепили? – посмел спросить Никита.

– В рот не брал, – ответил Алексей.

– Почему же вам так плохо? – изумился парень.

– Не знаю... Будто кто мои силы выпил.

Ответ подвинул Никиту к решительным действиям, он повернул в другую сторону, через время Алексей, мечтавший добраться до кровати, заметил, что едут они не туда.

– Эй, парень... – вяло выговорил он. – Как тебя?.. Куда ты?... Мой дом в другой стороне...

– Я везу вас в больницу. К папе.

– Зачем?

– Пусть вас посмотрит, он врач. Может, у вас сахар упал до критической отметки, а вы не догадываетесь. В этом случае вам нужна срочная медицинская помощь, иначе вы можете впасть в диабетическую кому и умереть.

Умереть?! Нет, игры со смертью в его планы не входили, Алексей только начал жить полнокровно, интересно, счастливо – какая смерть! Из-за чего? Самому стало любопытно: что это с ним?

Давление у него оказалось низким, частота пульса – странно, что еще жив, но причины... их следовало выяснить. Папа Никиты отправил Алексея на обследование, прежде всего на анализы, пообещал проследить лично за результатами, а также поторопить лаборантов. После Никита отвез сына шефа, который занимал одно из ведущих мест в фирме и пользовался уважением, домой и остался с ним. Попав в дом, Алексей звонил Саше, хотел предупредить, мол, умираю, приезжай, она не взяла трубку. Тогда он бухнулся на диван и проспал до вечера. Разбудил его Никита, подал минералочки и сообщил:

– Папа звонил. Вы принимаете клофелин?

– А что это? И можно на «ты».

– Значит, не принимаешь, папа так и подумал. Это антигипертоническое средство, уменьшающее уровень артериального давления, папа сказал, для здоровых людей смертельно опасно. Стоит чуть-чуть ошибиться в дозе – и человек умирает. Препарат обнаружен в твоей крови. Считай, тебе повезло, у тебя здоровье мощное, некоторые в лучшем случае просыпаются через сутки после твоей дозы, а некоторые становятся трупами.

– Откуда взялся в моей крови этот... а?

– Кто-то подсыпал тебе клофелина в еду или в питье. Вспомни, с кем ты вчера ел-пил и где?

Тогда-то и припомнил Алексей, не без труда, женщину, которая приходила зарядить смартфон, они пили чай... и да, ему стало нехорошо! Она повела его наверх... Больше ничего не помнил.

– Ясно, мошенница. Клофелином пользуются проститутки, чтобы обворовать клиента, таксисты, когда хотят ограбить, подонки, когда планируют изнасиловать... и прочие маргинальные отбросы. Идем, покажешь чашки.

Чашек в гостиной не было, их обнаружили на кухне возле раковины вымытыми, там же стояли и блюда. Никита попросил чистые целлофановые пакеты, не касаясь руками, а надев пакет на кисть, уложил чашки – каждую в отдельный пакет и прокомментировал свои действия:

– Отвезу на экспертизу. Это доказательство, улика, частицы клофелина должны остаться в твоей чашке, во второй их не будет. А теперь идем проверять, что она унесла.

– Думаешь, обокрала?

– А зачем подсунула тебе клофелин? У нее был интерес.

Недосчитался Алексей в гардеробной Сашиных вещей, странно, они не представляли ценности. Реально дорогое платье, туфли и сумочка находились на местах, больше ничего не пропало, а ведь было что взять: те же деньги, часы. И Сашины ключи нашел. Ничего не понимая, звонил ей... мимо! Прошло несколько дней, прежде чем Алексей получил фотографии, на которых узнал себя и...

– Тварь! – вымолвил он потрясенно. – Ради чего эта... Мина подсыпала мне клофелина и улеглась со мной в постель?

– Не знаю, – сказал Никита. – Что-то ценное забрать у тебя – проблем не оберешься, ты же заявишь в полицию, ее найдут и посадят как воровку. А за то, что ты с ней в постели лежал, не сажают. Непонятная ситуация.

К тому времени Алексей привязался к парню, который охотно помогал ему. Никита интеллеktуал, обладающий феноменальной памятью; прежде чем что-то сказать, обдумывал; нигде и ни в чем не спешил, за плечами имел юридический диплом, но категорически не хотел по специальности работать. В фирму устроили его знакомые, но не из любви к охранному делу, а просто решил заработать на автомобиль и готовился поменять профессию, его привлекала криминалистика, для чего придется заново учиться. Никита понял, что беспокоило Алексея, потому сначала успокоил его:

– Ты не мог с ней ничего сделать в таком состоянии, как и она с тобой,

ты был живым трупом, только что слегка дышал.

– Зачем это Мине? – негодовал Алексей. – Я видел эту тварь несколько раз мимоходом... мы не были знакомы!

– Надо выяснить, каким образом Мина попала в этот дом не для простых смертных. Раз пришла к тебе в халате...

– Жила здесь, – согласился Алексей. – Но такого имени у охраны нет в списках, я справлялся.

– Зато у них есть видеосъемка.

Видео им предоставили, смотрели оба, так Никита увидел Сашу и Тамилу, когда они входили, потом с баулами выходили.

– А это кто? – Никита указал на Тамилу.

– Подруга моя... наша... нашей семьи. Когда-то ее отец помог моему, потом мой помогал их семье, ну, а когда отец Тамилы умер, папа опекал ее.

– Ммм, твой отец неплохой чел. У тебя с ней было что?

– Ничего. Мы с ней с детства как брат и сестра, не более. Тамила слишком зациклена на работе, она журналист, чтобы посвятить себя еще кому-то.

– А что она делала так рано в твоём доме? И вместе с Сашей?

– За фотоаппаратом приехала, ее сломался. Мне она много раз звонила той же ночью, а я был – сам знаешь. Она позвонила Саше, уговорила поехать к нам. А рано – потому что самолет был утром. Что?.. Тебя что-то настораживает?

– Не могу сказать с уверенностью... Но вот так, навскидку... Мина напоила тебя клофелином, осталась до утра, из квартиры ценные вещи не унесла... Может, она ради снимков раздела тебя и легла голой? А если это все затеяно, чтобы твоя Саша увидела вас в том виде, в каком она увидела? Уж очень вовремя понадобился Тамиле фотоаппарат.

– Давай прижмем ее, допросим, – решительно предложил Алексей и почти сразу опомнился: – А какова цель? Я даже не представляю, зачем ей этот фокус. Что она поимела с этого? Ничего.

– Времени прошло мало, может, еще и поимеет. Главное, Мину найти, она точно знает ответы, зачем и почему.

Мошенница уехала на такси. Охранники узнали ее, никакая она не Мина, а Елена Лосева (не исключено, что имя и фамилия не настоящие), арендовала квартиру, заплатила за два месяца, прожила три недели, больше здесь не появлялась. Никита сделал скриншоты лица Мины, перекинул на флешку, осталось поблагодарить за содействие охранников и попрощаться.

У Алексея распечатали фото, но куда с ними теперь, где эту Мину-Елену искать, в каких кругах? Никита пил кофе из большой кружки, пил

долго и что-то там соображал. Алексей ждал, что парень надумает, у него все равно никаких идей не было, мысли занимала Саша, которая однажды пришла к нему (фактически домой), и застала с голой бабой – жуть. Только об этом он думал.

– Давай поразмыслим, – подал голос Никита, Алексей мигом переключился на него. – Кто согласился бы на подобную авантюру? Какой тип способен запросто прийти к незнакомому мужчине и не бояться, что тот поведет себя как скотина? Подкинуть ему клофелина, отвести в спальню, пока он был в сознании, раздеть догола и самой лечь голой в его постель...

– Полагаю, не каждая отважится.

– А конкретней? (Алексей пожал плечами.) Я говорил, кто использует клофелин и в каких случаях, Мина явно профессионал... Я знаю, где искать ее.

– Значит, так, – ожил Алексей. – Освобождаю тебя от всех обязанностей в офисе с сохранением заработной платы. Помимо этого буду платить еще столько же, только отыщи мне эту гадюку. Хочется задушить ее, но сначала узнать...

* * *

Иннокентий с интересом не столько слушал, сколько рассматривал парня под другим углом. Башка у него варит очень и очень, так что можно и догадаться, каков результат поисков оказался, но спросил:

– Нашел Мину?

– А то! – вздернул нос Никита. – Если вы собрались назначить ей свидание, огорчу. Мина – псевдоним... кого бы вы думали?

– Проститутки? – с ходу сообразил Иннокентий.

– Верно, – изумился Никита его пронизательности. Изумился! Как будто рядом с ним сидит валенок. – Но проституток слишком много, можно потратить годы, разыскивая одну. Я подумал, как уменьшить количество подозреваемых...

– И уменьшил. Как?

– А я сразу понял, что она элитная проститутка.

Ну, дает головастик! Иннокентий даже потерялся, с другой стороны, парень ему все больше нравился, потому что диалог вел с ним как лицо заинтересованное:

– Элитная? А как ты понял?

– По типу. Люди поддаются классификации и по внешним признакам, любая прослойка имеет свой ярко выраженный типаж. Вы же узнаете алкоголика легко и просто по внешности, его не закамуфлирует даже внешний лоск. Но это крайность. Теперь смотрите... – Он щелкнул мышью, на мониторе появилось фото Мины. – Проститутки низшего звена другие, это тупые телки, станки для животных инстинктов. Безвкусно красятся, вульгарно одеваются, лица у них с одинаковым выражением. И вот Мина... Стрижка – так стригут в дорогих салонах, покрашена умело и носит брендовые вещи. У нее есть вкус, шарм – это видно даже по тому, как она идет, садится в такси. Я искал ее в дорогих борделях.

– М-да... Умный ты. Где? Как увидеться с ней?

– На кладбище.

– То есть она...

– Машина сбила, – кивнул Никита, подтверждая, что мошенница умерла не своей смертью. – Когда я нашел ее, договорился о свидании, ну, через их контору, разумеется. Мы с Алексеем ждали Мину в гостинице, номер сняли шикарный, чтоб не сомневалась: у меня большие бабки. А она не явилась. Потом выяснилось, что, когда Мина вышла из своего дома, в нее врезался автомобиль на большой скорости и уехал. Вывод сам вырисовывается: ее наняли, чтоб она полежала в кровати с Алексеем. Но я не знаю, кто. Пока не знаю.

Хорошенькое дело! Иннокентий несколько сник: столько времени уделили какой-то там шлюхе, а ее сбила машина. Ну, тут что первое в голову приходит? Мину убрал тот, кто подослал ее к Алексею, ведь проститутку всегда можно перекупить, значит, она подлежала ликвидации с самого начала заговора как свидетель. Этот же человек преследует Сашу. У него есть цель, а как ее понять, если в логику не вписываются поступки?

– А что Тамилла? Ты же заподозрил ее, кстати, я тоже. Итак, времени прошло много, она как-то обозначила свой интерес, связанный с Миной?

– Никак. Кстати, она действительно летала в Таллин – я проверял. Пробыла там несколько дней. Фотик Алексею вернула со снимками, предложив полюбоваться красотами города и самому потом удалить – ей было некогда. Посоветовала на комп установить в качестве обоев, он так и сделал, снимки на самом деле супер. Больше трех лет прошло, а мотива у нее мы не нашли.

Иннокентий решил, что о мотиве поразмыслит позже, а в данную минуту предложил Никите, достав смартфон:

– Поработаем вместе? Думаю, так дело быстрее пойдет. Тут записи Сашиних рассказов, я поступил нехорошо – сделал их тайком, перекинь

файлы в комп и внимательно прослушай. Потом по-честному удалим. У меня есть идеи, но сначала хочу услышать твой вариант. Поторопись, от нас зависит Сашина жизнь.

Расставшись с парнем, Иннокентий тут же, идя по коридору, связался с шефом, сначала кратко изложил о проделанной работе, закончил просьбой:

– Нужно вытащить два дела, только почитать... Скажите, в случае успеха вся слава достанется им. Нам и денег хватит, верно?

* * *

Не сразу Иннокентий посетил Роберта, работал тот тоже у отца, имел собственный кабинет. Сначала отправился обедать и заодно продумать, что следует говорить, как-никак это один из подозреваемых, которому по праву можно присвоить первый номер, одно неосторожное слово и... непредсказуемая ответка гарантирована. Саша довольно точно описала его внешность, правда, несколько преувеличила негативную оценку, на самом деле Роберт не производил впечатления законченного подонка. Но, как известно, человеку имидж делают его поступки, так что упрекать Сашу в необъективности было бы неверно. Что поразило Иннокентия – братья абсолютно разные, ну, ничего общего между ними.

Роберт внимательно изучил удостоверение. Без слов, одним жестом указал на кресло напротив, затем небрежно кинул книжечку на стол по направлению к Иннокентию и, соединив кулаки, подперев ими подбородок, уставился на гостя, дескать, давай, выкладывай, что надо.

– Я ищу Боярову Александру по заданию вашего брата, – решил именно так объяснить свой визит Иннокентий. – Меня интересует все, что с ней связано.

– Ну, да, да... – ухмыльнулся Роберт, развалившись в удобном кресле и перебирая авторучку пальцами. Он ничуть не испугался появления детектива, напротив, даже развеселился. – И охота братцу столько денег бросать на ветер... да еще по прошествии трех лет?

– Так любовь...

– А я тут при чем? Алешка меня винит, отца...

– Вам она тоже нравилась...

– Но я не нравился ей. Не судьба.

Разумеется, Иннокентий пришел не о Саше потрепаться, ему нужно совсем другое: подойти к самоубийству бывшей жены Гелы, но чтобы Роберт не понял этого. Возможно, Иннокентий бежал впереди паровоза,

ведь дело еще не получил, не знает, что по сему поводу думали следователи, однако и предварительная беседа часто приносит пользу. Он находился в выигрышном положении, так как знал уже многое из жизни семейства Рябовых, а Роберт об этом не подозревал. В данных обстоятельствах легко поймать человека и на лжи, потому был внимателен к ответам. Вопросы задавал быстро и много, но к Геле ему не удавалось подвести Роба, намеков тот не понимал и ускользал от темы, как рыба в воде. На сей случай есть лобовой прием:

– А почему ваша жена... бывшая... пригласила вас, Сашу и Алексея к себе перед своей смертью?

– Вызвала, – поправил Роберт. – Обманув всех троих. Почему?.. Ответ на этот вопрос она унесла в могилу.

– А незадолго до этого Гела написала вам письмо...

– Откуда вы знаете?

– Алексей рассказал, а ему письмо показывала Саша, именно ей отдала конверт Гела. Ваш брат его передал вам.

– Да, да, – закивал Роберт. – Вас интересует, что было в том письме? Она умоляла меня о встрече.

Он сказал правду, отметил про себя Иннокентий, следом спросил:

– И как? Встретились?

– Конечно. Она же грозилась проблемами.

– А что за проблемы могли возникнуть?

– Хорошо, не буду тянуть резину, мне скоро уезжать. Гела сообщила, что наш сын не мой, она имеет на него прав больше. Зная ее подлую натуру, я решил сделать генетический анализ, который показал, что отец я. Мне было весело, я позвонил и сказал, что больше не поймаюсь на ее уловки. Но поймался, когда прислала сообщение, что Саша у нее пьяная, просила меня забрать ее, так как боялась Алексея. Я приехал, а Саша трезвая вместе с моим братом, Гелка...

Он сделал жест ладонью сверху вниз, мол, спикировала бывшая прямо в землю. То, что ему не жаль несчастной, видно невооруженным глазом, а, собственно, почему Гелу нужно жалеть, если от нее исходили одни неприятности? Но следовало продолжить, а то ведь время поджимало:

– И никто не смог ответить на вопрос, почему она прыгнула?

– Накачалась наркотой и, наверное, решила полетать, – цинично усмехаясь, высказался Роберт.

– Наркотой? Это подтвердило вскрытие?

– Именно. На вскрытии и выяснилось.

– Вы сохранили результаты генетического анализа?

– Само собой! – весело сказал Роберт. – Сейчас показать?

– А вы держите документ здесь? – изумился и несколько засомневался Иннокентий.

– Да, с тех пор. Мне несколько раз пришлось показывать следствию результат анализа, меня-то подозревали, потом положил в сейф и забывал забрать. Ну, отсюда все равно он никуда не денется.

Роберт вышел из-за стола, открыл сейф и достал лист из файла, принес Иннокентию, полюбопытствовав:

– Какое отношение все это имеет к Саше? Это мои дела.

Имеет, еще какое! До этого момента Иннокентий думал, что потерял время зря, теперь, углубившись в строчки, забыл ответить Роберту. Итак, подлинность документа вне сомнений, экспертиза проводилась до гибели Гелы, так что подозревать Роберта в подтасовке фактов или лжи неправомерно. Тоже результат. Только при этом результате нет ответа – какого хрена Гела собрала враждующие кланы в своей квартире и сиганула вниз? А раз нет ответа, его надо искать, он должен быть, ибо странностей просто так не случается.

* * *

День Иннокентий выделил на отдых, в конце концов, он тоже человек, а не вечный двигатель. Спал, ел, вечером тусил с друзьями и девушкой – кандидаткой в жены, но это не значит, что его серое вещество отдыхало. Он постоянно анализировал, вспоминал мелочи, ставшие известными, мысленно составлял план, что сделать в первую очередь. А на следующий день получил дело Гелы, шеф приказал у него в кабинете прочесть, сделать выписки и расстаться с весьма увесистым томом.

Итак, Гела... Смерть понятно от чего наступила, подробности описания положения тела читать не стал, а результаты исследования трупа – непременно. Укол наркотического вещества был сделан... в мышцу руки!

– Очень нетипично, кайф совсем не тот, как утверждают наркоши... – произнес он вслух. – Наркотическое отравление не явилось причиной смерти... Значит, доза была не смертельной. До этого погибшая не употребляла наркотические вещества, в результате которых происходят морфологические изменения тканей внутренних органов... Ага, внутри у нее был порядок, не наркоманка. Что еще тут интересного... «Следов насилия на теле погибшей не обнаружено...» Выходит, медик не знала,

куда колоть, чтобы получить быстрый и качественный кайф? Фантастика.

Он быстро просматривал отпечатанные листы, нашел то, что искал, – протокол обыска. Следов явной борьбы в квартире не обнаружено, беспорядок – да, но! Иннокентий не нашел и записей об упаковке наркотика. Как же так? Должна быть ампула, пакетик (что реальней), но тогда и предметы, которыми Гела смешала вещества для инъекции. Только шприц в мусорном ведре. И да, в нем остались капли вещества, а также отпечатки пальцев Гелы, что и доказывало: суицид. Однако в виду существенных недостатков у следователя возникла версия убийства, но ее не смогли подтвердить...

– А моя интуиция подсказывает, что Гелу убили, – делился он с Никитой в тот же день на рабочем месте парня, но ближе к вечеру. – Не знаю, как обездвигил ее убийца! Видимо, лишь бы до точки доступа добраться...

– Значит, убийца как-то обманул, расслабил жертву, – подсказал Никита. – Ведь на ее теле не было следов насилия.

– Именно. Вколол наркоту, чтоб она не сопротивлялась и не было синяков и ссадин. А когда она была в наркотическом опьянении, отнес или отвел на балкон и толкнул...

– Тебя на такой вывод подвигло единственное основание – недостает упаковки и ложки для смешивания? – уточнил молодой человек без иронии. – Так вот, она могла купить готовый к употреблению шприц. Кстати, очень многие юные наркоманы начинают с уколов в мышцу, ошибочно полагая, что таким образом не наступит зависимости.

– Может быть... – задумчиво произнес Иннокентий. – Но не только это. В свидетельских показаниях есть много высказываний, что суицид Гелы явился громом среди ясного неба. Что наркотики и она – бред, Гела обожала себя, холила и лелеяла, следила за питанием – только экологически чистые продукты, лишней раз таблетку не выпьет, хотя пациентам выписывала рулоны рецептов. Как видишь, при таком образе жизни вряд ли она сама вколола себе наркотик. Отмечают и то, что стервой была редкостной, коллеги сторонились ее, предпочитая не связываться. И потом! Вызвала трех человек, обманув их так, чтоб они не могли не приехать... Зачем? Какая-то несуразица. Но об этом в деле ни слова, с другой стороны, оно не закрыто.

– А со следователем перетереть? – предложил Никита.

– Понимаешь, времени прошло многовато, память затирается, детали упускаются, потому что дело не выделяется исключительностью. Оно как бы обыденное, я имею в виду – для следователя обыденное.

К сожалению, интуицию не подошьешь к делу и не предъявишь следствию, избличая хитроумного преступника. Да и с таким количеством косвенных улик на успех нельзя рассчитывать.

– Мне не нравится один момент в Сашином рассказе этого эпизода... – сказал Никита.

– Какой? – заинтересовался Иннокентий.

– Алексей пришел первым к Геле, свидетелей нет, которые бы видели его с той самой минуты, когда он вошел в квартиру...

– Намекаешь, что он мог столкнуть ее вниз?

– Я просто рассуждаю.

– Мотива у Алексея нет, вот в чем проблема. Гела ничем не могла его скомпрометировать, шантажировать, угрожать. Ради брата убил... слишком сомнительно, с братцем они не в ладу, и давно. Зато у Роберта мотив есть – бывшая доставала его, трепала нервы отцу с матерью, устраивала скандалы на телевизионные камеры. Характер у Роба довольно эксцентричный, я бы сказал, неуправляемый и неуравновешенный, если вспомнить попытку изнасилования Саши. Гела ему солгала, что сын не от него, представь реакцию такого человека, но Роб вдруг изменил собственной натуре и не удавил ее на месте, а сделал генетическую экспертизу... Конечно, мотив слабоват, но и с меньшим идут на тяжкое преступление.

– К Геле он приехал последним, – возразил Никита, разведя руки в стороны, мол, против данного факта не попрешь. – И это подтвердили Саша с Алексеем, а они приехали раньше. К тому же Саша солгала следователю.

– Н-да, – вынужден был признать Иннокентий с неудовольствием.

Одновременно он пожалел, что взял в помощники Никиту. Этот парень при всех достоинствах способен уйти далеко в сторону и гнуть свою линию, как тупой бык, а Иннокентию нужно, чтобы они работали в одном направлении.

– Я смотрю на это немножко иначе, – сказал он. – Кто-то хотел их всех подставить, особенно того, кто придет первым, тут уж дело везения или невезения. К сожалению, на все мои, скажем так, гипотезы нет доказательств, нет прямых улик.

– А давай возьмем Алексея и съездим туда? – поступило предложение от Никиты. – На месте походим, посмотрим, сравним, проникнемся... надо же иметь представление, о чем речь ведем, хотя бы с местом познакомиться.

Что ж, предложение поступило дельное. Иннокентий тут же позвонил Алексею и в приказном порядке велел готовить автомобиль.

За это время произошли изменения: соседний дом заселили полностью, о чем свидетельствовал электрический свет в окнах, часть пространства перед ним стала обжитой. Дом Гелы слегка постарел, что видно даже в густых сумерках, а палисадник... сейчас сложно сказать, как он выглядит летом, вокруг прямоугольного куска земли торчала только оградка – невысокий забор из аккуратных дощечек, какие встречаются в поселках.

– Здесь она лежала, – показал место Алексей.

Иннокентий поднял голову вверх – примериться, откуда был сделан прыжок, невольно засмотрелся, представляя обе картины: Гела прыгает вниз, и Гелу выбрасывают. Она летит... летит... А прилетела очень быстро, почти мгновенно, это только воображение выдает замедленный полет. И со всего маху на прутья – бах! Потом он огляделся по сторонам, собственно, ничего примечательного здесь не обнаружил, похожих местечек в городе полным полно.

– Квартира у нее угловая... Ты сюда на машине приехал? – обратился Иннокентий к Алексею.

– Разумеется, – ответил тот.

Что примечательно: Алексей вел себя свободно, органично, не смущался, не суетился, не нервничал, охотно давал показания. Короче, убийцы себя так не ведут. Ну, есть закоренелые, матерые, которым по фиг, сколько они замочили людей, а тюрьма им – дом родной. Но и эти иначе существуют на месте преступления. А если эпизод был первым и единственным убийством, к которому тебя насильно возвращают, то некомфортное состояние виновника чувствуется всеми. Иннокентий никак не мог отделаться от мысли, что Гелу грохнули, продумав до тонкостей свои действия и путая след.

– А оставил машину где? – продолжил он спрашивать.

– У подъезда, – ответил Алексей.

– Но там проезжая часть узкая, ты загородил проезд.

– Я торопился к Саше, думал, так будет легче усадить ее в машину... Я же не знал, в каком она состоянии, сможет ли идти... И совсем не рассчитывал, что придется торчать здесь. Нет, я сразу отогнал машину, когда мы ждали полицию.

– А Роберт появился...

– Вон там, – указал Алексей, выбросив в сторону руку.

Иннокентий попросил пройти и показать точное место, где остановил автомобиль брат, а также как стояла машина – куда носом. Алексей, оставив его и Никиту, прошел к углу дома, сделал несколько шагов и стал точно на середине боковой части цветника. Если учесть длину машины, то она как раз равна цветнику с этой стороны. Алексей вернулся, не понимая, что тут нужно Иннокентию, который будто нарочно искал, за что зацепиться. А тот пытался восстановить полную картину событий:

– Роберт поднимался в квартиру Гелы?

– Вряд ли. Мы с Сашей здесь недолго стояли, наверное, минуту-две. А ему надо было подняться на лифте, поискать Гелу в квартире, потом с лоджии увидеть нас внизу, спуститься на лифте... За пару минут этого не сделаешь.

– Угу, значит, он сразу подъехал сюда. Что-то холодно, – передернул плечами Иннокентий. – Поехали?

В машине он ничего не говорил, смотрел прямо перед собой, о чем-то думая. Алексей поглядывал на него, но вопросов не задавал, если человек не готов говорить, то и терзать его незачем. Подвез Иннокентия к дому, а тот, прежде чем выйти, вдруг огорошил:

– Можешь ехать к Саше.

– Ты же говорил не надо... – растерялся Алексей.

– Я тогда еще не знал, что Никита установил факт твоей невиновности. Доказательств достаточно, что тебя подставили, просто мы пока не знаем, кто это сделал и почему. Я позвоню ей и объясню, надеюсь, все будет нормально.

– Только не говори, что я приеду.

– Боишься, удерет? Ладно... Ребятам сообщу, чтоб встретили тебя в аэропорту, я им оставил свою тачку. Забери оттуда Сашу, пусть она здесь будет. Я опасаюсь, в связи с неудачными покушениями заказчик наймет киллера-профессионала, и тогда... Забери.

Никита вышел следом за Иннокентием, догнал его:

– Хочу в гости. Пустишь?

– Только в магазин надо заскочить, купить поесть, у меня шаром покати. Ну, давай, выкладывай.

– У меня вопрос: почему Роберт подъехал сразу к ним? С той стороны, с какой он подъехал, увидеть Алексея и Сашу невозможно, они за домом находились, как и труп Гелы. К тому же было темно, стояла уже ночь. А Роберт подъехал к дому и повернул в сторону на девяносто градусов, проехал вдоль торца дома и остановился у палисадника.

– Неплохо соображаешь. Вот и дальше сообрази.

– Я уже. Просто Роберт знал, куда нужно ехать, и точно знал, что Саша с Алексеем уже у трупа. И они стали главными свидетелями его непричастности к убийству. Это была его единственная ошибка... очень глупая ошибка... наверное, от волнения после убийства. Скажи, почему следователи до этого не додумались?

Ух, разошелся парень, еще немного – и нимб над головушкой засветится, тут главное, вовремя с небес спустить:

– Ты тоже додумался, когда мы **узнали** многое из того, чего **не знали** следки, – выделил Иннокентий наиболее значимые слова. – А узнали мы якобы мелочи из жизни фигурантов! Но это большое дело. Саша рассказала, Алексей, его отец, мать, Роберт... Все внесли свой маленький вклад. Но нам еще и повезло: над самоубийством Гелы хорошо потрудились следки, оперативники. Но не довели до полной уверенности, что она полетела вниз по собственному почину, поэтому дело не закрыто. Значит, в самоубийстве они тоже сомневались, поэтому отправили материалы на полку, где лежат тысячи подобных дел годами. Так и складываются мелочи в одну коллективную картину.

В гастрономе рассуждать вслух о серьезных вещах не стоит. Иннокентий купил хлеба, два вида колбасы – куда ж без нее, родимой, овощей и прочей снеди, с которой не нужно долго возиться. Оба были голодными, потому скорым шагом пришли в однокомнатную квартиру Иннокентия, разделенную на зоны и являющуюся показательным примером минимализма. Функционально, минимум мебели, два цвета – черный и белый (белого меньше), главное, стильно и удобно. Отправились на кухню, где Иннокентий заставил парня чистить картошку – сам не любил это дело, легче без любимого блюда остаться.

– Получается, Сашу заказал тоже Роберт? – подал идею Никита, орудуя ножом у раковины. – Мотив есть: она предпочла брата. И Мину нанял, а затем...

Иннокентий тоже не бездельничал, а накрывал на стол, делал это не без удовольствия – все ж таки не картошку чистить, однако Никиту разочаровал:

– Извини, но пока ничего не получается. Пока мы только нашли ошибку Роба, прокол, который позволяет нам выдвинуть версию, что он сознательно, подготовившись тщательным образом, убил Гелу. А доказательств у нас нет.

– Как – нет? Разве...

– Нет, дружище, нет, – со смешком сказал Иннокентий. – Я называл мотивы, но они без доказательной базы. Мы не можем пока объяснить,

какого черта Гела вызвала всех троих, смс-сообщения были отправлены до ее полета. Сообщения и полет случились примерно в течение одного часа... Если поймем, что и как происходило, то, может быть, придем к доказательной базе. Потом есть еще одна погибшая в довольно короткий промежуток – мать Роберта, ее дело шеф обещает достать. Далее: Тамила!

– Да, очень уж вовремя ей понадобился фотик с камерой. А если она действовала с Робертом заодно?

– Вероятность, конечно, есть, но только вероятность. Нам предстоит все эти моменты копнуть как можно глубже. И по мелочам надо шарить, мелочи продают человека, это то, что нельзя предусмотреть. И ты забыл, у кого еще есть интерес – у Пескарей. Их тоже нужно прокачать. Жарь картошку... вот масло сливочное... а я позвоню Саше.

Он ушел в комнату, опустил в кресло и некоторое время сидел, обдумывая, что говорить. Это непросто: устоявшуюся теорию разнести в пух и прах. Прошли годы, Саша свыклась с ударом, который получила в спальне Алексея, научилось жить с потерей и приобретением – у нее родилась дочь, а тут кто-то говорит, мол, ну и душой же ты была.

«А кто из нас был бы умным в той ситуации?» – Иннокентий нашел ее номер в смартфоне и позвонил. Она ответила сразу.

– Саша, здравствуй. Как ты?

– Здравствуй. Я нормально. Сколько у вас там времени?

– Девять вечера.

– А у нас час ночи.

– Ой, прости, совсем забыл...

– Да ладно, я не сплю. Мне не очень-то спится по ночам, причины ты сам знаешь. Что-то узнал?

– Саша... Я должен тебе сказать очень важную вещь...

– О, какое начало. Только в любви не объясняйся, ладно?

– Нет, нет. Но обещай выслушать. – Не дождавшись гарантий, Иннокентий решил, что лучше выпалить одним махом: – Три года назад ты совершила крупнейшую ошибку, надо было выслушать Алексея...

– Не хочу на эту тему... – попыталась вставить она.

– Дослушай! – гаркнул Иннокентий, никогда раньше не прибегавший к подобному способу общения с ней. – Твой Алексей уже в первый день, когда ты увидела его в постели с бабой, на руках имел доказательства, что его подставили. Ему было физически плохо, он еле передвигался. Никита из охранного отдела отвез Алексея в больницу, сделали анализы. В крови нашли клофелин, ему повезло со здоровьем, поэтому не умер. Никакого шампанского, даже пива, накануне он не пил, если б выпил спиртное и

запил чайком с клофелином, умер бы. Не то что изменить тебе не мог, Алексей находился на грани жизни и смерти, понимаешь? До сих пор он хранит результаты анализов, экспертизы чашек: в одной частицы клофелина присутствуют, в другой, из которой гостя пила, их не было. Клофелин подсыпала та баба... которую вы с подружкой сфотографировали.

– А откуда баба-то взялась? – недоверчиво спросила Саша. – В форточку залетела? Или из канализации выползла?

– Напросилась зарядить телефон, мол, проводка повреждена в ее квартире, света нет, а утром уезжать. Ты бы тоже впустила ее, и Алексей впустил, предложил чаю, пока труба заряжается. И потерял сознание, когда очнулся, ее не было. Но! Слушай внимательно! Никита по заданию Алексея начал поиски той женщины, которые увенчались успехом через полгода. Она оказалась элитной проституткой под псевдонимом Мина. Никита и Алексей ждали ее в гостинице, чтобы допросить, но ее насмерть сбил автомобиль... Черт!.. Мать твою!..

Его вдруг, что называется, ударила мысль, Иннокентий поглаживал ладонью по своей умной головушке. Безусловно, он не добыл улики – откуда! Но понял, где надо искать хотя бы концы.

– Что там у тебя? – забеспокоилась Саша. – В чем дело?

– Тот, кто устроил тебе демонстрацию измены, каким-то образом узнал, что Мина едет в гостиницу... и там будет Алексей. Поэтому ее убили. Ты поняла, что Мину убрали, как свидетельницу?

– Это не Матвей Павлович?

– Не думаю, а там – как знать.

– И что теперь? – уныло произнесла Саша.

– Короче, я тебе все рассказал, дальше сама решай.

– За меня все решили еще три года назад.

Его, конечно, так и подмывало сказать: скоро Алексей приедет, будешь ему парить мозг, еле сдержался. Пожелав Саше спокойной ночи, он вернулся на кухню, где неплохо справлялся с поставленной задачей Никита: картошку поджарил до красивого золотистого цвета. Только сейчас Инока раздирал вопрос, ответ на который мог сразу открыть имя убийцы Мины и главного интригана в истории с «изменой»:

– Вспомни, пожалуйста, это очень важно: кому ты говорил про Мину? Может, не прямо, а... что ищешь некую элитную особу, или еще как?

– Никому, – дал твердый ответ Никита. – Шутишь? Такое дело... Очень хотелось посмотреть, как Мина вертеться будет.

Иннокентий позвонил Алексею, задал тот же вопрос, только чуть длиннее, получив тот же короткий ответ, отключившись от связи,

задумался:

– А ведь кто-то узнал, что у вас свидание с Миной, интересно, как?

– Не знаю, – пожал плечами Никита. – Мы много обсуждали наши дела в кабинете Алексея и на моем рабочем месте. Нас могли подслушать.

– Ладно, сейчас занимаемся сбором информации, завтра распределимся так: я беру в оборот Тамилу, а ты поезжай в медицинский центр и постарайся найти... подружку Гелы.

– А в деле разве нет показаний подруг?

– Представь, нет. Там так и написано: «Блиzkих связей, друзей и подруг не имела». А так не бывает. И у последней стервы есть подружки или приятельницы, возможно, такие же стервы, с кем она хоть немного делилась. Просто люди далеко не всегда дают показания, их нужно уметь добывать, не всем это дано.

– Как же она работала врачом, если была стервой?

– Хм! Специалистом Гела была классным, о чем заверили все начальники центра, а стерва – всего лишь определение характера людьми, которые часто и сами-то бывают с гнильцой. Черт, прошло многовато времени... ну, а вдруг?

* * *

Алексей въехал во двор, проехал до террасы, где его ждала Ирина Федоровна, выскочив на холод, в чем была – в милом домашнем платье синего цвета. Он любил это платье, мама в нем казалась стройнее, нежнее и красивей.

– Бог мой! – встретила она сына, раскрыв руки для объятий. – Алешка, что случилось? А как же правило одного раза в год?

– Ты почему выскочила раздетой? – Поцеловав мать, он открыл дверь и заставил ее зайти в дом. – Отец дома?

Она погладила его по щеке, бесконечно радуясь, что снова видит родную деточку, только через паузу, налюбовавшись, вспомнила, о чем он спросил:

– Дома, дома. Последнее время твой отец торчит в кабинете вечерами. Дуется. Как будто я виновата, что вы не ладите. Ужинать будешь?

Глядя в эти счастливые глаза, на руки, прижимавшие к груди его пальто, Алексей не смог отказать матери, и даже больше:

– Да, буду. А хочешь, останусь до утра?

– Хочу. Скажу Вере... Нет, я сама приготовлю твою комнату.

Идя к кабинету отца, его терзали угрызения совести: матери так мало надо – чтобы сына чаще видеть, а он, объявив бойкот отцу с братом, заодно наказал мать. Взрослый мужчина, а вел себя глупейшим образом.

Отец сидел за столом со стаканом (эдак старикан сопьется), смотрел по интернету базар про политику, вид величественный и... жалкий. Мать страдала незаслуженно, маму и любил Алексей бесконечно, а отца, признаться, жалко ему не было. Но свое отношение он держал глубоко внутри, правда, изредка срываясь. Поэтому предпочитал не появляться в родном доме – не хотел провоцировать себя же. Когда Матвей Павлович поднял на него глаза с молчаливым вопросом, Алексей не увидел в них ни капли тепла, отсюда и доложил сухо, ничего не объясняя:

– Завтра я улетаю, меня не будет... рассчитываю на неделю, а там... как получится.

Непримиримый Матвей Павлович, достойный в своем упрямстве высшей награды за данную черту характера, догадался, куда собрался сын, однако решил обойти тему, сделал это неудачно, так как тон взял властный:

– Ты не помнишь, что конец года? (Алексей помнил, но зачем об этом говорить?) Обождать нельзя? (В ответ ни звука.) Я не отпускаю тебя.

– Неужели твоя фирма не обойдется без меня несколько дней? Бензин с мазутом перестанут подвозить? Или муку молоть перестанут? Нет, печи не выпекут хлебов с булками, магазины останутся без товаров.

– Ты сам назвал: у нас несколько направлений, каждое требует контроля, мы зашиваемся сейчас. Поедешь после Нового года...

Алексей достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист, развернул и положил на стол перед отцом:

– Я предвидел твою радость, что намерен привезти свою дочь и ее мать к нам, поэтому написал заранее заявление по собственному желанию.

Матвей Павлович надел очки и, словно не доверяя словам сына, прочел заявление, при этом не взяв его, а упираясь обеими руками о столешницу, оттопырив локти в стороны, как коршун. У Алексея ходили желваки на скулах, чтоб не сорваться, импульсивно сжимал кулаки. Он вдруг ощутил, что начинает ненавидеть человека – родного по крови и абсолютно чужого по всем остальным статьям. Ему уже доставляло удовольствие действовать отцу наперекор, будто внутри работал переключатель на дух противоречия, который только и ждал, когда включиться. Тем временем отец отодвинул заявление, рассердившись:

– Это каприз. Упрямство. Лишь бы по-твоему.

Раньше в такие моменты в его сердце шевелилась жалость, Алексей хладнокровно переводил ситуацию в шутку или вообще уходил. А сейчас...

накопившийся ресурс обид истребил жалость, хладнокровие переплавлялось в протест. Но ведь всему есть предел! Нет, Алексей не сорвался, он понимал: чем спокойней и уверенней будет, тем больший удар нанесет отцу.

– Папа, а ничего, что у нас с Сашей дочь растет, но я об этом даже не догадывался? Ничего, что мы с ними живем в разных концах страны? Вижу, ты не хочешь, чтобы я привез их сюда, это разве не каприз, не упрямство? Не понимаю, чем Саша тебе не угодила?

– Тем, что из-за нее у вас с братом вражда.

– Вражда у нас не из-за нее, ты знаешь, но тебя не волнуют очевидные вещи. А моя маленькая дочь? Ты уже решил, как с ней быть? Изъять, отсудить, или прикажешь мне забыть, что она у меня есть? Что в твоих планах? Ладно, папа, я пытался мирно решить проблему, но ты меня вынуждаешь прибегнуть к ультиматуму. Либо с моим выбором придется смириться и тебе, и моему старшему братцу, либо... подпиши заявление, и на этом закончим.

– Ты что, серьезно? А вот возьму и подпишу!

Матвей Павлович взял авторучку и широким росчерком поставил свою подпись, затем мелким почерком что-то дописал. Алексей вырвал заявление, не читая, а складывая его вчетверо, проговорил без тени обид на одной невыразительной ноте, воздействующей сильнее на самодуров:

– Заметь, это твой каприз. Но тебе пойдет на пользу, может наконец заставишь старшего сына пахать, а не рисоваться в офисе.

– По закону ты должен отработать две недели, я там написал...

– А мне плевать, я купил билет и завтра улечу.

– Тогда уволю тебя по статье за прогулы.

– Отлично, – усмехнулся Алексей, ничуть не испугавшись. – Мне давно надоело работать за себя и своего брата, а в благодарность выслушивать твои недовольства, поэтому не раз подумывал избавить вас от себя. Сейчас у меня два интересных предложения. А когда узнают, что ты выпер собственного сына по статье, мою персону с руками и ногами возьмут на еще более выгодных условиях назло тебе. Я же классный специалист, к тому же с безупречной репутацией в отличие от Роба.

Ирина Федоровна, слышавшая слово в слово, ибо взяла за правило подслушивать у кабинета мужа, решила спасти положение и вбежала в кабинет:

– Мужики, идите ужинать. А то исключили меня из своего круга, будто я у вас тут прислуга. Нет, если я лишняя в этом доме, могу уйти на квартиру.

– Не болтай, – буркнул Матвей Павлович.

– Видишь, сынок, как ласков твой папа с твоей мамой. Не будь таким со своей женой. Ну? Идемте за стол? Там помиритесь.

– Мама, прости... Проводи меня, а?

Она хотела напомнить сыну, что он обещал... но сникла и поплелась, глотая слезы, за Алексеем. Ирина Федоровна заботливо поправила шарф на шее сына, за это время задавила в себе раздражающую мужчин слезливость и смогла сказать на прощание несколько добрых слов:

– Сынок, а шапка-то у тебя есть? А то там холодно.

– Шапка? Не помню, давно не носил. Но поищу.

– Да! И что-нибудь потеплее...

– Не волнуйся, поеду в дубленке.

– Я спокойна. Привези девочек... обеих... очень жду их.

– Ма, не знаю, если получится...

– Получится. У тебя, дорогой, все получится. Помни, женщинам нравятся решительные мужчины, способные брать ответственность на себя. Мы любим силу, ту, которая внутри. Если б ты раньше сказал, я бы с тобой поехала...

– Нет, ма, – улыбнулся он, – я сам должен, без няnek. Пока?

Она поцеловала сына, перекрестила и... минуты две смотрела на закрытую дверь, впрочем, как обычно, когда он уходит. Ирина Федоровна умеет укрощать непрошенные эмоции, иначе давно лежала бы на кладбище, сейчас тем более не имела права ни болеть, ни умирать – она нужна сыну. И потом, несмотря ни на что, она счастлива. Ирина Федоровна отправилась в столовую, приступила к ужину, положив рядом с тарелкой авторучку и лист бумаги. Она составляла список необходимых вещей для девочки двух с половиной лет – кроватка, детское белье, пижамки, платица, игрушки обязательно... Какие же это приятные хлопоты! Вскоре и муж пришел:

– Почему меня не позвала?

– Вера, спасибо, вы можете быть свободны, – сказала Ирина Федоровна домработнице. – А тебе сколько раз надо делать приглашения?

– А, да... Я забыл.

Он включил телевизор, а она сложила приборы и, поставив локоть на стол, подперла ладонью щеку. Смотрела на него Ирина Федоровна и видела года, прожитые с этим человеком. Безусловно, она любила его, особенно вначале, потом любовь заменила жалость, ведь он никогда не понимал, что обладал истинными сокровищами в ее лице и в лице Алешки, такого слепца стоило пожалеть. Роберт всегда доставлял кучу хлопот, рос эгоистичным, но этого муж не замечал, а она им все прощала ради мира в

доме. И вот пришли они к печальному результату: муж унизил, оскорбил и фактически выгнал Алешку, она вправе теперь упрекнуть его:

– Что ты творишь... Что творишь!

– Может, хватит меня поучать? – не удостоив жену и взглядом, бросил Матвей Павлович. – Ты распустила Алексея! Он хамит, нагл, возомнил о себе...

– Какой разный у нас взгляд на нашего сына... Вижу, с тобой бесполезно говорить. Матвей, у меня к тебе деловое предложение. Пора внести изменения в твою жизнь, взбодриться. Тебе. В твоём возрасте мужчины меняют старых жен на новых, получая вал эмоций, они оживают. Давай выберу тебе красивую молодую кобылу, престижную, чтоб ты с гордостью представлял ее знакомым. Вкусы твои я знаю, типаж, который предпочитаешь, обещаю предоставить качественный...

– Заболела? – разозлился он, в сердцах бросив салфетку на стол. – Может, врача вызвать?

– Я серьезно. Не могу тебя бросить на одну Веру, ведь ты мне не чужой, как-никак отец моего сына и дед моей внучки. Кто-то должен разбавлять и украшать твою жизнь в этом доме, ну и, чтобы не скучал, развлекать.

– Нет, ты рехнулась. Как такой бред в твою голову пришел?

Настал момент, когда и Ирина Федоровна взорвалась:

– Так же, как тебе, когда ты Алешке предлагал альтернативных девиц. Этим ты оскорблял его, унижал... Как в твою башку такое пришло?!

– Выбирать надо из тех, кто хорошо знаком! Я исходил из этих соображений, потому что тоже заботился о нем. Алексей не оценил!

– Пескарей имеешь в виду? – раскричалась она. – С этими дегенератами мечтал породниться? Ха-ха-ха! А почему своему Роберту не предложил дохлую рыбу Женю? Да никогда нашему Алешке она не понравилась бы!

– Кроме Женьки, других полно, красивых и нужных, с которыми он построил бы надежное будущее. У него был большой выбор.

– Тебе надо обтяпывать свои дела? Денег мало? Да ради бога, но не за счет Алешки! Он как-нибудь без тебя построит свое будущее.

– Опять не поняла! Ты перевираешь смысл моих слов! Мне нужен мир в семье, чтобы мои сыновья не грызлись! Для этого убирается главное зло...

Ирину Федоровну просто захлестнула волна негодования, она даже задохнулась и вынуждена была сделать паузу, чтобы отдышаться. Вот так и хватают инфаркты, к счастью, она об этом помнила и перестала орать:

– Саша и твоя внучка зло?! Все, Матвей, все. Я не хочу жить с тобой в одном доме, не хочу видеть твою постную и вечно недовольную физиономию, не хочу слышать твой повелительный тон. Давай договоримся, я тебе новую жену, которой ты утрешь носы своим престарелым друзьям, а ты мне небольшую квартиру поближе к сыну. И у меня больше никаких материальных претензий к тебе не будет, подпишу все бумаги. Если заартачишься, будем делить даже этот дом, мы его строили, когда я уже была твоей женой. Я все сказала.

Она решительно вышла из столовой, ему пришлось идти за ней, убеждая:

– Я уже согласился вернуть Александру, поэтому нанял Иннокентия... Но я не потреплю ультиматумов!.. Мы с тобой разговариваем на разных языках!..

Жена захлопнула дверь своей комнаты перед его носом. Да, у них разные комнаты, и это разделение случилось... он не помнил, когда.

* * *

Иннокентий посоветовал Никите воспользоваться личным обаянием, ну, правда, у парня юная рожица, невольно вызывающая доверие, кстати, это идеальный типаж для преступника. Не склонный к актерскому мастерству парень решил не подвергать себя провалу фальшивой игрой, а только честно врать.

В медицинском центре, крутом и очень крутом, куда простому гражданину лучше не соваться, он высмотрел тетеньку в возрасте и, полагая, что она работает тут давно, подкатил к ней. Представился родным и единственным племянником Ангелины Рябовой, приехал лишь сейчас – раньше средств не имел на поездку, само собой, хочет знать, как тетя умерла, а также – почему. Правильная установка дает неплохие результаты: играть роль – сложно, неумейкам лучше не пробовать, а вот врать – это запросто, каждому по плечу. Тетенька лет пятидесяти, явно занимающая одну из низших ступеней в данном центре, прониклась к нему, но, вероятно, не слишком любила покойную, так как неохотно заговорила о ней:

– Да, помню Гелу, здесь ее так звали. Но я не дружила с ней, ничего не могу вам рассказать, кроме того, что она покончила собой.

– А подруги у нее были здесь? – с надеждой спросил Никита. – Хотелось бы хоть с кем-то поговорить о тете. Мама просила, она

переживает до сих пор.

– На подруг нужно время, а у нас на первом месте работа, – уклончиво сказала женщина. – Нет, не было у нее здесь подруг, насколько я знаю.

Неудачи никто не любит, и раздосадованный неудачей Никита повесил голову, а тетенька двинула вперед по коридору. Зато он понял, как в свидетельских показаниях появляются дурацкие слова «близких связей, друзей и подруг не имела»: просто народ не захотел и минуты потратить на показания ради коллеги. Внезапно тетенька сделала разворот и вернулась к нему:

– Знаешь, парень, здесь ты не найдешь никого, кто захочет поговорить о твоей тете.

– Она что, такой плохой была, поэтому...

– Да нет, нет, – не дала договорить ему женщина. – Обыкновенной была, как все, не лучше и не хуже, поверь. Везде есть борьба за власть, везде кланы, интриги... Здесь тоже, хоть мы и частная лавочка. Гела одинокой была, жизнь в одиночестве сложная, поддержки неоткуда ждать, она и старалась не примыкать ни к кому, чтоб не вылететь однажды. А это трудно. Отсюда у нее и выработалась защита: чуть что – иголки выставляла. Ну а когда с ней все это случилось, было дано указание персоналу поменьше болтать. Репутация... Ну, ты понял. Знаешь, где она жила?

– Да, адрес у меня есть.

– Там же в соседнем подъезде... но я не знаю ни квартиры, ни этажа, ни номера подъезда... должна жить Вика Тушина. Гела устроила ее сюда на работу санитаркой, я так поняла, они немножко дружили. Вика после смерти Гелы проработала еще с годик, потом ушла.

Он поблагодарил и попрощался с ней, а выйдя из здания, сразу позвонил Иннокентию и кратко рассказал, как ему повезло, тот похвалил:

– Понял теперь, почему в свидетельских показаниях нет важной информации, которая, по идее, должна там быть? Неохотно народ идет на контакт с правоохранительными органами, к тому же опросы ведутся под протоколы, их надо подписывать, а потом еще и вызвать могут много раз. Проблем сейчас стараются все избегать, время берегут. Поезжай к Тушиной.

Воодушевленный Никита много потратил времени на дорогу, долго ждал, когда в подъезды входили люди, чтобы с ними войти и звонить во все квартиры подряд, спрашивая, не здесь ли живет Виктория Тушина, но... не повезло ему.

Не совсем удачным выдался день и у Иннокентия – Тамила в командировке, должна прилететь только завтра, значит, к вечеру можно попробовать выловить ее. С другой стороны, всесильный и всемогущий шеф подкинул долгожданное дело Катрин. Иннокентий не подозревал, будто Роберт и родную мать прикончил, однако смерти вокруг этого семейства сами по себе вызывают нездоровый интерес. На этот раз шеф разрешил ему уединиться с увесистой папкой в своем кабинете – тесной комнате с большим окном. Кстати, шеф преподнес неожиданный подарок: следователь, лично приезжавший на труп у ресторана, отлично помнит все обстоятельства и готов поговорить. Иннокентий развалился на стуле, вытянув скрещенные ноги, и принялся читать.

Описание трупа совпало с описаниями Саши. Никто ничего не видел, и этому невиденью посвящено много страниц – показания давали наверняка не все, кто был в ресторане, тем не менее свидетелей достаточно, чтобы устать от неинтересного чтения. А смерть наступила...

– ... в результате, – читал Иннокентий вслух, – несчастного случая.

Несчастный случай, если избегать сугубо протокольного языка, выглядел так: Катрин споткнулась, упала, угодив головой о камень, смерть наступила мгновенно. Для уголовного дела не было оснований, его и не возбудили, но следователь изъявил желание встретиться...

Где-то часа три спустя он поздоровался за руку с пожилым и невысоким мужчиной лет шестидесяти пяти, с немодными усами (такие носили лет сто назад) и печатью интеллигента, какие встречались тоже лет сто назад. Иннокентий предложил посидеть в кафе, а у Вениамина Ивановича было другое предложение – прогуляться в парке. Сыро, туманно, немногочисленно – вполне подходящий антураж для бесед про смерть.

– Я так понял, у вас есть дополнения к смерти по неосторожности? – прогуливаясь по главной аллее, спросил Иннокентий.

– Для начала мне бы хотелось знать, почему вы заинтересовались этой смертью? – задал встречный вопрос Вениамин Иванович.

Почему-то с этим человеком не было желания юлить, врать. Иннокентий кратко изложил причины, в конце концов история вышла за рамки заурядной слежки, тут уже дело принципа – откопать правду, как она есть. И вообще, жизнь живого человека дороже мертвецов, чтобы их не затрагивать, как и тех, кто устраняет свою проблему путем убийства.

– Вениамин Иванович, вы действительно хорошо помните тот вечер? Прошло-то столько времени...

– Не волнуйтесь, склероз еще не скоро ко мне придет.

– Извините, я не хотел вас обидеть.

– Не извиняйтесь, я же понимаю, что какая-то незначительная смерть из-за неловкости не должна врезаться в память, об этом вы и спросили. Но смерть Катрин была не совсем обычной.

– То есть... ее убили? Да?

Если так, то поворот странноватый. Смерти вокруг семейства Рябовых в довольно короткий срок, потом трехлетнее затишье и новые покушения на Александру – сами собой складываются в одну корзину. Будто одна рука действовала, но (как странно!), почерк убийцы неоднородный.

– Катрин по инерции быстро отступала назад, – тем временем рисовал картину следователь, – наверняка взмахивая руками, чтобы удержаться на ногах. Она была на очень высоких шпильках, в ее возрасте ловкость уже понижена, как и реакция. На Катрин было длинное платье, отступая назад, она наступила одной шпилькой на край подола из-за чего юбка сзади немного оторвалась от лифа. А вот вторая шпилька налетела на небольшой камень – на ней остались следы царапин и частиц от камня. Поэтому Катрин упала навзничь и попала виском на большой булыжник с острым выступом, выпавший из бордюра.

– По инерции отступала... – повторил Иннокентий, представляя, как это могло быть. Не понял. – А почему она по инерции отступала?

– Ее кто-то толкнул, я думаю. Сильно толкнул.

– Ах, вот в чем дело... Теперь понятно, как отступала и падала.

– Полагаю, толкнули ее в результате борьбы. Я бы квалифицировал эту смерть как убийство по неосторожности. Но и за этот вид преступления невольный убийца получает срок, так как доказать, что смерть наступила не преднамеренно, а в результате случайности, крайне сложно.

– Борьбы? Подождите, я читал протоколы, там ни слова про борьбу... Должны же быть какие-то отметины на теле в результате борьбы.

– Ой, Иннокентий! – рассмеялся Вениамин Иванович. – Протоколы можно и переписать, если есть приказ сверху. А отметины были. Незначительные. Очень незначительные, чтобы на этом основании построить версию убийства, но достаточные, чтобы ее не отвергать. И кстати, имелись отметины и в области груди пострадавшей, на основании чего я и сделал вывод о толчке и борьбе. Ну, вот, пожалуй, и все... Остается добавить, что Катрин и некто неизвестный ушли за угол ресторана, где никого не было, там они и выясняли отношения. Раскрывать версию не

позволило начальство, тем более серьезного повода для этого не имелось. Сами понимаете: празднуют большие люди, а тут кто-то из гостей... Скандала никому не хотелось, это же противно, когда полощут имя.

Иннокентий вспомнил рассказ Саши, ведь Тамила тогда сделала много снимков, надо бы их посмотреть, если они сохранились.

На сцене было черным-черно, но задник висел светлый, под светом он менялся: то отливал голубоватыми оттенками, то краснел, розовел, зеленел и так далее. Спектакль подходил к концу. К этому меняющему цвета заднику вела небольшая лестница, которую венчала (о, ужас!) плаха с воткнутым в нее топором. По бокам сцены выстроились артисты в соответствующих эпохе костюмах, Саша, полностью завернутая в черную мантию, гордо возвышалась на авансцене, перед ней стоял на одном колене артист, слушая ее, как и все зрители (кто-то даже всхлипывал):

– На смертном приговоре должна быть королевская подпись. Я сама подписала себе смертный приговор. И если ваша великая Королева-девственница когда-нибудь поинтересуется, почему я это сделала, можете сказать следующее: «В смерти среди друзей гораздо больше жизни, чем в жизни, в которой все бегут, пусть она длится хоть целый век!» Смотрите, как я встречаю смерть!

Она эффектно сбросила с себя мантию, оставшись в красном балахоне. И тут к плахе вышел палач... Алексей попал на середину второго акта, ему было трудно вникнуть в сюжет, он то и дело на зрителей поглядывал, а сидел в углу самой дальней ложи. Когда палач вынул топор, Алексей наклонился к Ванжилу, встретившему его к аэропорту, шепотом спросил:

– И что, Сашке будут голову рубить?

– Нет, что ты, – всерьез принял его слова Ванжил.

– Я имел в виду фокус... с головой... из папье-маше.

Из соседней ложи высунулась бабуля:

– Молодые люди, тише!

Алексей замахал руками, дескать, молчу-молчу, снова прячась в уголок, где много тени, ему не хотелось, чтобы Саша нечаянно увидела его в компактном зале. А она шла к плахе, за ней волочился длинный шлейф балахона, потом поднималась по ступенькам, все придворные по бокам становились на колени. И барабаны – бу-бу-бу-бу... Саша тоже стала на колени перед плахой...

– Спектакль ужасов, – сказал Алексей.

Ванжил приложил палец к губам, в этот миг под усиливающийся гром барабанов погас свет на сцене, и в зале раздались громкие аплодисменты – конец спектаклю. Потом кланялись артисты, две королевы сорвали овации...

– Хлопай, – толкнул Алексея в бок Ванжил.

Но гость остался глух и нем, он думал о предстоящей встрече, как она пройдет. Главное, не знал, звонил ли Иннокентий Саше, великий сыщик не брал трубку – говнюк.

Закончились аплодисменты, Саша быстро ушла за кулисы, задевая шлейфом от красного балахона все, что встречалось на пути. Как только заканчивается спектакль, она вспоминает о дамокловом мече и несется в гримерку, где ненадолго чувствует себя защищенной хотя бы стенами. Ее поймала за руку Анфиса:

– Ну, ты молодец, все мои замечания учла и очень неплохо справилась. Я подскажу тебе еще один момент в финале.

– Спасибо, – сжала ее руку Саша.

– Помнишь, завтра собрание? Чую, что-то замышляется...

– Похоже. Я обязательно приду.

Саша продолжила шествие по лестнице в сопровождении второго охранника – неразговорчивого мужика лет сорока, с внешностью уголовника, просто страшно с ним наедине оставаться. Но пока не убил, может, обойдется. Из Ванжила тоже лишнего слова не вытащишь, но он хоть симпатию внушает, доброта от него исходит, ему Саша охотней доверяла себя.

А вот по поводу «что-то замышляется» – да, в воздухе давно витает нечто дрянное, в труппе какое-то брожение, все шепчутся, озираются, будто готовятся что-то украсть. Что в этом складе бутафории можно украсть полезного – реплику у партнера? Саша из-за своей обособленности плохо понимала данные процессы, спрашивала у Динары, с которой более менее общается. Та философски подошла к театральной атмосфере, дескать, все в бренном мире по-старому: время от времени зреет бунт, потом запал стихает, наступает благостное затишье. Хотя попутно заметила, что у Пинг-Понга терпение неимоверное, он слишком добр к злыдням в труппе. Злыдни, да. Вчера Саша случайно услышала диалог в соседней гримерке, сначала Лада исходила ядом:

– Это же все понты. Сама устроила на себя покушения, думала, как в Москве, все газеты растрезвонят, Центральное телевидение понаедет, и тут она – вся в шоколаде и славе.

– А нашим газетам по барабану происшествия в театре, да и в городе тоже, – сказала звезда нового проекта Алиса. – У нас ничего не происходит, все о'кей.

– Терпеть не могу ложь в любом ее проявлении, – бросила Лада. – Неплохо бы выяснить, чего это она в наш медвежий угол залезла аж из самой Москвы.

Лучше не вникать, не слышать, а просто приходить и играть. Как сегодня. Признаться, на нервы все это действует жутко.

Охранник открыл ключом гримерку и остался в коридоре. Она вошла, на ходу снимая красные перчатки, потом расстегнула молнию сзади и вылезла из красного балахона, оставшись в нижнем белье. Чтобы не задерживать охранников, Саша старалась быстрее снять грим (на сцену казни она «старилась» лицо) и одеться – мужикам же нужно ее отвезти, только потом имеют право домой ехать, а у них семьи. Быстро намазавшись кремом, она так же быстро убрала с лица грим салфетками, остальное смывает мылом и водой. Но мыло попало в глаза, Саша шарилась рукой по стене, где висело полотенце... и не нашла.

– Черт, я же брала его... (Вовремя вошла Динара за париками.) Динара, подай, пожалуйста, полотенце... мыло чертово... глаз сейчас выест.

Вошел Алексей, а не Динара, он поискал глазами, нашел полотенце на зеркале и сунул ей в руки, потом стоял, обхватив подбородок пальцами и гадая, какая сейчас будет реакция. Саша ничуть не изменилась, пожалуй, лучше стала, чуть-чуть округлилась – в белье особенно заметно.

– Сегодня второй парик чуть не свалился... – бормотала Саша, склонившись над раковиной, то промывая глаз водой, то вытирая его.

Выпрямившись, она возила по лицу и шее полотенцем, тогда-то Алексей и обнял ее со спины. Одно только его слово «Сашка», сказанное на ухо, и она замерла на секунду, потом резко повернулась – в глазах ужас, и... закрыла лицо ладонями. Ну, раз не послала, уже хорошо. Алексей обнял ее, прижал крепко и, целуя в голову, плечи, лоб, насмешливо говорил:

– О, о... Давно не видел, как ты ревешь. Сашка, я не покойник, я живой, не надо меня оплакивать.

Теперь в гримерку вошла Динара, а тут почти голая Сашуля в обнимку с незнакомым мужиком... Она открыла рот, растопырила дивные восточные глаза, а потом тихонько собрала парики, шпильки, ленточки и на цыпочках выскользнула за дверь, улыбаясь.

Никита только на следующий день наткнулся на подобие женщины с именем Вика, когда обходил квартиры, в которых не застал хозяев. Он собрался звонить, но неожиданно дверь отворилась, и появилась... оно. И оно открыло рот, намазанный яркой помадой:

– Интереснось спросить: тебе что?

– Я ищу Викторию Тушину, – сказал Никита.

– Вот она. – И эдак кисть вывернула перед грудью в форме цветка с растопыренными пальцами. – И что хочет юноша?

У Никиты глаза стали квадратными, челюсть отвисла. Да кто бы поверил, что с этой помятой мадам дружила Гела, которую все описывали чуть ли не богиней с характером стерляди, мягко выражаясь. Нет, Виктория не какая-то подзаборная алкота, она как бы с претензией на что-то сугубо светское, гламурное, на моду, шарм, тем не менее алкота стопроцентная. Макияж а-ля папуас Новой Гвинеи, наверное, чтобы раскрас отвлекал от запухшего морды. При этом стрижка вполне приличная, короткая, аккуратная, к тому же крупные пластмассовые украшения, достойные королевы бомжей, видимо, должны облагораживать парадный портрет. Ну и дополнение: моднячие лосины, короткая юбка, потертые полусапожки на высоченных шпильках (наверняка кто-то подарил, поносив лет пять), меховая шубка с чужого плеча с кое-где ободраным мехом – просто блеск и нищета куртизанок. И это подружка шикарной Гелы?! Да она персонаж для сатирика. Никита, разглядывая чудо, вымолвил:

– Я... мне... поговорить с вами... Можно?

Она выпятила губу, подняла узкие плечи, выражая тем самым неподдельное изумление, что с ней хотят поговорить, поинтересовалась:

– А есть тема?

Ошарашенный видом Вики Никита все же вспомнил:

– Да, да. Я племянник Гелы. Родной. Единственный.

– Заходи.

Вика распахнула дверь, но, когда он хотел переступить порог, поставила довольно высоко тощую ногу на лутку, прямо как балерина, перегородив вход:

– А... антураж?

– В смысле? – не понял Никита.

– Я предпочитаю изысканное питье. Мартини там... шартрез...

– А! – обрадовался парень. – Сбегать?

– Yes! И закусочки немножко...

Никита рванул вниз, да вдруг вспомнил:

– Код на входной двери какой?

Ему приходилось дожидаться, когда кто-нибудь выходил или заходил в подъезды. Услышав цифры, паренек вприпрыжку помчался вниз, повторяя код на все лады. Мартини – нет проблем, шартреза не нашлось, купил другой ликер, конфет, колбасы и хлеба, а то вдруг она мартини закусывает простой картошкой, в этом смысле колбаса – праздник. Через полчаса взмыленный Никита сидел на хате (бедлам трудно назвать квартирой) и пил из горлышка минеральную воду, которую тоже купил он. Вика осушила половину стакана с мартини залпом за помин души бедной Гелы, почмокала, взяла сигарету и произнесла с чувством:

– Знаешь, племянник Гелы – мой племянник. Слушаю тебя, родной... Дай я тебя поцелую...

Он отодвинулся, выставив руки:

– Потом, потом. Сначала про мою тетю Гелу. Виктория, почему она погибла... э... прыгнула?

– Да черт ее знает.

– Но вы же были подругами!

– Да... – Ого, плохо дело, подбородок задрожал, сейчас примется рыдать. – Гела единственная из... всей шоблы вокруг... она меня считала человеком. А ты почему не пьешь? Наливай...

– Я несовершеннолетний, мне нельзя, – воспользовался он своей неповторимой внешностью юнца. – Если загребут, лишат маму с папой родительских прав и отдадут меня в детдом.

Она понимающе выпятила губу, покивав головой, а он отметил про себя, что слишком быстро это чучело захмелело, еще полстакана и – ку-ку, она потеряет способность разговаривать. Подлил ей каплю, для виду, заодно пытал:

– Может, ее столкнули вниз?

– А вот это запросто. (Она задумалась, поднося двумя вытянутыми пальцами с облупленным маникюром сигарету ко рту.) Нет, Гела никак не могла сама, ты прав.

– А кто ее мог сбросить?

– Да как же мне оговаривать людей? Я ведь не какая-то там...

– Тетя с бывшим мужем не ладила, да?

– Ну и что, – фыркнула Вика, неплохо соображая. – Они цапались, да... – И вдруг засмеялась, глотнула из стакана. – Она так хохотала потом... Чего-нибудь как придумает, чтобы Робу назло... а потом закатывается...

– Так, может быть, это он ее?..

– Не-а, не думаю... Хотя...

– Что? Что?

И еще подлил, раз базар пошел. Он готов здесь ночевать на полу (больше негде примоститься, грязь кругом), готов остаться до следующей ее трезвости, гипнотизера пригласить, лишь бы реанимировать память Виктории. Впрочем, она сама охотно разговаривала:

– Знаешь, Ник, тогда... за пару недель, кажется, до того, как она... у нее шанс появился. Ну, что поправит свое положение. А то ведь своего бывшего козла Роба никак не удавалось раскрутить... У, сука жадная! А тут случай подвернулся.

– Она передала ему письмо, где приглашала на встречу... – подсказывал он, Вика перебила парня:

– Стоп, стоп, не части, парниша. Гела приглашала? Роба? – с сомнением произнесла Вика, прыснув. – Да она ему только этот... типа приказа...

– Ультиматум?

– Ага. Гела с ним не сюсюкала.

– Знаю, она сказала, что Роб не отец Марику. Тогда Роберт сделал генетическую экспертизу, выяснилось, что тетя лгала ему.

– А, да, было такое. Только давно, сыну года два исполнилось, и Гела решила пошутить. Ха-ха-ха... Роберт тогда при мне на нее орал, тряс бумажками, мол, сын его, она не получит Марика. Да не очень-то она старалась забрать сына, понимала: шикарной жизни не даст ребенку, но добивалась видеться с мальцом... Нет, тут что-то другое... А про что мы с тобой?..

– Вы про шанс говорили, что появился он у тети.

– А, да! – вспомнила Вика, взмахнув руками. – Вот как щас помню: однажды мамашу Роба приводит в нашу поликлинику одна такая... вся из себя... как же ее, имя у нее, как у коровы...

– Тамила?

У него почему-то данное имя тоже ассоциировалось с симпатичной большеглазой коровушкой, Вика обрадовалась:

– Похоже! А мать Роба только приехала, она в загранках жила, но лечиться захотела у нас. Вот скажи, чего им там в заграницах не лечится? У нее щитовидка забарахлила и что-то еще, но щитовидка железно. Гела взяла над ней шефство, водила по врачам, анализы там, рентгены, УЗИ всякие... Как-то прихожу к ней... а я у нее убиралась, деньги очень нужны были, она хоть не побоялась меня взять, платила честно... И вот говорит мне Гела, что узнала она про мать Роба... про них обоих, понял? Такое узнала, что Роб теперь у нее в руках!

И замолчала, зараза! Ее бессвязную речь еще перевести на

нормальный русский надо! В то же время желательно выжать из нее всю информацию, а Вика уставилась в одну точку соловыми глазами и заткнулась. Никита, тронул ее за запястье с яркими пластмассовыми браслетами, ласково спросив, чтоб не спугнуть:

– Какое – такое?

– А? – вышла из транса Виктория. – Ты про что?

– Про мою тетю, – начал злиться парень. – Она что-то узнала про Роба и его заграничную маму.

– Да, да, узнала. Но не сказала, что. Сказала, в руках оба и что теперь он будет выполнять все, что она ему скажет. И все. Ой, парень, шел бы ты... Я тут полежу, а то мне...

Никита человек ответственный, напоил барышню, стало быть, и уложить обязан. Он взвалил Вику на плечо, отнес к дивану, свалил туда и отправился восвояси, захлопнув дверь, не забыл тщательно проверить, заперта ли. Впрочем, красть там нечего, кроме самой Вики, да и то ради прикола.

* * *

Давно она так не высypалась, хотя спали мало и, естественно, разговаривали мало. Давно не просypалась с дурацким ощущением счастья. Конечно, счастье априори не может быть дурацким, но оно же имеет свойство подло ускользать, бессовестно посмеявшись над глупцами. Саша проснулась и не верила: неужели Алешка спит рядом? Тесновато, правда. Он предлагал гостиничный номер снять, но Саша боялась, что казенщина в маленьком городе обманет ожидания Алексея, а свой угол, какой бы ни был, чистенький и уютный. Думала, все прошло, забылось и... в общем, это заблуждение. Ее просто ударило, когда его увидела, забыла даже спросить, зачем он приехал.

Но пора было вставать и что-то приготовить на завтрак, к счастью, спешить никуда не надо, в театр ей только к трем часам. Саша осторожно перелезла через Алексея, чмокнула его в щеку – он не проснулся, и ушла сначала в душ, потом на кухню. Приготовила манную кашу, сварила яйца (для себя, он напомнил: чтоб яиц утром не было), бутербродов наделала, полагая, что Алеше одной манной каши маловато будет. И кофе! Хотела в постель отнести, но Алексей сам пришел, обнял ее со спины, поцеловал в шею:

– Доброе утро... Яйца? Фу-у-у!

– Это мне. Кофе глоточек? – подняла она чашку прямо к его носу.

– Сначала умоюсь, ангел мой. У тебя есть халат на мою персону?

Откуда халат на него! Полотенца банные заменили ему халат – обернулся, и прекрасно. Вскоре они кое-как разместились на кухне, предполагавшей наличие одной человеческой особи, а не двух. И завтракали.

– М-м, вкусно, – похвалил Алексей ее стряпню. – Давно не ел манной каши, некому приготовить. А когда ты покажешь фотографии Ники?

– Откуда ты... – сразу насторожилась Саша. Ну, так уж повелось: везде подвох ей чудится. – Иннокентий, да? Сдал?

– Сдал? – хмыкнул Алексей. – А я разве не имею право знать?

– А разве ты не помнишь обстоятельства?..

– А разве мы их не обсудили ночью? Сашка... – Алексей взял ее за запястье и пересадил к себе на колени. – Я не ссориться приехал, а за тобой и Никой. Хочу, чтобы вы жили со мной.

– В качестве кого? Шалавой, которая спит с тобой, я была, так меня называли друзья твоей семьи...

– Жаль, я этого не слышал, дал бы в морду.

– Даже женщине? В морду?

– Женщине объяснил бы, что она дура. Конечно, в качестве жены, а в каком еще? Можем хоть сегодня расписаться в этой замечательной дыре, если распишут. Потом полетим за дочерью и оттуда... домой!

Он подкупаяще искренне улыбался и целовал Сашу, которая несколько опешила от такого простого плана, кардинально меняющего ее жизнь, а она не готовилась к переменам. И без Алексея не хочет жить, и дочку хочет забрать, и работу бросать не хочет...

– Но... я не могу сейчас уехать, на мне репертуар, – замялась Саша, решив оттянуть время приема решения. – Я почти в каждом спектакле занята и... подведу театр...

– Понимаю, но придется жертвовать.

– Мне, да?

Он пересадил ее на стул, повернул к себе, чтобы видеть лицо.

– Так, давай логически рассуждать и арифметически. Допустим, я жертвую и переезжаю к тебе. Как насчет работы для меня? Правильно, здесь мне делать нечего. Извини, монтировщиком не пойду, у меня другой профиль, тем более за эти деньги... Деньги-то никто не отменял. Итак, это глупая жертва, объяснять – почему, не стоит, верно? Вариант – ты остаешься...

Саша приуныла, понимая, что выбор придется делать ей одной, а он

уловил, что она в панике и нужно поднажать. Достаточно жеста рукой, которой Алексей провел по воздуху, чтобы догадаться о его впечатлениях по поводу царских хором:

– Квартира эта... она прекрасна, но маловата и не твоя. Завтра поменяется начальство и актрису Боярову заставят платить за нее, в результате у тебя не будет денег ездить к дочери. Между прочим, наша дочь живет без отца и матери – это нормально? Привезешь ее сюда? А если ребенок заболеет? Дети болеют, по себе помню. Что делать будешь, с кем оставишь? У вас работа чудовищная – играй, хоть умри. Неужели ты бросишь больную дочь ради роли в этой бесперспективной дыре? А если придет режиссер, который будет заставлять тебя спать с ним? Сомневаюсь, что полезешь в постель к старой и вонючей обезьяне.

– И к молодой обезьяне не полезу, – буркнула Саша.

– Знаю. И останешься в дыре одна, без работы, без денег – твоя зарплата... разве это деньги? Но мы не рассмотрели еще один вариант: жертвуешь ты. У меня прекрасная квартира в столице (!), высокооплачиваемая работа, вы абсолютно ни в чем не будете нуждаться. И главное! Ты бегаешь по своим кастингам и съемкам спокойно, потому что дочь наша с бабушкой Ирой – лучшей няни не найти в мире! Она уже любит Нику, делает налеты на детские магазины и скупает все подряд для внучки. Ну, как? Я тебе предлагаю роль реальной королевы на постоянной основе, а не... сценической на один театральный сезон, которой к тому же еще и голову отсекают – очень символично. Ну, как?

Нельзя сказать, что Саша пришла в восторг от аргументов, Алексей не дал времени ни на размышления, ни опомниться. Она вообще не могла собрать все в кучу, а этот тон – категоричный с элементами иронии? Он только путаницу внес в душу, Саша после таковского напора растерялась:

– Вот так приехал, все свалил на мою голову... и ухмыляешься! Столько всего изменилось... я другая.

– И я другой! – подхватил он, как будто ждал этой фразы. – Мы лучше стали, потому что прошли школу негатива, значит, поумнели и научились ценить блага. Но у нас еще Ника, она имеет свои права, одно из них бесспорное: имеет право на обоих родителей рядом, а не где-то. Неси ее фотографии. Кстати, какие у нас на сегодня планы?

– В три часа у меня собрание в театре.

– Тогда поехали, попробуем пожениться.

– Ты забыл? Я без охраны не должна выходить, за нами приедут в половине третьего, так что отдыхай.

Сказав, Саша отправилась за ноутбуком, но Алексей без последнего

слова никогда не останется:

– Видишь? Еще минус: здесь на твою жизнь покушаются!

Саша вернулась с ноутбуком, поставила его, отодвинув тарелку Алексея, и, опираясь рукой о столешницу, искала нужные файлы, небрежно бросая фразы:

– Между прочим! На меня покушается некто из твоей столицы (!), так сказал Иннокентий, а может, из твоей семьи. Смотри, вот Ника, каждая папка – это снимки за каждый месяц ее жизни. Кстати... – Саша села к нему на колени, обняла за шею и коварно улыбнулась. – Имей в виду, я никуда с тобой не поеду, пока в наших паспортах не будут стоять штампы, а на руки не выдадут свидетельство о браке. И можешь считать меня консервативной, старомодной, архаичной, не креативной, закоснелой, даже неумной...

– Какой богатый русский язык, – вставил Алексей.

– ... своего условия не переменю. Теперь развлекайся, любимый, там фотографий нашей дочери много-много.

– Я пойду на твой узкий диван. А дома у нас с тобой...

* * *

Иннокентий ходил по комнате, потирая то затылок, то шею, то подбородок, то лоб, он молчал и довольно долго. Развалившийся в кресле и пивший кофе из большой кружки Никита водил за ним глазами тоже долго, наконец с сочувствием поинтересовался:

– У тебя чесотка?

– С чего ты взял? – остановился Иннокентий.

– Ты ходишь и чешешься, ходишь и чешешься... Как чесоточный.

– Я думаю, думаю! То, что тебе рассказала Виктория... может стать ключом к разгадке «самоубийства» Гелы. И даже не исключаю, что к смерти Катрин имеет отношение, ведь неудачно она упала через неделю после полета Гелы. А главное, они все были знакомы! И сюда подмешали Боярову, как специю в суп. А ну-ка, давай еще разок повтори, что она сказала конкретно по делу Катрин. Дословно. Кстати! Всегда при опросах свидетелей пользуйся диктофоном.

Иннокентий упал во второе кресло и приготовился слушать, подперев кулаком скулу. А Никита, поставив кружку на столик рядом, сосредоточился на воспоминаниях, выдавал он их короткими предложениями:

– Катрин привезла в центр Тамила, как я понял...

– Ты правильно понял, дальше.

– Гела была первоклассным терапевтом. Она по симптомам определила, к каким врачам нужно отвести Катрин. Кроме щитовидки, еще были заболевания, Гела сама контролировала диагнозы с анализами. Катрин диагностику прошла полную, лавочка-то частная, клиента там не отпустят, пока не выпотрошат...

– Без отступлений.

– Гела узнала про Катрин и Роба такое, что они оба «были у нее в руках и что теперь он (Роб) будет выполнять все, что она ему скажет»! – процитировал дословно Никита. – Но не сказала Вике, что именно узнала. Однако радовалась.

После паузы, переварив не первый раз этот впечатляющий рассказ, Иннокентий снова задумался, через паузу проговорил вслух:

– Ничего не приходит в голову! Что же это за **такое**? Если рассуждать логически, то именно в медицинском центре Геле попало что-то... э... компрометирующее. А у тебя идеи есть – что можно узнать в клинике, после чего люди оказываются в руках мошенника?

– Болезнь? – пожал плечами молодой человек.

– Болезнь... Болезнь... – закатил глаза к потолку Иннокентий. – Разве болезнью шантажируют? Что-то не припоминаю подобных явлений...

– Ну, если шантажируют отсутствием болезни, то все возможно. У отца была больная, уверявшая, будто смертельно больна, мастерски имитировала симптомы, чтобы вокруг все крутились. Естественно, была разоблачена моим отцом. Так что, думаю, и самой болезнью шантаж возможен, надо узнать, какой именно. Сейчас открыто много новых заболеваний, о которых до недавнего времени человечество понятия не имело.

– Зато теперь я на сто процентов уверен: Гела шантажировала либо мать Роба, либо его самого, а может, обоих разом.

– Его, скорее всего, потому что у него есть бабки. А Гела хотела бабок, как показала Вика под сильной мухой.

Закинув руки за голову и вытянув вперед ноги, Иннокентий хохотнул, потом объяснил причину смешка:

– Я первый раз в тупике! Всегда понимаю направление – что и где искать, хотя бы примерно! Тут абсолютно по нулям! Слушай, твой отец врач, позвони ему.

Это была неплохая идея, Никита достал трубку:

– Если только отец не занят. Обычно, когда он на работе, ему трудно

дозвониться... Алло, папа? У нас проблема, нужна твоя консультация...

Объяснив довольно лаконично тупиковую ситуацию, он положил смартфон на столик поближе к Иннокентию, чтобы и тот слышал отца:

– О боже, Никита, я так сразу не могу сказать. Медицинскую карту надо посмотреть той женщины, думаю, тогда картина и станет ясной.

– Папа, а как получить карту? Нам же ее не дадут, так?

– Правоохранительным органам дадут. Найдите того, кто работает официально... Но! Карту должен смотреть профессиональный эксперт, медик по образованию. Надеюсь, это понятно?

– Ты, например... а?

– У меня нет времени на твои игрушки. Все, пока, сын.

Послышались короткие гудки, знаменующие о том, что у папы работа серьезная, а сын его отвлекает пустяками. Никита нисколько не обиделся, забрал со столика трубку, положил ее в нагрудный карман рубашки, затем перевел взгляд на Иннокентия, мол, какие будут указания? А тот неожиданно нежданно негаданно посветлел:

– И я знаю, кто нам поможет!

Вениамина Ивановича, как ни странно, не отправили на пенсию – проблема в кадрах, высокопрофессиональных кадрах, а их не хватает. Он действующий следователь и дорожит отношением к нему, поэтому, выслушав Иннокентия, согласия сразу не дал, но обещал подумать. Чем взять старикана? Только ответственностью, мол, красивая и талантливая девушка живет под охраной, а как показывает практика, охрана не всегда спасает от убийства. И вопль: помогите!

– Теперь пусть думает, – сказал Иннокентий Никите.

– Считаешь, согласится?

– Он из могокан, у него долг – дело чести, а ради чести можно умереть.

– У тебя ведь шеф всесильный, – заметил Никита.

– К шефу я обращался уже несколько раз, как он выразился, по пустякам, начинаю элементарно раздражать его. Деньги, и побольше, – хорошо, но желательно поменьше шевелиться, поэтому обращаюсь к нему, когда это действительно необходимо.

– А не хило самому агентству открыть и стать главой? Я бы в твою контору перешел, у тебя есть... искра, что ли. Тебе охотно веришь.

– Не так-то это просто, – вздохнул Иннокентий, выдав тем самым свои тайные замыслы. – Мой шеф облеплен такими связями... без этого ты мало чего стоишь, а частнику иной раз приходится нарушать закон. Крыша нужна надежная, усек? Можешь остаться здесь, а я поехал к Тамиле, с ней

мне лучше одному...

* * *

Саша оставила Алексея в гримерке, спустилась в зал и искала глазами, где бы ей присесть. Мест полно, но, когда тебя со всех сторон шибает отрицательная энергия, посылаемая любимыми коллегами, хочется устроиться рядом с хорошим человеком. О, Окташа! Он махал ей, и Саша поспешила к нему, но едва не столкнулась с Люсей,

– Боярова! На тебя пятнадцать докладных.

– Пятнадцать?! Почему так много?

– Потому! Логинов! – Люся обошла ее и указала пальцем на молодого актера. – А на тебя семнадцать докладных! Оборзели все, никакой дисциплины.

Саша села в кресло рядом с Окташей, он ее успокоил:

– Главное, эти докладные – так, для проформы, чтобы нужность свою показать. Господи, кому они нужны, кроме Люськи? Не переживай.

Между тем в зрительном зале собралась вся труппа, все цеха – костюмерный, реквизиторский, осветительный, бутафорский... да все службы! Но то, что притопали представители администрации, полная неожиданность.

– Этим-то что надо? – недоумевал Окташа. – Главари нашего города обычно посещают театр на открытие и закрытие сезона. А рожи-то... Кто-то умер, и нас хотят пригласить на богатые поминки?

Начал собрание директор с докладных, которые показывают предельно низкий уровень дисциплины: опоздания на работу и даже (о, ужас!) на сцену, в результате чего артисты сметают и ломают декорации (это про Сашу). Небрежное отношение к спектаклям (без объяснений – в чем небрежность)... И надо было видеть пылающее лицо Люси с чувством исполненного долга.

После директора взял слово заместитель мэра (второй или четвертый, их много, всех не запомнишь), он говорил о неблагополучии в театральной среде. Софиты падают, лестницы подпиливают, полиция завела уголовное дело, атмосфера враждебная, нередко аморальные отношения, массовое пьянство – банкеты, что ли, имел в виду? И последнее: нужно что-то менять. Следующей выскочила заслуженная артистка, свела брови страдальческим домиком на лбу и била себя кулачком в грудь, внушая поставленным голосом:

– Да, у нас неблагополучная атмосфера, которая влияет на качество спектаклей. Геннадий Петрович распустил актерский состав, он нетребователен, слишком мягок. А театр – это...

– Концлагерь, – подсказал с места Октавий Михайлович, Саша его слегка толкнула, дескать, не стоит лезть на рожон. В ответ он шепнул ей: – Да мне все равно каждый день говорят, что на пенсию пора. Новая метла обязательно выгонит.

– Выгонят? – ужаснулась Саша. – А кто играть тут будет?

– Октавий, прекрати паясничать! – воскликнула заслуженная гневно. – Возможно, Геннадий Петрович слишком долго у руля, поэтому не чувствует процессов, не идет за временем...

Один за другим единым блоком выступили несколько актеров, страстные обвинения сыпались на голову главного, словно он монстр, маньяк и вселенское зло. Мол, в театре труппа большая, а играют всего две актрисы – это возмутительно! Еще надо подумать – почему только они играют (намек на интим). И главное – дайте дорогу молодым творческим силам, новому мироощущению! Все сводилось к единому камланию: в труппе есть новое дыхание – Пуншин!

– Что за судилище? – обалдела Саша. – Что происходит?

– Не видишь? – хмурился Октавий. – Главного снимают. Теперь понимаешь, для чего пишутся пачками докладные? Их копят, чтобы в час X выложить доказательства на стол о неблагополучии в театре. Главное, не проступок, проступки как раз пустяковые, главное – количество.

– Как! Снимают?! С ума сошли!

– Паскудство знаешь в чем? Кучка бездарных горлопанов победит, в наше время гаденыши всегда побеждают. Они всех уже обработали, включая главарей города. Это наш конец.

И тут впервые Саша другими глазами посмотрела на все, что ее окружает, – сплошные иллюзии. Люся со своими докладными и бешеной ответственностью. Туповатый директор, имеющий понятие об искусстве, как швея о работе космонавта, стало быть, занимающий стул в кабинете не по праву. Полупрофессиональная труппа – это вообще труба. А еще претензии ко всему свету, амбиции, интриги, сплетни, даже попытки Сашу прикончить – кто-то свои иллюзии пытается внедрить в жизнь таким агрессивным путем. Но иллюзии – это не мечта, которая заставляет прилагать усилия и знания, чтобы шаг за шагом построить реальность; иллюзии – это пустоты в камуфляже из слов, одних слов и обещаний, которые даже необязательно выполнять, но именно обещания привлекают людей слабых и глупых.

Но вот со своего места встал главреж, оперся спиной и руками о сцену, ничего не говорил. Он держал паузу, как держат ее хорошие артисты в ключевом моменте спектакля, а во время оной смотрел на лица труппы. Все молчали, не поднимая глаз, в театре царила изнуряющая тишина. Геннадий Петрович стоял, словно герой перед казнью, и Саше он, маленький и смешной человек, неожиданно показался большим, сильным и красивым, таким он становился и во время репетиций. Она замерла, не дыша, когда он заговорил спокойно и взвешенно, но коротко:

– Что ж, я выслушал ваши претензии. Наверное, я их заслужил и вы правы, мое время кончилось в этом здании. Всего вам доброго.

И пошел от сцены по центральному проходу в конец зрительного зала под гробовое молчание, ведь никто ничего не понял. Первым опомнился директор:

– Куда вы, Геннадий Петрович? Мы не закончили...

– Да закончили вы, закончили, – заняв место у сцены, сказала Анфиса, затем оглядела присутствующих. – Ну, что, мартышки, удовлетворены? Ловко вы поработали. Кто не умеет играть, тот плетет интриги. Но вы забыли правило: интриган ничего не выигрывает, а вы, молчаливое большинство, так вообще проиграете. Голосовать сейчас будете, снять главного или оставить? Вперед.

– Да как ты смеешь!.. – кто-то выкрикнул.

– Смею, – не повышая голоса, оборвала возмущение Анфиса. – Должен же кто-то сказать, кто вы есть. Только что вы – одни скромным молчанием, другие агрессивными выступлениями – оскорбили несправедливостью не только талантливого человека, а еще и хорошего человека, личность в отличие от вас. Он делал все, чтобы сохранить ваши задницы, но вы... вы повели себя как последние ничтожества. И подписали себе смертный приговор. Сами! Себе! Запомните это число и мои слова, скоро вы их вспомните, когда будете биться головой о стенку. Так вам и надо.

Она ушла также под гробовое молчание. Кто-то выкрикнул, мол, да, неплохое предложение внесла Оленева – проголосовать, и станет ясно...

– Я в этом фарсе участвовать не буду, – поднялась Саша. – Но я не воздержавшаяся, а против вашей затеи.

И демонстративно вышла из зала.

Алексей с интересом слушал по трансляции речи артистов на собрании, словно радиоспектакль. Как вдруг кто-то вставил ключ в замок и крутил там, потом все же догадался попробовать подергать дверь. На пороге замер мужчина среднего возраста, неказистый, невысокий, какой-то

помятый и примитивный.

– Вы кто? – спросил он.

– Охранник Бояровой, – соврал Алексей.

– А это что, ее примерка? Фу, ты, черт... Я перепутал, извините...

– Радик? – появилась Саша за его спиной. – Ты что здесь делаешь?

– Примерку перепутал... Задумался и не туда...

Она прошла к гримировальному столу, опустилась на стул, но, поставив на стол сумку, замерла, глядя на свое отражение в зеркале.

– М-да... – произнес Алексей. – Я прослушал весьма любопытный, срежиссированный спектакль. Даже мне, человеку несведущему в вашей кухне, видна махровая режиссура. Сашка, скажи честно, этот гадюшник стоит того, чтобы в нем провести свою жизнь? Ради этого ты оставила дочь?

– Не стоит, – согласилась она, выкладывая на стол грим. – Но мои условия останутся неизменными.

– Я помню.

Разумеется, с Тамилей сначала созвонился, она поинтересовалась, где он добыл ее номер, Иннокентий сказал правду: Алексей дал. Ах, Алексей... И она согласилась переговорить с ним, а свидание назначила в редакции. К его приезду оплот четвертой власти, имеющий желтоватый оттенок, пустовал, лишь кое-где в кабинетах продолжали работу те, кто свой кусок зарабатывает, находясь днем и ночью в постоянной гонке за материалом. Дверь, где торчала у компа Тамилы, была распахнута, но Иннокентий остановился и постучал, девушка перевела глаза с монитора на него...

– Иннокентий? (Он кивнул.) Заходите.

А она очень и очень... Саша назвала ее хорошенькой, он бы сказал по-другому: пикантная, почему-то на ум пришло это слово. Тамилы указала на стул напротив:

– Минут пять посидите? Я только допишу несколько фраз, пока мысль крутится. А вы журналчики полистайте.

Их разделял стол, заваленный журналами, газетами, фломастерами и маркерами, листами бумаги – обычный рабочий беспорядок. Даже три книжки стояли на углу, это в век цифровой информации, когда книжки хранят в электронном виде. Бегло печатая и глядя в монитор, Тамилы спросила:

- Может, кофе?
- Спасибо, но сегодня я уже ведро кофе выпил.
- А чая нет... Вы говорите, говорите. Я умею два дела делать.

Что ж, раз девушка просит, он готов:

– Меня интересуют две смерти трехгодичной давности... жены Роберта Гелы и его матери. А еще хотелось бы поговорить по поводу подставы Алексея в спальне... вы, полагаю, помните тот незабываемый момент?

– А с чего это вдруг? – не отрываясь от монитора и печатанья, спросила она. – Все эти события пылью покрылись за давностью.

– Иногда преступления раскрываются и через десять лет, хватает крошечной улики, чтобы достать дело с полки.

Наконец Тамила удосужилась и на него посмотреть, не скрывая, что удивлена, переспросила:

- Преступление? В каком смысле?
- В прямом, в каком же еще. Меня наняли разобраться.
- Кто нанял?
- Алексей. Давайте с него и начнем?

– А что, баба на кровати тоже преступление? – подняла она брови с улыбкой. – Нет, конечно, с моральной точки зрения – да, но... это и все.

– Не все, – в ответ улыбнулся Иннокентий. – В постели Алексея лежала проститутка, обманом проникшая в квартиру и опоившая его клофелином. Как странно, она ничего не взяла там, лишь выполнила чье-то задание – полежала голая в постели с голым и бесчувственным Алексеем.

– А цель?

– Например, чтоб вы привезли Александру – девушку Алексея, и она своими глазами увидела безобразие на кровати.

Тамила откинулась на спинку кресла, покусывала авторучку и ехидно улыбалась, глядя на него, как на полного идиота. Она совершенно не испугалась фактически обвинения в подлости, после паузы вздохнула и вернулась к своему занятию, бросив ему:

– Следующие вопросы или что там у вас?.. Только чушь всякую не несите, а то мне некогда.

– Чушь? Возможно, это была бы чушь, если б не анализ крови Алексея, сделанный в тот же день, а также экспертиза чашек – в одной был клофелин. Но дело обстоит еще хуже: проститутка убита.

Тамила отнеслась к убитой равнодушно:

- Которая на кровати лежала с Алексеем?
- Она.

– И что? Ко мне какие у вас претензии?

– Полагаю, вы что-то знаете об этом. Поделитесь, а?

Она поставила точку в тексте, резко подняв руку от клавиатуры, также резко выдохнула, что означало – конец ее работе, и поднялась. На подоконнике стоял электрочайник, Тамила подогрела его, в две чашки налила растворимого кофе, одну поставила перед Иннокентием, мол, не хочешь – не пей, мое дело предложить. Со второй вернулась в свое кресло, м-да, самообладание у нее на пять баллов:

– Кофе у нас не айс, скорее, это психологический трюк для рабочего процесса, а не для наслаждения и поддержки рабочего состояния. Если захотите натурального, в коридоре стоит автомат. Так. А теперь давайте определимся: я подозреваемая или просто свидетель?

– Просто свидетель, – сказал Иннокентий. – Но! И фигурант в данном деле. А я по долгу службы обязан прокачать все версии, даже самые безумные, одна из них – вы знали, что и зачем делаете.

– Спасибо за откровенность. Итак, мне нужно оправдать себя в ваших глазах... А я этого делать не буду. Виновата – доказывайте, но с какой стати мне оправдываться в том, в чем не виновата?

Конечно, она права. Да он и не рассчитывал, что Тамила признается: я с убийцей контактила, помогала ему всех косить. Она слишком умна, поэтому Иннокентий не стал обводными путями к ней подбираться, а в лоб лепил, правда, приемчик мало помог полностью расположить к себе эту зубастую куколку.

– Понимаете, Тамила, я все равно доберусь до истины. У меня хороший гонорар, который необходимо отработать – каждое удачное дело повышает мой имидж, рейтинг. Чем круче имидж, тем выше гонорары, не так ли? Кроме того, я очень въедливый, мне нравится то, чем занимаюсь. А поскольку у нас с вами много общего, вы же тоже любите в чужих тайнах копаться, я вправе рассчитывать на вашу помощь. Иначе со всем основанием занесу вас в список подозреваемых и тогда... буду искать доказательства.

– О-о-ой, – застонала Тамила, слегка разозлившись. – Вы умеете принуждать. Ну, что, что вы хотите услышать? Три года назад, да больше!.. Но вижу, вам известно все то, что известно мне. Итак... Я знаю, что Алешке подсунули девку, напоив клофелином, от него же это и услышала, когда он взвалил вину за инцидент в его квартире на отца и Роберта.

– Алексей считает их заговорщиками против него?

– Одного из них, но не знает, кто именно. Так вот, когда открылась правда, Саше уже ничего невозможно было доказать да и сказать – она

просто не брала трубку, уехала. Не простившись даже со мной. А я в то же утро, когда мы увидели в спальне бабу и Алешку, села на самолет и улетела. Кстати, уговаривала Сашку не рефлексировать, а сделать вид, будто ничего не видела, она поступила по-своему, то есть глупо. Послушалась бы меня – и про клофелин узнала. Честно говоря, я обиделась. О погибшей шлюхе ничего не знаю, Алексей перестал делиться со всеми, всех подозревает черте в чем. Дальше что у вас?

– Вы фотографировали у ресторана труп матери Роберта – Катрин. Я могу взглянуть на фотографии?

Тамила положила ладонь на свой лоб, отхлебнула кофе:

– Это же надо вспомнить, где они... на каком носителе...

– Надеюсь, вы сохраняете свои фотоработы?

– Естественно! Лучшие. Так я не вспомню, это надо покопаться в съемных дисках, а у меня их... Никак не приведу в порядок, распределив по годам. Давайте, вы зайдете как-нибудь... э... дня через три. Я за это время напишу статьи – деньги, извините, для меня тоже имеют значение. Вы ведь ждали три года? Подождете и три дня. О'кей?

– Тогда Гела.

– А что Гела? Я с ней общалась постольку-поскольку, она еще та штучка, возле себя ее опасно было держать. Но привозила к ней клиентов, нуждающихся в медицинской помощи, потому что врач она... ммм... каких мало, я сама лечилась у нее. Почему Гела прыгнула вниз... без понятия. Ее поступок не поддается логике. Если б я тогда занималась криминальным миром, наверняка влезла бы в это дело и попыталась понять, что ее толкнуло.

– Или кто, – вставил он.

– Вы считаете, ее убили, – уточнила Тамила, но без вопроса.

– Это пока версия. Пока – чувствуете? Мне известно, что Гела передала Роберту Рябову письмо...

– Ха-а-а... – протянула она. – И откуда вы знаете? Ладно, не говорите, раз копаете, значит, выкопали. Гелка от меня узнала, что Роб балдел от Сашки, но там было, отчего балдеть: у нее красота гармоничная, умиротворяющая, к тому же подкреплена... как бы это сказать... внутренним светом, что ли. Плюс манера держаться, покладистый и уравновешенный характер... Роба можно понять.

– Нарисовали идеал.

– У Сашки, конечно, есть недостатки, но в нашем понимании. Они больше смахивают на достоинства, например, дурацкая принципиальность, кому она сейчас нужна? Так вот Гела, привыкшая к использованию людей

на полную катушку, отдала письмо Саше, полагая, что у нее-то Роб точно возьмет. А я прочла послание, вскрыла и прочла. Сашка чуть не умерла от ужаса, но я должна была это сделать, чтобы убедиться: ее не подставляют. Гела требовала встречи с Робом, в этом не было таинственности, потому что периодически, когда заканчивались деньги, она присылала ему подобные эпистолы. Может, не в такой ультимативной форме, но...

Итак, не утаила Тамила постыдный факт вскрытия письма, предназначенного не ей, что говорит о многом, например: ей нечего скрывать, незачем юлить. На сегодняшний день достаточно будет последнего вопроса:

– А Роберт способен был убить бывшую жену?

– Удивляюсь, как он не убил ее сразу после свадьбы! Или хотя бы когда узнал о рогах. Роб импульсивный, да, по идее, давно должен был... Поэтому лично я сомневаюсь, он просто привык к ее выходкам, как привыкают к мужу-алкоголику.

– Ну, спасибо, – поднялся Иннокентий. – Значит, через три дня утром я вам звоню. И мы встречаемся... где?

– У меня. Как раз у меня начинается неделя отпуска, не хочу никуда ехать – наездилась, дома дел накопилось через край. Что-то я сама посмотрю, а что-то придется вам. Стойте! Могу подвезти вас, если не боитесь дамы за рулем.

Он улыбнулся, тем самым дав согласие, а то ведь тащиться... Эх, Иннокентий с ней замутил бы, ей-богу, не барышня – граната в кармане.

* * *

Репетиций по утрам ей не ставили по требованию Иннокентия, если бы не Алексей, валялась бы на диване с книжкой. Впрочем, не сегодня, после вчерашнего собрания осталось впечатление гадливости, Динара сказала, что группа большинство голосов отдала... Пуншину – «новатору и новому дыханию». В общем, комитет по перевороту подготовил всех на совесть, хотя совестью тут не пахнет. Мысли Саши в этом направлении и крутились. Однако с появлением Алексея один из инстинктов взял верх: мужчину нужно кормить. И Саша готовила полноценный обед: сварила суп, приступила к мясу, а на плите варился еще и компот, для себя царских обедов не закатывала.

Утром приехал Ванжил, Алексей быстро собрался, и оба уехали, ну и ладно, пусть проветрятся. Ощущение гадливости не проходило. Атмосфера

тяжелая была и на вечернем спектакле, оттого он прошел из ряда вон плохо, ведь артисты должны думать о ролях, а не о театральном перевороте. Только и слышалось за кулисами: Пинг-Понг... Пуншин... Крокодил Гена... Оленева, дура, вылезла... Закулисье дышало агрессивностью, ядовитое дыхание принесло неустроенность, неуверенность, тревогу.

– Саша! – ворвался Алексей. – Одевайся, и быстро.

– А куда? Рано же еще...

– Поехали, поехали. Все по дороге.

– Но у меня обед на плите...

– Выключи, потом доваришь. Пообедаем в ресторане и сразу – в ваш театр, так что соберись. А где твой паспорт?

– На полке с книгами, где мы спим... А зачем?

Но он ушел в комнаты, затем, пока она выключала плиту и убирала мусор, Алексей вышел во двор. Ну, раз в ресторан, потом в театр, нужно собраться сразу на спектакль. Через пятнадцать минут Саша вышла на крылечко и усмехнулась, глядя на Алексея, который увлеченно о чем-то разговаривал с хозяином. Сам познакомился с Игорем Степановичем и его женой, теперь он чуть ли не родной у них! Как удастся ему сразу расположить к себе людей? У нее так не получается. Саша заперла флигель, окликнула Алексея.

– Куда мы едем? – спросила в салоне кроссовера.

– Как – куда? – вытаращился Алексей. – Ты же требовала: штамп, свидетельство о браке... Все устроено, едем расписываться.

Мужчины не выносят ультимативных требований, она прекрасно это знала, поэтому, когда делала свое заявление, цель у нее другая была: посмотреть на реакцию Алексея. Если угодно – проверить, что есть на самом деле его приезд к ней, а вышло – вынудила жениться.

– Но я же пошутила, – выговорила Саша растерянно.

– А я серьезно. Подожди, у тебя такой перепуганный вид... Ты за меня замуж хочешь? Сейчас говори, пока не поздно. Хочешь или нет?

Неожиданно... И нет времени подумать. Тут ничего не поделаешь, сомнения штука скверная, так и ищут, что бы такое противопоставить напору, но у Саши хватило мозгов сказать правду:

– Конечно, хочу. Но... хотя бы сказал... я оделась бы...

– Слушай, какая разница, как ты одета? Это неважно, я тоже не в костюме. Только у нас проблема: нам нужен еще один свидетель, причем с паспортом. Мы с тобой нездешние, регистрации нет, потребовали хотя бы свидетелей местных.

– У меня есть временная регистрация.
– Отлично. А у меня нет. Свидетелем будет Ванжил, нужен еще...
– Поехали в театр, Динару попрошу. А как ты это устроил? Вот так сразу? Без заявлений и срока на обдумывание?

– Я спец по договорам, говорил же тебе. Ты попробуй француза уломай, чтобы вложил астрономическую сумму, а тут какие-то тетеньки. Рассказал им душещипательную историю про нас – немножко приукрасил, они растрогались. Ну и подкрепил желание нам помочь некоторой суммой. Так что заявления мы напишем в загсе задним числом.

И столько усилий ради нее? А она позволила себе сомневаться. Саша подумала, что не такая уж она и неудачница, раз приехал Алексей, и главное, вовремя приехал. Она прижалась к нему, подставив губы...

Зав парикмахерским цехом всегда на месте, ей есть чем заняться, ведь Динара прекрасно выполняла и постижерные работы. Усы, ресницы, бакенбарды, парики требуют ювелирной точности и времени, так что Саша не ошиблась, направившись в театр, но не все граждане носят паспорта с собой. Однако некоторые носят – Динара, например, чтобы кредит взять, это выяснилось после звонка. Саша попросила ее срочно выйти с паспортом на улицу, мол, мы ждем тебя, и ничего не объяснила. Само собой, едва очутившись в салоне кроссовера, Динара осведомилась, что за пожар случился?

– Я выхожу замуж, нам нужна свидетельница, – сказала Саша. У той, конечно, шок. – Прости, прости, что не поставила в известность, боялась, откажешься, а мне очень хочется выйти наконец замуж за отца моей дочери.

– Нет, я... рада! – растрогалась сентиментальная Динара. – Неожиданно, знаешь ли... Но очень рада... А кольца у вас есть?

– Кольца? – озадачился Алексей. – Ванжил, к ювелирному!

Брачующихся было немного, всего две пары. Одна из них Саша с Алексеем в экзотических нарядах как раз для данного случая: в джинсах и свитерах, с той разницей, что на Саше свитер тонкий, на Алексее – грубой и толстой вязки, как будто он только что из тайги вылез. Сама процедура прошла, наверное, минут за пять. И все: кольца на пальцах, документы на руках, с рестораном проблем нет, как и народу там – никого. Ванжил совсем не пил, он же на работе и за рулем, остальные приложились к бокалам с шампанским, даже Саша, но чуть-чуть, у нее же вечерний спектакль, хотя впервые захотелось выпить. От радости, наверное. А ели с аппетитом, приготовлены блюда не хуже, чем в столицах.

– Не нравится мне один вчерашний момент, – вдруг свернул на невеселую ноту за свадебным столом обычно молчаливый Ванжил. –

Этот... как его... Радий пытался зайти в Сашину гримерку, зачем? А я накануне подумал: почему покушения прекратились? И тут он. Не верю, что перепутал комнаты.

– Да, верится с трудом, – согласился Алексей. – Но не мог же я его обыскивать, да и что искать?

– Возможно, он хотел подсыпать какой-нибудь дряни, – предположил Ванжил. – А ему не повезло, в гримерке ты оказался.

– Саша, иди к главному сегодня же, – потребовал Алексей. – Я не знаю, чего еще ждать от твоих коллег, точнее, моральных калек. Главное, этому Радиду ничего не предъявишь. Задумался и ошибся дверью – надо же!

– Следует посидеть у него на хвосте, – решил Ванжил. – Еще Иннокентию сообщу, может, оттуда ему видней, что нам тут делать.

* * *

В это же время Иннокентий с Никитой поднимались в лифте многоэтажного офиса Матвея Павловича. Их интересовал ответ Роберта на один-единственный вопрос, обоим страстно хотелось посмотреть, как он станет выкручиваться, оправдываться. Не ждет ведь с их стороны каверз, а зря.

Роберт говорил по телефону, когда двое молодых людей вошли в его кабинет. Он повернулся в кресле лицом к ним, приветливо улыбнулся и показал жестом, мол, падайте, куда хотите, а я немножко занят. Иннокентий и Никита уселись в кресла у противоположной стены, откуда наблюдали за Робертом, уверенным и спокойным, как раз про таких говорят: жизнь удалась. Наконец он положил трубку и посмотрел на гостей, излучая доброжелательность:

– Я к вашим услугам.

Помимо главного вопроса, у Иннокентия были другие, с них, именно с них он начал, чтобы расслабить клиента:

– Роберт, мы можем взглянуть на результат генетической экспертизы еще разок? Вы не унесли домой документ?

– Не унес, он мне здесь не мешает. А что так? Подозреваете, я экспертизу нарисовал сам?

– Покажите.

Роберт откровенно веселился! Впрочем, это его манера: выставяться тем, кем он, по всей видимости, не является, то есть человеком открытым,

мол, вот он я, весь ваш. Иннокентию тоже хотелось бы повеселиться, да пока повода не было. Получив документ, он быстро нашел то, что его интересовало, показал Никите, указав пальцем, где тому смотреть, и задал следующий вопрос:

– Вы последним приехали в тот вечер на место падения вашей жены, где в то же время находились Алексей и Саша. Откуда вы знали, что они там?

Прекрасно: веселиться больше не хотелось Роберту. Он отлично понял, о чем его спросил Иннокентий, однако переспросил, решив оттянуть время, дабы продумать ответ:

– Еще раз, я куда приехал?

– Это ваша ошибка, – сказал Иннокентий. – Вы подъехали не к подъезду, не поднялись к бывшей жене в квартиру, затем не спустились вниз – на это надо много времени. Вы сразу подъехали туда, где лежал труп Гелы и при ней находился ваш брат со своей девушкой. Только не заливайте, что вы их видели издалека. Оттуда, откуда вы ехали, их никак не увидеть, особенно ночью. Вы заранее знали, что они все там, и что Гела мертва, тоже знали.

Пауза. Она напомнила Иннокентию театр, игру актеров, которым далеко не всем удавался этот сценический трюк. Не очень он удался и Роберту, превратившемуся из эдакого немного легковесного человека, которому позволительно иной раз и посмеяться над двумя дураками, возомнившими себя детективами, в скульптуру Родена под названием «Мыслитель». Видимо, Роберт искал, чем прикрыть свою драгоценную задницу, искал лихорадочно, и вдруг:

– Хм... Я так тупо попался...

И – о, боже! – он не напуган! Он просто сожалел, что тупо попался! Иннокентий намеренно ничего не говорил, а наблюдал за хитрым Робертом, которому ничего не оставалось, как признаться под пристально-проницательным взглядом:

– Да, я приехал раньше Саши и брата. Приехал с родной матерью. (А это ваще убойная новость! Иннокентий застыл, не моргая глазами.) Первое: мне нужно было забрать Сашу, а я не знал истинное ее состояние и понимал, что в машину она ко мне не сядет. В этом случае мама выступала гарантом, что с Сашей ничего плохого не случится. И второе – я просил маму помочь мне уговорить Гелку оставить меня в покое, она меня довела до того, что я готов был дать ей отступного. Не думаю, что этот вариант подошел бы ненасытной Гелке, ей нужны были вливания... типа ежемесячных алиментов. Итак, мы приехали. Машину я поставил возле

дома, что фасадом выходит на улицу, нам хорошо был виден подъезд моей бывшей...

* * *

Разумеется, она любила, да что там – боготворила единственного сына, но не тогда, когда он ломал ее планы. Роберт по телефону в добровольно-принудительном порядке просил ждать его на улице у проезжей части – как тут откажешь? Сынок натура обидчивая, чего доброго отомстит маме хотя бы тем, что не пожелает ее видеть и сопровождать на тусовках. А ей это важно – выходить с сыном в свет назло старому козлу – отцу Роба. Да у нее бессонница проходила, когда видела перекошенную рожу Матвея, идя под руку с его (и ее) сыном! Настроение поднималось, если видела рядом со старым трухлявым пнем и его мымру-жену, Катрин на глазах молодела, это же допинг своего рода. Ее раскусывал сын и очень смеялся. Однако у мамочки полно своих неотложных дел, например, протезирование зубов, за границей разденут до трусов за эту услугу, а в России бесплатно – сын оплатит. Поэтому отказать ему нельзя, несмотря на очень нужную процедуру в салоне красоты. Тем не менее дать понять, что с ней не надо так поступать – дело святое, а то распухнет совсем, для этого достаточно подуться на сына. Когда она села в машину, Роберт скупно объяснил, куда и зачем едет – просто бред какой-то, но она ничего не сказала.

– Почему здесь остановился? – раздраженно спросила Катрин. – Ближе нельзя подъехать? Вдруг твою Сашу придется волоком тащить.

– Взгляни, – сказал он, – там стоит автомобиль, загородил проезд... и похож на тачку моего любимого братца. Идем, посмотрю ближе.

Роберт закрыл авто, поспешил с матерью к дому бывшей – точно, Алешкина машина стояла напротив подъезда.

– Вот сучка, – выругался Роб, имея в виду бывшую жену. – Эта мразь решила столкнуть нас лбами, подпоив Сашку и вызвав обоих. Не пойду к ней. Мама, сходи ты, ладно?

– И что мне говорить там?

– Да что хочешь! Хоть матом обложи, но и Гелка, и Алексей, и Сашка, если она вменяемая, в чем я теперь сомневаюсь, должны знать, что произошло. Надоела эта дрянь!

– Роби, мальчик мой... – Мать обняла его, погладила по волосам. – Не переживай, плюнь на них. Да любая девушка...

Он сбросил ее руки, гаркнув:

– Иди! Жду тебя в машине.

Роберт успел сесть в автомобиль и достать сигареты, обычно он не курил, но когда попадал в ситуацию подвоха, который чуял шкурой, хватался за сигарету. Не успел выкурить и трети, как из подъезда вылетела мать и бежала (семенила), насколько могла быстро на безумных для ее возраста каблуках. Она залезла в салон и обмахивалась сумочкой, широко открыв глаза, явно ничего не видя пред своим носом, кажется, Катрин была шокирована.

– Что, мама? – спросил Роберт. – Что там у Гелки?

– Роберт... я... видела... я видела... Ой, смотри, она!

Из подъехавшего такси вышла абсолютно трезвая Саша! Теперь Роберт был в шоке, зато мама не растерялась, рявкнув на манер хабалки:

– Роб, чего рот раскрыл?! Снимай ее на камеру!

Он машинально, не понимая, зачем это делает, снял, как Саша бежала к подъезду Гелы. Когда она вошла, Роб остановил видеосъемку, но мать, схватив его за руку, трясла сына:

– Снимай все-все! Включи камеру назад! Не знаю, что будет, но что-то будет! Я видела, как Алексей вел пьяную Гелу к лоджии! Включи камеру!

Роберт повиновался и начал «пустую» съемку, минут через пять-семь из подъезда выбежали Алексей с Сашей, побежали за дом. Едва они скрылись за углом, он отключил съемку, в это время мать, взглядываясь в темноту, всхлипнула:

– Алешка сбросил ее вниз!

– Кого? – не понял Роберт.

– Гелу! Я видела, как Алешка свесил ее с перилл... и сразу убежала. Зачем он свесил? Чтобы упала? Прости, Роби, я боялась, что и меня он... скинет вниз.

– Выходи! – завел мотор Роберт. – Бери такси и уезжай.

– А ты?

– Я сказал, уезжай! И забудь все, что видела! Поняла?

Она судорожно закивала головой, неуклюже выбралась из машины, кажется, на ногах еле держалась, но Роберт решил, что мать обойдется без его помощи, и нажал на газ...

* * *

– Так я подъехал к ним, – закончил Роберт.

Иннокентий внимательно слушал этот складный рассказ, но слова –

это всего лишь сотрясение воздуха. Если у Роба не будет доказательств, что было именно так, как он рассказал, грош цена всем его рассказам, словесам и эмоциональным переживаниям.

– И вы, конечно, съемку не сохранили, – вздохнул Иннокентий.

– Конечно, – кивнул с усмешкой Роберт, – сохранил.

– Да что вы! И больше трех лет... это самое... – крутил кистью Иннокентий, – хранили?

– Такие вещи хранят всю жизнь. Вон вы приехали и меня почти обвинили черте-те в чем.

– А нельзя ли посмотреть?

– Можно. Видео я перенес в комп. Берите стулья...

Массивные стулья стояли вдоль стены, оба детектива синхронно, как по команде, встали, взяли по стулу и пришли к Робу, сев немного позади него. Роберт нашел видеофайлы, показал сначала один, затем другой, времени демонстрация заняла немного. Иннокентий попросил записать на его флешку оба файла, Роберт и эту просьбу выполнил, а отдавая, смотрел в лицо сыщика немножко с жалостью, немножко с победным превосходством. Иннокентий не мог не поинтересоваться:

– Почему вы до сих пор молчали, имея такой материал?

– Хм, понимаю, о чем вы. Мы с Алешкой не ладили, это хороший способ убрать его подальше, но... он мой брат. Родной. Семью и Родину не выбирают. Почему из-за какой-то гадины я должен отправлять его за решетку? Зачем? Я первый наследник, если уж смотреть на наши отношения с меркантильной точки зрения. Просто сейчас, когда вы пришли с конкретными обвинениями против меня, я вынужден защищать себя всеми способами. Но надеюсь, мы договоримся и не будем придавать огласке эти факты?

– А что между вашей бывшей и Алексеем могло произойти, что он решился на преступление?

– Откуда мне знать! Могу только догадываться. Думаю, Гелка нашла какую-нибудь оплошность и стала шантажировать Алешку – это был ее принцип удачной жизни. Да что бы ни случилось, Алексей прав, извините. У меня духу не хватило, так хоть он... Я ему благодарен, между нами, девочками.

Попрощались. Иннокентий отказался от лифта, решив спуститься по лестнице пешком. Видя его разочарование, Никита молчал, не хотел подливать масла в огонь неудачи, к тому же дело получило новый поворот, который еще нужно осмыслить, обдумать. И вдруг Иннокентий заговорил о наименее важном:

– Видел? Генетический анализ сделан три года назад, а я уж думал, мне померещилось, когда смотрел результат экспертизы первый раз.

– Получается, он два раза делал генетическую экспертизу? – подключился к диалогу Никита. – Когда сыну было два года и в четыре?

– Именно. Если верить твоей королеве бомжей.

– А смысл ей врать? Нет, Инок, она сказала правду. Наверное, Роб захотел еще раз убедиться, что сын от него.

– А одного раза не достаточно? – пробросил Иннокентий.

Ах, паузы, паузы... Иной раз они такие красноречивые, просто кричащие, потому как слишком понятны, осталось только озвучить, что и сделал Никита:

– Что ж это получается, Алексей... убийца Гелы?

– Ну... – только и развел руками Иннокентий, ему просто нечего было сказать, нечем защитить симпатичного Алексея.

– Я больше склонен думать на Матвея Павловича, Гела его тоже доставала, но Алексей... А?

Тот махнул рукой, ничего не сказав. Никита приостановился, глядя на прямую спину Иннокентия, спускавшегося по лестнице, быстро сосчитал кое-что в уме, сформировал вопросы и помчался догонять, можно сказать, шефа:

– Инок, у меня еще вопрос: а почему ты...

Иннокентий обернулся и выставил указательный палец:

– Отстань со своими вопросами.

* * *

«Двенадцатую ночь» зрители любили, как и все костюмные спектакли, Саша играла Виолу, ей нравилось расхаживать в мужском костюме, широкополой шляпе и в плаще до пят, нравилась роль и шекспировский дух. Наступил антракт. Намотав на обе руки концы плаща, чтобы он не цеплялся – упаси бог, за декорации! – Саша спустилась под сцену в сопровождении второго охранника, перешла на другую сторону и поднялась. Охранник остался у кабинета главного, а она, постучавшись, вошла.

Геннадий Петрович стоял спиной к ней, глядя в окно, за которым белело поле театрального двора. Обычно он сидит в зале, в антракте может зайти за кулисы и сделать замечания, он никогда не прекращал работы, пытался и в процессе эксплуатации довести спектакль до ума.

– Геннадий Петрович, – тихо, боясь спугнуть его, сказала Саша, – можно с вами поговорить?

Он повернулся к ней лицом... все-таки это уже другой Геннадий Петрович, тот, кого она увидела в зале на собрании безумия, плюс еще что-то в нем появилось – утверждающее. Он реально изменился. Его размазывали и обливали помоями, но ничто не пристало к нему, его уничтожали и унижали, не задумываясь, что люди умирают после подобных судилищ, а он словно Феникс со свежими силами готов к новым свершениям. Саша видела его умные глаза без тени печали, но с огнем решимости, и, честно сказать, растерялась: не такого Геннадия Петровича она ожидала встретить. Этому легче сказать, с чем к нему пришла, да все равно язык не поворачивался, Саша молча стояла у входа. А он, не дождавшись от нее ни бе ни ме, спросил:

– Ты что-то хотела, Саша?

– Я?.. А, да! Я хотела... в общем... А я вышла замуж. Вот.

– Да ну! За парня, что прикидывается третьим телохранителем?

– За него. И он настаивает... он хочет... чтобы я... чтобы мы...

– Чтобы ты уехала с ним, да? – помог ей главреж.

– Откуда вы узнали? – вытаращилась она.

Вот уж действительно: в театре ничего нельзя скрыть, впрочем... Никто не видел существо, которое покушалось на нее, значит, есть и недоступные тайны.

– Милая моя... – рассмеялся главреж, а смеется он заразительно. – Я не только спектакли умею ставить, еще читаю по лицам.

– И что мне делать?

– Как – что? Ты же вышла замуж?

Нет, к этому человеку она не привыкла, потому мямлила:

– Но муж хочет, чтобы мы сейчас поехали за нашей дочерью, потом к нему. Так нельзя... репертуар... я предупредить, что надо сделать вводы на мои роли...

– Сейчас, говоришь? – потер подбородок Геннадий Петрович. – У нас завтра вечером «Виват, королева!», а послезавтра что?

– «Забыть Герострата», я не занята.

– Завтра отыграешь и езжай себе с миром. Пиши заявление.

– Вы серьезно? Прямо так?.. А как же вы? Я вас подведу...

– Я тоже написал заявление об уходе, уезжаю через месяц.

– Как! – Тут ноги просто не удержали Сашу, она плюхнулась на стул. –

И вы бросите ваше детище?

– Надо сказать, детище не хочет жить с родителем.

– Да они дураки! Они же... пропадут без вас!

Геннадий Петрович обошел стол, поставил стул напротив Саши и сел, после взял ее за руку:

– Каждый человек должен получить желаемое, иначе он будет чувствовать себя обделенным, будто что-то недобрал в этой жизни. Знаешь, кто виноват будет? Не он, а окружение, которое помешало ему реализоваться, виноваты условия, социальная среда, много причин. Такой человек становится вечным нытиком, которому все не так, он все знает, но ничего не умеет и портит жизнь окружающим. Конечно, это защитная реакция, ведь трудно признать, что ты банкрот по жизни, только вот реакция прирастает к шкуре и становится сутью. Нет, Саша, надо дать человеку его мечту. В нашей труппе желания совпали, все мечтают о новизне, значит, все и несут ответственность за последствия. Сами перед собой. Но лучше пусть попробуют, чем лишатся этой возможности. Не думай ни о чем, Саша, введут на твои роли без тебя. Знаешь, сколько желающих найдется, даже тех, кому за пятьдесят? Поезжай и будь счастлива, это самая большая ценность, поверь мне. – Он наклонился к ней и шепотом со смешком добавил: – Я ведь тоже банкрот. Ну, что у меня есть, кроме театра? Ничего! И помалкивай, что уезжаешь, помни: на тебя кто-то из наших охотится.

– Спасибо... – обняла его она, прослезившись.

– Вот этого не надо, люблю женские слезы только на сцене. Замуж, говоришь?.. О, второй звонок! Идем, мне тоже на ту сторону.

На «Двенадцатой ночи» занавес открыт, а декорации выстроены так, что приходится ходить под сценой. Саша побежала в гримерку, а Геннадий Петрович пошел дальше по коридору.

– Ну, как? – спросил Алексей. Саша кивнула, а у самой глаза на мокром месте, он понял, что разговор был непростой, обнял ее. – Сашка, перестань. Что сказал главный?

– Завтра отыграю спектакль, и можем ехать... послезавтра.

– Завтра после спектакля и поедem в аэропорт. Я смотрел расписание, рано утром есть самолет, билеты закажу по интернету. Слушай, из чего эта шляпа сделана? Поля такие твердые...

– Из картона.

– Понятно, все здесь – бутафория. Ну? Что еще? Чего ты плачешь?

– Как ты не понимаешь! Это же часть моей жизни... часть счастливая, несмотря ни на что. Я чувствовала себя здесь нужной...

– Мне тоже ты нужна, Нике нужна. Живая. Разве мы не часть твоей жизни?

– Ну, я же не о том...

Она хотела отстраниться, Алексей только крепче ее прижал:

– Все, все, успокойся... Послезавтра сядем в самолет и полетим к Нике... Сашка, третий звонок, вытирай нос и беги, играй...

Тем временем Геннадий Петрович распахнул дверь гримерки... А там Анфиса в костюме графини пила из бутылки, на шум открываемой двери она резко опустила руку с бутылкой вниз, второй вытерла рот.

– Я сейчас тебя убью! – прорычал взбешенный главреж, захлопнув за собой дверь. – Дожила: из горла глушишь! Дай сюда!.. Графиня Оливия пьянь, мать твою!

– Да ладно, я в норме, – фыркнула она. – Пока дойду до сцены, алкоголь выветрится, мы-с привычные.

Он вырвал бутылку водки и принялся выливать в раковину содержимое, в сердцах встряхивая ее, Анфиса не могла пережить варварство, захныкала:

– Куда ты льешь... Мама моя, целая бутылка... я только чуть-чуть... Разоришь меня, негодяй, я же все равно куплю сегодня... Что, Генка, бросаешь нас? Как тут не запить? Сволочь ты, Гена, даже не поборолся с уродами! Ненавижу! А я теперь с этими дегенератами должна одна париться. Сопьюсь назло тебе.

– Дура. Со мной поедешь, так что собирай шмотки.

– Куда «поедешь»? – встрепенулась она, переменившись в лице. – Ты меня берешь с собой, я правильно поняла?

– Правильно! – огрызнулся Геннадий Петрович. – Пьянчужка хренова! И забудь про бухло! Навсегда. Я тебе пить не дам, ты у меня вот где будешь.

Кулак показал! О, боже, разве испугает Анфису кулак?

– Не буду, не буду, – замахала она кистями рук. – Только возьми.

– Меня пригласил один мэтр открыть в его городе театр, фактически с нуля организовать, обещает создать все условия, дом достраивает для труппы. К новому сезону нужно набрать серьезный репертуар, чтобы заявить о себе. Труппа там есть, маленькая и самодеятельная, но вполне приличные ребята, я их видел, они готовы учиться. Остальных доберу из профи, Окташу почти соблазнил, старики ведь нужны не бутафорские. Короче! Я дал согласие и сказал, что приеду с женой. А не с алкоголичкой! У тебя месяц на сборы! Нам сразу дают трехкомнатную квартиру – учитывай, когда будешь собираться. Здесь выставим наши квартиры на продажу. Так что пошла тебе не видать! Только пахать будешь! А если увижу бухой... удавлю, чтоб не мучилась.

– Гена! – взвизгнула Анфиса.

Она подскочила, свалив свой и его стулья пышными юбками, обняла главрежа и хлопала носом. Ничего, что Анфиса выше на голову, это же не существенно. И надо полагать, таким способом она выразила согласие на все зверские условия.

Вениамин Иванович уверенно шагал по коридору медицинского центра в сопровождении Иннокентия и Никиты. Последний понял, что значит стержень, раньше не доходило, а означает сие слово самого человека, его внутреннюю силу, когда четко видно: можно ему доверить себя или следует раз сто подумать. Вениамину Ивановичу можно довериться, так решил Никита.

Немного отставая от группы, шел судмедэксперт – щуплый и очень серьезный мужчина лет сорока с легендарным именем Спартак, абсолютно не соответствующим его скромной фигуре. Вениамин Иванович получил доступ к документам, действуя через официальные структуры, только им не имеют права отказать, однако вынужден был предупредить, чтоб заранее молодые люди не радовались:

– Проблема есть, она способна все наши усилия свести на нет на данном этапе: после смерти амбулаторные медицинские карты передаются в архив, там хранятся в течение двадцати пяти лет. Вытащить из архива – понадобится время, нужно будет сделать запрос и так далее.

– Ничего, время так время, – заранее смирился Иннокентий, про себя веря в удачу. – Лишь бы дали.

– С другой стороны, Катрин не являлась гражданкой нашего государства, приезжала сюда от случая к случаю, о ее смерти здесь могли и не знать. Сейчас важно определить, где искать ее карту.

– А разве данные пациентов хранят не в электронном виде? – поинтересовался продвинутый Никита.

– Сразу видно, молодой человек не ходит в поликлиники, – заметил со смешком Спартак.

– Да, мой юный друг, – усмехнулся и Вениамин Иванович. – Перевод на электронный вариант удовольствие дорогое, пока только бумажные карты даже у нас, а в провинции и подавно.

Они получили официальный доступ к информации, но как же прав оказался следователь – вот что значит опыт. Прошло сорок минут, а

молодая девушка из регистратуры не могла найти карту больной, отсюда закономерен был ее вопрос:

– Вы уверены, эта женщина точно лечилась в нашем центре?

– Уверены, уверены, – заверил Иннокентий.

– Но я не могу ее найти. Адрес, где она жила, вам неизвестен, фамилия иностранная, а среди иностранных пациентов ее нет. Назовите, по каким ориентирам еще искать?

– Может, в архив перевели? – предположил Вениамин Иванович. – Вы посмотрите, а запрос мы привезем, если карта в архиве.

Сведения об умерших начали вносить в электронную базу данных, что упрощало поиски, и девушка села к компьютеру. В поисковой строке она печатала «Катрин, Катрина, Катерина», потом фамилию, потом приблизительные названия заболеваний – ноль результатов. Она возобновила поиски в картотеке, вынимала каждую карту и читала имена с фамилиями. Спартак уехал, но обещал: как только найдут карту, он вернется. Иннокентий оставил вместо себя Никиту и тоже уехал – к Тамиле, как договаривались.

Она снимала однокомнатную квартиру, нельзя сказать, что район престижный, но и не самый худший, открыв дверь, улыбнулась, обрадовавшись:

– Заходи, – перешла сразу на «ты». – Прошу прощения, у меня бардак – уборкой занимаюсь. Есть хочешь? Бутербродов могу наделать сколько угодно.

– Нет-нет, – отказался он, проходя в комнату. – Я бы сразу к делу...

– Нет проблем. Вон комп, а съемные диски в верхнем ящике стола слева. Извини, у меня не было времени просмотреть хотя бы один.

Бардак – да. Иннокентий человек упорядоченный, беспорядок не любил даже во время уборки, а женщин, которые умудряются вверх дном перевернуть квартиру, наводя порядок, не понимал. Потому и трудно ему судить о стиле, которого придерживается Тамиле, а стиль – это как бы собирательный образ хозяина. Но собрать здесь пока нечего.

Иннокентий сел за компьютер, подключил диск и ужаснулся: у Тамилы и в архивах не меньший кавардак. В папках с журналистскими статьями можно найти фотоматериалы, года не соблюдались, а когда он спросил – почему такой разброс в годах, она беспечно ответила:

– Где хватает места, там и записываю. Иногда переносу папки на другой диск, чтобы «утрамбовать» место, но систематизировать – руки не доходят, я предупреждала. Тебе надо? Ищи. Помнишь – кто ищет, тот всегда находит!

Прекрасно, она еще и ерничала.

– А разве ты фотки Катрин не размещала в печатных изданиях или еще где? – с надеждой осведомился он, не без оснований полагая, что издания обязательно размещают материалы в интернете, где легче найти информацию. Главное – как запрашивать в поисковике.

– Нет, – развела в стороны руками Тамила, смеясь. – Я не занималась подобного рода происшествиями. Да, могла выгодно толкнуть фотки, но это было бы подло с моей стороны по отношению к Рябовым, которые много помогали моему отцу и мне. По той же причине не выбросила снимки в интернет. Честно говоря, я и снимала-то мертвую Катрин по инерции, сработал профессиональный инстинкт. Да ладно, не кисни, найдешь ты фотки. У Катрин было платье красивого кораллового цвета, ищи этот цвет в области предпросмотра, а не открывай каждый снимок – будет быстрее. Вот кофе, чтоб глаза не слиплись.

Люди любят учить и лечить – всем известно, а про коралловое платье могла и раньше сказать, так он подумал и приступил к нудному занятию – поиску кораллового платья. Прошел час... два... четыре... Тамила накормила его пиццей, которую доставили на дом, поболтали, она постепенно его очаровывала – умна, остроумна, обаятельна и без понтов. Затем он снова уткнулся в монитор, и опять: щелк, щелк – менялись папки...

К концу дня Иннокентию сообщили, что медицинская карта не найдена – это плохо. Решили поискать еще и завтра – это хорошо. Карта должна быть, раз Катрин лечилась в центре, ее не могли уничтожить при любых обстоятельствах, исключая пожар, но пожара не было. Тогда где она?

Тамила вошла в положение Иннокентия и великодушно разрешила приезжать к ней, пока он не найдет фото Катрин.

* * *

– Папа, не волнуйся, я сделаю все возможное...

– Нет, – перебил Роберта Матвей Павлович. – Неправильный настрой. Не все возможное, а сделаю. Без добавочных слов.

Часа полтора они беседовали в кабинете, Ирина Федоровна не подслушивала на этот раз – неинтересно. Попала она только под конец их диалога, по последним фразам прекрасно поняла, о чем шла речь, хотела войти и устроить разнос обоим, взялась за дверную ручку...

– В конце концов, докажи, на что ты способен, – внезапно взял резкий тон Матвей Павлович, хотя предпосылок злиться вроде бы не было. Ирина Федоровна решила подождать и не вошла. – Докажи, что ты хотя бы на уровне Алешки...

– Папа, у меня просто не было возмо...

– Хватит, хватит слов. Дело надо. Де-ло! А слова я слышал. Иди...

Теперь Ирина Федоровна открыла дверь, стоило ей увидеть хмурого мужа, поняла: не очень-то он надеется на старшенького. Ее обнял Роберт:

– Мама, я пошел, завтра рано улетаю. – И на ухо добавил: – Ма, у отца сегодня неважное настроение.

Да у него каждый день настроение либо неважное, либо очень неважное, поэтому Ирина Федоровна сказала с усмешкой:

– Ничего, переживу. Ну, удачи тебе, дорогой.

Разве могла она не пожелать ему удачи? Несмотря на то, что муж не одумался и хочет заменить Алешку Робертом. Разумеется, она ревновала, ей обидно за Алешку, который просто необходим отцу. Но Ирина Федоровна воспитывала Роба с годика, она привыкла к нему, любила его – да, любила, но не настолько, чтобы слепо следовать за глупым упрямством мужа. Когда Роберт ушел, она ни слова упрека не бросила Матвею Павловичу, начала с другого:

– Еду в аэропорт, сегодня прилетают Алеша с женой и дочерью – нашей внучкой. Ты едешь со мной встречать их?

– Нет.

– Почему, позволь тебя спросить? Это отличный способ помириться, не надо выяснять отношения, просто поедем их встречать, все и сгладится.

– Мне не нужно сглаживать, – соизволили оне-с оторваться от своих бумажек на столе и поднять голову. – Нахамил, кинул заявление и уехал, потом сообщает тебе: я женился! Вот так сразу! С кондачка! Он плюнул нам с тобой в души. Что и кому хочет доказать? Пусть поживет сам, без моей поддержки.

Все же ее вывела тупость, дремучее упрямство и носорожья непробиваемость мужа, ну, есть же всему предел! Тем не менее она прибегнула к последней попытке уговорить его, правда, не применяя унижительного тона:

– Прекрасно. Но разве тебе не понятно было, когда Алеша кинул заявление на твой стол, зачем он едет к Саше? Ты выбрасываешь сына из своей жизни, потому что виноват перед ним и не хочешь повиниться? От тебя этого не требуется, ты можешь разом разрубить узел вражды.

– Он сам себя выбросил!

– Ты идиот. Злопамятный идиот! Алешка проживет и без тебя...

– Я не стану терпеть оскорбления в собственном доме!

– Тогда избавься от меня, купи мне квартиру – я уже просила тебя. И сиди в этом доме сам со своей гипертрофированной гордыней, а с меня довольно. Кстати, знай: у Роберта ничего не получится, он не заменит Алешку. Я поехала.

Матвея Павловича не испугали угрозы, его жена последнее время только и делала, что угрожала. Да кто ж откажется от благополучия? Так пусть же учатся уважать того, кто обеспечил им это самое благополучие, статус и будущее, неблагодарность самый мерзкий порок.

А она выскочила, пылая от негодования и едва не разревевшись от бессилия прямо в кабинете мужа. Ирина Федоровна села в машину, выехала со двора и нажала на тормоз, но мотор не заглушила. В таком состоянии опасно ехать, она усмиряла буйство внутри, как вдруг появился охранник, постучал в окошко, Ирина Федоровна опустила стекло, он озаботился:

– Вам нехорошо? Хотите, я сяду за руль? А то на дорогах с наступлением темноты повышается опасность...

– Да пошли вы все к черту, – тихо сказала она, трогая авто с места. – Мне очень даже хорошо. Сейчас встречу детей и буду счастлива, как никогда не была.

В аэропорт она приехала за полчаса до прилета, в салоне автомобиля выпила кофе, который приготовила дома и налила в термос. В коробке лежали и бутерброды, фрукты, булки, ведь ребята летели много часов, они же голодные. В самолетах кормят, конечно, но все равно это не то. Услышав о посадке рейса, она поспешила в зал, где выдают багаж, здесь точно не пропустит Алексея с Сашей, а то ведь роста Ирина Федоровна небольшого, а людей – море. А народ шел и шел, выискивал свой багаж на ленте... Наконец она увидела их – сначала Алексея, он нес малышку, затем Сашу.

– Алеша!.. Саша!.. – закричала Ирина Федоровна, подняв руку вверх и бесконечно радуясь, но в таком шуме услышать... Нет, Алексей услышал, искал глазами, а мать уже подбежала к ним. – Ой... Это наша малышка? Покажи ее.

– Ма, Ника спит, – сказал сын.

Да, головка девочки лежала на плече сына, малышка сопела.

– Ну, дай мне ее подержать, – протянула руки к ребенку Ирина Федоровна. – Тебе же надо забрать багаж.

– Она тяжелая, мама, на ней надето больше, чем сама весит.

– А вон свободные кресла, – указала Саша. – Идемте?

Ирина Федоровна первая уселась, приняла от сына внучку – эдакий шарик из меха и пуха, заглянула в личико с оттопыренной нижней губой и прослезилась:

– Боже, моя крошечка... Такая красивая...

– Она очень устала, – сказал Саша, присев на соседнее кресло и поправляя на малышке пуховую шапочку. – Капризничала. Нам с Алешей пришлось развлекать ее весь полет по очереди. Мы тоже устали.

– Ничего, вы уже дома, все позади...

Ирина Федоровна любовалась малышкой, тем не менее острый материнский глаз заметил на пальцах ребят обручальные кольца, значит, сын сказал правду – женился. Интересно – как это у него получилось? Впрочем, ее Алешка все может, она воспитала настоящего мужчину. Больше ни о чем Ирина Федоровна подумать не успела, так как сын вернулся с двумя большими чемоданами. Саша забрала дочь, а бабушка показывала дорогу и с удовольствием отдала ключи от машины сыну, чтобы сесть с Сашей на заднее сиденье и хотя бы держать малышку за теплую ручку.

– Я купила кроватку для Ники и поставила ее в спальне, – сообщила Ирина Федоровна в салоне автомобиля. – Игрушек купила, в холодильнике полно продуктов... В коробке еда на первом сиденье, хотите?

– Нет, мама, мы уж дома... – бросил через плечо Алексей.

А в квартире, отметила Саша, ничего не изменилось... только времени прошло много, кажется, целая жизнь прожита. Девочку раздела и уложила бабушка – ребенок не проснулся, а потом Ирина Федоровна уехала, пообещав завтра же приехать и помогать. Саша с Алексеем разобрали чемоданы, приняли душ, а после поехали приготовить мамой еду на кухне, он налил себе коньяка, шумно выдохнул:

– Фу-ух... Чертовски устал. Ну, будем... – И выпил.

– А ты думал, дети всегда праздник? Это работа.

– Для меня вы обе праздник. Да, Саша, давай договоримся: из дома ты пока не выходи. Вообще. Все, что тебе нужно, – составь список, мама купит. Никому не открывай, кроме Татьяны Осиповны, она приходит убирать два раза в неделю...

– Я могу сама убирать...

– Еще чего. Занимайся собой и ребенком, мне нужна жена, а не домработница. Осиповна у меня давно, она хорошая, пусть работает. Помни, исполнитель остался в Сибири, а заказчик здесь. За порог – ни ногой.

– Хорошо.

И целовались прямо на кухне, целуясь, перекочевали в спальню. Саша чувствовала себя защищенной со всех сторон, оценить это можешь только тогда, когда недавняя жизнь была похожа на триллер, когда в каждом шорохе мерещился спрятавшийся убийца.

* * *

Еще один день прошел безрезультатно у обеих групп. А на третий эксперт от Вениамина Ивановича внес дельное предложение:

– Давайте хотя бы карту Роберта посмотрим. Если у них с матерью есть общая проблема, я пойму, что это. Надеюсь, что пойму.

Поэтому он приехал вместе со всеми в центр и прямо в углу регистратуры у окна с вертикальными жалюзи, начал просмотр карты Роберта. Вениамин Иванович с Никитой сидели тут же и склонились к карте, будто что-то понимали в закорючках, результатах анализов и диагнозах, эксперт насмешливо пробубнил:

– Господа, уберите ваши головы, вы заслоняете мне свет.

Оба выпрямились, но сидеть и ждать, когда вот сейчас станет известна причина шантажа, нелегкое дело. Тем не менее хоть со светом, хоть без света – результат нулевой, о чем не преминул сообщить эксперт, отдав карту медсестре:

– Поставьте на место. – Потом разочаровал Никиту и Вениамина Ивановича: – Да ваш Роберт здоров как бык. Даже не знаю...

Его прервал женский голос у окошка регистратуры:

– Эй, регистратура! Я стою уже пять минут! Кто-нибудь подойдет или мне идти в другой медицинский центр? К счастью, клиник у нас полно.

– Я сейчас, извините! – крикнула медсестра.

Голос был неприятно-резкий и громкий, девушка дернулась, когда почти поставила медицинскую карту Роберта на полку, и рукой задела остальные, которые посыпались из ячейки и упали на пол. Ей пришлось присесть и собрать карты, тут-то она и вскрикнула, но уже по другому поводу:

– Нашла! Карта вашей Катрин... Вот она!

Медсестра отдала карту, после быстро обслужила клиентку и вернулась к группе мужчин. Пока эксперт изучал записи, а его тоже снедало любопытство, что там за тайны носила русская иностранка в себе, Вениамин Иванович кинул девушке вопрос:

– А как карта попала на чужой адрес?

– Не знаю, – пожала плечами девушка. – У нас очень строго, порядок обязателен, а те ячейки, где она находилась, для особых наших клиентов... семейные и... постоянные.

– Вот и ответ, – сказал эксперт, перелистывая страницу. – Катрин когда-то была членом семьи Рябовых, приезжала к нам и лечилась. Гела просто поставила или попросила поставить ее карту к семье Рябовых, чтобы точно знать, где взять, когда понадобится. И поскольку Катрин являлась гражданкой другого государства, то и зависла в этом центре, в котором просто не знали о ее смерти. Другого объяснения быть не может.

Прошло полчаса, эксперт кинул карту на подоконник, уже по одному этому жесту стало ясно, каков результат, он же и озвучил его:

– Да все в порядке с ней. Заболевания были, и что? К возрасту Катрин здоровых людей практически не бывает, но чтобы из этого набора что-то могло повлиять на жизнь всей семьи – это пустословие. Думаю, Гела просто пыталась решить свои проблемы за счет...

Он вдруг тоже завис, как карта Катрин в этом центре, завис с полуоткрытым ртом, не договорив до конца фразы. Вениамин Иванович мгновенно уловил: Спартак нашел, где может прятаться бомба, если же и там промах, то Гела попросту брала на понт бывшего мужа, как делала это неоднократно. В таком случае нужно более тщательно копать второго сына, Алексея, и даже самого отца. Тем временем эксперт улыбаясь поднял указательный палец вверх, будто его только что осенило, а не чуть раньше, и крикнул:

– Девушка! Принесите мне все карты этого семейства!

* * *

Осталось два съемных диска по гигабайту, у Иннокентия голова пухла от папок и файлов, в глазах рябило от фотографий – в основном неинтересных. Бывало, что надолго его взгляд задерживался на некоторых кадрах. Тамила отличный фотограф, многие фото достойны выставок и публикаций, он, встав на ноги и массируя затекшую поясницу, не поспешил на комплименты:

– Здорово у тебя получаются города и натура. Портреты есть первоклассные... Ты талант, спокойно можешь издавать свой альбом.

Кругом царил идеальный порядок, Тамила полулежала на диване с ноутбуком на коленях, восторгов не приняла:

– Да ерунда все это. Чтобы написать картину, нужен талант и навыки,

которые с детства тренируются упорным трудом. Да, именно тренируются, отрабатывая каждый штрих. А фотографировать – надо взять всего лишь хорошую камеру, и все, остальное – преувеличение, пиар, раздутая помпа. Редкий кадр поймать – нужно лишь везение и вовремя щелкнуть кнопочкой.

– Впервые слышу, когда принижают собственную работу.

– Ой, не смейся...

– Извини... – Иннокентий подхватил со стола звонивший смартфон. – Алло, Алексей, как дела, ты сейчас где?.. Уже приехал? Когда?.. С Сашей и дочкой?! Ну, ты молодец! Мне нравятся люди твоего плана, люди действия, а не пустого базара... Забито, приеду, но часов в восемь, я же безлошадный, пока доберусь... Нет-нет, на машине в это время еще хуже. Все, пока... Хорошо! Если получится, буду раньше. Пока.

Он прищелкнул пальцами, положил трубку и снова упал в кресло. Тамила улыбалась, глядя на него, но, поскольку Иннокентий молчал, уткнувшись в монитор и щелкая мышкой, сама заговорила:

– Алешка звонил? Привез Сашку и... у них дочка, да?

– Ой, прости! – опомнился он. – Я совсем на радостях...

– Не подозревала, что крутые парни так легко теряются.

– Бывает, – засмутился он, а больше позировал. – В исключительных случаях.

– Ни Сашка, ни Алешка даже не позвонили. Мерзавцы. А как что – Тамилочка, помоги! Очень хочется им высказать все и взглянуть на их девочку.

– Девочка как девочка. Кстати, я тоже ее не видел... Только на фото.

– Ладно, увидим еще. Пойду-ка я сварю кофе, что ли...

Тамила ленивой походкой ушла на кухню, а он вдруг увидел в группе из трех человек... знакомое лицо. Иннокентий открыл одну фотографию, затем вторую – тоже группу, но уже из пяти человек... И следом – дама в алом (или коралловом) платье на дорожке вдоль стены... Вот это находка! Ого, какие снимки – чудо из чудес, просто подарок упал неожиданно-негаданно. Раздался звонок, Вениамин Иванович потребовал срочно приехать, мол, повезло, Спартак откопал тайны, надо бы срочно увидеться.

– Еду! – воодушевился он, записывая на флешку фотографии. – Тем более мне тоже повезло. Где стрелку назначаете?

Отключившись от связи, Иннокентий вытащил флешку, сунул в нагрудный карман и поспешил в прихожую, позвав хозяйку:

– Тамила! Я ухожу!

– А что так? – появилась она в прихожей. – Еще вроде не вечер.

– Только что звонили с работы, требуют срочно приехать.
– Когда будешь досматривать?
– Ой, не знаю... может, через пару дней. Сначала надо выяснить, что за аврал накрыл нашу контору. Когда срочно – значит, что-то из ряда вон... Я позвоню, ладно? Пока.

Натянув спортивную шапочку (на улице морозно, а он без колес), Иннокентий сбежал вниз по лестнице метеором, думая, как бы ему поскорей добраться. Такси вызвать... Быстрее будет частного поймать.

Добрался на удивление быстро, его ждали в кабинете Вениамина Ивановича в исключительно скупой обстановке – белые стены и стол со стульями. В сущности, в этом месте, где добывают истину всеми возможными способами, ничто не должно отвлекать от цели. Иннокентия ждали недолго, следак и Никита тоже все это время добирались. Тем не менее успели вскипятить чайник и налить по кружке чая, как вдруг он, взмыленный, словно лошадь после забега (а ведь и правда бежал на третий этаж и по коридору) бухнулся на стул.

– Я весь ваш, – сказал Иннокентий, схватив графин с водой, налил полный стакан и выпил. – Ну? Жду, жду...

Ему в двух словах объяснили, в чем суть, что не могло не радовать. Однако он тоже приехал не пустым, поделился своими открытиями – вот так в один день почти все встало на свои места. Никита радостно хлопнул в ладоши, потер руки, воскликнув:

– Пора брать!

И посмотрел на Вениамина Ивановича как на главного упаковщика тел, но внимание взял на себя Иннокентий:

– Нужно еще кое-что обдумать, утрясти в голове. К тому же дело-то имеем с крутым народом, а он не терпит обвинений. Бить надо так, чтобы сразу – в нокаут.

– Конечно, ваша заслуга бесспорная, – начал Вениамин Иванович, – вы у нас тут ведущая партия, распутали клубок...

– О, нет, – поднял руки Иннокентий, – до меня хорошо поработали.

– Не стоит скромничать. Но и оттягивать не стоит, а народ... народу раньше надо было головой думать.

– Ну, хотя бы до завтра, я должен все собрать, есть еще одно пятно...

– Да плевать на пятна, в процессе выяснится.

– Тогда в четыре, – настоял Иннокентий. – Устроит?

– Ну, звоните, – нехотя согласился Вениамин Иванович, – ведь крутые люди должны вписать нас в свой график.

Про график он, конечно, загнул, шутка грубоватая, если не циничная,

впрочем, Иннокентий кивнул и взялся за трубку:

– Ах ты, черт, не отвечает. Так, второй... Алексей? Извини, я сегодня никак... Да, работы много, но должен тебя обрадовать: финал близок. Слушай, Алексей, завтра мы наметили в четыре часа встречу у вас в офисе, ты не планируй ничего на это время... Как не работаешь?! Как уволен?.. Отец уволил тебя, серьезно?.. Ах, еще до поездки к Саше... Но приехать-то ты можешь?.. Очень надо... С нами войдешь, раз теперь твой пропуск не действителен.

Он опустил руку с телефоном, заодно уголки губ вниз. Но, кажется, наибольшее впечатление его односторонний диалог произвел на Никиту:

– Не понял: Алексей не работает у Матвея Павловича?! (Иннокентий утвердительно кивнул.) Папа выгнал сына?! Я отстал от жизни.

– Звоните Матвеем Павловичу, – сказал Вениамин Иванович. – И поостроже с ним, в конце концов, имеем право ворваться с вооруженными людьми. Но мы решили поиграть в демократию.

– Не берет трубку, позже позвоню... а сейчас Робу...

Уткнувшись в смартфон, Иннокентий думал, что ошибки недаром называют роковыми, вот как бы самому не наделать их в этой жизни, чтобы потом не платить бессмысленно высокую цену, равную самой жизни.

* * *

На следующий день без пяти шестнадцать повидавшая виды иномарка Вениамина Ивановича остановилась у офиса Матвея Павловича. Из нее вышли три человека, тотчас открылась дверца автомобиля премиум-класса на парковке, оттуда появился Алексей и кинулся догонять троицу:

– Эй! Подождите!.. Инок!..

Поздоровавшись за руку, мужчины зашли внутрь, а там охрана вмиг отреагировала на Алексея, один осмелился подойти, правда, с извинениями:

– Простите, Алексей Матвеевич, вас не велено пускать.

Тот развеселился, обратившись к Иннокентию:

– Видал? Не велено!

Веселью Алексея и наглости охранника положил конец Вениамин Иванович, он, выставив магический пропуск на все времена – удостоверение, жестко рявкнул:

– Алексей Матвеевич со мной. Это понятно? С дороги!

Молодые люди, сопровождавшие его, не ожидали от интеллигента,

неспособного сказать резкого слова, мощного отпора, от которого охранник попятился, приподняв руки, мол, мое дело маленькое. Четверо мужчин зашагали к лифту, потом, поднявшись на этаж, по длинному коридору, возглавлял делегацию Вениамин Иванович. Воспользовавшись паузой, Иннокентий поинтересовался шепотом у Алексея:

– Как Саша? И ваша дочь?

– Отлично, – улыбнулся Алексей, хлопнув его по плечу. – Сашка осваивается, переделывает все в квартире, правда, я не разрешаю ей выходить до тех пор, пока не найдут того, кто ее заказал. А малышка... метеор и болтуня, говорит целыми предложениями, представляешь? Но нужен переводчик, Саша с этой работой справляется, мама тоже, а я понимаю Нику с трудом. Знаешь, у меня смысл появился, жизнь по-другому пошла, и мне это нравится. Инок, я в долгу перед тобой.

– Ну, вообще-то, меня отправил в глухомань твой отец.

– С другой целью, – помрачнел Алексей.

Больше не было времени перекинуться и парой слов, так как все вошли к Матвею Павловичу и застряли на пороге. В отличие от домашнего кабинета здесь, без сомнения, потрудились дизайнеры, в задачу которых входило: максимум шика и современных тенденций. Матвей Павлович восседал за столом, отражаясь на полировке, словно в зеркале, был хмур и явно не в настроении. Роберт сидел в кресле немного сбоку и лицом к отцу, уложив ногу на ногу, папка – на коленях, по настроению – наверняка получал нагоняй. Матвей Павлович, завидев вошедших, откинулся на спинку кресла, упираясь руками в столешницу, и пригласил их:

– Прошу садиться.

– Как на партсобрании, – тихо хмыкнул Алексей, идя следом за Вениамином Ивановичем, отца он воспринимал только негативно, что, в общем-то, понятно.

Сели на заранее приготовленные для них стулья перед столом хозяина, но сначала Никита поставил ноутбук на край стола так, чтобы всем было видно, включил его. Тем временем Вениамин Иванович, представившись, ввел в курс дела обоих Рябовых:

– Сейчас мы посмотрим запись, потом Иннокентий вам объяснит, зачем она понадобилась. Готов, Никита? Включай.

– Запись сделал ваш старший сын Роберт, – комментировал Никита. – Это подъезд Гелы в ту ночь, когда она убила себя. Смотрите, это Саша выходит из такси, следствию она сказала, что приехала с Алексеем, но он к этому времени уже был в квартире вашей бывшей невестки...

Отец нервно дернулся, повернувшись к Алексею, процедил:

– Что это значит?

Младший сын молчал, он привык сначала выслушивать, правда, куда ведет Никита, понял, по ходившим на скулах желвакам стало ясно, что занервничал. А Никита продолжал:

– Вот Саша и Алексей выбегают из подъезда и бегут за дом, где лежит труп Гелы. Роберт рассказал, как и почему сделал запись, по его версии, он приехал с Катрин, своей родной матерью...

И пересказал историю довольно коротко, затем сел на свой стул, так сказать, уступая место Иннокентию, который не успел рта раскрыть, как взревел Матвей Павлович:

– Алексей! Я спрашиваю: что все это значит?

Недобро глядя на брата, Алексей с трудом, явно сдерживаясь, чтобы не кинуться на него с кулаками, процедил:

– Это значит, что твой сын Роберт сделал из меня убийцу.

– А это не так? Твой брат тебя покрывал, а ты... Ну, говори, говори! Я хочу услышать, что скажешь!

В отличие от него Алексей взял спокойный тон:

– Значит, ты, папа, поверил Робу? Этого я тебе никогда не прощу. Иннокентий, я могу вызвать адвокатов?

– В этом нет необходимости, Алексей, потому что! – сказал Иннокентий, затем повернулся к его отцу, побагровевшему от негодования. – Все, что вы видели и слышали, Матвей Павлович, это фейк.

Тут вступил и Роберт, почуяв неладное:

– Вы хотите сказать, что я предоставил вам ролик, в котором снимались Алексей и Саша по доброй воле? То есть мы втроем были в сговоре?

– Нет, – улыбнулся Иннокентий. – Чтобы понять, что произошло у Гелы, мне следовало ответить на несколько вопросов. До вчерашнего дня история не поддавалась чистой логике, не хватало конкретики, отчего версии выглядели слабыми. Первое: зачем Гела отправила три смс-сообщения с заведомой ложью? Второе: зачем она оставила открытой входную дверь, решив броситься вниз? Третье: зачем она вколола себе наркотик в мышцу, а не в вену, как делают наркоманы? Четвертое: кто первым приехал на место преступления, получив сообщения? Пятое, и главное: чем шантажировала Гела Роба, что могло навредить всему семейству? Ну, пока достаточно. Итак...

Недаром он проработал несколько месяцев в театре! Монтировщиком – ну и что! Умный человек (а Иннокентий себя считал суперумным) всегда воспользуется опытом и наблюдениями, к тому же

простейшим азам режиссуры он научился у Пинг-Понга, во всяком случае, подогреть интерес к интриге. И дело не в паузе, которую выдерживал, переводя взгляд с одного фигуранта на другого, а в том, что, нагнетая напряжение, вытягивал жилы из преступника. Ему лично было интересно наблюдать, как этот уж поджаривается на сковородке... в данном случае на стуле. И продолжил:

– Первым приехал не Алексей, а Роберт, продумав до мелочей каждый свой шаг! Он даже сделал повторную генетическую экспертизу, предвидя, что Саша может рассказать следствию, как получила письмо от Гелы незадолго до ее якобы суицида. Что тогда говорить? Экспертиза установления отцовства явилась доказательством невиновности Роберта и увела следствие в сторону. А мы на днях узнали, что генетический анализ он делал два раза! Зачем два-то? Надеюсь, понятно? Кстати, маленький штрих: письмо передал Алексей, но ему в голову не пришло вскрыть его и прочесть, что стало лично для меня маркером: у этого человека есть принципы, ему можно доверять. Но пойдем дальше. И приехал Роб к бывшей жене со своей родной матерью – Катрин. Ты сам проболтался, Роб, причем, красиво изложил, ибо повторяю: продумал от и до.

– Бред не надо нести, – вставил тот. – Любой адвокат докажет...

– У Алексея не было мотива убивать Гелу, а у тебя он был, и железный. Ты мог все потерять, все-все! А это много, очень много: этот офис, престижную работу, деньги и, наконец, наследство. Ради этих благ и горы трупов появляются, а тебе нужно было убрать всего лишь одну Гелу. И ты ехал с твердым намерением убить ее, ведь никто не должен знать правды, которую узнала она.

Роберт стал серым, сжал губы, ему трудно было сдерживаться, осталось еще чуть-чуть надавить на психику – и он схлопнется. Теперь Иннокентий повернулся к Матвею Павловичу и через него воздействовал на сына:

– Самостоятельно план Роб не мог осуществить, поэтому взял в помощницы родную мать, а она не смогла ему отказать, полагаю, считала себя виноватой в том, что обманула и сына. Гела их впустила, ведь с Робом была мать, женщина, которая, по идее, не могла причинить зла. И ошиблась. Теперь отвечаю на вопрос – как она, медик, вколола себе наркотик не туда, если ей захотелось мгновенного кайфа. Никак. Роберт с матерью и вкололи.

– А она что, не сопротивлялась насилью? – взвился Роберт. – На теле Гелки не было гематом! Так что не мелите чепухи, сыщики хреновы.

Действительно, никто не даст себе вколоть всякую дрянь, а бывшая

жена была трезвой, в ее крови не обнаружено транквилизаторов – об этом все знали. Обвинение показалось Матвею Павловичу несостоятельным, что отразилось на его лице, он кичливо оглядел всех, мол, ну, что скажете? Не верил любящий отец, что его сын конченный негодяй, но объяснение нашлось у Вениамина Ивановича:

– Полагаю, Роберт повалил на диван Гелу, когда она этого не ожидала, и придавил собственным телом, то есть навалился на нее. Масса тела Роберта равномерно распределилась по всему телу Гелы, в таком положении гематомы редко появляются. При этом самому сделать укол невозможно, однако у Роберта была помощница – мать, она вколола в мышцу руки бывшей невестки наркотик. В вену уколоть было невозможно, жертва слегка дернулась бы и... все пропало, повреждения стали очевидными, а значит, и насилие. А Роберту хотелось эту историю закончить суицидом бывшей жены. Верно, Иннокентий?

Тот подтвердил кивком головы, и, поскольку никто не изъявил желания обсудить этот момент, дальнейший расклад он снова адресовал Роберту:

– После укола вы подождали, когда подействует инъекция, а это довольно быстро происходит, хоть и не в вену кололи. Далее Роберт отправил три эсэмэски с телефона Гелы, себе в том числе. Потом Катрин помчалась в автомобиль и караулила, кто приедет первым. Думаю, самое страшное – если б Алексей приехал одновременно с Сашей, тогда пришлось бы отменить убийство, ведь именно из них кто-то должен был стать бесспорным убийцей, если бы! Если бы следствие не поверило в самоубийство, как случилось сегодня.

– И даже Саша? – не верилось Алексею.

– В зависимости от того, кто из вас приехал бы первым. Ты оказался более расторопным, поэтому, когда Катрин позвонила сыну и сообщила о тебе, Роберт выбросил Гелу из лоджии, она уже была в наркотическом опьянении, то есть никакая, отсюда не сопротивлялась. И побежал к лифту (а их два, что исключало встречу с братом). Роб и оставил дверь квартиры открытой, иначе как зашли бы Алексей с Сашей? Но! Роберт повел себя благородно (прозвучало с издевкой), не сдал тебя тогда следствию...

– Зато сейчас свое преступление перекинул на Алексея, – презрительно фыркнул Никита.

– Но три года назад версия «убийство» не развивалась, – внес уточнение Вениамин Иванович. – Не было достаточных оснований, а всплыла только сейчас в связи с покушениями на Александру Боярову.

О, пауза, снова пауза... Она понадобилась всем: Алексею – чтобы в себя прийти, Роберту – для поиска бреши в обвинениях, их отцу – для

осмысления: он пока мало что понимал, ему не хватило подтверждений, прямых улики:

– Простите, а что за мотив у Роберта? В чем обман?

– Как! – изобразил удивление Иннокентий, оставив ударный факт напоследок. – Я разве не сказал? Роберт вам не сын, а посторонний человек. Такая милая история, Матвей Павлович. Должно быть, Катрин вас обманула еще при рождении Роберта, наверняка она знала, от кого забеременела. Так что, Матвей Павлович, родной сын у вас один, он вот, – указал на Алексея Иннокентий. – Что тоже видно из ваших групп крови. Но именно этим фактом воспользовалась Гела и шантажировала Роберта.

– Как это?.. – потерялся Матвей Павлович. – Не понимаю...

– Элементарно. Она же была врачом, внимательным и классным врачом, само собой, к медицинским картам имела доступ, а карты вашей семьи стоят в одной ячейке, туда же Гела поставила Катрин. Выдали Роберта и его мать группы крови: у вас с Катрин первая группа, значит, у Роба должна быть тоже первая. Это без вариантов! А у него – третья. Его настоящий отец должен быть с третьей или четвертой группой крови. Теперь понятно?

– Роберт, ты давно это узнал? – спросил теперь уже бывший отец.

Крах человека обездвигивает, потому и сидел Роберт в молчании, опираясь одной рукой о стол, второй держась за стул, низко опустив голову. Лишь внутри бурлили эмоции, и все со знаком минус. Они не могли не бурлить, ведь Роберт относится к тем людям, которые живут с размахом, но если под руку попадают кусачие мошки, их смахивают. Считал ситуацию отжитой, проехавшей, а она догнала его – как тут говорить, о чем и зачем? Он молчал, потому что долго не имел понятия, кто на самом деле своему отцу – никто. Мать скрывала и от него. Да, она знала: сыночка родила не от мужа, но и не подумала забирать Роберта у Матвея Павловича – зачем? Бывший муж состоятельный, его деньги открывали массу возможностей для мальчика, к тому же он безумно любил ее ребенка, считая его своим. Ничего личного, только расчет. Подробности он узнал от матери, когда ехали к бывшей жене. Правда стала для Роберта страшным ударом, он сразу решил уничтожить Гелу, чтобы и следа от нее не осталось на грешной земле.

Матвей Павлович смотрел на любимца, перемалывая про себя эту тяжелую мелодраму, но при этом не смея взглянуть на родного сына. И конечно, он сомневался, потому что невозможно целых тридцать пять лет верить в одно, а потом вдруг за одну минуту все зачеркнуть. Иннокентий подсказал ему, как избавиться от сомнений:

– Вы, Матвей Павлович, можете сделать генетический анализ и убедиться, что Роберт вам примерно такой же сын, как я или Никита, хотя у меня... тоже первая группа крови, но... ДНК подкачала.

Шутку никто не оценил, она отдавала черным юмором. И снова грозила затянуться пауза, эти идиотские перерывы били по нервам бывших родственников. Но тут подхватился Алексей, он подлетел к Роберту, схватил его за грудки и зашипел ему в лицо:

– Ты подсунул мне шлюху с клофелином? А потом убил ее?

Роберт со злостью сбросил его руки, сел на место и проговорил:

– К твоим шлюхам не имею отношения.

– Похоже, это правда, – сказал Иннокентий. – Одно могу сказать с уверенностью: бабу тебе подсунула и пыталась убить Сашу ваша общая подруга.

Мама и дочь пели детскую песенку – так легче одеть малышку, не любит она одеваться на прогулку, только с песнями, слава богу, без танцев. Бабушка сидела на пуфике с шубкой в руках в ожидании своей очереди, одевать внучку – целый ритуал, сидела и сияла, как золотая монета. Но как огорчали Ирину Федоровну родители малышки, они ни в какую не хотят отдавать бабушке девочку хотя бы на пару деньков. Отдохнули бы, так нет же, сами хотят заниматься ребенком, но разрешают на прогулки водить и кормить. Бабушка лелеяла тайную мечту выпихнуть обоих на работу, тогда... никуда не денутся, отдадут ребенка ей.

– Сашенька, ты разрешишь купить Нике новую шубку?

– Зачем? – улыбнулась Саша. – Этот год доходит, а в следующем купите, какую захотите.

– Но я в этом году хочу. Пожалуйста...

Зашнуровав ботиночки, Саша поставила дочь на ноги и посмотрела на бабушку в норковой шубе с лицом страдальницы. Ну, что с ней делать? Она же больная будет, если не купит мешок игрушек или одежды для Ники. А малышка! Ей нет и трех лет, а уже поняла, как вертеть бабушкой. Но Саша разрешила:

– Покупайте. Только, пожалуйста, не норковую, ладно? (Шутку бабуля не поняла.) Ну, вот, ботинки надели, шапочку тоже. Надевайте шубку, Ирина Федоровна, а то она передумает идти на прогулку.

Бабуля залепетала, завертелась вокруг внучки, тем временем Саша

думала: «Неужели и я стану такой же повернутой на внуках бабушкой?»
Наконец свекровь взяла Нику за ручку, объявив невестке:

– Уходим надолго. Не волнуйся, Саша, мы с охраной, я у деда двух мужиков выбила. Купим шубку и поедem к нам, там накормлю нашу крошку, у нас свежий воздух... А ты книжку почитай, полежи и не переживай.

– Да у меня работы полно.

– Тем более! Идем, Ника?

Саша захлопнула за ними дверь и отправилась в комнату, которую переделывала под детскую своими силами. Туда хоть игрушки можно будет свалить – бабуля перестаралась, накупила вагон. Алексей пытался объяснить маме, что мера должна быть во всем, но пока бесполезно.

Кто-то позвонил. Саша помнила наказ Алексея, да и собственный опыт подсказывал: опасность подстерегает, когда о ней начинаешь немножко забывать. Она подкралась на цыпочках к двери, посмотрела в глазок... и защелкала замками, радуясь госте:

– Тамила!.. Боже, как я рада...

– Привет, дорогая...

Подруги обнялись, Тамила, не раздеваясь, прошла в гостиную, упала на диван, раскинув руки по спинке, и уставилась с доброй улыбкой на Сашу.

– Выглядишь отлично, – оценила. – Но тебя даже дешевые тряпки красили. Я на минутку. Чаем напоишь?

– Конечно! Я на кухню... а ты...

– Обо мне не думай.

Саша улетела, поставила чайник и достала сласти – бабушка Ира принесла домашние изделия. Крепче дружбы с Тамиллой в ее жизни больше не случилось, и она радовалась подруге, ведь нужно восстанавливать старые связи, в дом должны приходиться друзья и их дети.

– Ты так бессовестно исчезла, – слышался голос Тамилы из гостиной, – я не могла простить тебя долго. Потом забыла даже, а тут на днях мне сказали, что Алешка привез тебя и дочь...

– Прости, так получилось. Ты на машине? У меня есть ликер...

– Я на машине, мы вместе поедem, – сказала Тамила за ее спиной.

Саша повернулась лицом к подруге и опешила: Тамила держала в руке пистолет, направленный в нее, да еще и предупредила:

– Дернешься – застрелю.

– Не понимаю... – пролепетала Саша, не успевшая испугаться. – Это шутка?.. Или ты сошла с ума?

– Это не шутка. Сейчас ты оденешься и пойдешь со мной. Спокойно, без паники и суеты. Попробуешь крикнуть, позвать на помощь – пеняй на себя. Иди в прихожую, быстро!

– Зачем? Что ты хочешь?

– По дороге расскажу...

Саша поняла, что дело плохо, Тамила не шутила. Да и какие шутки с пистолетом в руке? Но перед ней была всего лишь женщина, а это значит, нужно подгадать момент, чтобы... спастись как-нибудь. Нужно только оставаться в хладнокровном спокойствии, но как это трудно...

В прихожей Саша переобулась в сапоги на низком ходу (на тот случай, если повезет и придется убегать), надела пуховик, намотала шарф на шею... И думала, думала, что делать. Взяла вязаную шапочку, ключи сунула в карман...

Боже! В кармане спасение. Телефон! Который дал Иннокентий, наказав, чтобы трубка всегда была с ней. Конечно, сейчас Саша не таскала ее повсюду, а положила в карман пуховика еще в Сибири. Но постоянно заряжала. Почему, откуда такая исполнительность? Все очень просто: потому что опасность не миновала, о чем ей постоянно напоминал муж, впрочем, сама она тоже об этом помнила. Главное, не ошибиться кнопкой... Первая... Саша оцупала пальцем первую кнопку, уверилась, что это она, и нажала крепко-крепко... Звука не последовало. Что это? Почему? Она никогда не пробовала звонить, а надо было! Вот дура, все надо проверять, чтобы быть уверенной.

В другом кармане лежали пуховые варежки – в Сибири морозы крепкие, там перчатки не подходят, да и пуховики не спасают, нужны добротные шубы и дубленки. Но погоды стояли теплые, Саша обходилась пуховиком, а варежки предпочла эти, мягкие, пушистые. В трубке молчок. Да работает ли она?

– Выходи, – приказала Тамила.

Саша подчинилась, закрыла дверь и, достав варежки, надела одну, потом вторую, глядя в лицо подруге. М-да, подруга... Но пока не связывала Тамилу с тем ужасом, что происходил с ней в театре. Ее занимало другое: засунуть трубку в варежку одной рукой и сделать это в кармане.

– Спускайся вниз, – приказала Тамила. – Иди вперед и помни: в кармане я держу ствол, палец на курке. Не делай резких движений, иначе застрелю и убегу.

Главное, варежки пластичные, растягиваются. Саша наполовину высунула кисть и стала тихонько загребать варежкой телефон... лишь бы не отключить его... А телефон-то маленький, он быстро попал в варежку.

Вышли из дома. Машина стояла в двух шагах, Тамила открыла первую дверцу, тем самым приглашая Сашу, которая села на место пассажира. Подружка (черт бы ее забрал в ад) кинула ей на колени веревку с приказом:
– Запутай на запястьях руки.

Пока Саша путала свои руки, Тамила обошла нос, села на место водителя, отобрала у пленницы концы веревки, завязала их. Не забыла пристегнуть ремнем безопасности – во какая забота! После, не спеша, тронула автомобиль с места, проехала мимо охраны и выехала на проезжую часть.

Саша как знала: террористка руки свяжет, потому надела варежки – чтобы Тамила телефон не увидела. Только бы он работал, Инок обещал, что будет знать, где она находится, но, может быть, и слышать их – для этого трубка не должна лежать в кармане, вот для чего было столько усилий с варежкой...

* * *

– Тамилу я сразу заподозрил, когда слушал Сашу, – делился ходом своих мыслей Иннокентий. – Но я всех подозревал, того же Алексея, Матвея Павловича, Пескарей. Подозревать можно даже бронзовую статую на площади! Но важно получить мотив, не говоря об уликах. А мотива у Тамилы не было, я даже сейчас его не знаю. Между тем указателей, что в покушениях на Сашу принимает участие женщина, было достаточно. Во-первых, в цветочный салон один раз звонила женщина. А звонивший в тот же салон несколько раз мужчина, когда ему сказали, что цветы с черными лентами несут только на кладбище, возразил: «Черный цвет сочетается с желтым и зеленым, это красиво!» Фраза типично женская, а не мужская. Значит, интригой с желтыми розами, по идее, заведует женщина. Это могла быть актриса, у которой Саша отняла роли и которая имеет мощного покровителя, снабжающего деньгами, тем более что покушения на Боярову совершали в театре. С другой стороны, сбросить софит для женских ручек – тяжеловатое дело, значит, исполнитель мужчина. Возможно, их вообще двое... Но события развивались слишком быстро, мне нужно было вернуться сюда.

Да, он вернулся. Первым делом встретился с Матвеем Павловичем, узнал много интересного – что Алексея кто-то подставил с девицей из борделя, а потом эту девицу сбила машина, когда она шла на вызов. Иннокентию пришлось пройти заново по следам давнишних событий и

обратиться к Тамиле за сущим пустяком – фотографиями мертвой Катрин у ресторана. Она показалась ему слишком озабоченной собой и своей работой, Иннокентий списал ее со счетов подозреваемых, и вдруг... фотографии!

Он открыл первый снимок, на нем все увидели трех человек.

– Это же... режиссер из Сашкиного театра, – мгновенно вспомнил Алексей. – Этот... как его...

– Пуншин, – подсказал Иннокентий. – В обнимку с Тамилей. И вот они. Он учился в одном из наших вузов, еле дотянул до диплома и уехал в провинцию. Мне стало ясно, кто покушался на Сашу в театре и кто руководил Пуншиным. У Тамилы достаточно денег, чтобы оплатить желтые цветочки с похоронными ленточками, а вот чем она взяла Пуншина, скоро узнаем. И мотивы выясним, когда возьмем Тамилу, за ней уже...

Он осекся, так как противно запищал его смартфон – сигнал абсолютно не похож ни на один из наборов телефонных вызовов. Иннокентий вмиг переменялся в лице, судорожно вытащил трубку и, глядя в нее, сказал:

– Что-то с Сашей...

– Не может быть, – подскочил к нему Алексей. – Она дома, никому не открывает...

– Смотри! Эта точка – твоя Сашка, она движется от твоего дома... Раз она позвонила с телефона, что я дал ей, значит, с ней беда. Такой у нас был уговор. Твоя жена в автомобиле, человек так быстро передвигаться не может...

– Но у нее нет прав, автомобиля тоже... нет.

– Значит, дело совсем плохо, – не обрадовал Иннокентий. – Ее выманили из квартиры и куда-то везут.

Внезапно Роберт подхватился и ринулся к выходу со скоростью кометы, никто и вдохнуть не успел, а в коридоре уже раздавался топот, будто табун лошадей устроил забег. За ним рванул Никита, однако Вениамин Иванович, доставая телефон из кармана, его остановил предельно спокойным голосом:

– Да пусть бежит, пусть. Его давно ждут. Иннокентий, говори, как определить машину, чтобы перехватить? Я передам нашим ребятам.

– Продиктуйте им мой номер, они сами найдут. Я не отключаю смарт, связь будем держать через Алексея, его номер тоже дайте. Алексей, поехали!

– Я с вами! – кинулся за ними Никита.

– Спокойно, парень! – рукой остановил его Иннокентий. – Это игры

для взрослых дядей, ты остаешься. Алексей, бегом!..

– И-инок... – протянул с обидой Никита.

– Я сказал – нет!

Иннокентий с Алексеем вылетели из кабинета, помчались к лифту, в один заходили мужчина и женщина. Иннокентий вбежал туда же, нажал на первый этаж, а когда мужчина хотел нажать на кнопку нужного ему этажа, схватил его за руку, прорычав:

– Сначала первый этаж без остановок, потом – хоть на небо.

– Что вы себе позволяете? – вскипел мужчина.

– В рог не хочешь получить? Тогда стой и молчи.

Столкнувшись с подобной «вежливостью», видя перед тобой жлоба, желание спорить отпадает, ведь против лома нет приема.

В фойе на первом этаже стоял Роберт в наручниках среди бравых молодых людей, которые ждали Вениамина Ивановича.

Алексей собрался сесть за руль, но его оттолкнул Иннокентий:

– Я поведу...

– Как мы их догоним? – волновался Алексей, усаживаясь на сиденье пассажира. – Пробки, светофоры...

– Догонят без нас, а мы просто подведем, вдруг пригодимся. Не сидеть же на месте! Сейчас покажу класс вождения по бездорожью. Куда... Куда смарт деть? Я должен видеть, как нам ехать...

– На коврик перед лобовым... липучка...

– Пристегнись! – сорвавшись с места, рывкнул Иннокентий. Когда придут штрафы, к Вениамину обратишься, он уладит. Ай молодец твоя Сашка, трубу не отключила!

Тем временем Матвей Павлович почувствовал себя нехорошо и, ослабляя узел галстука одной рукой, второй потянулся за графином с водой... и упал плашмя на стол, затем соскользнул на пол. Вениамин Иванович с Никитой, к этому времени выходявшие из кабинета, были вынуждены к нему подбежать, перенесли бесчувственное тело на диван.

– Вызывай «Скорую»! – бросил Вениамин Иванович Никите, расстегивая рубашку. – Похоже, сердечный приступ...

* * *

Обе долго молчали. Тамила сосредоточилась на дороге, была собрана и напряжена, пистолет лежал у паха, чтобы удобней его схватить. Саша гадала – поможет ли ей Инок? Пока все не укладывалось в голове, но и

думать об этом нельзя... не сейчас... потом, если получится. Но цель, какая у Тамилы цель?

– Ты хочешь получить за меня выкуп? – спросила Саша.

– Пф! – фыркнула Тамила. – Нет, милая. Хочу завалить тебя наконец. Если хочешь сделать дело хорошо, делай его сам, этот постулат никто не отменял.

– Завалить?.. – не поняла Саша. – То есть убить? Но почему?!

– Достала ты меня! Мешаешь. Я столько лет положила, чтобы стать Алешке необходимой, я подстраивалась под него и его вкусы, была главным советчиком, мне отлично удавалось отвадить от него баб, еще бы немного... Но появилась ты со своими глазами зомби, и все пошло прахом! Ты мне всю малину перепортила, а ведь ничем не лучше меня. Только ростом.

– Ты... так сильно любишь Алешу?

– Больная, да? – огрызнулась Тамила. – У тебя в голове, кроме любви, есть еще мысли? Он мне подходит! Разницу чувствуешь? Мне нужен статус, твердое положение, деньги. Господи, как надоело ишачить на желтые газетенки и пошлые журнальчики, писать всякую хрень, а не то, что хочется. Стоять перед главными редакторами в позе «чего изволите» надоело, а какая-нибудь тупица, которую посадили в кресло, кичливо пальчиком тыкает, что, по ее глупому мнению, плохо написано, и заставляет десять раз переделывать статью. Прикидываться то правой, то левой, красной, белой... Надоело брать интервью у самонадеянных идиотов, которым место в доме престарелых или психушке, но они почему-то торчат на Олимпе. Я устраиваю свою жизнь, а ты мешаешь. Я Алексею стану помощницей во всем. У нас много общего, я разбираюсь в его делах, отлично разгребаю интриги, знаю три языка и могу сопровождать по всему миру, мы хороший тандем, со мной он достигнет новых высот. Но тут опять ты...

– А меня он просто любит, – нечаянно подлила масла в огонь Саша.

– Разлюбит! Когда тебя не станет.

– У тебя было три с половиной года...

– Заглохни! – гаркнула куколка Тамила. – Без тебя я...

– Тебе понадобится еще три с половиной года, если не вся жизнь, – помимо воли начала злить ее Саша.

– Меньше, подруга, меньше, – ухмыльнулась Тамила. – Через твою дочь я быстро войду в его дом.

– Что?... Что ты с ней хочешь сделать?

– Ничего страшного. Использую ее, буду заботиться о ней, помогать

ему, а потом отправлю в лучший лицей на долгие годы... где-нибудь в Англии или Швейцарии, чтобы она не напоминала тебя. Зато твоя девочка получит хорошее образование, выйдет замуж. Все будет гуд. Без тебя.

Кто мог предположить, что куколки бывают исчадиями ада? Эту Тамилу Саша не знала, сомневалась, она ли сидит за рулем. Может, Тамила уже Нечто, пришедшее из враждебного космоса и вселившееся в бедняжку, которая не понимает что она – это не она? Так или иначе, но Саше приходится иметь дело с данным чудовищем, а потому придумывать, как не дать Тамиле осуществить свои подлые планы. И придумала.

– А почему Роба не взяла в оборот? – поинтересовалась Саша, осторожно разворачиваясь под ремнем безопасности к Тамиле? – Почему Алексей?

– Роб не такой порядочный, не так умен и главное – ненадежен. Сегодня он без ума от тебя, завтра прогонит, на него нельзя положиться. К тому же я узнала, что он не сын Матвею Павловичу.

– Как – не сын? – ахнула Саша, на секунду забыв о своем положении пленницы и смертницы.

– Ну, абсолютно чужой человек. Когда я прочла письмо, которое дала тебе Гела, поняла, что у нее есть серьезная фишка против Роба. Пристала к ней, подпоила, а она мне доверяла... Группы крови не совпадают, у Роба другой отец, Катрин обманула дядю Матвея. Мне интересно было посмотреть на цирк с разоблачением, но Гелка погибла...

– Не ты ли ей помогла погибнуть?

– С какой стати? Она мне не мешала. После ее смерти я решила выдрать у Роба и его матушки немного мани-мани, действовала через Катрин там... за рестораном. Сказала ей, будто Гела растрепалась еще одному товарищу про группы крови, но она не поверила! И как накинется на меня – думала, убьет. Я защищалась и оттолкнула ее, а она... Не собиралась ее убивать! Катрин нужна была мне, я даже сумму не назвала... Досадно, что так получилось.

Ехали по Ярославскому шоссе все прямо и прямо, миновали МКАД. Стало темно, пошел снег, в салоне тоже стемнело, и это хорошо. Тамила не заметит, что делает Саша в первые секунды, а потом... Но пока нельзя осуществить план, к тому же умирать Саша не хотела и взвешивала шансы выжить, которых практически не было. Но и праздновать победу этой гадине нельзя позволить.

– Я поняла, – сказала она после паузы, – ты подговорила проститутку навестить Алексея. Сбила ее тоже ты?

– По Алексею я догадалась: у него что-то выгорает с расследованием

инцидента на кровати, стала следить за ним. Короче, узнала, что он и соплук из охраны офиса сняли номер, потом узнала у Мины, что ее вызвали в тот номер. Тут главное – работать на опережение, быстро просчитывать варианты и действовать. Повезло: никого не было вокруг, я сбила ее. Не машиной, так убрала бы другим способом, до номера ей не суждено было дойти в любом случае.

– Я тебя считала хорошим человеком, не только я.

– А что мне было делать? Доберись шлюха до номера, Рябовы перекрыли бы мне кислород, с карьерой и планами было бы покончено. Извини, на жертвы я не готова идти.

Свернули с трассы, поехали по дороге, пролежавшей через лес... Кажется, близок конец пути, Сашин тоже. Пистолет она сразу отмела. Во-первых, стрелять не умеет, глупо начинать учиться на Тамиле. Во-вторых, пистолет может стоять на предохранителе, а как эта штучка выглядит и что надо делать, чтобы снять с предохранителя, Саша не в курсе, следовательно, это риск. Она выбрала другой путь и ждала встречной машины, отвлекая Тамилу разговорами:

– И желтые розы присылала мне ты, да? А как узнала, в каком городе я работаю?

– Хм! Журналист умеет добывать информацию. Но если честно, узнала случайно. Однажды услышала, как Матвей Павлович разговаривал с неким Иннокентием, которого отправлял к тебе. Это было в особняке Рябовых. В тот же город поехал работать мой знакомый Вадька Пуншин...

– Пуншин?! Это он пытался убить меня в театре?

– Он, он. Я пообещала ему, что пропиарю его, то есть открою дорогу назад, в Москву, куда он вернется со статусом гения. И это сделать несложно, какое б дерьмо он ни поставил, лишь бы скандальное. Он выбрал «Бесприданницу», но провалил мое задание, потому что гнида трусливая. Кстати, я дала тебе время, чтобы ты, получив первые букетики, свалила куда подальше. Но ты туповатая, не поняла, а тупых не жалко. Пришлось действовать Пуншину, но он бездарным оказался по всем статьям! Хорошо хоть, не засветился, впрочем, с ним я позже разделаюсь, свидетель – действительно плохо, сейчас я это понимаю.

– Меня собираешься здесь убить?

– Угу, на природе. Ты снова пропадешь, теперь уже навсегда.

– Тебя найдут.

– А кто узнает? – рассмеялась Тамиле. – Меня нет в городе. Я позавчера ночью улетела в Питер, поселилась в гостинице и вернулась на автобусе. Сегодня ночью я поеду назад в Питер и приеду на поезде. У меня

алиби, дорогая, – билеты с числом, моей фамилией, бортпроводники подтвердят, что я летела, как и проводник в поезде.

Вдали Саша увидела встречные огни, но они низко расположены, это легковая – не подойдет. Следом за легковой двигались огни выше, значит, там никто не пострадает. Не хотелось бы губить людей. Теперь не надо думать...

– А знаешь, я согласна умереть, – неожиданно сказала Саша. – Ради дочери, ради Алешки. Ладно, умру, но вместе с тобой, чтоб освободить их от такой гадины, как ты!

Саша долго готовилась, к последней своей фразе она отстегнула ремень и связанными руками упала грудью на руль, вывернув его влево. Машина Тамилы выехала на встречную полосу, у той глаза выкатились из орбит, потому что на них ехала машина... Саша вжалась в сиденье, зажмурилась, готовясь к удару. Может быть, ей повезет... Лишь бы не остаться инвалидом, лучше смерть... но так хочется жить... Тамила оттолкнула ее, Саша упала на дверцу со своей стороны.

И вдруг почувствовала, как резко повело автомобиль в обратную сторону. Да, Тамила опытный водитель, она сумела крутануть руль и увернулась из под грузовой машины в последнюю секунду... Да не совсем, грузовая задела зад, машина Тамилы крутанулась на дороге, сделав пару оборотов...

Когда машину ударило, Саша поняла: что-то тут не то, и открыла глаза. А они исполняют пируэты на дороге, все плывет... Некогда было испугаться! Авто Тамилы стало нырять в кювет, подружка завизжала, а Саша сползла вниз, съежилась и вместе с тем упиралась всеми частями тела куда только было можно. Всего один раз перевернулась машина и стала на четыре колеса, врезавшись в три березки. И врезалась-то частью, где сидела Тамила, которая страшно закричала.

А Саша ничего не чувствовала, абсолютно ничего. Пошевелила пальцами, плечами, с трудом вернулась на сиденье, но дверцу не смогла открыть – заклинило. Кто-то постучал в окно, Саша вскрикнула, увидев перепуганную рожу незнакомого мужика – это оказался водитель грузовой. С напарником они разбили окно и вытащили Сашу, она, почувствовав землю, вдруг так и села на пригорке, не имея сил держаться на ногах. Тамилу мужики не смогли вытащить, ее зажало покореженным железом, но она была живой и стонала от боли.

Подъехали какие-то мужчины, выяснилось, что они из правоохранительных органов, давно вели девушек и выжидали, когда те остановятся, чтобы взять Тамилу с поличным. Потом приехала машина

МЧС, стали распиливать железо.

Вскоре и Алексей с Иннокентием прибыли, вот тут Саша испугалась того, что не случилось, но могло произойти. Идти она не могла, ее трясло, слезы лились, но, кажется, уже от радости, при всем при том она рассказывала взахлеб о том, как выманила ее «подружка». Алексей отнес жену в свою машину, водитель грузовой принес ей горячего чая, а он отправился наблюдать, как вытаскивают Тамилу. Приехала «Скорая», негодяйку с повреждениями конечностей уложили на носилки. Как ни странно, ей крупно повезло – сломана нога и на второй ноге повреждено колено. Алексей подошел к ней, чтобы сказать напоследок:

– Жаль, что в нашем государстве не дают женщинам пожизненного срока. Но я приложу все усилия, чтобы ты получила по максимуму.

Потом вернулся к Саше и еще долго ее успокаивал, прежде чем отправиться к матери за дочерью. Там они узнали, что у отца инфаркт. Пришлось отвезти Ирину Федоровну в больницу, только потом приехали домой. Ника к этому времени спала, уложив ее, оба ужинали на кухне. Алексей заставил Сашу выпить рюмку коньяка, она даже не поморщилась, хотя крепкие спиртные напитки вообще не пила.

– Неужели все кончено? – проговорила она еле слышно.

Алексей подмигнул, сжав кисть ее руки, что означало: да.

* * *

Репетиция шла полным ходом, спектакль набирал, как уверял режиссер, но никто не знал, что набирал и где. Недовольная часть труппы, заглядывая в зрительный зал, выходила и плевалась, но так, чтоб никто не видел, а то донесут, и тогда... К сожалению, второго театра в городе нет. В близлежащих городах тоже нет. Однако понятие «близлежащий город» в данном регионе – это расстояние примерно как от земли до луны. И куда ж податься несчастному провинциальному актеру?

Пуншин делал замечания на сцене, бегал как ошпаренный, показывая, как нужно играть, кричал. Вдруг распахнулись центральные двери, по проходу через зрительный зал торжественно шли три человека.

– В чем дело? – взвился Пуншин, заметив их. – У нас репетиция.

– Репетиция отменяется, – сказал Иннокентий.

Он приехал за кроссовером, ну и не отказал себе в удовольствии посетить театр с весьма благородной миссией. Вот завершит красивым финальным аккордом историю и пустится в путешествие через полстраны

на машине домой работать дальше. Он много приобрел, многому научился, опыт классная штука. А Пуншин просто осатанел:

– Что значит – отменяется? У нас премьера через две недели...

– Вы задерживаетесь по обвинению в покушении на убийство актрисы театра Александры Бояровой, – громко объявил Иннокентий. – Три покушения... Премьеры долго не будет, лет десять. Руки вперед!

Ванжил защелкнул на запястьях режиссера наручники и хлопнул его по тощенькому плечу лапищей, дескать, двигай на выход. Актеры загалдели, мол, безобразие, неправда... И только Октавий Михайлович воздел руки к колосникам:

– Мельпомена, ты спасла наш театр от позора.

На следующий день в полдень к Геннадию Петровичу пожаловала делегация из тех, кто был за него на том собрании, парочки нейтралов и одного протестанта. Пожаловали на квартиру Анфисы, где пара изгоев паковала вещи, хозяйка впустила и демонстративно ушла на кухню. Бывшему главному, успевшему уволиться, расписали в красках арест Пуншина и... попросили вернуться в родные пенаты, которые раскаиваются и ждут его. Геннадий Петрович слушал, но не радовался столь скорому краху, теперь давят на жалость, унижаются, а он уже отрезал их, вырвал с болью из сердца. Он перестроился на новую волну, поставил перед собой новые цели с задачами, которые не хотел терять. Геннадий Петрович остался честен с ними:

– Не могу. Там, куда мы с Анфисой едем, вовсю идет работа, нас ждут. Не могу и не хочу подвести людей. И потом... действительно надо что-то менять. Всем. Режиссера вам назначат, а сейчас... извините, нам надо собираться.

Когда коллеги ушли, появилась Анфиса в спортивном костюме, уселась на подлокотник кресла, в котором полулежал Гена, и ультиматум ему:

– Не смей их жалеть. Вернешься – разведусь с тобой.

Геннадий Петрович взял ее руку, поглаживая, грустно сказал:

– И мы попадем в Книгу рекордов Гиннеса, как пара, прожившая в браке самый короткий срок – три дня. Нет, Анфиса, не вернусь. Не хочу больше играть роль благородного отца, надоело. Они выбрали, мы с тобой выбрали... на этом все. Слушай, вот уж не думал, что ты позаришься на меня, я же некрасивый.

– Ну и дурак ты, Гена. Знаешь, что у мужчины самое сексуальное? Ум. И когда он умеет быть человеком. Вставай, у нас до фига работы.

Ирина Федоровна на цыпочках вошла в одиночную палату, поставила сумку на стол и услышала:

– Я не сплю. Котлеты принесла?

Она оглянулась. Муж лежал на подушках с закрытыми глазами – и кто его принял бы за бодрствующего? Достав из сумки пластиковый контейнер с котлетами, Ирина Федоровна подошла кровати и поставила ему на грудь. Матвей Павлович открыл контейнер, наколол одну котлету на вилку и поморщился:

– Паровые! Я просил жареных.

– Ешь что дают. Меня привез Алеша, после больницы мы едем в парк. С сыном увидеться не желаешь?

– Позже, – пережевывая котлету, буркнул он.

– Ну, Матвей, никогда не уступишь, вот ни на йоту! Даже в больницу лег – лишь бы к сыну первому не идти на поклон.

– Пришла доканать меня?

– Бог с тобой. Я пришла спасти тебя от тебя самого.

– А ничего, что у меня инфаркт?

– Обошлось же. Конечно, поберечься нужно, но страшное позади, у тебя все хорошо, теперь сделай, чтобы хорошо стало всем.

Матвей Павлович отвел от нее взгляд и смотрел прямо перед собой, предположив, что его жене на ум опять пришла глупость. Морально он чувствовал себя очень хреново, абсолютно раздавленным. Когда из прожитой жизни отсекается ее важнейшая часть, ради которой, собственно, жил и трудился, хорошо чувствовать себя нереально.

– Ты меня слышишь? – спросила после паузы молчания жена.

– Слышу, – огрызнулся он. – Говори, что придумала?

– Твой сын сидит в машине, здоровьем твоим интересуется два раза в день, но в палату к тебе не рвется, сам понимаешь. Матвей, ты очень обидел Алешу, а тебя в ответ долбануло бумерангом. Ты свое получил, и теперь есть шанс все исправить. Я сказала Алеше, что ты хочешь его видеть. Или не хочешь?

Не потому он молчал, что не хотел видеть сына, нет, конечно. Просто припомнил... сколько отдал любви чужому ребенку и не додал родному – его просто черти водили! Первенец – это всегда надежда на свое второе «я», понимающее и продолжающее путь отца, этого не произошло. Матвей Павлович поздно поняв, что старший сын, которого он жалел, вырос в

никчемного прожигателя трудов отца, а с Алешкой к тому времени установился дисбаланс. Всего минута понадобилась, чтобы увидеть эти постыдные эпизоды, точившие его душу, надрывающие сердце. Он не смог распределить духовные силы на двоих, а должен был, обязан был, но не смог.

– Отдай Алеше бизнес, – советовала, нет, настаивала жена. – Ты немолодой, болен, хватит работать, о здоровье думай. Алешка справится лучше тебя, он умнее. А потом, когда наберешься смелости, попросишь у него прощения. И ты свободен от себя же.

– Ладно, зови Алешку.

– Он не один. С Сашей, Никой и Мариком. Марик будет жить с нами, я так решила. Нельзя же из-за подонка-отца лишать его бабушки с бабушкой и ломать ему жизнь, он тоже твой бумеранг. Я зову всех?

А он и рад толпе. Сейчас наладить бы хоть как-нибудь контакт, чтоб само собой, а позже... там видно будет. Они вошли и... получилось, как он хотел: будто между ними не пролегла черная полоса. Но это не его заслуга, опять не его. Алексей держал на руках очаровашку с беленькими косичками, Марик подлетел к нему и обнял, красавица Саша улыбалась. Матвей Павлович втайне обожал внучку, ведь жена привозила ее в особняк, сейчас попросил, чтобы ее посадили на кровать. Малышка тут же наклонилась к нему и шепотом спросила:

– Дед, у тебя есть конфета?

– Нету. – Она обидчиво оттопырила нижнюю губу, а все рассмеялись, дед заверил Нику: – Обещаю, в следующий раз запасусь конфетами.

– Дед, малышам конфет не дают, ты не знаешь? – сказал Марик.

У него не было двух верхних зубов, выглядел он смешно. Матвей Павлович возненавидел Роберта, не желал слышать о нем, но не мог перенести и части ненависти на Марика. Однако следовало и делами заняться, теперь его очередь сделать шаг навстречу:

– Алексей, возвращайся на работу. Займешь мое место.

Сын явно не ожидал резкого поворота, немного потерялся:

– Я как-то не думал... Папа, я обещал семье отдых в горах.

– Ты же не хочешь, чтобы наш бизнес растащили? – убеждал отец. – Потерять легко, а восстановить почти невозможно.

– Знаешь, Алеша, – вступила в диалог Саша, – нам и дома хорошо, а лыжи и коньки в выходные устроим. Ты должен помочь отцу, он поправится и вернется...

– Нет, Саша, – сказал отец, – уже не вернусь. Я не смогу работать в полную силу и, признаться, не хочу. Устал.

В общем, договорились, на этом этапе достаточно. Ирина Федоровна отправила всех в парк, сама решила остаться, подседа к мужу:

– Ну? Корону снял, и ничего, голова не отвалилась? Я рада, что Алешка у нас вырос настоящим мужиком, к тому же умеющим прощать.

– Ну, это благодаря тебе, – признал наконец Матвей Павлович ее заслуги. И на том спасибо. Она тоже умела прощать, хотя это и нелегко ей давалось.

Поскольку планы резко изменились, а до Нового года остались считанные дни, следовало позаботиться об организации праздника. Саша начала со звонков в салоне автомобиля:

– Дед Мороз? Это Саша... Да, та самая... Нет, со Снегурками покончено. Хочу пригласить вас к двум деткам... Конечно, 31-го... Да, устроит. – Саша кинула в сумочку смартфон и объявила: – Дед Мороз обещал приехать! Теперь столько подарков надо купить... Изабелле, Милке, доктору... Помнишь, доктора?

– Ему купим бутылку чая с пятью звездочками, – бросил Алексей, выезжая на проспект. – Я не смогу тебе помогать, с завтрашнего дня приступаю к обязанностям главы холдинга. Но ты справишься, это же приятные хлопоты.

– Конечно, – улыбалась Саша.

Марик на заднем сиденье кричал «ура!» на все лады, радуясь Деду Морозу, Ника там же дулась из-за конфеты, которую ей не дали. Алексей был доволен – Саша это видела и радовалась, что отец с сыном помирились, не хотелось ей и в следующем году остаться яблоком раздора.

– Иннокентий звонил, едет назад, – сказал Алексей через паузу. – Пуншин дал показания, правда, уверяет, что Радий не принимал участия в покушениях на тебя, я почему-то не верю ему. Просто боится получить большой срок за групповой сговор.

– Не знаю... Радик дрянной человек, но на убийство пойти... нет, не из тех он, кто рискует. И ради чего?

– Но он пытался открыть твою примерку... Ладно, черт с ними со всеми, поскорей бы забыть их. Саша, я пригласил Иннокентия и Никиту на субботний ужин. Надо заказать в ресторане...

– Еще чего! Ты же к нам пригласил их? Я сама приготовлю.

Подъехали к парку, стали выгружаться. А денек... много снега, солнца и улыбок на лицах людей.

В тот же час в банальной тюремной больнице на неудобной койке

лежала Тамила. Она шла на поправку, правда, кость плохо срасталась, остальные травмы заживали кое-как. Тамила смотрела в потолок, закинув руки за голову, и думала, где она ошиблась, почему у нее этот результат, а не другой? Ведь все было просчитано! Она думала об этом каждый день и каждый день не находила ответа.